

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ**

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ

Вып. X (1970 год)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Б. А. ЛИТВИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Б.А.Литвинский

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 1962-1970 гг.
(Некоторые итоги и проблемы)

В 1954 г. был начат выпуск ежегодников, освещавших ход экспедиционных археологических исследований на территории Таджикской ССР. Он был прерван в 1962 г. по независящим от сектора археологии и нумизматики Института истории им. А.Дониша обстоятельствам. Всего увидели свет девять выпусков (содержание их раскрыто в приложенном в конце указателе). Настоящий, десятый, выпуск продолжает эту серию.

В связи с длительным перерывом сектор считал необходимым, чтобы в статьях начальников отрядов и групп были освещены, хотя бы суммарно, в хроникальном порядке, и работы предшествующих лет. Однако многие группы и отряды, работавшие в предыдущие годы, в 1970 г. работ не проводили и никак не отражены в отчетах, публикуемых в данном ежегоднике. Поэтому в вводной статье значительно более детально говорится именно о таких работах, и лишь упоминаются те, содержание которых раскрыто в последующих статьях сборника.

В 1962-1970 гг. археологические работы в Таджикистане проводились в составе единой Таджикской археологической экспедиции (начальник - А.М.Беленицкий, заместитель начальника - Б.А.Литвинский). В экспедиции участвовали Институт истории им. А.Дониша АН ТаджССР, Ленинградское отделение Института археологии АН СССР и Государственный Эрмитаж. Работы охватывали всю территорию республики. Функционировали следующие основные отряды:

1. Отряд по изучению памятников каменного века (начальник - В.А.Ранов).
2. Джно-Таджикистанский отряд (начальник - Б.А.Литвинский, заместитель - Т.И.Зеймаль).
3. Северо-Таджикистанский отряд (начальник - Н.Н.Негматов).
4. Пенджикентский отряд (начальник - А.М.Беленицкий, заведующий Пенджикентской базой - А.Исаков).
5. Верхнезеравшанский отряд (начальник - В.Якубов, научный руководитель - Б.Я.Ставиский).
6. Памирский отряд (начальник - А.Бабаев).
7. Отряд по изучению памятников горного дела (начальник - М.А.Бубнова).

Большой размах строительных и ирригационных работ на территории республики привел к необходимости обследования и раскопок памятников в зоне строительства и затопления. Из работ такого рода особо следует отметить работы крупных специальных отрядов в зоне затопления Нуракской ГЭС (В.А. Ранов, А.Исупов); зоне строительства в Яванской долине (Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль, А.Исупов, В.С.Соловьев и др.); в зоне строительства в Шаартузском районе (Т.Атаканов); раскопки крепости Сарвада (Ю.Якубов) и т.д. В составе отрядов и вне их создавались самостоятельные группы, иногда проводившие большие по объему работы. Эти группы возглавляли Т.Атаканов, З.Гулямова, Х.Мухитдинов, В.С.Соловьев и другие сотрудники сектора археологии и нумизматики.

Хронологически же работы велись в диапазоне от палеолита до позднего средневековья¹.

Руководителем всех работ в области каменного века является В.А.Ранов.

В 1963 г. закончены длительные (1959-1963 гг.) раскопки многослойного навеса Ак-Танги, расположенного на высоте 2300 м в зоне хвойных лесов Туркестанского хребта². Ввиду того что вся площадь раскопа глубже 3-х метров была занята огромными многотонными глыбами, последний, начиная с глубины 8 метров, продолжался отдельными участками, сужившимися в конце исследований до щурфа. Скальное дно навеса появилось на глубине 14 метров. Почти пятнадцатиметровая толща навеса содержала 12 стратиграфических горизонтов, ох-

вавшиеся период от средневековья до мезолита. К сожалению, нижние 8 культурных горизонтов, относящиеся к неолиту и мезолиту, дали очень небольшое количество археологических находок. В наивесе получена серия радиоуглеродных дат³.

Осенью 1963 г. начались раскопки поселения гиссарской культуры у кишлака Туткаул в 12 км от Нурека. Памятник попадал в зону затопления строящейся Нурекской ГЭС и много летние раскопки фиксируются строительством.

В 1964 г. отряд по изучению каменного века ТАЭ закончил исследования палеолитического местонахождения Карабура в Вахинской долине (1959-1964 гг.). Коллекция, собранная здесь, насчитывает около 8000 экземпляров. Выявлена новая оригинальная фауна среднего палеолита, получившая название мустьерио-соанской⁴.

Проведены сборы мустьерских орудий вблизи кишлака Семиганч⁵, а также обследование крупной гиссарской стоянки Кухна-Бай на Кафирнигане, открытой еще в 1960 г. В 1965-1969 гг. проводились работы в Туткауле. Раскопки этого объекта являются самыми крупными по своим масштабам раскопками памятника каменного века в Средней Азии. Достаточно сказать, что общее раскопочное время за 6 полевых сезонов составило 22,5 месяца. Общая площадь раскопа 2500 м², не считая 15 шурfov и траншей, которые оконтурили культурный слой поселения, охватывающий примерно 1 га. К каменному веку относятся 2 горизонта мезолита и 2 неолита - гиссарской культуры (у 1 тыс. до н.э.). Коллекция, полученная из них, насчитывает 50 тыс. экземпляров. Появилась возможность говорить о генезисе гиссарской культуры, о ее вероятной хозяйственной базе (скотоводство и, возможно, зачатки земледелия), сделаны первые антропологические находки⁶. Параллельно в 1965-1970 гг. А.Есупов проводил раскопки аналогичного памятника - Сайд, расположенного в 1,5 км восточнее, и разведки вверх по Вахну?

В 1968 г. во время разведочного маршрута открыта первая в Таджикистане многослойная верхнепалеолитическая стоянка Шугноу, результаты раскопок которой публикуются В.А. Рановым в настоящем выпуске. Следует специально упомянуть разведки, проведенные в составе Нурекского отряда кулябским

краеведом Г.Ербобаевым, который обнаружил ряд новых гиссарских точек вдоль хребта Себистой от киблака Яхсу до Кенгурта, а также открыл целый ряд пещер и гротов. Одна из пещер, Огзи-Кичик у киблака Шармар, подверглась раскопкам (1969-1971 гг.), которые принесли много интересных материалов. Им же в местности Мулло-Нияз на правом берегу р.Яхсу найдена богатая стоянка гиссарской культуры, где собрана очень большая коллекция превосходно выполненных нуклеусов. Есть основания предположить, что стоянка Мулло-Нияз будет относится к следующему за Туткаулом этапу развития гиссарской культуры.

Основным итогом исследований памятников каменного века за отчетный период явилось то, что впервые для Средней Азии на ограниченной территории (Таджикская депрессия) выявлен ряд последовательных этапов каменного века, развивающихся начиная с мустьевского времени (Кара-Бура, Семиганч, Огзи-Кичик) и далее через верхний палеолит (Шугноу), мезолит (Шугноу, Туткаул) к ранним стадиям гиссарской культуры (Туткаул, Саёд) и далее - к поздним (Куй-Булен, Мулло-Нияз, Кухна-Бай). На повестке дня теперь стоит детальное исследование материала, полученного в результате этих работ. Проводились дальнейшие исследования в области определения геологического возраста палеолита, которые осуществлялись В.А.Рановым при координации с геологами С.А.Несмайновым и А.А.Нижиновым⁸. Продолжались публикации, посвященные работам на Восточном Памире⁹. В секторе также началось подробное типологическое изучение палеолитических коллекций Средней Азии и Таджикистана¹⁰. Продолжали изучаться связи между культурами каменного века Средней Азии и прилегающих территорий¹¹. Коллекция каменных орудий из Туткаула подвергнута Г.Ф.Коробковой детальному трапсологическому анализу.

Специальных исследований в области изучения наскальных изображений в Таджикистане не проводилось. Вместе с тем поступали сведения о новых пунктах с рисунками, выбитыми на скалах и отдельных валунах. Такие пункты обнаружены в Ягионбе (А.Хромов, А.Мухтаров, А.Давыдов), на южных склонах Гиссарского хребта - у киблака Зидда¹², на скалах Карагетинского хребта¹³. Далее рисунки отмечены у перевала Хабурабед (И.Горбаток) и уже в долине Пянджа у киблака Егид¹⁴.

Во время раскопок в Шугноу в 1970 г. скалькованы рисунки с валуна у подножья вершины Хазрети-Ша на высоте 3500 м над уровнем моря.

На Западном Памире ряд новых пунктов указан А.В.Гурским¹⁵. М.М.Пахомов передал археологам фотографии наскальных рисунков из Западного Пиштакта (ущелье Саллы Мудло), так же на Восточном Чамире. Интереснейшие изображения колесниц открыты геологом В.П.Булиным в долине Северная Ак-Дильга (на высоте 3800 м).

Работы по бронзовому веку проводились на территории Южного Таджикистана. Еще в начале 50-х годов А.П.Окладников обнаружил в Бинкентской долине очень ранние могильники. Одновременно В.А.Ранов и я нашли аналогичные могильники в низовьях Кызыл-су и Вахма. А.М.Мандельштам раскопал во второй половине 50-х годов два таких могильника в Бинкентской долине - Тулхарский (вскрыто 75 могил эпохи бронзы) и Аруктауский (раскопано 13 ранних погребений). Материалы опубликованы с детальным исследованием А.М.Мандельштамом¹⁶. В 60-е годы были развернуты раскопки могильников бронзового века в низовьях Кызыл-су и Вахма. Под моим руководством здесь работало несколько раскопочных групп, которые возглавлял преимущественно Х.Мухитдинов. Хроника этих работ такова: в 1961 г. раскапывался могильник Вахи I; в 1962-1963 гг. - могильник Макони-Мор (низовья Кызыл-су); в 1963 г. - начаты раскопки могильника Тигровая Балка; в 1964-1965 гг. проводились раскопки могильников Тигровая Балка, Айкуль, Жаркуль (все в низовьях Вахма); в 1967 г. - были завершены раскопки могильников Тигровая Балка и Айкуль. Общее количество раскопанных курганов достигло 240¹⁷. Инвентарь включает бронзовые (зеркала, кинжалы, "бритвы" и др.), каменные (наконечники стрел, наконечники булав), kostяные (наконечники стрел) и пастовые изделия, а также керамику. Только последняя категория находок является массовой - серия включает 260 сосудов (80% их являются лепными), в которых удалось выделить 15 типов (не считая индивидуальных форм). Погребальные сооружения необычайно разнообразны, но почти всегда с четко выраженным намогильным сооружением. Исключительный интерес представляют курганы могильника Тигровая Балка с круговой оградкой из небольших колец, под ко-

торыми оказались зольно-угольные скопления - следы "огненного барьера" при (или после?) погребения. Возможно, представления об "огненном барьере" контактирувались с представлениями о погребальном огне как средстве, помогающем душе покойника достичь обиталища богов, а намогильные сооружения рассматривались как основание "жертвенного столпа", погребальный инвентарь и пище - как жертвы богам. Радиоуглеродный анализ дал для этих погребений дату: 3850 ± 60 , т.е. около 1400 г. до н.э.¹⁸ Курганы вахшской культуры содержали захоронения в виде скорченных трупоположений. Похороненные здесь люди относились к восточной ветви долихокраний средиземноморской расы и необычайно близки по своему антропологическому облику к населению Южной Туркмении эпохи поздней бронзы¹⁹.

Материальная культура населения, оставившего могильники вахшской культуры, очень близка к культуре южнотуркменистанских поселений типа Намазга VI. Особенно ярко это видно на керамическом материале, хотя ваханская керамика более грубая и значительно большая часть ее, по сравнению с южнотуркменистанской, лепная. В связи с этим можно была высказана гипотеза: в результате воздействия ряда факторов, в том числе, возможно, и естественно-географических, в начале периода Намазга VI какая-то довольно крупная группировка из восточного окончания ареала расселения земледельческих культур начала передвигаться на восток. "Значительная часть их проникла в бассейн рек - притоков Пянджа-Аму-Дарья, другие ушли на юг - в Афганистан"²⁰, причем часть их, перенесенная к скотоводческому образу жизни, оставила могильники, другие, сохранившие земледельческий образ жизни - поселения. Новые открытия, сделанные в Юном Узбекистане (работы Л.И.Альбаума, А.Аскарова и Г.А.Пугаченковой)²¹, особенно проводимые А.Аскаровым раскопки Сапал-Тепе, и в Северном Афганистане (работы В.И.Сарканиди)²² с одной стороны подтвердили эту гипотезу, с другой - потребовали внесения в нее значительных коррективов.

Сейчас ее можно сформулировать следующим образом. Распространение позднеаинусских племен в указанных выше направлениях произошло не в начале периода Намазга VI, а значительно раньше - в период Намазга V (или конца Намазга IV).

Придя на территорию Бактрии, эти племена первоначально продолжали сохранять присущий им хозяйственно-культурный облик. Этому способствовало наличие сходных экологических условий. Поселения с традиционной сырцовой архитектурой, экономика, основанная на первобытном орошаемом земледелии со значительным удельным весом скотоводства, высокий уровень ремесла, в частности гончарстве, изделия которого развивают и варьируют "вакуские" традиции, - вот что характерно для первобытно-земледельческого населения Бактрии. Облик духовной культуры также, первоначально, сохранился прежним. Однако полного тождества экологии не было, к тому же пришельцы находились не в вакууме: они подвергались воздействию культуры местного субстратного населения, а также степняков, и смешивались с ними. В результате происходили медленные, но достаточно серьезные изменения как в производстве, так и в культуре и идеологии. Характерно появление катакомбных погребений под полами домов, ритуальных захоронений домашних животных.

Часть населения продолжала расселяться, в частности большие группы продвинулись еще далее на восток. Попадая в неблагоприятные для ведения первобытно-земледельческого хозяйства экономические условия, они переходили к преимущественно скотоводческому хозяйству. Такой переход облегчался постоянными контактами со степняками. У этой группы пришельцев (она представлена могильниками Южного Таджикистана) произошли определенные изменения не только в хозяйственном укладе, но и в ремесле, в частности вырос удельный вес керамики ручной работы (по формам, деталям и приемам отделки, характеру керамического теста и обжигу неотличимой от гончарной посуды).

Выявлено несколько хронологических и этнографических групп населения. То, что мы назвали вахшской культурой, - это очень четко определяемая группа с гомогенной материальной и духовной культурой. По-видимому, носители ее жили и на территории низовьев Кафирнигана, и из бишкентской культуры (которая в том виде, как она сейчас определяется, является гетерогенной) следует выделить ту часть материалов, которая происходит из аналогичных с вахшскими погребений.

На юге Таджикистана во второй половине II тыс. до н.э. соседствовали и племена, генетически связанные с анаусами, и пришлые "степные". Памятником степной бронзы в Вахшской долине является раскопанная В.С.Соловьевым двухслойная стоянка в совхозе им. Кирова, в 12 км на восток от г.Курган-Тобе. Нижний слой, керамика которого обнаруживает определенное сходство с тазабагъябской, может датироваться сер. II тыс. до н.э., верхний слой - концом II - нач. I тыс. до н.э.²³. Кроме того, фрагменты керамики "андрововского" облика В.А.Ранов нашел в южной части Вахшской долины, вблизи пос. Джиликуль, а А.Эсупов - в Саёде, вблизи Нурека. Таким образом, в Вахшской долине одновременно существовали этнические группы со степной и с вахшской материальной культурой. В керамике племен бишкентской и вахшской культур влияние степной традиции ничтожно. Что касается обряда, в частности катакомбных скорченных погребений, то их теперь нашли на Салал-Тепе. Логичное продолжение - в ката комбах вахшской культуры; вместе с тем многие детали указывают на влияние погребального ритуала степняков. В этом же направлении "работает" находка на Саксан-Охуре сосудов, связанных с двумя разными традициями²⁴. Инфильтрация степных племен, как мне представляется, была значительной. Они вошли в состав носителей вахшской и бишкентской культур, что наложило сильный отпечаток на облик этих культур.

В своих работах я уже останавливался на вопросах, связанных со значением открытия бишкентской и вахшской культур для арийской проблемы²⁵. Новейшие публикации могильников долины Свата и прилегающих территорий²⁶ усилили возможности (во многом намеченные мною еще в статье 1967 г.)²⁷ для установления корреляций между бишкентской и вахшской культурами с одной стороны и синхронными культурами Свата с другой - эти группы культур имеют, по-видимому, общие истоки. Следует также вновь подчеркнуть значение поселений и могильников Северной Бактрии для решения сложнейшей проблемы происхождения иранцев, в частности восточных иранцев. Дело в том, что материальная культура могильников вахшской культуры (об этом я также уже писал) может быть "подстилающим слоем" для культур, непосредственно предшест-

вующих восточно-иранским культурам ахеменидского времени. Таким образом, древнебактрийская культура в своих истоках связана с бактрийскими культурами эпохи поздней бронзы. Это может трактоваться как аргумент и в пользу этнической (и языковой) преемственности.

Из вновь исследованных памятников раннегородского века следует отметить открытое и раскопанное Х.Мухитдиновым поселение в районе могильника Макони Мор²⁸. В 1962 г. Т.И.Зеймаль произвела раскопки на Балдай-тепе, в основании которого было вскрыто четыре горизонта, относящихся к двум периодам - "Нижний Балдай I" и "Нижний Балдай II". Хронологически это У-Ш вв. до н.э. Раскопки на Балдай-Тепе не только значительно расширили представления о материальной культуре стадии Кобадиан I, в частности дали материал для выделения этапов, но и позволили сделать заключение о наличии в то время в Вахшской долине больших ирригационных каналов²⁹.

Интенсивно изучались памятники эпохи развитой античности. Наибольшее значение имели работы на Саксаюхуре, проведенные в 1966-1967 гг. под моим руководством Х.Мухитдиновым³⁰. Здесь впервые на территории Средней Азии открыты остатки дворцово-храмового комплекса греко-бактрийского времени. Помещения этого дворца располагались вокруг центрального двора, обнаруживая явное тяготение к перистильной схеме. Планировка комплекса, архитектурно-строительные приемы и решения, каменные детали показывают, с одной стороны, близкое сходство с западно-эллинистической архитектурой, с другой - демонстрируют один из этапов развития среднеазиатско-эллинистической архитектуры с характерным для нее переплетением и взаимопроникновением местных и собственно-эллинистических элементов. Раскопки неподалеку расположенного ремесленного квартала дали четыре последовательных слоя, нижний из которых относится к греко-бактрийскому времени, верхний - к позднекушанскому. В керамических печах и их отвалях обнаружено большое количество керамики, терракот и формы для их изготовления. Стратиграфические наблюдения в Саксаюхуре имеют не только узко-локальное значение, но и важны для анализа комплексов для всего юга Средней Азии. Значение раскопок в Саксаюхуре

особенно возрастает при сопоставлении с раскопками французских археологов под руководством П.Бернара в Ай-Ханум, в Афганистане, на противоположном берегу Пянда, всего в нескольких десятках километров от Саксаохура. Проблемы среднеазиатского ахеменизма не могут теперь рассматриваться без учета материалов раскопок этих памятников.

Хронологически к материалам Саксаохура примыкают, частично перекрещиваясь, материалы из верхнего слоя яванского поселения Тамошо-тепе (см. о них отчет А.Бусупова и В.С.Соловьева в этом сборнике). Материалы же другого яванского поселения - Гарав-Кала, смыкаясь с саксаохурскими, значительно пополняют наши знания в области развития материальной культуры в кушанское и позднекушанское время.

При проведенных под руководством автора в 1963-1966 гг. раскопках на Яванском городище была вскрыта большая площадь и получен огромный материал, над обработкой которого работают Т.И.Зеймаль и автор³¹. Основные пять раскопов (площадью ок. 800 м²) были заложены на цитадели. Судя по данным раскопок, есть основания предполагать, что в последний период застройку составляли отдельные, связанные между собой, группы помещений (по 3-5 в каждой группе), близко расположенные друг к другу, разделенные узкой улочкой (до 1,5 м шириной) или переулком-туником. Постройки скорее всего были двухэтажными: нижний этаж состоял из хозяйственных помещений (именно они и были раскопаны), верхний - собственно жилой - почти не сохранился.

Большое количество находок, относящихся к последнему периоду жизни на цитадели, характер их залегания указывает на то, что эта часть городища оставлена жителями внезапно.

Среди находок обращает на себя внимание, в первую очередь, обилие керамических сосудов целых и археологически целых (раздавленных) из так называемого "уровня свалки", который принимается нами за остатки второго этажа.

Весьма разнообразен ассортимент столовой посуды, отличающейся к верхнему жилому горизонту Яванского городища. Она изготовлена из высококачественной глины тонкой отмушки, на гончарном круге, прекрасного обжига. Поверхность многих форм покрыта ярко-красный плотный ангоб, поверх которого

иногда нанесены полосы и сетка лощения. Для украшения сосудов широко использовался штамп с изображением растительных, геометрических узоров, налепы (на стенах сосудов и ручках). По форме – это кувшины (одноручные, двухручные, без ручек, типа энохон); различные варианты бокалов; кубков-чаш; глубокие миски с широким отогнутым краем и вертикальными ручками, прикрепленными к нему. Каждая форма сосудов дает много вариантов.

Кроме керамики в слое, относящемся к последнему строительному этапу на цитадели, были найдены изделия из кости (проколки с резными фигурными навершиями, игральная kostь с обозначением на каждой грани очков, стрелка, фигурка животного и др.), амулеты из гагата и камня, металлические украшения и изделия (подвески, кольца, проколки, браслеты, сосуды), терракотовые фигурки животных, всадников на лошади, головки двух терракотовых образцов; в большом количестве в раскопах встречались пряслица, изготовленные из глины, камня, черепков.

Для датировки кроющего слоя Яванского городища решающее значение имеют находки монет (свыше 20 экз.). Наиболее поздние монеты, найденные в этом слое, принадлежат к числу так называемых "позднекушанских" и представляют собой антаграфные подражания медному чекану Васудевы (при существующих колебаниях в кушанских абсолютных датах время их выпуска определяется от второй половины II в. до первой половины I в. н.э.). Примерно ту же дату дают медные монеты "Канишки II" (с изображением на оборотной стороне сидящей богини Ардохно) и подражания им, также найденные в рассматриваемом слое.

Раскоп II после того, как был пройден кроющий слой, был превращен в стратиграфический. Материк (светло-желтый лёсс с обильными включениями мелкого галечника) был достигнут в XXI ярусе (современная дневная поверхность – XI ярус, т.е. фактическая глубина раскопа – 10 м). Всего в процессе раскопок – от дневной поверхности до материка – было зафиксировано десять стратиграфических горизонтов. По соотношению со строительными остатками и анализу находок (в первую очередь, керамики) эти десять горизонтов были объединены в шесть периодов.

Три верхних стратиграфических горизонта составляют I период (считая сверху) и соответствуют кроющим слою, уже рассмотренному выше. II период ("У стратиграфический горизонт") был вскрыт на всей площади раскопка (ок. 150 м²) и дал остатки нескольких помещений, дворища и "переулка". Сохранившаяся высота стен - до 1 м, стены помещений - с остатками ганчевой штукатурки. В полы трех помещений были вкопаны (до горла или до середины высоты) хумы. В качестве датирующих этот период находок могут быть названы медные куманские монеты "сотера мегаса", Каники и Васудевы, а также в слое, подстилающем здание периода Яван-I оттиск на керамическом фрагменте штампа с погрудным изображением кумано-сасанидского правителя Хормизда. По "ранней" куманской хронологии эти находки датируют слой серединой II в.н.э., по "поздней" - концом IV в.

III период ("У стратиграфический горизонт"), вскрытый на всей площади раскопа, также дал остатки помещений (сохранившаяся высота стен - 0,6-0,8 м) с очагами и хумами. Но находки, связанные с этим слоем, немногочисленны. Остатки помещений были плотно забутованы, так как непосредственно служили "фундаментом" для зданий II периода.

IV период ("Уа и УІ^б стратиграфические горизонты") был вскрыт в южной половине раскопа. Остатки помещений этого периода (стены из сырцового квадратного кирпича и из пахсы) и находки в них датируются двумя медными монетами - "речийскими" подражаниями чекану Гелиоклея. (Следует заметить, что еще одна такая монета была найдена весной 1963 г. на раскопе I, в слое I периода, вместе с более поздними монетами, что свидетельствует о ее переотложности.) Время выпуска этих монет датируется В.М.Массоном I в. до н.э. Не ранее этого времени и следует датировать IV период, но более позднюю дату (например, I-II вв. н.э.) также нельзя исключить.

У период (УП и УШ горизонты) связан с остатками построек только в северо-восточном углу раскопа. Остальная вскрытая площадь, по-видимому, представляет собой остатки дворища (во всяком случае, незастроенного пространства). Непосредственно рядом с остатками построек была защищена яма сложной конфигурации (ступенчатая, с "подбоем"), про-

резавшая ниже лежащие слои и частично впущенная в материк. В этой яме обнаружены фрагменты крупного хума с процарапанной до обнажения греческой надписью (имя СОХРАНИС). К у периоду относится находка бронзового наконечника стрелы. Предположительно (по стратиграфическим условиям и керамике) слой У периода может быть датирован I в. до н.э., однако, возможно, более детальная классификация керамики (ведущая форма - "бокалы с колоколообразным туловом") несколько изменит эту дату.

Нижний пол У периода подстилает мощный (до 1,8 м) пласт зольсто-гумусных наложений с обильными включениями угля, костей, керамики, перекрывающий более плотный слой (до 0,7 м) непосредственно над полом VI периода. Между полом VI периода и материком - тонкая прослойка культурного слоя (возможно, результат выравнивания поверхности "материка"). Керамические остатки из зольсто-гумусного слоя VI периода по ассортименту форм мало отличаются от керамики У периода; находки в прослойке непосредственно над полом VI периода немногочисленны. Датировка нижнего, VI периода, зависит, таким образом, от даты У периода, несколько предшествующей ей. Учитывая мощность зольника над разрушенными остатками стены (сохранившаяся высота - до 0,5 м), можно предположить разрыв между У и VI периодами не менее полувершины. Дата нижнего слоя (II-I вв. до н.э.) и его выделение как наиболее раннего могут быть распространены на всю площадь "цитадели" только с учетом того, что вскрыт был слой VI периода на сравнительно небольшой площади - около 16 м².

За пределами цитадели и основной части городища разные слои обнаружены не были. Как показали несколько шурfov, заложенных к северу и западу от цитадели, в их пределы попали остатки построек одного периода, возведенные на разрушенном материковом слое. Керамические находки, строительная техника позволяют считать эти постройки одновременными последним двум периодам жизни на цитадели. Таким образом максимальных своих размеров Яланское городище достигло к концу своего существования. Тогда же его территория была обнесена городской стеной, сложенной из крупных пахсовых блоков, укрепленных в основании стены большими камнями. Здесь же были раскопаны погребальные сооружения своеобразной конструкции.

В Северном Таджикистане наиболее важные материалы для эпохи античности были получены при раскопках Е.Д.Салтовской двух рядом расположенных памятников Тудам Хурд и Тудам Ка-лон (Антский район) ³². Значение полученных здесь комплексов очень велико в нескольких отношениях. Прекрасная стратиграфия дает возможность представить облик и эволюцию строительного дела и архитектуры, керамики и некоторых других категорий материальной культуры (да и хозяйства в целом) на протяжении четырех-пяти столетий, вплоть до VI-VII вв. н.э.

Уже приходилось указывать ³³, что керамика античных могильников (некоторые из них находятся в непосредственной близости к этим поселениям), принадлежа к кругу ферганской керамики, вместе с тем обнаруживает явственные черты сходства с керамикой Ташкентского оазиса. Это наблюдение вполне относится и к керамике античных поселений. Несмотря на определенное своеобразие, керамические комплексы античных поселений, взятые в их стратиграфической последовательности, несомненно являются ключевыми для исследования эволюции ферганской керамики первой половины — середины I тыс. н.э., в том числе красноангобированной ³⁴. Наконец, с социально-экономической точки зрения исключительно интересно и важно ярко запечетленное в памятниках Антского района сочетание памятников оседлого населения и могильников кочевников и полукочевников. Дело в том ³⁵, что скотоводческо-земледельческое хозяйство ферганских предгорий было тесно связано с оседло-земледельческим хозяйством равнинной Ферганы, образуя общий хозяйствственный комплекс. Обмен продуктами между этими двумя хозяйственными зонами имел большое значение. Но взаимоотношения не ограничивались обменом, а принимали различные формы. Еще большее значение имели взаимоотношения с городскими центрами: здесь происходил обмен товаров сельского и городского происхождения. Города и укрепленные городские поселения являлись резиденцией местных правителей, центрами государственного управления и оплотами государственного гнета. Вместе с тем, они являлись средоточием ремесла и оседлой культуры.

Итак, для Ферганы древности и раннего средневековья характерно тесное переплетение различных хозяйственных укладов, носителями которых были горожане, оседлые земледель-

цы, оседлые и полукочевые жители предгорий, кочевые племена. Можно думать, что столь же неодинаковыми были и социально-экономический строй различных частей Ферганского населения.

Экономика народов и племен, населявших древнюю и средневековую Фергану, полностью подтверждает положение К.Маркса: "У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории обще соотношение между оседлостью одной части их и продолжавшимся кочевничеством другой части" ³⁶.

Кроме того, раскопки производились на ряде других античных поселений. Так, Э.Гулямова в 1967 г. производила раскопки на городище Катор-тепа, в 1968 г. - на городище Чим-Курган в Гиссарской долине. Был получен обширный керамический комплекс. Х.Мухитдинов в 1967 г. изучал античный памятник в восточной части Пархарского района - Гамбашид. Т.И.Зеймаль и Е.В.Зеймаль в 1962 г. выявили комплекс "Верхнего Балдая" (Вахшская долина), причем в пределах шурфа был обнаружен клад медных позднекушанских и кумано-сасанидских монет ³⁷. В 1967 г. Е.В.Зеймаль проводил раскопки на городище Клыч-Дувал, Ак-тепа в двух безымянных городищах (южная часть Бишкентской долины). На Клыч-дувале были открыты хозяйственные помещения с двумя базами в центре (верхний слой). Комплекс датируется кумано-сасанидскими монетами - сер. II века н.э. Ниже - еще два слоя, но без датирующих находок. На Актепе был заложен шурф, выявивший два строительных периода. В верхнем - остатки помещения и базы из мергелистого известняка. Нижний слой датирован монетой Каниши. При разведках Х.Мухитдинова в Пархарском районе, Т.И.Зеймаль - в Вахшской и Яванской долинах, Т.Атаханова и Э.Гулямовой - в Гиссарской долине выявлено несколько десятков ранее неизвестных поселений античной поры.

Производились также раскопки могильников. Из них особо следует упомянуть раскопки на могильнике Туп-хона, осуществленные под руководством автора группами, возглавляемыми М.А.Бубновой, Э.Гулямовой и В.С.Соловьевым (1960-1961, 1969 и 1971 гг.). Работы явились продолжением известных исследований М.М.Дьяконова ³⁸ и позволили не только выкопать значительно более обширный материал, но и дополнить и изменить ранее сделанные заключения и выводы ³⁹. В Ишка-

нимском районе А.Д.Бабаев в 1962 г. раскопал могильник Чильхона со скорченными погребениями позднесакского времени. Этими было документально засвидетельствовано проникновение сакских племен на Западный Памир, причем они явились одним из древнейших пластов памирского населения⁴⁰.

Было сделано немало отдельных находок эпохи античности, причем некоторые из них имеют серьезное историко-культурное значение. Таковы, например, великолепные кушанские каменные капители из Шахринау (опубликованы А.Мухтаровым)⁴¹, бронзовый сосуд из окрестностей Ленинабада, определенный как кратер неоаттического типа, близкий луврской вазе Соссия⁴² и др.

Несмотря на сравнительно большой размах работ по изучению археологических памятников древности, многие проблемы и вопросы все еще остаются нерешенными.

Основные силы и материально-финансовые ресурсы, как и в предыдущие годы, были направлены на изучение памятников поры раннего средневековья. В помещенных в этом сборнике статьях А.М.Беленицкого по Пенджикенту, Б.А.Литвинского и Т.И.Зеймаль по Аджина-Тела и Кафыр-Кала, Н.Н.Негматова по памятникам северной группы районов, Ю.Якубова - по верхнему Зеравшану охарактеризованы экспедиционные исследования, проведенные за 1962-1969 гг., что избавляет от необходимости их перечисления. Отметчу лишь несколько моментов.

Древний Пенджикент по-прежнему оставался "объектом № I" таджикской археологии. Было открыто значительное количество новых памятников искусства, позволивших дать исключительно полную характеристику раннесредневекового согдийского искусства: его генезиса, эволюции, семантики, стилистико-художественных особенностей, связей с искусством соседних стран⁴³. Дробное хронологическое членение пенджикентских памятников искусства, вытекающее из детально разработанной археолого-строительной стратиграфии, превратило их в важнейший эталон для хронологического определения слабо датированных памятников искусства соседних областей, в частности Восточного Туркестана. Историко-культурное значение памятников искусства Пенджикента, Самарканда и Барахми для изучения быта (шире - жизненного уклада) и идеологии раннесредневекового Согда трудно переоценить.

Были развернуты раскопочные работы на ранее мало изученной цитадели⁴⁴, но основные исследования проводились по-прежнему на шахристане. Были изучены разные этапы жизни города, существовавшего с У.в. до 70-ых гг. У.в. Два с половиной десятилетия непрерывных раскопочных работ позволили вскрыть памятник в такой степени, к которой даже отдаленно не приближается ни один из других памятников Средней Азии. Полностью открыты не только отдельные участки, но и обширные территории городища, а особенно его восточной половины. Это позволило не только выявить городскую планировку, но и сделать важные выводы социально-экономического порядка. В этом плане исключительно важным явилось открытие в шахристане большого количества мастерских (только металлообразующих открыто около трех десятков), связанных с жильем постройками и вместе с тем имевшим выход на улицу. Вскрыты настоящие базары, состоявшие из торгово-ремесленных заведений. Открытие торгово-ремесленных центров и районов внутри шахристана А.И.Беленицкий справедливо называл "в определенной степени неожиданным"⁴⁵. Действительно, конкретные факты показали, что концепция А.Ю.Якубовского о характере и занятиях населения шахристана доарабских городов Средней Азии оказалась ошибочной. Вместе с тем возникла необходимость пересмотра вытекавших из концепций В.В.Бартольда и А.Ю.Якубовского представлений о дальнейшей эволюции шахристана. Значение этого открытия, несомненно, выходит за пределы Средней Азии и будет стимулировать аналогичные исследования в Афганистане и Иране⁴⁶.

В Шахристанской котловине многолетние систематические раскопки позволили Н.Н.Негметову вскрыть большое количество первоклассных памятников⁴⁷. Выдающееся место не только в истории культуры Уструшаны и Таджикистана, но и Средней Азии в целом займут дворцовый комплекс на Калам Ках-Кахе I, замок Ках-Кахе II и другие памятники. И здесь раскопки дали важные материалы по социальному-экономической истории⁴⁸. В процессе работ было открыто, особенно на Калам Ках-Кахе I, множество памятников резного дерева и живописи. Таким образом, был обнаружен ранее неизвестный центр художественной жизни раннесредневековой Средней Азии. Научная публикация этих материалов еще впереди, предварительные

публикации же показывают, сколь сложным для истолкования является материал и как неуместны в данном случае имеющие место поспешные суждения и выводы. Как мне представляется, предстоит, в частности, еще ответить на вопрос, в какой мере самостоятельный является открытый в Шахристане комплекс, или же он входит, на правах локального варианта, в согдийскую художественную школу, дать адекватное семантическое истолкование и иконографический анализ. Чрезвычайно интересными и сложными также являются, думается, проблемы влияния на искусство Уструшаны буддийского и индуистского искусства (следы чего, безусловно, прослеживаются); роль, которую искусство Уструшаны и уструшанские художники сыграли в распространении среднеазиатских художественных традиций в Восточном Туркестане и далее в Китае⁴⁹.

На значении раскопок Аджина-Тепа мне и Т.И.Зеймаль приходилось неоднократно останавливаться в ранее опубликованных работах⁵⁰. Поэтому отмечу лишь, что этот памятник (ныне практически полностью раскопанный) представляет исключительный интерес в нескольких отношениях: для истории буддизма, для истории искусства Тохаристана и Средней Азии в целом, для истории среднеазиатской культуры и, в частности, архитектуры. По словам крупнейшего современного зарубежного специалиста по искусству Востока Б.Ровланда, "Eine der wichtigsten archäologischen Unternehmungen in Russisch-Turkestan ist die Ausgrabung von Adzina Tere..."⁵¹

Принципиально важны также работы в бассейне Верхнего Зеравшана (Б.Я.Ставиский, Ю.Якубов), которые значительно расширили представления о культуре Согда предарабского времени⁵².

На территории Южного Таджикистана (Тохаристан) проведены шурфовки и раскопки раннесредневековых памятников в Яванской долине и Туткауле (Т.Атаканов)⁵³, Вахшской долине (Т.И.Зеймаль)⁵⁴ и в низовьях Кзыл-Су (Х.Мухитдинов)⁵⁵.

Необычные айваджские пещеры представляют историко-культурную загадку. К отчету Т.Атаканова и С.Г.Хмельницкого следует добавить, что весьма близкие (хотя и не идентичные) по типу пещеры японские археологи изучали на территории Афганистана, неподалеку от Хайбака - всего в 75 км к югу от Айвадха. Внутри пещер оказалась керамика, преимуществ-

венно IX-XII вв. Как пишут Т.Хигуши и С.Мизуно, первоначальное впечатление, что это – буддийские постройки, но там не оказалось ни ступа, ни буддийских изображений и, следовательно, как они полагают, "нет позитивных свидетельств" буддийского происхождения этих пещер. Ниши, которые можно было бы рассматривать как михрабы, при ближайшем изучении оказались ориентированными в разные стороны. Они предполагают, что это, скорее всего, поселение сельского (или торгового) населения, относящееся к раннемусульманскому периоду, причем возникло оно, быть может, еще раньше, и заключают, что пещеры могли быть первоначально буддийскими, а впоследствии использованы в качестве жилья деревенским населением⁵⁶.

Т.Атаханов и С.Г.Хмельницкий выдвинули для айваджских пещер иное предположение: о принадлежности их христианам. Слабость их доводов – в отсутствии в их статье конкретных сопоставлений и доказательств, вытекающих из анализа религиозно-строительной практики восточного христианства.

На протяжении ряда лет А.Д.Бабаев изучал раннесредневековые могильники Западного Памира, открытые им в 1962 г. Особенno важны могильники Мызылдыгар, Зумудг, Зумудг I и Птул. Оригинальный обряд захоронения и своеобразная материальная культура, образцы которой обнаружены при этих раскопках, являются важным источником для характеристики населения Западного Памира⁵⁷. В связи с этим вновь встает вопрос о гипотезе К.Эноки о происхождении эфталитов из Бадахшана. К сожалению, раскопки аналогичных памятников в Афганском Бадахшане не проводились, что значительно сузивает возможности использования археологических материалов при решении этой сложнейшей проблемы.

Изучалась целая серия памятников развитого средневековья. В отчете Н.Н.Негматова перечислены работы, проведенные в Северном Таджикистане. В Южном Таджикистане следует отметить раскопки средневекового поселения в Туткауле (Т.Атаханов)⁵⁸, шурфовки памятников в Вахшской долине, в том числе городища Лягман (Т.И.Зеймаль), в Пархарском районе (Х.Мухитдинов), шурфовку городища Марез-тепа в Восейской районе и, наконец, работы на городище Курбан-Пайд – средневековом Хульбуке (Э.Гулямова).

Работы на Хульбуке проводились в 1963 и 1967 гг. Они дали очень обильный вещественный материал и позволили Э.Гулямовой сделать много интересных открытий. Сейчас раскопана третья цитадели Хульбука, причем выявлено два строительных периода: первый (нижний) и второй (верхний).

Это не просто стратиграфические наблюдения, сделанные в узком колодце шурфа, а обширные площади, где удалось выяснить планировку, этапы возведения, существования и разрушения. Хотя комплекс второго периода включал часть помещений первого, для второго периода характерна принципиально иная строительно-планировочная схема. Одним из планировочных центров первого периода являлся световой дворик, в который с четырех сторон открывались айванные галереи (15×17 м). Вокруг группировались помещения. Здесь найдено много керамики, резного итрука и т.д. Помещения нижнего горизонта погибли в результате пожара. Позже, приступив к восстановлению дворца, были сбиты верхние части помещений и галерей и насыпан (для выравнивания) грунт. На этой платформе дворец был возведен вторично, причем он имел крестообразную внутреннюю планировку. В результате раскопок, по словам Э.Гулямовой, удалось установить:

- "1. Четкую последовательность постройки дворца хульбукских правителей...;
2. Хронологическую последовательность и эволюцию техники резного алебастрового декора и характера его орнаментации;
3. Характер планировки помещений первого периода, когда эти помещения группировались вокруг центрального двора - композиционный прием, восходящий к среднеазиатской (и переднеазиатской) древности" ⁵⁹.

На очереди для - завершение анализа всех материалов, полученных при раскопках Хульбука, и выпуск монографии об этом памятнике.

Изучались также позднесредневековые памятники, как в Северном (см. отчет Н.Н.Негматова), так в Центральном и Южном Таджикистане (Калан Сарведа - раскопки Ю.Якубова; Калан Бинкент - раскопки Х. Мухитдинова).

М.А.Бубнова проводила систематическое обследование памятников, связанных с историей горного дела (эти работы

нашли частичное отражение в ее отчете, помещенном в настоящем сборнике). Ею изучались рудники и рудничные поселения в Зеравшанской долине, в Карамазарских горах и на Памире. Ею же было продолжено изучение металлургических процессов, применявшихся средневековыми металлургами Средней Азии⁶⁰. Большое значение, на мой взгляд, будет иметь публикация завершенной в 1967 г. работы М.А.Бубновой "История горного промысла Средней Азии в конце XIX - XIX вв.", в которой наряду с разнообразными архивными, литературными, этнографическими источниками, использованы и археологические материалы.

Производились археолого-архитектурные вскрытия, в частности на Саятском и Гиссарском комплексах (о последнем см. в отчете Т.Атаханова). Работы эти велись по линии Министерства культуры ТаджССР. На Саятском комплексе в археолого-архитектурных вскрытиях участвовали археологи Н.Б.Немцева (Ташкент) и Е.Д.Салтовская (Душанбе). Хотя вопрос о истории комплекса и его функциональном назначении все еще не решен, именно в процессе этих работ были получены очень интересные материалы⁶¹.

Архитектором С.Г.Хмельницким были открыты некоторые новые архитектурные памятники, другие исследованы заново⁶².

Из вновь обнаруженных памятников архитектуры особо велико значение мазара в Чорку с замечательным ансамблем резных деревянных деталей в интерьере. Это уникальное собрание представляет первоклассный интерес с точки зрения истории архитектурной декорации, эпиграфики, шире - истории культуры⁶³. Целая серия отдельных высокохудожественных резных деревянных изделий открыта в районах Верхнего Зеравшина⁶⁴.

С 1956 до 1966 г. Т.И.Зеймаль, впервые для Таджикистана, осуществила изучение памятников истории ирригации. Для исследования по ряду соображений была избрана Вахиская долина, до того обследованная ирригаторами и почвоведами. Тщательное обследование территории долины с привлечением всех доступных крупномасштабных картографических материалов (в том числе аэрофотосъемок) и литературных данных позволяло выявить, зафиксировать и описать остатки древних ирригационных систем. Фиксировались направление, протяженность и ве-

личина сохранившихся остатков ирригационных сооружений, их форма, проводились траншеи-разрезы, а также с помощью шурфов и раскопов (свыше 30) определялись даты расположенных в зоне тех или иных каналов городищ. Так, остатки канала "Кафыр" удалось проследить начиная от головных сооружений вблизи г. Калинина бада до поселка Кок-Тюбе в Пянджском районе, т.е. на протяжении ок. 100 км (до революции канал, по-видимому, прослеживался еще южнее). Удалось выявить наличие отводов от этого канала, выяснить, какие именно поселения располагались в его зоне. Таким же образом были обследованы и другие системы, в частности Джуйбарская.

В результате Т.И.Зеймаль сумела наметить основные контуры динамики ирригационных систем Вахшской долины – с Iу–Ш вв. до н.э., когда здесь были проведены первые крупные магистральные каналы, и вплоть до эпохи позднего средневековья. Был установлен высокий уровень эмпирических инженерных знаний в области гидротехники и ирригационного строительства. Еще более существенно, что работы по истории ирригации в Вахшской долине дали серьезные основания для некоторых социально-экономических выводов, в том числе идущих вразрез с широко распространенными в нашей литературе положениями. При этом Т.И.Зеймаль опиралась на результаты проведенного ею предварительного изучения памятников ирригации и других долин Южного Таджикистана⁶⁵.

Блестящее исследование ирригационных систем древних земель орошения Приаралья, проведенное С.П.Толстовым и его сотрудниками, было осуществлено в условиях, коренным образом отличных от условий, характерных для районов Южного Таджикистана. В связи с непрерывной обжитостью территории трудности в изучении истории ирригации здесь возрастают во много раз. Тем не менее, развивая и совершенствуя методику, Т.И.Зеймаль успешно решила задачу и внесла серьезный вклад в изучение истории ирригации не только Южного Таджикистана, но и Средней Азии в целом. Сейчас, используя опыт работ в Южном Таджикистане, аналогичные работы начаты в Северном Таджикистане.

Сектором истории средних веков под руководством А.М.Мухтарова были продолжены поиски и фиксация наскальных надписей и надписей на каменных надгробиях. Работы

проводились преимущественно в долине Верхнего Зеравшана, в том числе в наиболее труднодоступных ее районах. Было обнаружено и зафиксировано 190 надписей (больше половины — с кайраков), среди них самые древние — XI–XII вв., но преобладают надписи XV–XVI вв. Это бесценное собрание эпиграфических источников дает важный материал по политической, социально-экономической и политической истории⁶⁶.

Сектор археологии и нумизматики проводил большую работу по концентрации всех монетных находок, особенно кладов. В сектор, естественно, поступали монеты (и монетные клады), обнаруженные при археологических раскопках. Наличие широкого актива позволило обеспечить передачу в сектор отдельных монет и монетных кладов, найденных при хозяйственных работах. Вся эта кропотливая работа проводилась Е.А.Давидович и старшим хранителем нумизматической коллекции Э.Гулямовой. В результате нумизматическая коллекция Института истории им. А.Донишэ превратилась в прекрасное собрание, которое отличается от старых музеиных коллекций среднеазиатских монет наличием точной документации (место и обстоятельства находки) каждой монеты или клада. В части согдийских и токхаристанских раннесредневековых монет коллекция Института не имеет равных в мире. Исключительный научный интерес представляют многие другие ее разделы.

Систематическое изучение монет коллекции осуществляла Е.А.Давидович; к изучению отдельных монет, кладов или групп монет обращались и другие учёные. Публикации, основанные на монетной коллекции, весьма многочисленны⁶⁷.

Разумеется, мы не можем останавливаться на всех тех выводах и заключениях, к которым пришли исследователи, занимавшиеся изучением монет коллекции Института. Результаты их исследований, помимо специальных публикаций, вошли, как органическая часть, в многотомную "Историю таджикского народа", в другие специальные и обобщающие исторические труды.

В секторе археологии и нумизматики собрана также большая коллекция черепов, полученных при раскопках разных памятников (начиная с эпохи неолита). Хранением и обработкой черепов этой коллекции занималась Т.П.Кияткина⁶⁸.

В последние годы произошло значительное улучшение дела охраны археологических и архитектурных памятников рес-

публики. Этому в значительной степени способствовали указания ЦК КП ТаджССР и постановление Совета Министров ТаджССР об улучшении дела охраны памятников культуры и истории. 25 декабря 1965 г. возникло Добровольное общество охраны памятников истории и культуры ТаджССР, затем была создана сеть его отделений во всех городах и районах республики и первичных организаций в колхозах, совхозах, учреждениях и предприятиях. Вклад таджикистанских археологов в работу общества очень велик. Автор статьи являлся членом Президиума общества, сотрудники сектора археологии и нумизматики – ядро его археологической секции, именно они проводили большую работу по пропаганде археологических знаний. По линии Общества изданы научно-популярные брошюры об археологических и архитектурных памятниках⁶⁹; распространены тексты лекций на русском и таджикском языках (совместно с обществом "Знание")⁷⁰, опубликовано множество статей специалистов в республиканской и районной печати, изготовлены плакаты и буклеты. В 1968 г. начала работу Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры при Министерстве культуры, которой проводится большая работа по охране памятников. Кроме того, на серьезную почву поставлены архитектурно-реставрационные работы (Гиссарский комплекс, Кок-Гумбаз в Ура-Тюбе).

Большой объем и глубина таджикистанских археологических исследований получили широкую известность и за пределами нашей страны. Зарубежные ученые часто используют материалы и выводы исследований таджикистанской археологии, важнейшие достижения которой стали достоянием мировой науки. В этом отношении особенно интересны рецензии Г.Глессера в итальянском журнале "East and West" и книга швейцарского автора Г.Фрумкина "Археология в советской Центральной Азии". Автор этой книги дает объективную, хотя и далеко не полную (и не лишенную неточностей) картину широких археологических исследований в Средней Азии, в частности в Таджикистане. Не удержавшись от отдельных выпадов против марксизма, он вместе с тем не может не отметить: "Здесь не может быть сомнений относительно замечательного импульса, полученного археологией с самого начала советской власти".

Полемизируя с встречающимся на Западе пренебрежительным отношением к советской науке, Г.Фрумкин пишет: "Есть основания считать, что некоторые советские ученые (специалисты по археологии Средней Азии) не только равны своим западным коллегам, но находятся среди лучших в мире"⁷¹. Он особо подчеркивает значение работ по каменному и бронзовому веку, раскопок курганов на Восточном Памире и в Южном Таджикистане, изучение древнего Пенджикента и Адхина-Тепа.

Выбор Таджикистана в качестве места для проведения Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии, организованной в 1968 г. по линии ЮНЕСКО, знаменовал, в частности, признание заслуг таджикистанской археологии в изучении древних культур Средней Азии и прилегающих стран. Эта конференция получила очень высокую оценку советских и зарубежных ученых - участников конференции, ибо она внесла весомый вклад в освещение многих принципиально важных проблем.

¹ Б.А.Литвинский, Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии, - ЕДИ, 1967, № 4; он же, Археология Таджикистана за годы советской власти, - СА, 1967, №3; он же, Archaeology in Tadzhikistan under Soviet rule, - "East and West", n.s., vol.18/1-2, 1968; Б.А.Litvinovsky; К.Р.Marsakov, А.М.Mukhtarov, Historiography of Tajikistan (1917-1969), Moscow, 1970, pp.5-22.

² Предварительные сообщения о раскопках 1959-1961 гг. см. Б.А.Ранов. Археологическое изучение пещер Таджикистана. - Тр. Таджикского филиала Географического общества СССР, в.2, 1961, стр. 26-27; Б.А.Литвинский, Б.А.Ранов. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. - АРТ, УП, 1961, стр.16-29; он же, Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. - АРТ, IX, 1964, стр. 3-24.

³ Помимо указанных работ радиоуглеродные даты Ак-Танги и других памятников каменного века Таджикистана см. Б.А.Ранов, Изучение каменного века Средней Азии за 20 лет (1945-1965), - в кн.: "Материальная культура Таджикистана", в.1, 1968, стр. 28.

⁴ В.А.Ранов, Каменный век Таджикистана, в. I, Палеолит, Душанбе, 1965, стр.50-80; он же, О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии, - ИОН АН Тадж.ССР, в.3(53), 1968; он же, Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии, - в. сб.: "Материальная культура Таджикистана", в. 2, Душанбе, 1971, стр. 5-33.

⁵ В.А.Ранов, Семиганч - новое мустырское местонахождение в Таджикистане, - "Палеолит и неолит СССР", в.УП (в печати).

⁶ Литературу см. прим. I статьи В.А.Ранова в настоящем сборнике.

⁷ А.Х.Дсупов, Стоянка Кум-Тепа. - В кн.: "Материальная культура Таджикистана", в. I, 1969, стр. 46-53. См. также "Археологические открытия в 1968 году", М., 1969, и "Археологические открытия в 1969 году", М., 1970.

⁸ В.А.Ранов, Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии, - В сб.: "Основные проблемы изучения четвертичного периода", М., 1965, стр. 393-406; С.А.Несмеянов, В.А.Ранов, К палеографии мустырских стоянок в горах Средней Азии, - "Страны и народы Востока", в. X, М., 1971, стр.6-21 и др.

⁹ В.А.Ранов, Л.Ф.Сидоров, Развитие природы Памира как среды существования человека, - "Страны и народы Востока", в. IV, М., 1965, стр. 95-126.

¹⁰ В.А.Ранов, К изучению мустырской культуры в Средней Азии, - МИА, № 178, Л., 1971, стр. 209-232.

^{II} В.А.Ранов, On the relations between the palaeolithic cultures of Central Asia and some oriental countries, - "Тр. УП МКАЭН, т.5, М., 1970, стр.393-400; В.А.Ранов, Новые работы по каменному веку в Западном Пакистане, - "Вопросы антропологии", в.25, 1967, стр.140-146; В.А.Ранов, Средняя Азия и Индия в эпоху палеолита (опыт сравнений археологических периодизаций), - "Страны и народы Востока", в. XII (в печати).

¹² А.Мухтаров, В.А.Ранов, Рисунки на камне "Санг-Намита" у кишлака Зидды (в печати).

I³ Д.Харламов, Люди и горы.- Газ. "Комсомолец Таджикистана" от 26/IX-65.

I⁴ И.Мухитдинов, Стенные росписи в селении Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления, - СЭ, № 2, 1964.

I⁵ В.А.Ранов, А.В.Гурский, Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской области Таджикской ССР,-СЭ, №2, 1966.

I⁶ А.М.Мандельштам, Памятники "степного" круга эпохи бронзы на юге Средней Азии.- В кн.: "Средняя Азия в эпоху камня и бронзы", М.-Л., 1966, стр. 243-259; он же. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, Л., 1968 (МИА, № 145).

I⁷ Об этих раскопках см. Б.А.Литвинский, А.П.Окладников, В.А.Ранов, Древности Ейрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана), Душанбе, 1962 (Тр. АН Тадж. ССР, т.ХХХ), стр.294; Б.А.Литвинский, Бронзовый век. - В кн.: "История таджикского народа", т.I, под ред. Б.Г.Гефуррова и Б.А.Литвинского, М., 1963, стр. 131; он же, Таджикистан и Индия. Примеры древних связей и контактов. - В сб.: "Индия в древности". М., 1964, стр. 157-158; он же, Археологические открытия..., стр. 122.

I⁸ А.А.Семенов, Е.Н.Романова, Д.М.Долуханов. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОМА, - СА, 1969, № 1, стр. 257.

I⁹ Т.П.Кияткина, Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным. Автореф. канд. диссертации, Душанбе, 1965, стр. 6.

I¹⁰ Б.А.Литвинский, Археологические открытия..., стр. 126-127.

I¹¹ См., в частности, Л.И.Альбаум. Памятник эпохи бронзы на территории Сурхандарьи, - "Общественные науки в Узбекистане", 1969, № 5, стр. 46-47. Г.А.Пугаченкова, Археологические исследования Узбекской искусствоведческой экспедиции. - В сб.: "Археологические открытия 1970 года", М., 1971, стр. 421-422.

I¹² И.Т.Кругликова, В.И.Сарзаниди. Археологические ис-

следования в Северном Афганистане. - В сб.: "Археологические открытия 1970 года". М., 1971, стр. 457-458; V.Sarianidi, North Afghanistan in the bronze age, - "Afghanistan", vol. XXIV, 1971, N 2-3.

23 Б.А.Литвинский, В.С.Соловьев, Стоянка степной бронзы в Джом Таджикистане (в печати).

24 Б.А.Литвинский, Х.Мухитдинов, Античное городище Саксан-Охур (Джом Таджикистан), - CA, 1969, № 2, стр.161.

25 См. выше, прим. I7. Весь круг проблем, связанных с арийской проблемой, получил детальное освещение в книге Э.А.Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, и статьях: И.М.Дьяконов, Арийцы на Ближнем Востоке - конец мифа, - ЕДИ, 1970, № 4; И.М.Дьяконов, Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса). - В сб.: "История иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства", М., 1971; Э.А.Грантовский, О распространении иранских племен на территории Ирана. - В сб.: "История иранского государства..."

26 Перечень публикаций и краткое изложение результатов раскопок - см. Б.А.Литвинский, Археологические открытия..., стр. I23-I24. К публикациям, перечисленным там в прим. I5 на стр.I24, теперь должны быть добавлены: Faccenna, A guide to the excavations in Swat (Pakistan) 1956-1962, Roma, 1964; G.Genna, First anthropological investigations of the skeletal remains of the necropolis of Butkara II (Swat, West Pakistan), - EW, n.s., vol.XV /3-4, 1965; G.Stagul, Notes on the discovery of a necropolis near Kherai in the Gerband valley (Swāt-West Pakistan), - EW, n.s., vol.16/3-4, 1966; G.Alciati, I resti ossei umani delle necropoli dello Swat (W.Pakistan), pt.I.Butkara II, Roma, 1967 (IsM.E.O. Reports and Memoirs, VIII/I); W.Bernard, Human skeletal remains from the cemetery of Timagarha, - "Ancient Pakistan", vol.III, Peshawar, 1967; A.H.Dani (ed.), Timagarha and Gandhara grave culture, - "Ancient Pakistan", vol.III, Peshawar, 1967; G.Stagul, Discovery of four prebuddhist cemeteries near Pacha in Buner (Swāt, W.Pakistan), - EW, n.s. vol.17/3-4, 1967; G.Stagul, Excavations in a rock shelter

near Ghālīgai (Swāt, W.Pakistan), - EW, n.s., vol.17/3-4, 1967; C.S.Antonini, Swat and Central Asia, - EW, n.s., vol. 19/1-2, 1969; G.Stagul, Discovery of protohistoric cemeteries in the Chitral Valley (W.Pakistan), - EW, n.s., vol. 19/1-2, 1969; G.Stagul, Excavation near Ghālīgāl (1968) and chronological sequence of protohistoric cultures in the Swāt valley (W.Pakistan), - EW, n.s., vol.19/1-2, 1969; G. Stagul, An archaeological survey near Kalām (Swāt Kohistān), - EW, n.s., vol.XI/1-2, 1970; G.Stagul. The grey pottery in the Swāt valley and the Indo-Iranian connections (ca. 1500-300 B.C.) - EW, n.s., vol. XI/1-2, 1970; A.H.Dani, North-west ritual rites in their wider archaeological setting. Canberra, 1971 (28 International Congress of Orientalists. Canberra, 1971). См. также B.K.Thapar, The Aryans: a reappraisal of the problems, - In: India's contribution to world thought and culture, Madras, 1970 (Vivekananda commemoration volume), pp.147-164.

27 Б.А.Литвинский, Археологические открытия..., стр. 124.

28 Фонды Института истории им. А.Денина.

29 Т.И.Зеймаль, Древнеземледельческое поселение Бодай-Тепе. - В кн.: "Материальная культура Таджикистана", выш.2, Душанбе, 1971.

30 О раскопках городища Саксанохур см. : Б.А.Литвинский, Археологические работы Института истории АН Таджикской ССР. - В сб.: "Археологические открытия в 1968 г.", М., 1967, стр. 314-316; Б.А.Литвинский, Археология Таджикистана за годы советской власти, - СА, 1967, № 3, стр.112-113; он же, Памятники Южного Таджикистана. - В кн.: "Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в куманскую эпоху. Каталог выставки". Душанбе, 1968; Х.Мухитдинов, Гончарный квартал Саксанохура, - ИООН АН Тадж.ССР, 1968, № 3(52); он же, Терракоты Саксанохура, - В кн.: Тезисы докладов и сообщений советских ученых. М., 1968 (Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в куманскую эпоху); Б.А.Литвинский, Х.Мухитдинов, Античное городище Саксано-

хур, - СА, № 2, 1969; Х.Д.Мухитдинов, Разведки в Пархарском районе в 1964 г. - В сб.: "Материальная культура Таджикистана", вып. 2, Душанбе, 1971.

31 Б.А.Литвинский, Археологические открытия..., стр. 134-135; Т.И.Зеймаль, Вахиская долина в древности и раннем средневековье (археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины) (автореферат канд.диссертации), Л., 1969, стр. 5-7.

32 Из последних публикаций - см. Е.Д.Салтовская, О некоторых археологических памятниках и находках в Аштском районе. - В кн.: "Материальная культура Таджикистана", вып. I, Душанбе, 1968; Н.Н.Негматов и Е.Д.Салтовская, Материальная культура кушанского времени в уструшане и Западной Фергане. - В кн.: "Тезисы докладов и сообщений советских ученых". М., 1968 (Международная конференция по истории и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху), стр. 47-48; Е.Д.Салтовская, О резных костяных предметах первых веков нашей эры из Ашта (древняя Фергана), -ИЮН АН Тадж.ССР, 1968, № 2.

33 Б.А.Литвинский, Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. - АРТ, У, Сталинабад, 1959, стр. 127-129; Б.А.Литвинский, История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильников) (автореферат докторской диссертации). М., 1969.

34 См. чрезвычайно интересное исследование: Н.Г.Горбунова, Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом, - "Археологический сборник (Гос.Эрмитаж)", вып. 13, Л., 1971.

35 Б.А.Литвинский, История и культура..., стр. 67.

36 Письмо К.Маркса - Ф.Энгельсу от 2 июня 1853 г., - К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т. 28, М., 1962, стр. 214.

37 Т.И.Зеймаль, Древнеземледельческое поселение..., стр. 81; она же, Вахиская долина..., стр. 7.

38

М.М.Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда, - ММА, № 15, М.-Л., 1950, стр. 154-178.

39 Материалы раскопок подготавливаются мною к печати.

40 А.Д.Бабаев, Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана (Ишкешимский район ГБАО) (автореферат канд. дисс.), Душанбе, 1965, стр. 14, 18; он же, Проникновение сакских племен на Западный Памир. - В кн.: Тезисы докладов и сообщений советских ученых, М., 1968 (Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху), стр. 4-5; он же, Могильник Чильхона - памятник сакской культуры на Западном Памире, - ИООН АН Тадж. ССР, 1968, № 3 (53); Б.А.Литвинский, История и культура..., стр. 62-63.

41 А.Мухтаров, Новые находки капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан), - ИООН АН Тадж. ССР, 1968, № 3 (53).

42 Б.А.Литвинский, Н.Турсунов, Ленинабадский кратер и луврская ваза Сосибия (Неоаттическое искусство и Средняя Азия), - ЕДИ, 1971, № 3.

43 Из работ рассматриваемого периода: А.М.Беденицкий, Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии, - ИООН АН Тадж. ССР, 1962, № I (28); он же, К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье. - В сб.: "Индия в древности". М., 1964; он же, Круг сюжетов средневекового искусства Средней Азии. - В кн.: "Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии (Гос. Эрмитаж. Ленинградское отделение института археологии АН СССР)", Л., 1965; он же, Монументальное искусство Древнего Пенджикента. Тезисы доклада. - В кн.: "Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР". Баку, 1965; он же, Древний Пенджикент - раннефеодальный город Средней Азии. Доклад на съездование ученым степени доктора исторических наук, Л., 1967, стр. 20-28; он же, Среднеазиатское искусство пред-арабского времени и его связь с кушанским. - В кн.: "Тезисы докладов и сообщений советских ученых", М., 1968 (Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху); А.Беленицкий, Zentral Asien. München - Genf - Paris, 1968; А.М.Беленицкий et B.I.

Marshak, L'art de Piandjikent, à la lumière des dernières fouilles (1958 - 1968), - Arts Asiatiques, т.XXII, 1971. Искусство Пенджикента отражено практически во всех сводных трудах западных авторов, посвященных искусству Центральной Азии; очень интересуются пенджикентским искусством и индийские авторы - см., например, P.Banerjee, Hindu deities in Central Asia. - In: India's contribution to world thought and culture (Vivekananda commemoration volume). Madras, 1971, p. 284.

44 А.Исааков, Дворец правителей Древнего Пенджикента. - В сб.: "Страны и народы Востока". М., 1971.

45 А.М.Беленицкий, Древний Пенджикент - раннефеодальный город Средней Азии, Доклад..., Л., 1967, стр. 10. Об этих базарах, помимо статьи В.И.Распоповой в данном сборнике, см. В.И.Распопова, Один из базаров Пенджикента УП-УШ вв. - В сб.: "Страны и народы Востока", X, М., 1971; ее же, Металлообрабатывающее ремесло раннесредневекового Согда (опыт историко-социальной интерпретации по материалам Пенджикента) (автореферат канд.дисс.), Л., 1971.

46 К интересным результатам приводит сопоставление с раскапываемым английскими археологами хронологически более поздним базаром в Сирафе - см. D.Whitehouse, Excavations at Sīrāf. First interium report, - "Iran", vol. VI, London, 1968, pp.11-12; ее же, Excavations at Sīrāf. Third interium report, - "Iran", vol. VIII, London, 1970, p. 8; ее же, Excavations at Sīrāf. Fourth interium report, - "Iran", vol. IX, London, 1971, pp. 10-15.

47 О результатах работ на них подробно сказано в публикуемом в сборнике отчете Н.Н.Негматова, где в примечаниях № 22-24 читатель найдет исчерпывающий перечень опубликованных и находящихся в печати статей и заметок Н.Н.Негматова.

48 См., в частности, Н.Н.Негматов, Ходжент и Уструман в древности и средневековье (середина I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.) (автореферат докторской диссертации), М., 1968; ее же, Из опыта изучения городской жизни ходжентско-уструманского региона. - В кн.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана, Л., 1970.

49 Хочу обратить внимание на следующее. Частным вопросом, связанным с последней из названных проблем, является вопрос о Цао Чунг-та - известном в истории китайской живописи художнике VI в., который считался изобретателем особого стиля живописи. Характерной чертой этого стиля было то, что фигуры изображались с как бы прилипшими одеяниями, казались только что вышедшими из воды. У него было много продолжателей, как в живописи, так и в скульптуре. Некоторые синологи считали его выходцем из Северо-Западной Индии (F.Hirth, Scraps from a collectors note book, - T'oung Pao, Ser. II, vol. VI, Leide, 1905, S. 435); отдельные историки китайского искусства полагали, что его предки (но не он сам!) - из Западного Цао, т.е. из области Самарканда (A.Waley, An introduction to the study of Chinese painting., New York, 1958, p.p. 86-87). П.Пельо, детально разобрав источники, подверг взгляд о среднеазиатском происхождении резкой критике (P.Pellet, Les fresques de Touen - Houang et les fresques de M. Eumorfopoulos, - Revue des arts asiatiques, V/13. Paris, 1928, pp. 152-163). Нельзя вместе с тем не учитывать сообщения довольно ранних китайских источников о том, что Цао Чунг-та был "талантливый художник, автор изображений в индийском стиле", и другое, что он "был непревзойденным в свои дни в изготовлении буддийских изображений иностранного типа" (A.C.Soper, Literary evidence from early Buddhist art in China, Асcosa, 1959 (Artibus Asiae, Supplement XIX), p. 121). Обнаружение в Средней Азии, в Согда и в Уструмане (где располагались соответственно Западное и Восточное Цао), крупных художественных центров само по себе может свидетельствовать о том, что традиция, связывающая Цао Чунг-та со Средней Азией, не может быть механически отвергнута. Вообще же роль согдийцев в развитии китайской живописи, в том числе буддийской, прослеживается с III в. н.э. (A.Waley, An introduction..., p. 38).

50 См., в частности, Б.А.Литвинский и Т.И.Зеймаль. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (к интерпретации сцены дароносцев из Аджина-Тепе), - СЭ, 1968, № 3; В.А. Litvinsky, Outline history of Buddhism in Central Asia.

Moscow, 1968; B.A.Litwinskij, Auf den Spuren der tadschikischen Geschichte, - "Ideen der exakten Wissens", Stuttgart, 1971, № 7. Полная характеристика раскопок (по состоянию на 1966 г.) - Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль, Альбом-Текст. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.

51 B.Rowland, Zentralasien, Baden-Baden, 1970, S. 76.

52 Ю.Якубов, Паргар в Ул-Уш вв. (автореферат канд. дисс.), М., 1969.

53 Т.Атаханов, Средневековое городище Туткаул (Ул-ХII вв.), - ИООН АН Тадж.ССР, 1968, № 3.

54 Т.И.Зеймаль, Ваханская долина...

55 Х.Д.Мухитдинов, Разведка в Пархарском районе в 1964 г. - В кн.: "Материальная культура Таджикистана" П. Душанбе, 1971.

56 T.Higuchi and S.Mizuno, Hāzar - Sūm caves. - In: "Hāzar - Sūm and Yil-Khāna. Cave-sites in Afghanistan surveyed in 1962", ed. S.Mizuno, Kyoto, 1967, pp. 59-67.

57 А.Д.Бабаев, Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана (Инканский район ГЕАО) (автореферат канд. дисс.), Душанбе, 1965; он же, Уникальные находки из могильников Западного Памира, - ИООН АН Тадж. ССР, № 7, 1965; он же, Керамика из погребений Западного Памира. - В кн.: "Материальная культура Таджикистана", в.2, Душанбе, 1971.

58 Т.Атаханов, Средневековое городище Туткаул (Ул-ХII вв.), - ИООН АН Тадж.ССР, 1968, № 3.

59 Э.Гулямова, Этапы истории Хульбукского дворца, - ИООН АН Тадж.ССР, 1968, № 3. См. также работы: Э.Гулямова, Хульбук - столица Хуттала, Душанбе, 1969; ее же, Штампованная керамика Хульбука. - В кн.: "Материальная культура Таджикистана", вып. 2, Душанбе, 1971.

60 М.А.Бубнова, Из истории металлургии серебра в Средней Азии, - ИООН АН Тадж.ССР, вып. I, 1961, стр.3-10; она же, Извлечение серебра купелированием в Средней Азии в IX-XI вв., - ИООН АН Тадж.ССР, вып. I (28), 1962, стр. 29-36; она же, К истории добычи полезных ископаемых на Па-

мире, - ИОН АН Тадж.ССР, 1968, № 3 (53), стр.64-69;
она же, Рудник Кух-и-хал. - В кн.: "Материальная культура
Таджикистана", вып. 2, 1971, стр. 120-142; она же, Добыча
и переработка серебряных руд в средневековой Средней
Азии. - В кн.: "Материалы по истории химии и биологии.
XII Международный конгресс по истории науки". М., 1971,
стр. 13-14.

61 Н.Б.Немцова, Раскопки архитектурного комплекса
Ходжа Мамад в Саяте на юге Таджикистана, - СА, 1969, № 3.
Не со всеми историко-культурными заключениями автора этой
интересной статьи я согласен, в частности по ранней исто-
рии медресе.

62 С.Г.Хмельницкий, Мазар в кишлаке Чор Кух. - В кн.:
"Научная конференция преподавателей ТПИ, посвященная 50-ле-
тию Великой Октябрьской социалистической революции", Душан-
бе, 1967; она же, Новооткрытые памятники Шаартузского райо-
на, - В кн.: "У научно-отчетная конференция преподавателей
ТПИ", Душанбе, 1968; она же, "Исследования кулябского мавзо-
лея Мир Сеида Хемадани. - В кн.: "VI научно-отчетная кон-
ференция преподавателей ТПИ", Душанбе, 1969; она же, Ново-
открытый памятник таджикского зодчества (мечеть в Берляше),
- "Тр. ТПИ", вып. 5 (строительный факультет), Душанбе, 1970;
она же, Ходжа Дурбад (мавзолей XII-XIII вв.), - "Тр. ТПИ", вып.
VI (строительный факультет), Душанбе, 1971.

63 М.Рузиев, Резное дерево хенаки Казрат-и Бобо, -
"Искусство", 1965, № 12; А.Мухтаров, Резьба по дереву в
долине Зеравшана (альбом средневековых орнаментов), М.,
1966, стр. 6; В.Л.Воронина, Резное дерево Чорку. - В сб.:
"Архитектурное наследство", 16, М., 1967.

64 А.Мухтаров, Резьба по дереву...

65 Т.И.Зейналъ, Вахиская долина..., автореферат;
она же, Древние и средневековые каналы Вахисской долины.
В сб.: "Страны и народы Востока", вып. X, М., 1971.

66 А.Мухтаров, Эпиграфические памятники XI-XIX вв.
из Кухистана как источник по истории народов Средней Азии
Автореферат докторской диссертации), Душанбе - Москва, 1971
(в конце - список публикаций).

⁶⁷ По античным монетам: Е.В.Зеймаль, Кушанское царство по нумизматическим данным (автореф. канд.дисс.), Л., 1965; А.М.Мандельштам, Об одном оболе "Герая", - ЭВ, ХІУ, 1961; А.М.Мандельштам, К предкушанскому чекану Бактрии, - ЭВ, ХУП, 1966; А.М.Мандельштам, К хронологии медных кушанских монет, - ЭВ, ХУП, 1966, и др.;

по монетам раннего средневековья: А.М.Беленицкий, Клад серебряных монет из Пенджикента, - ЭВ, ХУП, М., 1966; О.И.Смирнова, Клад аббасидских драхм с Пенджикентского городища (третья четверть УШ в.), - ЭВ, ХУ, 1963; О.И.Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949-1956 гг.), М., 1963 и др.;

по монетам эпохи средневековья: Е.А.Давидович, Нумизматические данные по социально-экономической и политической истории Средней Азии (Х-ХVIII вв.) (автореф. докт.дисс.), Душанбе-Москва, 1964; она же, Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет ХУ в., - НЭ, У, М., 1965; она же, Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории Южного Таджикистана, - В сб.: "Абдурахман Джами. Эпоха, жизнь и творчество", Душанбе, 1965; она же, По поводу двух кладов медных монет ХУ в. из Таджикистана, - ЭВ, ХУП, М., 1965; она же, О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии (К постановке проблемы), - "Народы Азии и Африки", 1965, № 6; она же, История monetного дела Средней Азии ХУП-ХУШ вв. (золотые и серебряные монеты Джанидов), Душанбе, 1964; она же, Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах, - НЭ, УІ, М., 1966; она же, По поводу двух кладов медных монет из Таджикистана (ХУ в.), - ЭВ, ХУП, М., 1966; она же, Новый среднеазиатский монетный двор Мухаммада хорезмшаха (1200-1220 гг.), - СА, 1968, № 1; она же, Нумизматические заметки (Караханиды, Чингиз-хан, Шайбаниды), - ИОН АН Тадж.ССР, 1968, № 3; она же, Клад серебряных монет ХУІ в. из Таджикистана, - НЭ, УШ, 1970; она же, Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии после монгольского нашествия (ХII в.) (по нумизматическим данным), - "Народы Азии и Африки", 1970, № 6; она же, Заметки по нумизматике Средней

Азии, ч. I (Караханиды, Джагатанды, Джаниды). - В кн.: "Материалы культуры Таджикистана", вып. 2, Душанбе, 1971 и др.

68 Т.Д.Кицкина, Формирование антропологического облика населения Таджикистана, М., 1964; она же, Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным (автореф. канд.дисс.), Душанбе, 1965; она же, Черепа эпохи бронзы с территории юго-западного Таджикистана, - МИА, № 145, Л., 1968; она же, Краниологический материал II-І вв. до н.э. с территории Южного Таджикистана. - В кн.: Тезисы докладов и сообщений советских ученых. М., 1968 (Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху); она же, Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула), - "Вопросы антропологии", вып. 37, М., 1971 и др.

69 Е.А.Давидович, А.Мухтаров, Страницы истории Гиссара, Душанбе, 1969; Э.Гулямова, Хельбук - столица Куттала. Душанбе, 1969.

70 Лекции Ю.Якубова по памятникам Верхнего Зеравшана; А.Бабаева - Памира; Э.Гулямовой - Кулябской группы районов.

71 G.Егемкин, Archaeology in Soviet Central Asia, Leiden - Köln, 1970 (Handbuch der Orientalistik, VII, III, I), S.2.

В.А.Ранов

НУТКАУ - МНОГОСЛОЙНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА
В ВЕРХОВЬЯХ р.ИХСУ (РАСКОПКИ 1969-1970 гг.)

I. Общая часть

Основными работами в области изучения каменного века Таджикистана за последние 7 лет были исследования в зоне затопления строящейся Нурекской ГЭС, где Нурекским отрядом ТАЭ проводились многолетние раскопки двух поселений гиссарской культуры - Туткаула (1963-1969 гг.) и Саёда (1965-1970 гг.).

Для настоящего отчета особенно важно, что горизонт 2-А Туткаула дал мезолитическую индустрию, датируемую археологическими методами $УГГ-УГГ$ тысячелетиями до н.э., в которой, с одной стороны, прослеживаются черты, связывающие ее с более поздней гиссарской культурой, с другой, отмечается явственные моменты техники палеолитического времени. К последним относятся площадочные нуклеусы, мустерьские по облику пластинны с изогнутыми ударными площадками и выпуклым ударным бугорком, крупные концевые скребки на широких призматических пластинах, скребла. Напоминает палеолитические орудия и основной тип орудий горизонта 2-А Туткаула - разнообразные острия "туткаульского типа", часть из которых имеет изогнутую, тщательно затупленную спинку. Они близки в принципе к остриям типа "шательнеррои". Интересно, что коллекция мезолитический слой из горизонта Туткаул II резко типологически отличается от описанного, что в значительной степени затрудняло выяснение генезиса гиссарской культуры.

В 1968 г. совместно с сотрудником Института физики земли А.А.Никоновым автор совершил разведочную поездку в Шугнуу, предпринятую для обследования нижнеплейстоценового плато Даштако, а также никелевых уровней. Этот район, описанный в работах Б.М.Здорика, А.Р.Бурачека и особенно О.К.Чедия, хорошо известен геологам, занимающимися изучением четвертичных отложений Таджикистана. В процессе разведочных работ на окраине кишлака Шугнуу в местности Хокинак на склонах 80-метровой террасы были собраны расколотые человеком камни. Отщепы, отдельные косточки и концевой скребок извлечены из выемки земли, где они находились в лёссо-видном суглинке на глубине 4 м от локального уступа. Эти находки явились бесспорным свидетельством существования здесь культурного горизонта. Осенью 1969 г. в очень неблагоприятных метеорологических условиях начались раскопки, которые продолжались в течение месяца (с 29 сентября по 29 октября)². Общая площадь раскопа, вскрывшего 2 культурных горизонта, - 35 м². Кроме того, в 50 м от раскопа, на площадке, которая носит название Руиграк, и ниже, на склоне террасы, было заложено 6 поисковых траншей, общей площадью 17,5 м².

Работы в Шугнуу в значительно большей степени были развернуты в 1970 г. (с 6 июля по 26 сентября, т.е. более 2,5 месяцев)³. Двумя раскопами, а также траншеями и шурфами на разных уровнях вскрыто около 500 м². Свыше 15 тыс. кубометров земли было убрано при помощи бульдозера.

Оба раскопочных сезона большую помощь в сложной организации работ и их техническом обеспечении оказало руководство промиска "Дарваз" и прежде всего его директор И.А.Трунев, которому автор приносит свою искреннюю признательность. Консультацию по поводу геологических условий залегания культурных слоев стоянки Шугнуу любезно давали геологи Б.Л.Кошелев (Таджикское геологическое управление), Е.В.Количко (Таджикзолото) и кандидат геолого-минералогических наук С.А.Несмеянов (МГУ). Основные работы по геологической привязке памятника осуществлены кандидатом географических наук А.А.Никоновым.

Стоянка Шугнуу расположена на северной окраине кишлака Шугнуу, где сохранился участок верхнеплейстоценовой (80-мет-

ровой) террасы, в верхней части которой распространены лёс-совидные суглинки. Географически верховья р.Яхсу относятся к Внешнему Дарвазу. Здесь господствуют неогеновые дарвазские конгломераты, глубоко прорезанные реками, стекающими с хребта Хозратиши. Господствующим типом террас (за исключением самых высоких) в верховьях р.Яхсу являются эрозионные. Это говорит о том, что данная область начиная по крайней мере со второй половины плейстоцена является областью сноса. Следует заметить, что большую часть года район относительно труднодоступен, даже по главной долине. В сторону Дарваза, Равноу, Сагирдашта в настоящее время ведут трудные перевалы, тропы которых проходят по причудливо размытым конгломератам, рассеченным пропастями, глубина которых достигает многих сотен метров.

Стоянка расположена на высоте 2000 м над уровнем моря, зимой здесь снег лежит со второй половины ноября до конца марта. Растительность в основном травянистая. Но уже в 4–5 км ниже начинаются густые заросли разнообразных деревьев, среди которых выделяются рощи грецких орехов.

Поскольку геологическая позиция культурных горизонтов Шугнуо рассматривается в специальной работе⁴, ниже приведем только самые общие данные. Терраса, в толще которой находятся культурные горизонты стоянки, обычно определяется как третья терраса р.Яхсу. Это древняя стрелка слияния рек Яхсу и Дандушкан (Сафед-Дара). Обычно она упоминается как 80-метровая (согласно измерениям, проведенным от современной стрелки). Нивелировка в районе стоянки от уреза воды р.Яхсу до внешней бровки дала цифру 61 метр. Первые две террасы (25 и 30 м) имеют скульптурный характер и вырезаны в галечниках переуглубленной долины. Третья терраса имеет хорошо выраженный галечниково-песчаный цоколь и толщу лёс-совидных суглинков, мощность которых для третьей террасы, вскрытая раскопками, суммарно определяется в 15 метров. Вместе с тем, поверхность террасы подверглась значительному размыву, небольшой участок, где сохранился суглинок, пересечен несколькими оврагами, образовались локальные уступы. Выше, по данным О.К.Чедия и других геологов, развита серия цокольных террас с маломощной покрышкой аллювия⁵. Положение третьей террасы со стоянкой Шугнуо среди других терра-

совых уровняй р. Яхсу можно видеть на схеме, помещенной в статье В.А. Жукова⁶.

До наших работ генезис лёссовидных суглинков третьей террасы Яхсу принимался как аллювиальный. Прямых данных для определения возраста террасы не имелось. Она считалась входящей в комплекс верхнеплейстоценовых уровней и имела индекс 0^I₃ 7 или 0²₃ 8.

2. Стратиграфия

Как уже говорилось, культурные горизонты включены в толщу лёссовидного суглинка светлопалевого цвета. Всеми выработками вскрыта 12-метровая его толща. Отмечается, что верхняя часть суглинка (примерно 7 м) имеет более рыхлую структуру, сильнее корбонизирована, более комковата, чем нижняя толща, которая непосредственно ложится на аллювиальные отложения террасы. В разрезе наблюдаются отдельные линзы и прослой пролювиального происхождения; наиболее крупный прослой, лежащий в основании суглинка, примерно в 60 см выше аллювия, прослеживается по всей площади уступа третьей террасы. Кроме того, в отдельных случаях отмечаются запесоченные участки и, как правило, над культурными горизонтами имеется тонкая (5-7 см) выветренная прослойка. Последняя может быть связана с антропогенным фактором.

Вплоть до завершения детального изучения механического состава и пыльцы из отложений третьей террасы в Шугнуу трудно сказать, являются ли темные прослойки, залегающие в продольном направлении (параллельно бровке террасы и руслу реки Дандушкан), с которыми связаны I, 2 и отчасти 3 и 4 палеолитические горизонты, погребенными почвами или же они получили такую окраску в результате размыва горевших под открытым небом костров. Не исключено, что в их формировании играли одинаковую роль оба фактора. Особенно четко примуроченность каменного инвентаря к темной прослойке отмечается для второго палеолитического горизонта. В шурфах, ближе к тыловому шву, наблюдается заметное падение таких темных прослоек в сторону реки. Состав лёссовидных суглинков показал, что вряд ли справедливо говорить об аллювиальном происхождении толщи. Сейчас существуют два мнения по данному вопросу.

1) Вся толща лёссовидных суглинков имеет субаэральное происхождение и является, таким образом, покровной толщей, неодновременной с подстилающим ее аллювием (А.А.Никонов);
2) Верхняя часть суглинков (7 м) является покровной толщей, нижняя (начиная с второго горизонта) представляет собой сложное, парагенетическое образование аллювиально-делювиально-пролювиального характера - люди селились на участках высоких поим или низких надпойменных террас, которые периодически заливались водой. Главной причиной накопления толщи были делювиальные процессы размыва близлежащих склонов (С.А.Несмеянов). Решение это проблемы чрезвычайно важно для окончательного определения возраста палеолитических слоев Щугноу.

Стратиграфия археологических горизонтов составлена по данным двух раскопов: главного на площадке Хокинак (раскоп А) и менее крупного (Б) на площадке Руиграк⁹. Серия промежуточных шурфов позволяет увязать оба раскопа в одно целое.

Нижние горизонты (2, 3 и 4) отмечались на Руиграке только отдельными находками и прослойками потемневшей почвы с угольками¹⁰.

Всего на стоянке Щугноу исследовано 5 последовательно залегавших и отделенных друг от друга практически стерильными прослойками культурных горизонтов.

Горизонт "0" (мелолит) залегал на глубине 3 м на верхней площадке Руиграка. В раскопе А слой не прослеживался, встречались лишь отдельные угольные пятна и кремневые отщепы. Остальные горизонты датируются эпохой палеолита.

Горизонт I находится на глубине 4,2-4,5 м от поверхности локального уступа или примерно 7 м от поверхности террасы.

Горизонт 2 на глубине 5,3-5,5 м или 8,5 м.

Горизонт 3 на глубине 6,5-6,7 м или 10 м.

Горизонт 4 на глубине 7,5 м или 11,5 м от поверхности террасы¹¹. Контактов различных культурных слоев по разрезам нигде не отмечалось. Иногда в стерильных промежутках попадались отдельные отщепы и другие изделия, но всегда в очень небольшом количестве. Мощность культурных горизонтов в целом одинакова и колеблется от 40 до 20 см. В отдельных случаях (I горизонт на раскопе А) наблюдается расщепление одного слоя на три уровня, разделенных тонкими прослойками лёссовид-

ных суглинков. Падение горизонтов наблюдается лишь на небольшом участке, максимально удаленном от внешней бровки террасы.

3. Описание культурных горизонтов

Общая площадь, на которой встречался обработанный камень, включая обе площадки (Хокинак и Руиграк), равна 6200 м^2 . Двумя раскопами, а также траншеями и шурфами на разных уровнях вскрыто около 500 м^2 , в том числе главный раскоп или раскоп А охватывает 303 м^2 и раскоп Б 50 м^2 . Серия шурfov и траншей показывает, что раскопы были заложены в местах наибольшего скопления культурных остатков. По мере расширения площади работ каждая новая прирезка получала свой номер. Между раскопами или рабочими площадками оставлялись бровки, дававшие возможность контролировать положение горизонта в продольном и поперечном направлениях. Горизонты вскрывались по однометровым квадратам. Расчистка проводилась по всей площади рабочей площадки с оставлением обработанного камня и других культурных остатков на месте. В отдельных случаях практиковалось оставление орудий "на столбиках" (в местах особой концентрации находок), но как правило, горизонт разбирался по всей площади отдельными уровнями. Каждый квадрат получал отметку от одного общего репера. Однообразный характер археологического слоя во всех горизонтах, ровное залегание культурных остатков, отсутствие каких-либо сооружений, ям или западин в значительной степени определили методику изучения культурных слоев Шугнуу. Характер всех горизонтов, приуроченных к прослойкам погребенных почв(?) или окрашенных в темный цвет в результате антропогенного фактора, одинаков - это скопления обработанного камня и редких костей, встреченные пятнами; остатки сильно размытых костров, имеющие вид пятен угольной пыли или красноватой пережженной земли. Никаких жилищ, выкладок и т.д. не отмечается. Все говорит о том, что в течение длительного времени удобный, хорошо обогреваемый солнцем мысок привлекал внимание древних охотников, останавливавшихся здесь на короткий срок, очевидно в летние месяцы.

Горизонт "0". Нулевой горизонт (исследованный только в

1970 г.) разобран на площади 50 м² в раскопе № 6 на Руиграке. Он находился в палевом плотном суглинке в плане, совершенно однообразном по цвету. В разрезе потемнения мощностью 10-15 см прослеживались, хотя и менее четко по сравнению с нижележащими горизонтами. Культурный слой представлял собой скопление расколотого камня, вытянутое полосой между двумя очагами (кв. Л-1 и кв. Х3-5). В остальных квадратах раскопа концентрации находок не зафиксированы.

Диаметр первого очага 0,9 м, второго - 0,4 м. Вокруг второго очага имелось слабо окрашенное угольное пятно, 2,6 м в поперечнике. Отмечены единичные находки костей (в обломках). Этот горизонт прослежен во многих траншеях, заложенных между раскопами на Руиграке и Хокинаке. Особенно значительная концентрация отщепов и обломков костей отмечалась в траншеях 4 и 6. По всей очевидности, остатки мезолитической стоянки в виде отдельных пятен обработанного камня и слебых кострищ встречаются на всей площади памятника.

Горизонт I. Общая площадь вскрытой части горизонта 160 м² на Хокинаке и 40 м² на Руиграке. Вместе с третьим горизонтом это наиболее размытый культурный слой стоянки. Не удается установить отношение культурных остатков к темному прослою (погребенная почва?), которая неплохо прослеживалась на уровне горизонта в зачистке главного раскопа. В целом, по всей раскопочной площадке отмечается однородный суглинок, имеющий буровато-желтую окраску, в котором отмечаются отдельные искорки угля, белесые известковые пятна и стяжения - журавчики. Изделия из камня, как, впрочем, во всех других горизонтах, покрыты известковой корочкой. Очажные пятна сохранились плохо, только в одном случае, в кв. Г-10 отмечено небольшое пятно, сохранившее уголь. Обработанный камень и кости (значительно реже, в основном обломки трубчатых костей, преднамеренно расколотых) встречаются отдельными пятнами-скоплениями. Так, в центральной части раскопа II зафиксировано скопление каменного материала в виде пятна, диаметром 1 x 1,5 м. Вместе с отщепами найдены кусочки охры, которая, кстати, попадается и на других горизонтах, но в небольшем количестве - на первом. Описанное скопление связано с несколькими крупными камнями-валунами,

лежащими на расстоянии 1 м друг от друга. Но, как правило, обработанный камень встречается отдельными скоплениями вне зависимости от очажных пятен. Очень редко вместе с отщепами отмечаются отдельные валунчики или крупные гальки, которые, по всей очевидности, являлись пестами или терочниками, хотя явственных следов использования на их поверхности невооруженным глазом заметить невозможно. В западной части раскопа 2 зафиксировано два, в восточной 3 условных уровня находок I-го горизонта, толщина которых от 6 до 12 см. Слой заметно повышается на восток от отметки 54 от Р в кв. Г-10 до отметки 23 от Р в кв. Е-10. Интересно, что ближе к реке три прослойки I-го горизонта довольно резко поднимаются вверх (на 1,5 м), повторяя, по-видимому, форму древнего рельефа.

Горизонт 2. Наиболее насыщенный находками горизонт палеолитической стоянки Шугнуу. Исследован на площади 130 м². Почти всюду археологические находки более или менее точно приурочены к прослойке темного цвета, средняя толщина которой 20 см, хотя на отдельных участках скопление находок связано то с кровлей этого потемнения, то находится в его основании, уже в темно-желтом суглинке. Приуроченность находок к темной прослойке во 2-м горизонте проявляется наиболее четко. Как и в предыдущем случае, находки встречаются в основном отдельными скоплениями-пятнами. Но в отличие от I-го горизонта, помимо изделий из камня, рассеянных в темной прослойке и подстилающем ее желтом суглинке, здесь встречены остатки очагов, вернее очажные пятна, состоящие из небольших углублений, заполненных углистой пылью, или пятна перекапанной земли красно-бордового цвета. Диаметр очагов - в кв. ИК-8-9 - 1,6 м; в кв. Е-15 - 1,25 м; в кв. В-13 - 40 см, и т.д. В слое встречаются более или менее крупные гальки или валунчики, которые, очевидно, несли определенные хозяйственные функции или же являлись первичным материалом. В одном случае (кв. Г-14) три валунчика лежат вместе, четвертый - в стороне. Он плоский, округлый, вероятно служил для сидения. Размеры: 25-30 см, 27-15 см, 20 x 23 см и т.д.

Несмотря на тщательную зачистку всех уровней, по которым производилась разборка 2-го горизонта, никаких следов жилищ обнаружить не удалось. Основные скопления обработанного камня отмечены в кв. ДГ-5-7, в кв. Е-9, 10, в кв. Д-16

и т.д. На отдельных квадратах количество находок достигает 80-100 экземпляров. В целом горизонт залегает почти строго горизонтально, разница отметок между пикетами определяется в среднем 10 см.

Горизонт 3. Раскопанная площадь этого наименее четко выраженного горизонта - 90 м². Находится в непосредственной близости к галечно-щебечатой прослойке. В отдельных случаях отщепы и пластины находились непосредственно на поверхности прослойки. В плане горизонт практически не прослеживается, сравнительно мощная темная прослойка, отмеченная в главном разрезе раскопа А, не содержала значительного количества культурных остатков и при расширении площади раскопов оказалось, что на этом уровне встречаются лишь небольшое число разрозненных находок и очень небольшие углистые линзочки или скопления размытых угольков. Только в кв. ДЕ-17, 18 на уровне 315 от Р встречено интересное скопление находок, которые можно рассматривать как остатки мастерской. Это скопление отщепов и осколков фельзит-порфира темно-синего цвета, состоящее из лежащих рядом трех кучек, причем создается впечатление, что эти кучки представляют собой скопления первоначально расколотого камня, лежащего там, где происходило первоначальное дробление желваков. Помимо осколков и отщепов здесь имеется несколько крупных пластин из зеленокаменной породы и несколько обломков костей.

Горизонт 4. Стратиграфически 4-й горизонт представляет наибольший интерес, поскольку он находится в самом основании 15-метровой лёссовидной толщи и частично очагные пятна этого горизонта встречены уже на поверхности аллювия, составляющего базальный горизонт террасы. Таким образом, археологические материалы могли бы датировать завершение бесспорно аллювиального цикла формирования самой высокой из среднего комплекса плейстоценовых террас в районе Шугну. Однако вскрытый на площади 90 м² слой дал очень небольшое число находок, в основном заготовок, что очень затрудняет окончательное определение возраста этого важного горизонта.

Это тем более удивительно, что в этом горизонте имеется наибольшее количество очагов, сохранивших угольную пыль. В этом отношении 4-й горизонт дает картину наиболее близкую

к той, которая имела место во время жизни на стоянке. Правда, очаги сильно размыты и их форма в большинстве случаев не соответствует первоначальной. Диаметр наиболее крупных - 1 м. Вместе же со слабо выраженным углистыми пятнами максимальный диаметр очагов в кв. ЕД-15-17 - 3,5 м. Частями около очагов встречаются пятна высушенной плотной глины. В отдельных случаях как будто отмечены небольшие пятна золы. Изделия из камня, как уже говорилось, очень редки. Нигде не зафиксировано более 3-4 отщепов вместе. Как в плане, так и в разрезе слой залегает горизонтально. Следует добавить, что 3 и 4 горизонты как бы "подвинуты" в сторону реки по отношению к первым трем, которые заходят несколько глубже к бортовому шву террасы.

Небольшое количество археологических находок при таком значительном количестве кострищ (более 20, не считая мелких пятен) очень трудно объяснить. Скорее всего перед нами основание культурного горизонта, верхняя часть которого срезана селевыми потоками.

Таким образом, во всех описанных выше горизонтах мы видим, что характер культурного слоя свидетельствует о кратковременной жизни. Об этом, очевидно, говорит и полное отсутствие украшений, предметов искусства и т.д. Кроме того, в большей или меньшей степени, все горизонты, после того как люди их оставили, в течение определенного времени подвергались размыву (дожди, медленный сток воды по склонам), что привело к вымыванию угольной массы из очагов, возможно, к некоторому перемещению мелких отщепов и изделий по площади стоянки. Соответственно и инвентарь всех горизонтов стоянки более всего отвечает временному охотничьему лагерю.

4. Каменный инвентарь

Изделия из камня (табл. I-3) являются единственной категорией находок во всех горизонтах стоянки Шугнуу. Общее их число, включая небольшой количественно подъемный материал и предметы, найденные в отвалах и при бульдозерной обработке, - около 4700 изделий. Основной породой, из которой изготавливались каменные орудия в Шугнуу, являлись серовато-зеленые или синие фельзит-порфиры. Среди других пород встреча-

ется окремненный известняк, кремнистый сланец. В меньшей степени использовался кремень, светло-серый или темных оттенков. Последний материал использовался чаще в 2-х верхних горизонтах, (реже во 2-ом) и почти отсутствует в 3 и 4 м. Ниже дается предварительная характеристика инвентаря стоянки и предположительная датировка горизонтов.

Горизонт "0". Количество находок на горизонте I79. Основной тип заготовок, встречающихся здесь – это крупные отщепы дл. 7-9 см, неправильной формы, грубые, с невыразительными маленькими или, наоборот, крупными гладкими площадками. По общему своему облику и технике скальвания они более всего напоминают отщепы гиссарских коллекций. Довольно выразительна группа нуклеусов. Это крупные куски кремнистой породы, обитые во всех сторонах, часто кубовидной формы. Они служили многоплощадочными нуклеусами, у которых не было фиксированных площадок, а отбивной площадкой служила плоскость фасетки предыдущего скола. Несколько нуклеусов можно назвать площадочными, другие приближаются по своей форме к дисковидным. Имеется несколько хорошо выраженных "блок-нуклеусов". Все эти формы находят близкие аналогии среди нуклеусов марканской мезолитической культуры Восточного Памира. Другую группу представляют мелкие пластинки, среди них большая часть перекликается с пластинками первого горизонта, но есть и правильные ножевидные пластинки, в том числе и микролитические. Хорошо выраженных соответствующих этим заготовкам нуклеусов не встречено. Орудия представлены единичной проколкой с затулленной спинкой, выемчатыми и скребловидными формами. Наиболее устойчивую серию составляют скребки, среди которых имеются небольшие округлые или на сечениях пластин, но большей частью на довольно крупных широких отщепах (дл. 4 см) с округлым крутым рабочим краем.

Как уже говорилось, наиболее близкие аналогии для материала горизонта "0" Чугноу встречаются среди материалов с Восточного Памира, особенно среди коллекций с Ошхоны. Очень схожи по форме и технике обработки пластины и отщепы, нуклеусы, концевые скребки (последние, правда, более всего близки к подобным орудиям, собранным в Аличурской долине, но это мало меняет дело). Для памирских коллекций также

очень свойственно сочетание крупных форм, выполненных в палеолитической технике, с более мелкими изделиями, изготовленными в пластинчатой пост-палеолитической манере. Все это дает определенные основания для мезолитической даты горизонта (по аналогии с Ошконой - VIII тыс. до н.э.).

Горизонт I. Общее число номеров коллекции, полученной на этом горизонте, - 1772. Среди заготовок четко различаются две группы: а) мелкие ножевидные пластинки и отщепы (2,2x2,3x0,8 см; 3,6x1x0,5 и т.д.) и б) крупные (7,8x3,3x1,4; 6,7x3,4x0,8 и т.д.). Заметную, но немногочисленную группу составляют крупные пластинчатые отщепы длиной в 6-7 см. В том случае, когда ударные площадки хорошо выражены, они большей частью прямые, гладкие, редко с несколькими фасетками ретуши. Важна для датировки серия мелких ножевидных пластин, обычно в обломках, часто сильно изогнутых в профиле, трехгранных в сечении. Длина их от 4 до 1,4 см. Ударные площадки маленькие, едва заметные. Такие пластинки могли сниматься только отщепом с нуклеусов, близких к призматическим. Эти пластинки и составляют одну из самых специфических особенностей инвентаря I-го горизонта. Интересно, что практически они никогда не имеют ретуши и, по-видимому, использовались как вкладыши составного оружия без дополнительной подправки, как это имеет место, например, в кокаревской культуре ^{I2}.

Этим пластинкам вполне соответствуют нуклеусы, с рабочей поверхности которых сняты тонкие пластинки, причем последняя очень выпуклая, не выровненная, в результате и получается значительная изогнутость профиля заготовки. В целом же количество нуклеусов в I и горизонте, как и вообще, в Нугноу незначительно. Помимо указанного типа есть несколько плохо выраженных многоплощадочных и очень крупный - дисковидный. Значительно большей серией представлены нуклеусы - скребки. Нужно сказать, что градации между нуклеусом микролитоидного облика и нуклеусом-скребком как орудием привести очень трудно. Только нуклевидные скребки с хорошо выделенным носиком, настоящие "grattoir-museau", не вызывают сомнений в их функциональном назначении. Нуклевидные скребки составляют наиболее заметную группу орудий I-го горизонта.

Небольшой серией представлены концевые скребки, на узких кремневых пластинках, с тщательно обработанным рабочим краем и боковыми сторонами и более грубые - на отщепах. Среди орудий единичных форм: резец на углу сечения пластинки, отщепы с небольшими участками ретуши, пластины (обычно крупные) с зубчатой, рваной ретушью по краю, долотовидные инструменты, скребла на осколках или крупных отщепах, редкие острия.

Археологическая дата горизонта, как кажется, должна соответствовать какому-то из поздних этапов верхнего палеолита. Некоторую сложность создает присутствие нуклеусов-скребков, имеющихся в Средней Азии в Самаркандской стоянке, в мастерской на Красноводском полуострове и пещере Кара-Камар в Афганистане. Памятники эти разновременны. И, конечно, требуется очень детальный анализ нуклеидных скребков из I-го горизонта Шугноу (больше ни в одном из культурных слоев значительного числа этих орудий нет), чтобы найти наиболее точные аналогии к ним. Заметим, что, по данным Д.Гаррод, нуклеидные скребки составляют 80% всех орудий в атлтийской фазе верхнего палеолита Ближнего Востока¹³. Имеются они и позже, уже в кебарийской и натуфийской культурах.

Горизонт 2. Общий облик материала, полученного на 2-м горизонте, заметно отличается от изделий из вышележащих слоев. Это наиболее богатый горизонт стоянки (и наиболее концентрированный в плане), давший 1839 предметов.

Инвентарь 2-го горизонта кажется более крупным благодаря большому количеству пластин (длина 7-10,5 см) и отдельных очень больших отщепов (например, 6 x 6, 8 x 2,4 см), хотя массовый материал-отщепы имеют такие же размеры, как и в первом горизонте (от 2,4 x 2,1 x 0,6 до 5,7 x 6 x 2,7). Среди ударных площадок большие изогнутых, приближающихся к мустерьским, чем в первом горизонте, хотя в массе преобладают прямые площадки. Более заметно, чем в первом горизонте, выражена пластинчатость. Пластины (и пластинчатые отщепы) двух типов: грубопризматические и мустерьские-треугольные или листовидные. Одна часть пластин имеет правильную окантовку с параллельными краями, другие - треугольного сечения. Наиболее крупная пластина - 10,5 см. В меньшем числе, но все-таки присутствуют здесь и мелкие пластины длиной в 1,5,

2,4, 2,6 см, которые вообще-то теряются среди более крупных заготовок. Следует специально упомянуть отщепы и пластины с боковым утолщением (иногда - сколом), имеющим характер обушка. Процент подобных изделий не подсчитан, но они представляют достаточно значительную и выразительную группу. Интересно, что этот же прием, связанный с определенной техникой снятия сколов с нуклеуса или вторичной обработки заготовки, хорошо прослеживается в материалах слоев 2-А и 2 в Туткауде, что демонстрирует важный момент преемственности технических традиций.

Нуклеусы немногочисленны и плохо выражены. Они угловатые, двух- или многоплощадочные, часто занимающие промежуточное место между площадочными (одностороннее скальвание с узкой площадки) и призматическими (круговое скальвание с окружной площадки). Несколько экземплярами представлены хорошие площадочные нуклеусы леваллуазского типа.

Помимо обычных для всех среднеазиатских памятников каменного века скребловидных орудий на пластинках и отщепах, отдельных орудий с выемками, обработанными очень мелкой ретушью, проколок и проворток, а также орудий случайных форм, следует обратить внимание на две серии орудий:

1. Концевые скребки. Характерны два типа - скребки на крупных удлиненных пластинах, на укороченных толстых пластинах, иногда на сечениях таких пластин. Единичные формы: скребки округлые, обработанные по всему периметру диска, с плохо выраженным рабочим краем, скребки на отщепах.

2. Острия. Количество это, пожалуй, наиболее распространенный тип орудий. Они очень разнообразны. Среди острий Шугну имеются подлинные "pointes", с краевой приостряющей ретушью, как с одного, так и с двух краев, с "обушком" и, наконец, небольшая, но очень важная группа орудий - острия с затупленным краем. Среди них единичная находка острия типа граветт, два - три острия "туткаульского типа", но с уступом для упора пальца, острия из мелких пластинок с очень небольшим участком притунившей ретуши. Часть из этих орудий служила в домашнем хозяйстве, но другая могла использоваться для охоты. Некоторые острия были, очевидно, наконечниками копий (некое сечение и правильные формы позволяли использовать их без подтесывания основы-

ния). Бессспорно, имелись и свежевальные ножи.

По своему облику инвентарь 2-го горизонта существенно отличается от инвентаря первых двух горизонтов. Здесь более велика роль крупных грубопризматических пластин, имеются иные типы орудий или же одинаковые орудия значительно отличаются своими пропорциями. Отмечается влияние мустьерских элементов. Об определенной древности горизонта говорит и то обстоятельство, что его инвентарь, бессспорно, ближе стоит к коллекции из нижележащих слоев, чем к верхним горизонтам. Существенным является и падение процента орудий из кремня. Учитывая стратиграфическое положение слоев, можно думать, что разрыв во времени не должен быть особенно значительным. Условной датой можно, очевидно, считать 25-28 тыс. лет¹⁴, но никакой уверенности в справедливости предложенного возраста слоя вплоть до полного анализа всех данных по Шугнуу нет. Осложняет определение даты 2-го горизонта и то обстоятельство, что среди инвентаря горизонта 2-А Туткаула имеется немало аналогичных форм: характернейшим орудием здесь является острие с затупленной спинкой (в том числе с прямой, напоминающей граветт), аналогичны концевые скребки на широкой пластине, двухплощадочные нуклеусы, спорадические мустьерские пластины. Горизонт 2-А закат сверху горизонтом 2 (6 тыс. до н.э.), а снизу горизонтом Туткаул-3 (10 тыс. до н.э.), что свидетельствует о его мезолитическом возрасте. Может ли иметь место столь длительное переживание типов орудий, в данном случае около 20 тыс. лет?

Горизонт 3. Горизонты 3 и 4 дали наименьшее количество находок, причем в основном заготовки. Отсутствие ведущих форм орудий делает определение возраста этих слоев чрезвычайно затруднительным. В третьем горизонте всего найдено 292 изделия, большая часть которых относится к инвентарию мастерской. Основную группу находок составляют крупные отщепы мустериондного облика. В целом по сравнению со 2-м горизонтом возрастают размеры таких пластин, значительно больший их процент имеет изогнутые ударные площадки, часто с мелкими фасетками. Длина 7-8 см. Наряду с треугольными и листовидными пластинками имеются в меньшем количестве подпризматические экземпляры.

Немногочисленные нуклеусы явно стоят ближе к мустье-

ским площадочным, чем к призматическим. Вместе с тем, существование многих, более поздних, чем мустьевские, элементов, в частности находка на этом уровне типично верхнепалеолитического торцового нуклеуса, говорит против датировки этого памятника среднепалеолитическим временем. На этом горизонте в кв. ДЕ-17, 18 на уровне 315 от Р найдена первичная мастерская по раскалыванию камня. Это скопление темносинего порфирита, состоящее из трех групп отщепов и осколков, причем создается впечатление, что эти группы представляют собой скопления расколотого (раздробленного?) камня, лежащего там, где производилось первоначальное дробление желвака.

Горизонт 4. 191 предмет. Орудия очень редки. Одно острие с ретушью с одного края, выемчатое скребло, несколько отщепов и пластин с небольшими выемками, обработанными мелкой ретушью. Мустьевские элементы в характере заготовок проявляются, как кажется, еще явственнее, хотя небольшое количество находок не может дать полной уверенности в справедливости данного наблюдения. Отмечается в целом и укрупнение заготовок. Среди них встречаются очень крупные экземпляры. Но не меньшую, очевидно, роль играли и призматические пластины. Определение возраста 3 и 4 горизонтов представляет нелегкую задачу. Следует все же отметить следующее: 1) бесспорно возрастает мустьерионность инвентаря и удлиненность заготовок, 2) общий облик инвентаря 3-4 горизонтов ощущимо напоминает изделия Обирехмата (верхние горизонты?), 3) очаги четвертого горизонта в ряде случаев контактируются с аллювием и, по-видимому, практически синхронны кровле аллювиальной пачки 80-метровой террасы Яхсу у Шугноу. Это даже в случае, если дата аллювия - Q_3^2 , должно предполагать ранневерхнепалеолитическое время, скорее чем развитые этапы этой эпохи.

5. Заключение

Значение раскопок новой верхнепалеолитической стоянки Шугноу для изучения каменного века Средней Азии трудно переоценить. Долгое время Самаркандская стоянка и очень плохо опубликованная пещера Кара-Камар в Северном Афганистане были практически единственными памятниками на основании ко-

торых можно было составить представление об этой эпохе в Средней Азии.

Р.Х.Сулейманов отметил большой процент верхнепалеолитических элементов в верхних слоях Обирахмата и отнес последние к древнейшему этапу верхнего палеолита. Однако сколько-нибудь конкретных разработок этого плана пока нет. В связи с раскопками пещеры Ак-Купрук в Северном Афганистане получены новые данные о верхнем палеолите Афганистана. Но ни один из упомянутых памятников не имеет такой ярко выраженной стратиграфии, и именно в Шугноу мы получили возможность комплексной, многосторонней датировки археологических горизонтов, залегающих в 15-метровой толще суглинка, методами геологии и смежных наук, что и предполагается сделать в ближайшем будущем.

В плане археологического изучения детальные студии шугноуского материала позволяют в какой-то мере проложить мост, соединяющий верхний палеолит и многочисленные памятники гиссарской культуры Таджикской депрессии. Вполне возможно, что сходство куклевидных скребков и некоторых других элементов I-го горизонта Шугноу с материалами Самаркандинской верхнепалеолитической стоянки позволит более уверенно датировать последний памятник. Во всяком случае, после раскопок Шугноу можно сказать, что из всей свиты слоев этого памятника, наиболее близким к Самаркандинской стоянке является первый горизонт. Это как-будто подтверждает давно уже высказанное нами предположение о позднем (в рамках верхнего палеолита) возрасте Самаркандинской стоянки.

Потребуется очень много времени и работы, чтобы подойти к окончательному суждению о характере коллекции палеолитических слоев Шугноу, но уже сейчас можно отметить следующие особенности: 1) определенную "пластичность" инвентаря. Характер первичного материала был той причиной, в результате которой развитие этого явления проходило в двух направлениях - усовершенствование старой, перешедшей от мустерских времен техники скальвания с площадочных, куклевидов, и развитие новой техники, в результате которой появился и усовершенствовалась грубоизометрические пластины; 2) отсутствие "галечной техники" в сколько-нибудь хорошо выраженной степени. Это явилось для нас несколько не-

ожиданным, но это бесспорный факт. Этот факт показывает, что ранее предполагавшаяся закономерность: равнины дают палеолит ближневосточного типа, горы - возрастание "галечной техники", не может рассматриваться столь прямолинейно, как прежде. Очевидно, наряду с шугноуской культурой, существовавшей на юге Таджикистана, в течение нескольких исторических этапов могли существовать и, вероятно, существовали и другие верхнепалеолитические культуры, в том числе и такие, в которых "галечная техника" занимала, как в Самаркандской стоянке, значительное место. Аспирант Колумбийского университета Р.Дэвис, работающий вместе с Л.Дюпри над материалами верхнепалеолитических памятников Афганистана, после знакомства с коллекцией из Шугноу отметил, что несмотря на некоторые черты сходства (очень незначительные), материалы Шугноу резко отличаются от находок из Ак-Купрука. Не исключено, что здесь главную роль мог сыграть первичный материал: в Ак-Купруке - превосходный кремень и менее пластичные фельзит-порфиры в Шугноу; возможно, сложность сопоставления затрудняют и хронологические моменты. Решение этих вопросов - дело будущего. Но уже сегодня можно сказать, что мы получили новый вариант верхнепалеолитической культуры в Средней Азии, влияние которого на судьбы пост-палеолитических культур этого района было таким же значительным, как и у других технических вариантов - каракамарско-аккупрукского и самаркандского.

Отличие Шугноу от афганских стоянок есть еще одно доказательство, что именно где-то здесь на этих территориях, о которых мы только что говорили, и происходит окончательное затухание, исчезновение культур, которые определяются как "ближневосточные". Шугноу, как кажется, является вариантом азиятского палеолита, памятником, расположенным на самой границе стыка больших провинций верхнепалеолитического времени.

I Предварительные сообщения см. Г.Ф.Коробкова, В.А.Ранов, Неолит горных районов Средней Азии (по раскопкам поселения Туткаул). - В сб.: "Проблемы археологии Средней Азии", Л., 1968, стр. 18-21; В.А.Ранов, Г.Ф.Коробкова, Туткаул-многослойное поселение гиссарской культуры в Южном

Таджикистане, - СА, 1971, № 2, стр. 133-147; Т.П.Кияткина, В.А.Ранов, Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула), - "Вопросы антропологии", № 37, 1971, стр. 149-157, а также сборник "Археологические открытия", 1966-1969 гг.

² Состав отряда: В.А.Ранов - начальник, А.Х.Юсупов - мл. научный сотрудник, Н.Ф.Федотова - лаборант-чертежник. На раскопках было занято 16 рабочих.

³ Состав отряда: В.А.Ранов - начальник, Т.П.Кияткина - ст. научный сотрудник, А.Юсупов - мл. научный сотрудник, Н.А.Винниченко - художник, З.Искандарова, В.И.Киселев - лаборанты-чертежники, В.А.Жуков, С.С.Никитин - ст. лаборанты, Н.А.Москаленко, Т.Махмадиев - лаборанты. На раскопках было занято до 45 рабочих.

⁴ А.А.Никонов, В.А.Ранов, К характеристике средне-верхнеплейстоценовых отложений реки Яксу в свете новых данных (в печати).

⁵ О.К.Чедия, Зоны четвертичной аккумуляции и новейшая тектоника Дарваза. - Тр. Тадж.Гос.университета, сер. ест. наук, т.П, 1957, стр. 21.

⁶ См. стр.285 - 288.

⁷ Личное сообщение Б.Л.Кошелева.

⁸ Личные сообщения О.К.Чедия и А.К.Трофимова.

⁹ Раскопки на Руиграке проводились В.А.Жуковым.

¹⁰ В земле, переработанной при обработке почвы под огороды, найдено несколько каменных изделий, в том числе и превосходная ножевидная пластина из желтого кремня (подобный кремень в Шугноу не встречается) - явно неолитических по возрасту.

¹¹ Следует отметить, что названная террасовой поверхностью площадка Руиграка метров на 6-7 ниже, чем тыловая часть третьей террасы.

¹² З.А.Абрамова, Локальные особенности палеолитических культур Сибири. - В кн.: "УП Международный конгресс доисториков иprotoисториков. Доклады и сообщения". М., 1966, стр.48.

I8 D.Garrod, Notes sur le paléolithique supérieur du Moyen Orient, - BSPF, t. LIX, fasc. 7-8, 1957, p.440.

I4 Если симметрическое существование граветтской техники на западе (см. напр. A.Leroi-Gourhan /Ed./, La Préhistoire, Paris, 1966, p. 118). Но перекрывание этой техники можно наблюдать вплоть до мезолита.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ЯВАНСКОЙ ДОЛИНЕ

На протяжении ряда лет отдельные группы и крупные археологические отряды Института истории им. А.Дениша производили систематическое изучение археологических памятников Яванской долины. При этом было открыто и исследовано много памятников эпохи древности и средневековья, осуществлены многолетние систематические раскопки городища Горавала. Значительно меньше уделялось внимания памятникам эпохи первобытно-общинного строя, в частности памятникам каменного века, которые в Яванской долине еще мало изучены. Специальные работы по изучению каменного века до 1963 года не проводились. Только с началом строительства яванских оросительных каналов Институтом истории им. А.Дениша были организованы разведывательные группы за счет средств, выделенных строительными организациями.

Разведка была проведена в марте-апреле месяцах 1963 г. В результате были найдены открытые стоянки в северо-восточной части кылака Чарык, северо-западной части кылака Дагана, юго-западной части кылака Зар-Камар. На этих стоянках собран подъемный материал, который был определен как принадлежащий к гиссарской культуре.

В 1970 г. Институтом истории им. А.Дениша в составе Яванского отряда была организована специальная разведывательная группа с целью выявления новых археологических памятников в зоне строительства Яванского электрохимкомбината¹. Исследования проводились в течение одного месяца в северо-восточной и восточной частях Яванской долины.

Яванская долина расположена между двумя древними хребтами - Ракгантай и Карагатай. Ее прорезает река Яван-су. Ракгантай расположен на правом берегу Яван-су, Карагатай - на левом.

Адыры, террасы и террасовидные уступы - все приурочены к хребтам, которые переходят здесь в длинные языковидной формы террасовидные невысокие уступы, врезающиеся в

Яванскую долину. Все обнаруженные археологические памятники приурочены к этим террасовидным уступам.

В целях тщательного обследования данного района последний был разделен на три участка. Первый участок - у подножья Рангантау, начинался с террасовидных уступов, идущих с самого хребта, и заканчивался в самой Яванской долине. Второй участок - это карьер хребта Рангантау, тянувшийся с востока на запад. Третий участок - карьер у подножья Каратау, расположенный на высоких адырах и террасах на расстоянии примерно 500-1500 метров от долины. При обследовании этих объектов были обнаружены несколько археологических памятников, относящихся к каменному веку, эпохе бронзы и позднему средневековью.

I. Изучение памятников каменного века

Памятники каменного века обнаружены, в частности, в районе кишлака Нарын. Один пункт расположен в северо-восточной части кишлака, в 0,5 км от него, на низком террасовидном уступе. Высота над долиной примерно 50-70 метров. На нем встречаются обработанные камни, разбросанные на площади 50 x 50 метров. Памятник занимает вспаханный склон террасы, поэтому находки лежат прямо на поверхности почвы. Среди собранных камней превалируют кремневые орудия. Незначительное число орудий сделано из изверженных пород. Крупные отщепы, отбойники, песты, куранты напоминают изделия из верхних горизонтов гиссарских поселений - Туткаула и Саёда.

Вторая точка с остатками каменного инвентаря найдена в 400-500 м северо-западнее кишлака Нарын, на невысоком уступе террасы, которую с восточной части прорезает безмятежный сай. Высота уступа над долиной - примерно 40 м. Подъемный материал незначителен и встречается на склоне уступа. Основную массу находок составляют отщепы с хорошо и четко выраженными площадками и выпуклыми ударными бугорками, которые по технике отработки относятся к гиссарской культуре.

Отдельные кремни встречаются на нарынском городище Тамошо-тепа в юго-западной части кишлака, в разрезах и

водоснаж вместе с керамикой. Скоплений находок здесь нет.

Третий пункт - это поселение неолитического времени, расположенное на северо-восточной части кишлака Дагана у подножия террасовидного уступа, примерно в 100 м к северу от кишлака. Высота уступа от долины 30-40 метров. Площадка, на которой встречаются обработанные камни, около 40 м². Отдельные кремни попадались на поверхности террасы, большинство же их встречались на склоне. Здесь найдено 16 изделий.

Большей частью это кремневые отщепы и осколки. По типологическим признакам они похожи на аналогичные изделия из Нарынской стоянки. Встречаются и нуклеусы, но они безформенные, грубы. Микролитических ядрищ не обнаружено.

Четвертая точка находок каменных орудий открыта на западной стороне кишлака Заркамер, примерно в 3-4 км от северо-восточной части кишлака Дагана. Стоянка приурочена к низкому уступу террасы, относящейся к Q₃. Высота ее от современного сая Заркамер примерно 10-15 м. Площадь распространения находок 100 x 40 м. В основном находки концентрируются в центре площадки, в радиусе 20 м.

Заркамарская стоянка отличается от других стоянок по геологическому залеганию и орудиям труда. Она намного ниже, чем другие поселения гиссарской культуры. Все орудия здесь микролитоидные с высоким уровнем техники обработки.

Третьим участком нашего исследования являлись карьеры. Первый карьер расположен на северной части кишлака Дагана, на самом хребте Рангантау. Он тянется по хребту с запада на восток, примерно на 6 км.

В восточной части хребта расположен кишлак Хучаги-Боло, где имеется полноводный пресный источник воды, который до настоящего времени обеспечивает жителей кишлака водой. Ниже кишлака, к юго-западу, находится 30-метровый водопад, над которым расположено тепа. Здесь были найдены керамика, кости животных и сделаны отдельные находки каменного инвентаря.

Западная часть хребта резко понижается к сая Дагана, где тоже найдены отдельные экземпляры каменных изделий, относящихся к гиссарскому времени.

Второй карьер находится на перевале Чормазаки Якка

хребта Карагату. Остатки каменного века найдены у самого спуска старой дороги Душанбе-Яван, в 12 км от развилки автодороги Душанбе-Куляб. Стоянка приурочена к высокой террасе Карагату. Последняя тянется с востока от адьра на 6 км к западу. В самом конце ее низкого уступа расположена открытая стоянка. С северной стороны ее протекает сай Явансу, с юга-сай "Безымянный". Высота террасы над долиной примерно 80-100 метров. Площадь расположения находок около 50 м², значительных скоплений материала нет. В Яванской долине материалом для изготовления орудий служил в основном кремень. Последний, по всей вероятности, добывался из известняка близ расположенного хребта Рангантай. Некоторые изделия сделаны из изверженных пород. Следует отметить, что выходов самого галечника (конгломератов) в Яванской долине нет. По-видимому, его приносили с р.Вахи или с р.Кафирнигане.

Среди собранных находок на первом участке превалируют кремневые орудия. Большинство их не окатано, поэтому поверхность их имеет грани и частично сохраняет желвачную корку. Одну группу находок составляют крупные многоплоскодочные нуклеусы округлой и слегка удлиненной формы (4x2 - 6x7 см). Большинство - грубые, бесформенные, с глубокими сколами на поверхности, массивные. Техника обработки повторяет галечную, характерную для Тепеи-Газиен и других памятников гиссарской культуры². Кроме того, встречаются кремневые, миниатюрные, клиновидные, призматические нуклеусы, с которых скальвались микропластины. Площадки у них плоские, нередко подправленные. Среди них имеется ядрица с односторонним и двусторонним скалыванием. К последним следует отнести нуклеус клиновидной формы размером 4,6x2,9x2,5 см из светлокофейного кремня, одноплоскодочный, подправлена несколько фасетками. Противоположная сторона площадки острыя, как бы образующая резцовое лезвие. Размеры фасеток 0,5 см ширины и 2,2 см длины, не исключено, что этот нуклеус выполнял функции концевого скребка, поскольку аналогичные ядрища, служившие скребками, встречались в Саеде и Туткауле в I-II горизонтах (см. табл. 4/8).

Среди кремневых материалов в большом количестве представлены отщепы разных размеров, форм и техники изготовле-

ния. Длина их 1,5–2,8 см, ширина 0,8–1 см (табл. 4/3, 4).

Часто встречаются нуклевидные отщепы с высокой спинкой и продольными узкими сколами на ней. Такие отщепы, по-видимому, использовались как боковые скребла (табл. 4/6, 7).

Ножевидные пластины здесь неизвестны. В Заркамерском же поселении, наоборот, широко представлена микролитоидная пластинчатая техника. В качестве примера приведем микролитические ножевидные пластины из коричневого кремня. Размеры их 0,8×0,4 см и 0,5×0,5 см. Они треугольного поперечного сечения с тонкими ударными площадками, без всякой дополнительной обработки (табл. 4/1, 2). Такие пластины могли быть только вкладышами какого-то режущего составного орудия.

Здесь же найден наконечник стрелы, являющийся единственной находкой этого рода во всей Яланской долине. Он имеет треугольную форму и обработан с двух сторон сплошной струйчатой ретушью. В нижней части наконечника заметен едва намечающийся черешок, длиной 0,5 см и шириной 0,3 см. Техника обработки наконечника настолько совершенна, что позволяет предполагать более поздний, чем неолитический, возраст.

Во всех обнаруженных пунктах широко распространены всевозможные бесформенные осколки, нередко имеющие по несколько сколов на боковых сторонах. Некоторые из них могли служить заготовками микронуклеусов.

Гораздо реже встречаются орудия из изверженных пород камня. Среди них больше преобладают отщепы, типичные для гиссарской индустрии. Они массивные, удлиненных пропорций и хорошо выражеными ударными площадками и борогками. У многих на спинке сохранились негативы сколов. По технике обработки эти отщепы близки к кремневым. Из других изделий следует также упомянуть обломки зернотерок с хорошо зашлифованными поверхностями, ладьевидной формы. Большинство их сделано из мелковернистого гранита.

Встречаются песты, куранты, отбойники. Весьма интересен отбойник, изображенный на табл. 5/2. Он округлой формы, выбит точечной техникой и сильно сработан. Диаметр его 6 см, толщина 4,4 см. Такие отбойники обычно встречаются в гиссарских поселениях³, особенно в Туткауле и Саёде. Найдены обломки глиняного очага с саманной примесью того же

типа, что известны в энеолите Азербайджана и в Таджикистане в раннем средневековье. Этот очаг требует дальнейшего исследования.

Интересные находки были обнаружены на стоянке Хочаги-Боло. Это нуклеус из изверженных пород камня, дисковидной (или четырехугольной) формы размером 5 x 4,5 x 3,5 см, с круговым скальванием. Судя по имеющейся в нижней части его западине, покрытой мелкими выщербинками, можно предполагать, что это орудие могло выполнять функцию отбойника (табл. 5/3).

Второй интересный предмет, найденный здесь, скребло. Оно изготовлено на массивном отщепе удлиненной формы. Верхняя сторона тщательно обработана, затуплена двухсторонними фасами, он утолщен. Нижняя – острая, именно она являлась рабочей частью бокового скребла. На спинке сохранилась галечная корка. На брюшке заметны следы поправки рабочего края, размер: длина – 10 см, ширина – 5 см, толщина – 2 см (табл. 5/I). Такой предмет встречается в гиссарской культуре впервые. Им могли пользоваться как скобляющим орудием, применяемым для обработки шкур убитых животных.

В 1969 г. во время проведения геолого-исследовательских работ в Яванской долине, геологом тов. Лазаренко было обнаружено несколько археологических памятников, относящихся к гиссарской культуре. Найденные материалы были представлены в Институт истории им. А.Дониша. Одна из открытых стоянок обнаружена в 0,5 км к северо-востоку от кишлака Мирзо-Боло. На ее площади собрана значительная коллекция каменных изделий, залегающих прямо в почвенном слое западного склона хребта Карагату, на высоте 15-70 метров.

Всего здесь было найдено 55 предметов. Из них: кремневых – 42 экз., галечных – 13. Находки делятся на несколько типов: осколки, отщепы, нуклевидные отщепы, нуклеусы и ножевидные пластинки. Нуклевидных отщепов – четыре, все они сделаны из кремня. Два отщепа имеют окружную форму, два других – пластинчатую, удлиненную. Спинки у них выпуклые и сохраняют негативы продольных и поперечных сколов мириной I-I,6 см (см. табл. 6/3). У других отщепов спинка отработана мелкими фасетками, нанесенными с ударной площадки. Верхний край их уплощен мельчайшей ретушью. Форма отщепов луко-

образная, как у кальцевидного скребла. Можно предполагать, что они могли быть использованы и как скребковые орудия.

Имеются и первичные и вторичные отщепы, сделанные как из кремня, так и галек; их двадцать шесть. Они различны по размерам, однако галечные отщепы, как правило, несколько больше кремневых. Так кремневые имеют размеры: от 1,2x1x0,2 см до 2,4x2,1x0,8 см. Размеры отщепов из изверженных пород: 3,4x2,6x0,6 см, крупных - 3,6x5,9x1,3 см (табл. 6/5).

Ножевидных пластин всего две. Одна - кремневая, серого цвета, размером 2,2x0,7 см (табл. 6/1). Вторая - желто-голубого цвета с двускатной спинкой. Со стороны площадки она широкая и на спинке имеется три следа коротких фасеток. Размер 3,3x1,1x0,6 см. Обе пластиинки без ретуши (табл. 6/2). Такие ножевидные пластиинки встречаются в гиссарской культуре. Осколков всего четыре - все они кремневые, бесформенные, на них имеется множество следов фасеток удлиненных и округлых форм.

Среди находок большие встречаются кремневые нуклеусы; их - 16 экземпляров. По форме они отличаются друг от друга. Большинство из нуклеусов односторонние, представляющие собой грубые заготовки, отесанные лишь только с одной стороны широкими сколами. Два ядрища имеют широкие подправленные площадки и круговое скаливание. Имеются и миниатюрные нуклеусы (табл. 6/6). Один нуклеус одноплощадочный с двусторонней обработкой, плоской и удлиненной формы. Площадка уже, чем нижняя часть.

Следы негативов сколов идут параллельно друг другу, шириной - 0,3-0,4 см и длиной 3,8 см (табл. 6/6). Найден нуклеус из зеленого мелкозернистого кремня. Он одноплощадочный, грубо-клиновидной формы. Следы фасеток идут параллельно друг другу. Фасетки шириной в среднем 0,5 см, некоторые в конце сужаются. Подобные нуклеусы встречаются в Тутхаульском и Саёдском поселениях в I горизонте⁴. Точно такой же формы нуклеус из мелкозернистого кремня кофейного цвета, с которого снимали микропластиинки (см. табл. 6/7, 10). Нуклеус из кремня кофейного цвета плоский, односторонний и одноплощадочный. Ударная площадка ровная, следов повторяющих не определяется, а на противоположной стороне имеются три углубленные широкие фасетки. Этот нуклеус интерес-

сен тем, что, как и у большинства одноплощадочных, ножевидные пластины скальвались с одной стороны, т.е. удлиненной широкой стороной.

Размеры негативов сколов: 0,3–0,4 см ширины и 2,3 см длины (см. табл. 6, рис. 8). Самый миниатюрный нуклеус из светло-желтого мелкозернистого кремня, двухплощадочный. Первая площадка ровная, подправленная, треугольной формы. Явно определяются следы фасеток, широких, идущих параллельно друг другу, шириной 0,5 см, длиной 2 см. Вторая площадка шероховатая, имеет два углубленных негатива, фасетки мельче, чем на другой стороне. Ширина их 0,3, длина 2 см. На нижнем конце нуклеуса сохранилась частично корка желвака. Такие нуклеусы встречаются на неолитических поселениях Таджикистана, особенно в Саеде (табл. 6/9).

Скребловидное орудие обнаружено одно – боковое скребло из светло-красного кремня, грубое, почти треугольной формы. На отщепе спинка трехскатная, на одной стороне сохранилась корка желвака. На рабочем крае имеются следы ретуши, нанесенные со стороны брюшка. Можно предполагать использование орудия для обработки шкур убитых животных.

Следует полагать, что описанные выше изделия, собранные с нескольких пунктов Яванской долины, были оставлены здесь людьми каменного века, которые периодически приходили сюда.

Материалом для изготовления орудий служил исключительно кремень, притом хорошего качества. Крупных изделий из кремня очень много, особенно на открытой стоянке Нарына. Однако имеются и мелкие микролитические изделия из кремня, особенно на открытых стоянках Заркамара и Мирзо-Боло, которые по облику и технике обработки можно сопоставить с капсийским типом. Эти находки достаточно единообразные и представляют собой выдержаный комплекс как по форме изделий, так и по технике их изготовления. По общему характеру открытых поселений и обнаруженных находок можно сделать вывод, что обитатели его занимались скотоводством и собирательством (и земледелием?).

Может быть, поселение Заркамар окажется энеолитическим, что особенно важно для Таджикистана, где подобные памятники пока не известны.

2. Раскопки на Тамошо-Тепе

Во время разведок в Яванском районе А.Ю.Юсупов обнаружил на юго-западной окраине кишлака Нарын Яванского района большое городище. В плане городище представляет собой почти правильный квадрат со сторонами около 400 м длиной. Стороны городища ориентированы СВ-ЮЗ, ВЗ-СЗ. Со всех сторон городище окружено крепостным валом, который имеет в некоторых местах высоту до 3 метров. Вал сильно оплыл. Через равные промежутки на его гребне видны неглубокие перепады. Въезды на городище, по-видимому, намечаются в северо-западной и юго-восточной стене.

Для городища характерен слаженный рельеф, мало отличающийся от естественного. Он выделяется благодаря валу. Примерно в центре городища, с северо-востока на юго-запад тянется цепочка широких, неглубоких впадин, соединенных между собой современным арыком. По этому арыку, выводящему селевые потоки из сая, подходящего к городищу с западной стороны, вода попадала во впадины и там некоторое время держалась. На территории городища есть еще несколько опливших впадин. В юго-западном углу городища возвышается бугор, имеющий квадратную форму и пятиметровую высоту. Стороны его ориентированы также, как и стороны городища. Правильная форма и отсутствие в других частях городища подобных возвышений позволяет рассматривать это возвышение как цитадель. На месте этого бугра до 1955 г. был большой хауз. Хауз занимал всю внутреннюю площадь бугра и нельзя исключить возможность, что этот бугор образовался от выемки грунта при строительстве хаузса. Хауз наполнялся водой весной из того же сая, что и впадины на городище. Глубина его первоначально равнялась 4,45 м. Постепенно, несмотря на очистки, хауз все больше заливался. К 1955 г. его глубина стала не более 2м. Хауз перестали чистить совсем, потому что в кишлак ировали водопровод из родника, расположенного в окрестных горах. При опросе местных жителей не удалось узнать, когда был вырыт хауз. Можно считать, однако, что его устройство падает на новое время. Местные жители говорили, что воды в хаузсе хватало до конца месяца, а затем приходилось привозить ее из горных родников.

Шго-западный вал городища разрушен глубокой траншеей, которую прорыли недавно для того, чтобы предохранять от потравы скотом посевы пшеницы и ячменя, окружающие поселок с южной стороны и западной.

Весной в северо-западной части городища местные жители начали строительство глинобитных домов. Затем строительство было прекращено и часть домов разрушена. При строительстве одного дома было найдено захоронение в хуме. Чепраки попадались в каждой яме, из которой строители брали глину для возведения стен. В яме, вырытой в теле вала недалеко от северо-восточного угла городища, лежит интересный обработанный камень, несколько похожий на фуст колонны, но с глубоким чашевидным углублением на одном из торцов.

Осенью 1970 г. на городище были начаты раскопки сотрудниками сектора археологии и нумизматики Института истории им. А.Дениша АН Тадж.ССР. В составе отряда работали:

1. Йусупов А. - начальник отряда
2. Соловьев В. - зам. нач. отряда
3. Маняхина А. - ст. лаборант
4. Абдуллаев А. - ст. лаборант
5. Абдуллаев Д. - ст. лаборант.

Работы в Яванской долине продолжались с 19 октября до 24 декабря 1970 г. Во время работы сотрудники отряда пользовались консультациями Б.А.Литвинского, который являлся научным руководителем работ.

Основные работы отряда были сосредоточены на городище Тамошо-Тепа. Разведочные раскопы были заложены в кишлаках Нарын и Дахана.

Раскоп № I. Раскоп № I был заложен на квадратном бугре внутри хауза. Цель его - выяснить, была ли цитадель на месте бугра или нет. Сразу же сверху пошли иловые прослойки. Иловые прослойки состоят из линз темно-серого и желтоватого цвета. Они образуют своеобразный иловый "шрог" с однообразным чередованием светлого и серого цвета. Число желтоватых линз равно 19, число серых - 18. Общая толщина иловых отложений равна 2,25-2,45 м. Толщина отдельных линз колеблется от 44 см до 2 см. Изредка, в иловой толще попадаются обломки стенок водоносных кувшинов. Под иловой толщей находится материковый слой. Если на этом участке бугра и бы-

ли какие-то постройки, то они были снесены при рытье хазза.

Раскоп № 2. Раскоп № 2 (4 x 4 м) был заложен на территории городища, метрах в пятнадцати к востоку от раскопа № 1. Стороны его ориентированы по странам света. Сверху раскоп прорезал вначале слой дерна толщиной 20–25 см, затем слой рыхлого светлого лёсса толщиной 1,10–1,20 м. В лёссовом слое было найдено большое количество черепков и костей. Углубив раскоп на 1,5 м, мы прирезали к его южной части ступеньку шириной 1 м, глубиной 0,85 м. Под лёссовым слоем на всей площади раскопа лежит культурный слой неравномерной толщины – 30–80 см. Культурный слой состоит из золы серого и зеленоватого цвета, костей, обожженных кусков земли, черепков. Под культурным слоем, вначале в южной части раскопа, а затем и в северной, на глубине 2,2–2,3 м появился материк – красноватый плотный лёсс без каких-либо включений.

Раскоп № 3. Был заложен в северо-восточной части города и имеет квадратную форму 4 x 4 м; стены раскопа ориентированы по странам света. Также, как и в раскопе № 2, здесь был вскрыт вначале дерновый и лёссовый слой. В лёссовом слое были найдены черепки, зернотерки, сделанные из массивных камней. Под лёссовым слоем не было найдено культурного слоя или построек.

Раскоп № 4. Раскоп № 4 заложен в 70 м к югу от раскопа № 3 на краю крупной промоины, в обрезе которой были видны черепки, кости, угли. Размеры раскопа 5 x 5 м. Стены ориентированы по странам света. В этом раскопе мы тоже не нашли построек и культурного слоя. Черепки, кости и угли, видимые в срезе промоины, были, видимо, принесены водой из какой-то части городища. Отсутствие в северо-восточной части города культурного слоя и построек свидетельствует о том, что эта часть города не была застроена совсем, а служила загоном для скота.

Не найдя построек в северо-восточной части города, мы перенесли наши работы в противоположную часть города – юго-западную. Здесь, недалеко от юго-западного угла города, было заложено два разведочных шурфа 4 x 4 м (раскоп № 5 и № 6). Расстояние между шурфами равно 50 м. После того, как в этих шурфах были найдены постройки из пахсы, шурфы были превращены в раскопы и заложен еще один раскоп № 8.

Раскоп № 5. Площадка, на которой был заложен раскоп, имела ровную, чуть понижающуюся к западу поверхность, покрытую мелкой сорной травой. Уровень дневной поверхности в этом месте соответствует уровню 19 яруса⁵. По восточной бровке с юга на север шла буквенная нумерация квадратов (2 x 2 м). По северной бровке раскопа шла с востока на запад цифровая нумерация. В лёссовом слое было найдено большое количество битой керамики, костей, камней, обломков зернотерок. Иногда попадались археологически целые сосуды. В восточной части раскопа найдены первые стенки пахсовых построек (?). Сохранность их исключительно плохая, в абсолютном большинстве случаев штукатурка *in situ* не сохранилась. Именно в этих случаях определение стен становится настолько затруднительным, что уверенное решение вопроса: стена это или затвердение грунта, становится невозможным. Раскопки не выявили рациональной системы помещений. Поэтому описание, приводимое ниже, сами раскопщики рассматривают как предварительное.

Помещение I подпрямоугольное в плане. Стены его сохранились на высоту чуть больше одного метра. Сложенны они из пахсы и имеют довольно ровную внутреннюю поверхность. Обмазка стен не сохранилась. В северо-западной стене имеется проход шириной 1,20 м. Восточный отрезок этой стены образует пилюнообразный выступ. К этому выступу снаружи приставлена стенка. Между ними четко виден извилистый шов шириной от 2 до 8 см. Приставная стена сузила проход до 70 см. На месте первоначального прохода образовался небольшой тамбур. С юго-восточной стороны к помещению примыкают две хозяйственных ямы № 2 и № 3, отделенные между собой и от помещения пахсовой перегородкой. Хозяйственная яма № 2 подпрямоугольная в плане (1,50 x 1,20-1,05 м). Хозяйственная яма № 3 имеет почти квадратную форму (1,04-0,80 м). Стенки хозяйственных ям сделаны из пахсы. Высота стенок 30 см. Углы ям округлены. Переход от пола к стенкам сделан выкружкой. Сверху ямы были заполнены упавшей пахсой. На полу ям были найдены черепки, кости, куски ганчевой обмазки, одно прислице, заготовка прислица и глиняный марик.

Помещение № 2 расположено к северо-востоку от помеще-

ния № 1. Оно еще полностью не раскопано. Длина вскрытой части равна 3,10 м., ширина 2,40 м. Стены помещения сохранились на высоту 1 м. Сложены они из пахсы. В некоторых местах в пахсу включены камни. В юго-западном углу помещения расположена хозяйственная яма (70x80 см). Углы ямы закруглены. Высота стен 40-60 см. Яма была заполнена рыхлым лесом с перегнившими органическими остатками. На дне ямы был найден обломок венчика и ушки лепного котла.

Помещение № 3 расположено к западу от помещения № 2. Помещения соединены проходом шириной 60 см. Перекрытие прохода опиралось на два примитивных пилона. Длина пилонов 80 см., ширина 40 см. Помещение прямоугольное в плане (1,80x1,20 м.). Стены помещения сохранились на высоту 0,90-1,20 м. Сложены они из пахсы.

Помещение № 4 расположено в юго-западной части раскопа, по соседству с помещением № 1. Помещение это еще не раскопано полностью. В северо-восточной стене были сделаны две ниши прямоугольной формы. Перед нишами сделана полочка высотой 40 см. В этих нишах были найдены кости и черепки. Третья ниша, полуovalная в плане, была расчищена в западной стене помещения. В нише было найдено пряслице и две заготовки для них.

Помещение № 5 является как бы вестибюлем помещения № 1. Первоначально помещение имело прямоугольную форму (3,60x1,40 м.). После того как в северо-восточной части помещения была поставлена приставная стена длиной 1,60 м., шириной 1,20 м., оно стало значительно меньше. К северо-восточному углу помещения примыкает хозяйственная яма № 5. Диаметр ее равен 1-1,06 м. Сверху яма была заполнена мягким лесом. На дне ямы лежали обломки котла, кости, черепки.

Помещение № 6 расположено в северо-западной части раскопа. Оно имеет неправильную форму. Длина его 2,80 м., ширина - 0,70-1,24 м. В юго-восточном углу помещения сделана ниша окружной формы. Устье ниши имеет ширину 30 см, длину 40 см. Затем ниша расширяется до 54 см и удлиняется до 80 см.

Помещение № 7 было открыто уже тогда, когда работы на городище подходили к концу. Помещение раскопано неполно-

стью. Длина раскопанной части его равна 3,60, ширина - 1,40 м. Стены сделаны из пахсы. Качество постройки их значительно лучше, чем других помещений. Это помещение относится к первому строительному периоду. Пол его расположен на уровне, который соответствует низу ХХII яруса, т.е. ниже на 80 см уровня пола в помещении № I, на 90 см ниже уровня пола в помещении № 2. Над полом лежит культурный слой толщиной 40 см. В культурном слое найдены две почти целые чаши и резная kostяная проколка. Культурный слой в помещениях нижнего жилого горизонта отсутствует. Сверху помещение было заполнено рыхлым лёссом и кусками пахсы. Пол неровный, но хорошо утрамбованный. На полу встречались отдельные kostи, черепки, прядилицы и заготовки к ним.

Раскоп № 6. Раскоп № 6-прямоугольный 9x II м. Он вытянут с запада на восток. По восточной бровке раскопа с юга на север идет буквенная нумерация квадратов. По северной бровке раскопа идет цифровая нумерация.

В лёссовом слое было найдено большое количество битой посуды, обломков зернотерок, костей, камней. В квадратах 3-II, I2; X-8, 9; K-I2 на глубине ХУI-ХУП ярусов были найдены почти целые сосуды (всего 10 экземпляров). Они делятся на две группы:

1) глубокие чаши с загнутыми внутрь краями в одном случае и отогнутыми во втором случае;

2) небольшие чашечки с различной конфигурацией стенок. Эта керамика относится к верхнему жилому горизонту. Была найдена керамика и из ям, вырытых позже второго жилого горизонта, впущенных в него.

Помещение № I было вскрыто в том месте, где появились первые стены, в квадрате И-10. Оно представляет собой небольшой, видимо, хозяйственного назначения "закуток" под-прямоугольной формы (1,30 x 1,10-0,80 м). Стены помещения, сложенные из пахсы, сохранились на высоту 1 м. В юго-восточном углу помещения было расчищено дно хума диаметром 40 см. В дне хума, в том месте, где оно переходит в стенки, было просверлено отверстие диаметром 1,5 см. Хум сделан от руки. Обжиг его серый, неравномерный. На полу помещения прослеживается культурный слой (толщиной до 5 см) из разложившихся органических остатков. С юго-востока помещение № I

отгорожено стенкой-перегородкой толщиной 20 см. Эта перегородка собственно и делает этот закуток похожим на помещение. До этого, видимо, он был большой хозяйственной нишей. Помещение № 1 относится ко второму жилому горизонту.

Помещение № 2 расположено к юго-востоку от помещения № 1. Оно прямоугольное в плане. Длина его 3,60 м, ширина - 1,70-1,92 м. Юго-западная стена помещения разрушена помещением № 6. Первоначальную высоту стен установить не удалось. Самая высокая стена юго-западная - 1,30 см, самая низкая-северо-западная - 50 см. Помещение № 2 представляет особый интерес. Стены его сложены из пахсы. Начиная от пола, стены имеют наклон внутрь помещения. На высоте 1 м от пола этот наклон достигает 12 см. Поверхность стен ровная, покрытая обмазкой из чистой глины. Толщина обмазки 0,5 см. Поверх этой обмазки стены были покрыты алебастровой штукатуркой толщиной 0,5-1 см. Штукатурка на стенах не сохранилась. Вся она найдена в обломках на полу помещения. Пол помещения хорошо утрамбован. Он имеет ровную, поникающую к юго-востоку, поверхность. Переход от пола к стенам осуществляется выкруткой. В юго-восточной части помещения в полу вырыта поперечная дугообразная канавка шириной 4-5 см. Уровень пола в помещении соответствует началу XX яруса. Это на 80 см ниже уровня пола в помещении № 6. На полу лежит культурный слой, состоящий из серой и зеленоватой золы, разложившихся органических остатков, черепков, костей. Толщина слоя 50 см. Помещение № 2 относится к первому жилому горизонту.

Помещение № 3 расположено в западной части раскопа. Оно представляет собой отрезок коридора длиной 4,60 м, шириной - 1,36-1,04 м. Стены сохранились на высоту 1,10-1,20 м. Сложены они из пахсы и оштукатурены ганчем. Пол помещения лежит на уровне ХУП яруса. На полу помещения был вскрыт культурный слой 5-8 см, состоящий из черепков, золы. В юго-западной части помещения была найдена половинка раковины каури.

Незастроенный промежуток между помещениями № 1 и № 3 являлся двориком. Он имеет прямоугольную форму 2,5x2 м. Уровень пола двора лежит на уровне ХУП яруса. На полу была найдена стеклянная бусина. В северо-западном углу двора

сооружена из паксы хозяйственная яма прямоугольной формы 90 x 100 x 66 см. Толщина стенок ее равна 12 см. Яма была заполнена костями, черепками, разложившимися органическими остатками.

Помещение № 4 полностью еще не раскопано, поэтому о его размерах и форме сейчас ничего сказать нельзя.

Помещение № 5 также еще не докопано. Оно относится к первому жилому горизонту. Границит с помещением № 2. Вдоль северной стены идет выкружающаяся к полу суфа шириной 1 м, высотой 30 см. Над полом лежит слой зеленоватой золы толщиной 55 см.

Помещение № 6 относится ко второму жилому горизонту. Длина его 3 м, ширина 1,34 м. Помещение западным концом сливается с помещением № 3, а восточным прорезает западную стену помещения № 2. Уровень пола расположен у начала ХУП яруса. Над полом лежит культурный слой толщиной 30 см. Кроме этих помещений в раскопе было вскрыто 6 хозяйственных ям, относящихся к более позднему времени, чем второй жилой горизонт.

Раскоп № 8. Раскоп № 8 расположен между раскопами № 5 и № 6. Раскоп прямоугольный (9 x 10 м). Вытянут он с юга на север. Сняв дерновый слой, а за ним лессовый, мы нашли здесь постройки. Помещение № I было вскрыто в квадратах ИК-7. Это помещение (часть какого-то коридора) длиной 2,10 м, шириной - 1,25 м. Оно еще не раскопано полностью. Стены помещения сохранились на высоту 40-95 см. Кверку помещение суживается. Кое-где сохранилась глиняная с примесью самана штукатурка толщиной 0,5 см. Над полом лежит культурный слой толщиной 56 см.

Помещение № 2 расположено к юго-западу от помещения № I. Оно имеет подпрямоугольную форму. Длина его равна 2,80 м, ширина - 1,70-2,20. Проход шириной 1 м сделан в юго-восточной стене. Напротив прохода в стене сделаны две ниши. С юго-западной стороны к помещению примыкает небольшой закуток с маленькой нишкой. На полу помещения вскрыт культурный слой толщиной 40 см.

Помещение № 3 разделяет помещения № 2 и № I. Оно имеет форму неправильного изломанного прямоугольника, вытянутого с юго-востока на северо-запад. Длина его 4 м, ширина (мак-

симальная) I,8 м. В западной части помещение суживается до I м. Здесь сделаны две ниши.

Помещение № 4 находится в северной части раскопа. Оно делится на две части - жилую и хозяйственную. В хозяйственной части помещения было сделано два очага. Очаги имеют неправильную форму. Стенки их обожжены. В жилой части была сделана суфа. Жилая часть помещения раскопана еще не полностью.

Раскоп № 7. Это траншея, прорезавшая вал, окружающий городище по периметру. Длина раскопа 22 м, ширина I,5 м. Сверху вал покрыт дерновым слоем (10-20 см). Вал был сделан из пахсы. В пахсовой кладке кое-где видны небольшие пустоты. Длина пахсовой кладки вала 7,34 м, высота в центре - I,74 м.

Раскопки на Тамошо-Тепа дали исключительно интересный материал. При раскопках было зафиксировано два жилых горизонта (каждый из них имеет и внутренние членения). Осталось при этом еще недовыясненным количество строительных периодов; нельзя и исключить возможность и того, что вскрытые до сих пор постройки и хозяйственные ямы относятся к разным этапам одного строительного периода с многократными перестройками. Архитектура очень архаична. Керамика (кроме кухонной) изготовлена на круге. Качество ее выделки хорошее. От уточненной датировки найденного материала пока целесообразно воздержаться.

1 Руководитель группы А.Юсупов, ст. лаборанты В.Соловьев, Н.Турлыгин.

2 А.П.Окладников, Исследования памятников каменного века Таджикистана, - МИА, № 66, М.-Л., 1966, стр. 15 и след; В.А.Ранов, Г.Ф.Коробкова, Туткаул-многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане, - СА, 1971, № 2, стр. 139.

3 А.П.Окладников, ук.соч., стр. 25.

4 См. отчеты В.А.Ранова и А.Юсупова за 1968 г. (Архив сектора археологии Института истории им.А.Дениша).

5 В качестве нулевого репера была принята самая высшая точка цитадели.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ В 1970 г.

В 1970 г. Северо-Таджикистанский отряд Таджикской археологической экспедиции Института истории имени А.Дениша АН Тадж.ССР проводил свои полевые работы на ряде объектов древней Уструшаны и Ходжента¹.

Отметим коротко содержание работ за 1962-1969 гг.

В 1962 г. были завершены раскопки Чилдухтарон.

Здесь на гребне горы, господствующей над городищами Калай Кахкаха, располагается ансамбль каменных построек, возникший и функционировавший в IX-XI вв. Он включает семикомнатный жилой дом, разделенную на несколько секций металлическую мастерскую, "малую" и "большую" мечети, две группы хозяйственных и кухонных помещений, парадную, открытую во двор лоджию и около десяти крытых и открытых мавзолеев с одиночными и групповыми захоронениями. Это целый ансамбль с гражданскими, производственными, мусульманскими культовыми и мемориальными постройками. Раскопки его дали серию образцов поливной керамики, великолепные памятники терракотки и многое другое.

В 1961-1966 гг. осуществлены раскопки крупного пригородного раннесредневекового феодального замка Чилхудра — великолепного двухэтажного здания хорошей сохранности с мощными стенами, укрепленными угловыми башнями и укрепленным же особыми стенами и башнями двориком с хозяйственными помещениями. Парадные "малый" и "большой" залы второго этажа замка были украшены настенной живописью, резными деревянными колоннами и потолками. Чилхудра имеет единственный в своем роде великолепно сохранившийся бесступенчатый круглый пандусный подъем, ведущий на второй этаж и на крышу здания. Здесь же найдены три замечательные согдийские надписи на дощечках, фрагменты деревянной скульптуры с человеческими головами, золотой брактеат, коллекция деревянных ложек, фрагмент древнейшего в Таджикистане музыкального инструмента и пр.²

В 1963, 1967-1969 гг. производились раскопки двух

группы помещений северного жилого и ремесленного квартала городища Калаи Каҳқаҳа I, давшие очень интересные материалы³. Раскопки этого квартала будут продолжены в будущем.

Последние годы была исследована целая "зона молчания", расположенная к востоку от селения Шахристан. Здесь расположена большая группа естественных всхолмлений, в которые были влущены захоронения без какого-либо выделения могильных ям и без сопровождающего покойников инвентаря. Раскопки и более подробное изучение самого высокого холма этой группы - Чоршоатепе - привели нас к выводу, что перед нами своего рода "дахма молчания", конструкция которой оказалась примерно такой: естественный холм предварительно вертикально обрезан по краям и превращен в ровный прямоугольник, который взят со всех сторон в пахсовый кожух значительной высоты, а затем весь верх холма и кожуха перекрыт рядами плотных длинных пахсовых поясов, уложенных в перевязку. Таким образом был получен монолитный высокий кубический, чуть сужающийся вверху, объем, на вершине которого, надо думать, находилось самое венчание "дахмы" с ее, к сожалению, не дошедшими до нас собственно обрядовыми сооружениями.

В 1966 г. были проведены раскопки ряда могильных сооружений кладбища Каҳқаҳа I, расположенного у северного подножия городища Калаи Каҳқаҳа I. В 1968 г. здесь же рядом вскрыты остатки очень плохо сохранившейся постройки, может быть, мазара. Впоследствии раскопки этого кладбища были продолжены Таджикской этнографической экспедицией МГУ имени М.В.Ломоносова под руководством С.П.Полякова.

В 1963-1967 гг. проводились раскопки горного селения Хон Яйлов ("Ханское пастбище") и прилегающих к нему двух синхронных кладбищ Хон Яйлов и Мачитли в ущелье Актанги северного склона Туркестанского хребта. Здесь вскрыто около 100 жилых и хозяйственных помещений, составляющих семь комплексов, часть центральной улицы селения и около 40 по-гребальных сооружений. Из четырех полностью раскопанных комплексов селения три представляют собой отдельные здания со своей законченной многокомнатной планировкой, единым входом, а два из них имеют еще и дворовые участки. Перед нами по всем признакам типичные сельские дома частных вла-

дельцев. В южной части селения расположена отдельная постройка, включающая обширный зал с айваном и мелкими помещениями, в целом, видимо, выполнявшая общественные функции, подобно позднейшим сельским "аловхона". В планировке остальных вскрываемых частей селения обращает внимание наличие значительного количества изолированных секций из одной, двух и трех комнат, но лишь часть из них снабжена своими очагами для варки пищи, хозяйственными закромами и ямами.

Керамика из Хон Яилова двух типов: а) высококачественная неполивная и поливная, сделанная на гончарном круге и б) лепная, ручной выделки, часто расписанная красной краской. Имеются керамические маслобойки, около сотни каменных зернотерок, несколько ручных жерновов, предметы из железа, украшения, монеты. Все находки укладываются в пределах IX-XIII вв. Обнаружено много костей животных, пока еще не изученных специалистами. В целом перед нами крупный сельский поселок горной Уструшаны времени развитого феодализма со скотоводческим укладом хозяйства его населения⁴. Раскопки селения Хон Яилов в 1971 году будут продолжены.

В 1962 г. были проведены топографические съемки около трех десятков холмов западной части Шахристанская котловины между селениями Керапчи, Янгикурган и Увак. Здесь оказался целый земледельческий оазис с многочисленными замками феодалов и усадьбами крестьян. В 1969 г. на одном из интереснейших памятников этой зоны - Таштемиртепе были начаты раскопки. Памятник этот расположен между руслами двух древних каналов, в 5 км к востоку от кишлака Увак, он квадратен в плане, состоит из центрального холма и окружающего двора с мощными валами стен, воротами и предвратным лабиринтом в середине северной стены⁵. Здесь за один полевой сезон вскрыта группа помещений западной части центрального холма. Раскопки на Таштемиртепе будут продолжены.

В 1962 г. группой Северо-Таджикистанского отряда была осуществлена первая археологическая разведка в высоко-горную долину Янгиб-Дары, где были зафиксированы и описаны восемь каменных замков и крепостей, а также ряд эпиграфических памятников.

В 1965-1969 гг. проводились раскопки холма Актепе в Науском районе. Хотя памятник был известен в науке уже

давно, однако широкие раскопки на нем начаты впервые. Холм Актепа представляет собой остатки главного здания большого раннесредневекового компактного селения, многочисленные всхолмления которого были разобраны уже давно при строительстве дороги и планировке хлопковых плантаций. Как показывают раскопки, холм в своем ядре содержит остатки весьма мощного замка с угловыми прекрасно сохранившимися башнями и сложной системой подземных лабиринтов-ходов. Впоследствии замок этот со всех сторон был обстроен другими, тоже монументальными, постройками, а центральное ядро превращено в своего рода культовый центр – дом огня.

В 1965 г. проведены пробные раскопки на холме Карапултепа между поселками Чау и Пролетарск. Здесь расчищена часть хорошо сохранившегося коридорообразного сводчатого помещения. Раскопки памятника пока приостановлены.

В 1962–1964 гг. на широкоизвестном городище Мугтепа, цитадели г. Ура-Тюбе, были проведены раскопки развалин бекского дворца XIII–XIX вв. в западном углу городища и комплекса большой мечети того же времени в центре городища. Кроме того, изучалась фортификация ряда поздних крепостей Северного Таджикистана (Навканда, Хитой Реза и др.).

В 1962, 1965–1966 гг. производились исследования на территории города Канибадема, где изучались поздняя историческая топография города, сохранившиеся до нашего времени архитектурные памятники, один из которых – медреса Мир Раджабдодхо, подвергнут исследованием и инструментальным обмерам. На территории города заложены 23 небольших стратиграфических шурфа, давших значительный материал к характеристике истории и культуры города в средние века и новое время, решивших одновременно вопрос о локализации раннесредневекового города Канда в центральной части современного города.

В 1963 г. было осуществлено археолого-архитектурное изучение памятников крупного средневекового селения Сомгор. Здесь подвергнуты съемкам, описанию и шурфовке Сомгорское городище, изучался и обмерен Сомгорский Гумбаз⁶.

В течение 60-х годов продолжались раскопки весьма интересных памятников Северо-Западной Ферганы, в пределах современного Аштского района – холмы Тудай Калон, Тудай Хурд,

Калак Афрасиаб, курганы Дашти Ашта. Более ранний по времени Тудай Хурд представлял из себя, по-видимому, несохранившийся до нас замок на шестиметровой высоте стилобате, сменившийся во втором строительном периоде храмовым комплексом с двумя восьмиколонными залами. Поселение Тудай Калон укладывается в хронологические рамки трех-четырех столетий, начиная примерно с III-IV вв. н.э. Первоначально это — крепость с двухъэтажными квадратными башнями по углам, позже превращенная в двухъярусный замок. Вопросы датировки красноингобированной керамики с обоих памятников в настоящее время находятся в стадии изучения. Полученные на поселении Калак Афрасиаб стратиграфические данные охватывают время от первых веков н.э. до раннего средневековья включительно⁷.

В целом исследования Северо-Таджикистанского отряда как за предыдущий период (1954–1961 гг.), так и в 1962–1969 гг. позволили выполнить ряд крупных, в значительной степени обобщающих работ по истории, археологии, культуре и искусству прошлого Северного Таджикистана⁸.

После значительного перерыва археологических исследований в Ходженте-Ленинабаде, связанного с необходимостью направления основных усилий и средств отряда на раскопки развалин столицы Уструшаны города Бундиката и других памятников в районе Шахристана, были возобновлены работы Ходжентской группы. Последние проводились в трех направлениях:
а) продолжалась шурфовка территории города⁹, б) проведена шурфовка Ленинабадского предместья Чорсу и в) начат сбор устного расспросного материала и выявление местонахождения ходжентских мадраса.

Как известно, в течение 1954–1957 гг. на территории города Ленинабада с целью изучения исторической топографии и получения археологического материала по истории, экономике и культуре города в его присырдаринской полосе были заложены 16 стратиграфических шурfov. В 1970 г. произведена закладка двух новых шурfov № I7 и № I8.

Шурф № I7 (табл. 7), размером 3 x 3 м, заложен в центральной части города, на площади между мавзолеем Шайха Муслихиддина и центральным городским рынком. Толщина культурного слоя в данной части города оказалась равной 4,2 м

и прекратилась в начале IX яруса (каждый ярус равен 0,5 м глубины). Первый (сверху) ярус и мусорная яма полутораметровой глубины и ширины, спущенная с этого уровня, содержали обильный керамический бой этнографического времени; по рассказам старожилов, здесь лет 30–40 назад была мастерская по продаже гончарных изделий.

В П, Ш и верхней половине ІУ ярусов такое же, как и в верхнем ярусе, заполнение: лёсс коричневого цвета с небольшими гумусными и зольными прослойками, камни разных размеров, обломки прямоугольных кирпичей (? х 12x3,5 см), куски истлевшего дерева, угли. С нижней части II яруса спущена вторая хозяйственная яма, оказавшаяся ничем не примечательной. Встречено много поливной и неполивной битой керамики, примерно в одинаковом соотношении. Это фрагменты хумов, кувшинов станковой выделки, широкогорлых сосудов, лепных, подиравленных на гончарном круге котлов, крышек сосудов. Среди поливной керамики особого упоминания заслуживает фрагмент большого глубокого блюда отличной станковой выделки, из хорошо отмученного теста, равномерного обжига, со сложной полихромной растительно-геометрической и линейной орнаментальной росписью фиолетово-черного цвета по белому поливному фону на внутренней поверхности и с более упрощенным орнаментом, состоящим из горизонтальных прямых и волнистых линий, растительного узора и геометрических кругов. Вся эта керамика относится к позднему средневековью.

Нижняя часть-ІУ, У и VI ярусы представляли собой мощный гумусный слой, включающий два толстых зольных пятна, расположенных друг над другом, общей толщиной 1,5 м и большое пятно обогащенной земли. Весь этот слой обильно насыщен керамикой. Среди поливной керамики преобладают фрагменты блюд и мисок. Все они выполнены на быстро вращающемся круге, очень качественны, из хорошо отмученной глины, хорошо обожига. Плоскодонных блюд и мисок не обнаружено. Донца в основном имеют плоский поддон, значителен процент и с кольцевым поддоном. Поверхности примерно половины донцов имеют однотонную, гладкую, ярко-зеленую и болотно-зеленую глазурь. Другая половина встречаенных донец имеет растительно-геометрический орнамент, выполненный черной глазурью по голубому фону. Есть донца с белой глазурью и с частыми

светло-голубыми и ярко-голубыми полосками, донца с перпендикулярными зелеными полосками и между ними поле с квадратом гладкой коричневой глазури по желтому фону. Имеются фрагменты стенок высококачественных крупных блюд с гладкой голубой глазурью на внутренней поверхности. На нескольких фрагментах частично покрыты глазурью и наружные края блюд, на двух фрагментах имеется орнамент в виде концентрических кругов черного цвета. Найдены обломки стенок блюд с белым глазурным фоном и растительным орнаментом темно-синего цвета с черными контурами на внутренней поверхности, фрагменты венчиков блюд с двусторонней голубой глазурью с черной полоской по краю и фрагменты с бирюзовой глазурью и темно-зеленой полоской по краю. Среди неполивной керамики указанных ярусов имеются фрагменты стенок тонкостенного кувшина станковой работы хорошего обжига с прочерченным желобчатым орнаментом и мелкими блестками слюды; фрагменты станковых блюд и мисок, котлов ручной и станковой работы. Интересен обломок отформованного очажка с эпиграфическим и геометрическим орнаментом из рельефных валиков, а в центре лицевой стороны в прямоугольнике геометрический орнамент.

Отметим находку в конце IV яруса обломков облицованного кирпича в виде усеченной пирамиды с ярко-голубой глазурью на лицевой стороне. Обломки облицовочных глазурованных кирпичей зафиксированы и в V ярусе. В VI ярусе найдены две медные монеты. Одна из них любезно определена Е.А.Давидович как караханидская XII в.

Керамический комплекс ярусов IV-VI относится к XI-XII вв. В ярусе VII встречено небольшое количество находок, среди которых имеется жёлтый кирпич 20 x 13 x 3 см, единичные фрагменты поливной керамики, больше-невыразительных обломков неполивных сосудов, которые, ориентировочно, можно отнести к IX-X вв.

Находок ниже VII яруса в шурфе обнаружено меньше. С уровня этого яруса вниз спущена третья по счету в шурфе яма. Культурный слой оканчивается очажным пятном в начале IX яруса. Ниже начинается материковый стерильный грунт - лёсс. Керамику нижних ярусов можно отнести к IX-XII вв. Строительных остатков в шурфе не встреченено.

Шурф № I8 (табл. 8) заложен в юго-западной части

города, в старом квартале Пахтакашон, на месте старого кладбища, расположенного внутри городской стены начала XVII в., недалеко от ворот Чорчирог, во дворе средней школы № 17.

Шурф раскопан на глубину 4,5 м, но до материка не доведен. Верхние два метра культурного слоя дали перекопанный грунт с множеством ям, в которых в беспорядке сброшены кости погребенных. Вскрыто и одно целое катакомбное детское захоронение. У изголовья ребенка в беспорядке свалены кости взрослого человека, видимо, ранее находившегося в этой катакомбе. Ориентация детского скелета головой на север, а лицом на запад. Оба черепа с примесью монголоидных черт. В культурном слое этих четырех верхних ярусов керамика позднего средневековья, тимуридского и саманидско-караханидского времени. В ярусе II найдена половинка медной монеты, по определению Е.А.Давидович, — саманидская второй половины X в., которая могла обращаться до начала XI в. включительно.

Пятый ярус дал довольно большое количество керамики, относящейся к периоду IX-X вв.

В VI-IX ярусах встречены единичные невыразительные фрагменты стенок сосудов. Среди них есть с ангобным покрытием, характерным для эпохи раннего средневековья.

Кишлак Чорсу расположен в 5-6 км к югу от города Ленинабад, на абсолютно равнинной местности и не имеет никаких внешних признаков наличия древних поселений в виде остатков всхолмлений. По рассказам стариков, в момент создания здесь колхоза имени М.В.Фрунзе (1931 г.) и закладки построек современного кишлака в данной местности было два старых кладбища: одно у перекрестка дорог Ленинабад-Чорсу-Гозиён, а другое — на противоположной, западной стороне кишлака, около разрушившегося мазара.

С учетом этих сведений была намечена закладка серии шурfov в различных частях кишлака Чорсу, в том числе на месте указанных кладбищ.

Ориентация шурfov велась по странам света, размеры — 2x2 м, раскопки велись по ярусно /0,5 м/ (табл.9-10).

Шурф I заложен перед колхозным гаражом у центральной улицы кишлака. Он продолжил в глубину вырытую здесь метро-

вую яму для изготовления кирпича. На стенах ямы были видны куски обожжённой земли, было извлечено несколько фрагментов поливной керамики XIX – начала ХХ вв. Шурф раскопан на глубину 3,85 м. Заполнение шурфа – влажный лёсс типа суглинка, темно-коричневого цвета. До глубины 3,10 м в заполнении шурфа встречались немногочисленные, очень мелкие фрагменты посуды XIX-XX вв., среди которых преобладает поливная керамика. Она изредка встречается на всей глубине шурфа до 3,10 м. Ниже находки полностью прекращаются. Строительных остатков не встречено. На глубине 3,60 м начался материковый галечник, на глубине 3,85 м работы здесь прекращены.

Шурф 2 заложен на территории колхозного гаража. До глубины 0,5 м по всей площади шурфа идет искусственная платформа из гравия, сделанная при постройки гаража. Ниже заполнение шурфа составляет влажный темно-коричневый лёсс типа суглинка. На глубине 0,9 м прослежены отдельные прослойки красноватой и светло-серой глины толщиной 2–5 см. На глубине 1,15 м почти по всей площади шурфа идет прослойка светло-серой глины с отдельными вкраплениями красноватой глины толщиной в 5 см, а в с-в углу шурфа зафиксировано небольшое песочное пятно. Шурф доведен до глубины 2 м. В нем обнаружено всего 8 обломков поливной и неполивной керамики этнографического времени. В четвертом ярусе найдены кости крупного рогатого скота (коровы?) и фрагменты неопределяемого железного изделия. Строительных остатков не встречено.

Шурф 3 заложен в саду у колхозного склада и раскопан на глубину 2 м. Сверху на глубину одного штыка лопаты идет перекопанный грунт сада, а ниже на всю перекопанную глубину – очень твердый грунт из сухого светло-серого лёсса без всяких вкраплений. Шурф также дал немного материала: мелкие фрагменты поливной и неполивной керамики этнографического времени. Она встречается на всей глубине шурфа. Изредка находились мелкие кости животных и уголь. Строительных остатков нет.

Шурф 4 заложен в юго-восточном углу колхозного стадиона. По характеру грунта и находок он оказался аналогичным шурфу 3. Сверху на глубину 0,3 м идет искусственная лёссовая платформа стадиона, а ниже очень твердый светло-

серый сухой лёсс. Небольшие линзы чистого серого песка встречено в ю-в углу шурфа на глубине 0,75 м и в южной части шурфа на глубине 2,80 м. Шурф раскопан на глубину 3,60 м. На этой глубине по всей площади шурфа пошел слой галечника. Керамика с преобладанием поливной встречалась до глубины 3 м. Седьмой ярус и слой галечника никаких находок не дали. Строительных остатков в шурфе нет.

Шурф 5 заложен в западной части современного кладбища, в восточной части Чорсу. Он доведен до глубины 4 м. Строительных остатков в нем нет. Но своими напластованиями он, видимо, интересен для почзоведов. Сверху на глубину 0,3 м идет насыпной грунт-выброс от рядом расположенного современного хаузса. Ниже, до глубины 2 м, идут, сменяя друг друга полностью или частично, по всей площади шурфа довольно тонкие слои песка, лёсса, чистой глины и, изредка, супеси. Слой песка и глины - стерильные, в лёссовых прослойках 2-4 ярусов встречаются фрагменты поздней керамики, среди которой преобладает поливная.

Характер находок в шурфе меняется с начала 5 яруса. Резко увеличивается количество керамики, меняется ее характер, полностью исчезает поливная керамика. Слой этот относится ориентировочно к X-XII вв. В ярусе 6 керамика количественно уменьшилась, но ее характер тот же. Значительная часть посуды стакновой выделки, но имеются и грубоизготовленные, хрупкие и легколомающиеся красноглиняные хумы, с примесью галечника в тесте. В ярусе 5 найдены два фрагмента крупного лепного сосуда, типа оссуария, со штампованным орнаментом в виде крестиков в круге; венчики хумов, донца сосудов, две донца миниатюрных кувшинов.

Напластования ярусов 5 и 6 шурфа представляют собой хорошо выраженный культурный слой: здесь есть небольшие зольники, пятна обожжённой земли, а в ярусе 6 - довольно толстые гумусные прослойки, небольшие угольные пятна и отдельные мелкие угольки; в ярусе 5 значительную часть заполнения шурфа составляет галечник, также обильно насыщенный керамикой; в ярусе 6 наибольшее количество фрагментов керамики встречается в гумусных прослойках. Данный культурный слой располагается на глубине от 2 до 3,2 м. К сожалению, он оказался без строительных остатков.

На глубине 2,2 м по всей площади шурфа, за исключением с-з угла, пошел слой материкового характера: он сверху обозначен тонким двадцатисантиметровым слоем красноватой глины, ниже — такая же прослойка красноватой, а ниже местами белой глины; между этими слоями глины расположены прослойки чистого песка, а остальное пространство и далее весь низ шурфа занимает супесь. Весь низ шурфа, начиная от отмеченной двадцатисантиметровой красноватой полосы, на глубину 0,8 м никакого материала не дал. В с-з углу шурфа под средневековым культурным слоем идет мощный слой галечника в 1,3 м толщины без каких бы то ни было находок; но для убедительности была пройдена вся галечниковая линза, т.к. такой же слой в ярусе 5 дал довольно много керамики. Слой галечника затем входит в материк и далее тут начинается супесь.

Шурф 6 заложен у перекрестка дорог Чорсу-Гозиён, к северу от современного и рядом со старым кладбищем. Шурф доведен до глубины 3 м. Заполнение верхних трех ярусов — темно-коричневый лёсс типа суглинка с единичными камнями и небольшим количеством керамики, включающей невыразительные обломки стенок неполивных сосудов и фрагменты поливной посуды позднего времени. Далее с глубины 1,5 м пошел слой галечника мощностью 0,6 м и содержащий довольно значительное количество фрагментов неполивной, почти исключительно станиковой, посуды, относящейся к X-XII вв. Ниже галечника до начала яруса 6 опять идет суглинкоподобный лёссовый грунт темно-коричневого цвета, включающий фрагменты неполивной керамики, аналогичной с находками в галечниковом слое, но уже в меньшем количестве. На глубине 2,5 м начался материковый слой: сначала двадцатисантиметровый чистый серый песок, затем глинистый красноватого цвета.

Шурф 7 заложен в западной части кишлака, на месте второго старого кладбища, у западной стены разрушенного мазара. Шурф доведен до глубины 2 м. Заполнение шурфа составляет однородный серый сухой грунт средней твердости. Изредка встречаются некрупные камни и поздняя керамика, больше поливная. На глубине 1,1 м в шурф частично попали два захоронения: 1) женщина /?/, головой на север, лицом на запад; раскрыта верхняя часть скелета по грудную клетку, ки-

каких вещей возле погребенной нет; 2) верхняя часть черепа другого скелета попала в обрез южной части шурфа; захоронение также ориентировано головой на север. Оба захоронения мусульманские. На глубине I, 85 м в шурфе пошел твердый слой лёсса, ограниченный сверху десятисантиметровой прозрачной чистой красноватой глины. Эти слои – стерильные и явно материковые. В шурфе нет никаких строительных остатков.

Шурф 8 был заложен во дворе частного дома, у южной стены современного кладбища, недалеко от шурфа 5. Шурф доведен до глубины I м, но не завершен из-за недостатка времени. Метровая толщина шурфа содержала сухой лёсовый грунт с небольшим количеством преимущественно поливной керамики.

Таким образом, на территории небольшого ленинабадского пригородного кишлака Чорсу Северо-Таджикистанским отрядом были заложены 8 шурfov, из них раскопки лишь одного не были завершены. Закладка такой густой сетки на практически небольшой территории заранее известного позднего пригородного кишлака, лишенного каких-либо внешних археологических следов, связано с необходимостью получения убедительного археологического ответа на ряд вопросов, возникших в последние годы в связи с исследованиями этнографа Н.Турсунова и находкой античного бронзового кубка-кратера, якобы происходящего из кишлака Чорсу.

Н.Турсунов собрал устные народные рассказы и легенды, бытующие среди старшего поколения населения кишлака Чорсу, о том, что здесь некогда располагался большой город, разделенный на многие кварталы, в том числе и ремесленные, с центром, называемым Чорсу – четыре стороны-направления, обычно встречаемый в старых среднеазиатских городах. По тем же рассказам, именно здесь располагался древний Ходжент, лишь впоследствии переместившийся на свое современное место. Опираясь на эти предания, Н.Турсунов считает первоначальным местом Ходжента это пригородное предместье¹⁰. Как показывают раскопки, во всех шурфах зафиксированы следы пребывания людей на этой местности в XIX, начале XX века, но без более или менее выраженного культурного слоя и без следов строительных остатков. Из восьми шурfov лишь в двух (5 и 6) зафиксирован относительно вы-

раженный культурный слой (но без строительных остатков) X–ХІ вв. Оба эти шурфа расположены недалеко друг от друга (порядка 100 м) и находятся по обеим сторонам развязки современной дороги Чорсу–Гозиён. Здесь можно полагать наличие небольшого поселения. Напомним, что в это время на территории современного Ленинабада уже существовал большой город, состоящий из цитадели, шахристана и рабада. Поэтому это едва улавливаемое поселение в Чорсу никак не может быть Ходжентом того времени.

Теперь несколько слов об обстоятельствах находки великолепного бронзового кубка-кратера, явно греческого образца. Они таковы: сборщик утильсырья, ныне покойный Ахмадов Раҳмат в 1958 г. сдал заготовительной конторе Явашского сельпо Ходжентского района, которым ведал Алиев Собир (ныне житель г.Ленинабада, ул.Ходжентская, дом 9) приблизительно одну тонну металлома. Среди них Алиев заместил данный кубок, спросил, откуда он. Тот ответил, что из Чорсу. Алиев привез кубок домой и оставил в подвале, а в 1970 г. находка попадает через руки играющих детей к писателю Рахиму Джалилу, который направил ее для определения в Институт истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР.

Кубок был изучен Б.А.Литвинским и Н.Турсуновым, датирован эпохой Александра Македонского и опубликован в периодической печати как веская находка, подтверждающая указанное выше мнение Н.Турсунова относительно локализации Александрии Крайней на месте кишлака Чорсу^{II}. Однако последующее детальное исследование кубка привело Б.А.Литвинского к датировке II–I вв. до н.э., т.е. двумя столетиями позже основания Александрии Крайней^{I2}. Таким образом, кубок не оказался современником Александра Македонского и не может служить памятником пребывания греко-македонцев Александра в данном районе. Вызывают сомнения и обстоятельства находки этой вещи в Чорсу. Вряд ли можно полагаться на память первого сборщика утильсырья, уверявшего, что он получил его в Чорсу: он сделал целую тонну металла и вряд ли мог помнить каждую вещь в отдельности. Вызывает сомнение, что целая тонна металлома собрана в одном маленьком кишлаке. Так же мог перепутать с какой-нибудь другой вещью и С.Алиев: ведь прошло с тех пор I2 лет.

Во время полевых работ в Чорсу сотрудники Северо-Таджикского отряда произвели почти поголовный опрос жителей кишлака, но о находке данного кубка здесь никто не слышал. В то же время местные жители горячо рассказывают о случайных находках при землеройных работах обломков красной синей, желтой, разноцветной поливной керамики типов, встречающихся в шурфах.

Таким образом, место находки кубка-кратера установить не удается и по нему делать различные локализационные выводы невозможно. По вопросу о локализации Александрии Крайней и о древнейших периодах истории Ходжента-Ленинабада остается в силе имеющиеся сводки и обобщения¹³.

Х   Х
         Х

Северо-Таджикским отрядом в 1970 г. впервые начаты исследования мадраса Ходжента. Эта работа состояла из сбора устных расспросных данных, выявления местонахождения, поиска следов и остатков этих сооружений, причем комплексно собирались всевозможные данные о количестве мадраса, их местонахождении, облике архитектуры, времени постройки, методе и содержании обучения, о социальном составе и количестве обучавшихся, о материальном обеспечении мадраса и т.п. Эти данные потом дополнялись некоторыми литературными и архивными сведениями.

В г.Ходженте, по данным А.Вамбери, в начале 60-х годов XIX в. насчитывались 18 мадраса¹⁴. А.Кушакевич для конца того же десятилетия приводит цифру 24¹⁵. Мадраса, по данным 1893 г., было 47, а 1912 - 40¹⁶. Северо-Таджикским отрядом в городе Ходженте пока зафиксировано 55 мадраса. Из них точно локализованы на современной карте Ленинабада 31 мадраса: Хиштин, Хазрати Бобо, Ходжа Камол, Рубохон, Шохи, Охуни Вали, Ев Комил Ходжа, Ходжа Мир Салим, Шайх Муслихиддин, Зокидбой Фаранг, Куш Масчид, Накиб, Таги Тути Калон, Намозгох, Шерби (мадрасаи бозори савзи), Киркон (мадрасаи сафедорзор), Бойон, Купруки Баланд, Отабойбек, Бобоходжа, Гузари Замон I, Гузари Замон II, Масчиди Сурх, Ортыкходжа Ишан, Кони Сурби, Мехтар, Мулло Салимбай, (или Рахмати Аллоф), Ходжа Амин, Гузари Кози, Мулло Сарымсок, Пончо Калон. О каждом из этих мадраса собраны интерес-

ные данные разнообразного историко-культурного характера. Остальные 24 городских мадрасы еще точно не локализованы. Эта работа будет продолжена в дальнейшем.

х х

х

Следующим объектом работ был крупный холм Дунгчатаева, расположенный в предгорной полосе отрогов Туркестанского хребта, на правобережной террасе Исфанаасая, справа от дороги Пролетарск-Сулукта, на новоосвоенных землях колхоза "Москва".

Дунгчатаева - огромный двухъярусный холм, округлой формы, размером 67 x 70 м, при высоте 9-10 м, слегка вытянут с с-в на в-з, с двух сторон (с-в и в-з) имеет очень пологие скаты, а с остальных скаты в виде широких плоских ступеней. Памятник был зафиксирован Ходжентско-Уструманским отрядом в 1955 г. 17

В 1970 г. на Дунгчатаева были начаты раскопочные работы (руководитель Е.Д.Салтовская) и вскрыта на вершине холма часть построек, состоящая из большого зала и входного "вестибюля" в этот зал. Зал прямоугольен в плане, вытянут по линии В-З, вдоль южной, восточной и северной стен имеет суфы. Ширина зала 4,8-4,9 м, длина раскопанной части 10,5 м. Стены сохранились на внушительную высоту - 2,1-2,5 м, они сложены из прямоугольного сырцового кирпича с большой примесью мелкой гальки в глине. Размеры кирпичей: 42x45x 8-9 см, 40x27x 8-9 см, 37-40 x 22-23 x 8-10 см, 35-37 x 22-23 x 8-10 см. Кладка стен бессистемная, без перевязки, но аккуратная. Поверхность стен покрыта несколькими слоями штукатурки: вначале глино-саманная обмазка, затем тонкий слой белой алебастровой штукатурки, поверх ее - слой штукатурки из тонко отмученной серовато-желтой глины.

Внешние стены суф сложены из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро, а внутри плотно забиты гладкоокатанными речными камнями средних размеров и галькой. Затем поверх кирпичного кожуха суф гладко обмазаны несколькими слоями глиняной штукатурки. Отмечены две поверхности пола помещения, отстоящие друг от друга на 10-15 см. Нижний пол поменяния довольно гладкий, обмазан глиной, сильно покатый в западную сторону. В зале два проема: один в южной стене,

другой в восточной. У северо-восточного угла южной субы в пол врыт примерно на три четверти высоты очень крупный хум с небольшими (относительно туловища) диаметрами венчика и дна. На плечиках хума нанесены три глубоких пунсонных кружочка диаметром 1 см, образующих треугольник. Перекрытие зала, судя по его размерам, было плоское, деревянное, но его остатки в завале не обнаружены. Заполнение зала состоялось довольно рыхлый завал с обломками сырцовых кирпичей, окатанными речными камнями средних размеров и значительным количеством керамики.

Среди керамики имеются венчики и стенки светлоангобированных хумов, белоангобированных высокогорных одноручных кувшинов с прочерченным орнаментом, очень много кухонной посуды. Интересна верхняя часть изящного красноангобированного узкогорлого сосудика с горизонтальным неглубоким рифлением по горлу и очень интересными налепами, фрагмент стенки с желтовато-красным ангобом, со штампованной шестилепестковой розеткой, одно крупное неангобированное прислиде округло-биконической формы. Найден очень интересный фрагмент венчика хума с оттиском штампа в виде неглубокого изображения всадника, натягивающего тетиву с луком. Подобное изображение имеется на одном фрагменте настенной живописи дворца Калан Кааххака 2 в Туркменистане.

По архитектурному облику зала, размерам кирпичей с соотношением 1:1-2, некоторым формам керамики, наличию двух ладьевидных каменных зернотерок с терочными камнями Е.Д.Салтовская строительные остатки верхнего хилого горизонта Дунгчаташа ориентированочно относит к У-УП вв.

Частично раскопан выемка с пометкой № 2, связанный с залом дверным проемом. Сохранность стен удовлетворительная - до 2,5 м. Стены сложены из сырцовых кирпичей 41-43 x 30 x 10-11 см. Штукатурка стен состоит из нескольких слоев обмазки; нижняя обмазка примерно на высоту одного метра от уровня пола обгорела дочерна. Пол не очень ровный, покатый с севера на юг. Из находок особенно интересны: железный трехгранный черешковый наконечник стрелы с прямыми жальцами без порожка, обычно датируемые I-U-УП вв., найден в плотном кирпичном завале южной половины комнаты, почти над полом; изделие из плоского се-

рого камня сердцевидной формы с петлевидным выступом и отверстием для подвешивания, с изображением слабо процарченных елочек на одной гладкой плоскости. По словам местного населения, подобные каменные подвески применялись и поныне применяются женщинами пожилого возраста для оттягивания кос на спине.

В целом дальнейшие раскопки на Дунгчатепа обещают быть интересными и результативными для характеристики культуры и экономики юго-восточной Уструшаны.

х   х

х

Уже давно объектом пристального внимания ученых являлось городище Ширин. Оно было зафиксировано Фархадской археологической экспедицией 1943–1944 гг.¹⁸, более подробно обследовано, описано и подвергнуто съемкам Уструшанским отрядом в 1950 г.¹⁹

На городище Ширин, расположенным на концевом выступе горы недалеко от Сырдарьи, между Куркатом и Бекабадом, в 1969–1970 гг. впервые были заложены стратиграфический шурф и большой раскоп. Шурф у западного края городища, доведенный от репера до глубины XX яруса (10 м), непосредственно на галечном материке дал грубую толстостенную керамику, зернотерки, фишки из подправленных в диск стенок сосудов, венчики, донца и ребро сосудов биконических форм, а также фрагменты ангобированной керамики, в целом, видимо, относящиеся к IУ-II вв. до н.э. и первым векам н.э. Следующий, раннесредневековый, слой зафиксирован остатками строительного комплекса и массовым керамическим материалом VI–VII вв. н.э. Последующий, судя по всему, эпизодический период жизни на городище отмечен небольшой толщиной культурных отложений и керамики XI–XII вв.

Раскоп в северо-восточной части городища начал выявлять остатки двух зданий, расположенных: первое – внутри мощных крепостных стен с амбразурами и второе – вне стен на узкой восточной примыкающей площадке. Сохранность обоих зданий хорошая: получена полная характеристика стен и сводов помещений, проемов и их арок, строительных приемов. Получены интересные находки. Весь комплекс построек относится к раннему средневековью. Дальнейшие раскопки на этом

городище принесут, по всей вероятности, ценные материалы по культуре Северной Уструманы поры древности и раннего средневековья.

х   х

х

На городище Чугтепа (г. Ура-Тюбе), отождествляемым с цитаделью древнеуструманского города Курукада (Кирополь), заложен новый раскоп с целью выявления стратиграфии культурных наслойений северо-западной части памятника. Здесь в 1969-1970 гг. пройден мощный слой, насыщенный находками последних столетий - времени правления уратобинских беков, ниже выявлен и расчищен участок фортификационных сооружений цитадели раннего средневековья, также сопровождающийся керамическим материалом. Работы следующего полевого сезона, видимо, нас приблизят уже к древнейшим культурным слоям данной части городища.

Кроме того, в городе Ура-Тюбе велся сбор разнокарктерных данных о мадраса. Здесь, в отличие от Ходжента, наибольшее распространение имели масчиды-мадраса, т.е. каждый большой масчид имел расположенные по двум или трем сторонам обширного двора ряды многочисленных худжр, предназначенных для служителей культа и учащихся-студентов. Исключение составляла мадраса Рустамбека, построенная по типу самарканских, бухарских и ходжентских мадраса. По сведениям 1882 г., в Ура-Тюбе насчитывалось всего 4 мадраса²⁰, в 1885 г. - 5, а учащихся 204 человека²¹. Однако Северо-Таджикистанским отрядом зафиксированы остатки 7 масчид-мадраса и восьмого мадраса Рустамбека. Масчид-мадраса следующие: Кок Гумбаз, Намозгох, Казокбой, Охунон, Ходжалон, Оикор и Ходжа Фахриддин. Об этих сооружениях собраны интересные распросрочные данные. Работа по их изучению будет продолжена в дальнейшем.

х   х

х

Основным местом работ отряда явился Кален Кахкаха I, отождествляемый с захристаном города Бундиката, столицы Уструманы. Здесь ведутся довольно широкие раскопки, как на территории городища, так и его высокого арка. На объекте У, расположенном в центре городища, в 1968-1970 гг. вскрыты

две группы (секции) помещений значительного городского квартала. Одна из них включает огромный по своим размерам зал, широкий коридор с суфами вдоль западной стены и помещение также с суфами вдоль стен. Все три помещения секции расположены в один ряд по линии запад-восток. Вторая секция несколько иного плана, находится к югу от первой и состоит из входного коридора с суфой вдоль южной стены и двух больших помещений, расположенных к югу и к западу от коридора. Обе имеют вдоль всех четырех стен суфы. В каждом, несколько вытянутом с севера на юг зале зафиксированы четкие ими от шести колонн перекрытия. Таким образом перед нами очень интересной планировки трехнефный зал с входом в середине северной стены.

На объекте VI, у самой южной стены городища, в 1970 г. начаты раскопки другого здания, новой для Шахристана планировки: длинный коридор тянется поперек городской стены, к которой непосредственно опирается своим южным торцом, западная стена коридора глухая, а восточная перерезается проемами в изолированные друг от друга помещения, расположенные в один ряд с юга на север. Перед нами комплекс пристенных построек городища, полное вскрытие которого, кроме прочего, позволит выяснить характер взаимоотношений городской стены и пристенных сооружений.

Главные силы отряда последние годы были заняты на раскопках дворца афшинов (царей) Уструшани на арке Калан Кахкака I. В 1965-1970 гг. вскрытие дворца почти завершено²². Дворец громаден по своим размерам, величествен по архитектуре и великолепен по внутреннему убранству помещений (табл. II-13). Он имеет огромный, площадью 230 м², трехъярусный зал с царской тронной ложией, "малый" зал приемов в 95 м², помещение дворцовового храма, царские спальни и жилые покоя, дворцовый "арсенал", целую сеть связывающих их коридоров, а также дворцовые пекарни. Интерьер всех передних помещений и коридоров был отделан богатейшей монументальной настенной многокрасочной живописью светского, батального, мифологического и теологического содержания, деревянными архитектурными конструкциями, панно и фризами с мастерски выполненной разнообразной резьбой растительного, геометрического, комбинированного раститель-

но-геометрического орнамента и скульптурными изображениями людей, животных, птиц и, наконец, круглой скульптурой людей и птиц. Фасадные стены центрального спального царского дворца были украшены целой уникальной серией художественных облицовочных кирпичей.

В залах, комнатах и коридорах дворца вдоль стен тянутся ленты глиняных суп для сидения и сна, входы спальных и жилых помещений были снабжены тамбурами и деревянными стенками-ширмами, напротив входного коридора и напротив входа в "мелый зал" приемов выделяются специальные царские супы - "эстрады".

Дворец служил одновременно и местом потайного хранения запасов продуктов питания. Вдоль сбоку продольных стен входного коридора, длинной супы центрального коридора и суп тронного зала, под пол были глубоко врыты и сверху замазаны глиной целые ряды крупных хумов. Их к 1970 г. обнаружено 43 штуки. Объем каждого хума от 158 до 295 л. Общий объем всех хумов 9303 л, т.е. во дворце одновременно могло содержаться запасов пищи около 9-10 тонн. В некоторых хуках обнаружены их остатки, которые изучаются специалистами.

В специальном помещении - "арсенал" царь держал более 5000 шт. камней весом от четверти пуда до 2-3 пудов каждый и несметное количество величиной с кулак каменных ядер для камнеметных пращ, предназначенных для отражения штурмующего противника. Заметим, что дворец находился на гребне выступающей над Шахристан-Саем горы на высоте 50 м от ложа сая.

Хотя исплохо обосновался, обставился и запасся уструманский армии, однако дворец был все же разрушен и основательно сгорел от пожара: повсюду толстые слои горелого дерева и обожжённой глины, стены прокалены докрасна, сгорела штукатурка стен с саманом и живописным красочным слоем. Поэтому обгоревшее дерево не сгнило и донесло до нас прекрасные образцы резьбы, а живопись стен пострадала больше. Перед разрушением дворец был основательно разграблен: при раскопках сделано мало находок, даже обычно массовой кухонной и столовой керамики. Лишь в глиняной замазке пола одного из помещений найден небольшой кладик раннеуст-

руманских бронзовых монет с изображениями мужской головы на аверсе и родового знака, титула и имени правителя на реверсе. Прочитаны нумизматом О.И.Смирновой ранее не известные правители Чирдии, Сатачарн и Раханч. Есть другие единичные находки согдийских и арабских монет.

Дворец построен, судя по находкам золотого брактеата, раннеуструмских монет и по другим археолого-архитектурным наблюдениям, не позже VI-VII вв., а разрушен был где-то в пределах конца IX в. или на рубеже X-XI вв. Разумеется, последуют уточнения этих дат после окончательной обработки материалов раскопок.

Дворец оказался подлинной кладовой памятников искусства. Из завалов помещений дворца вынуто около 200 фрагментов обугленного резного дерева, в том числе несколько десятков подлинных шедевров искусства, из которых отметим несколько круглых скульптур людей и птиц, многочисленные фризы и панно с сюжетными композициями, в которых участвуют люди, птицы, фантастические сирены, фризы с изображениями человеческих голов под аркадами и уникальный тимпан входного проема тронного зала с изображением сюжета древне-иранского героического эпоса о борьбе сил добра с силами зла, олицетворенных в образах носителей добра - царевича Феридуна и кузнеца Кова, носителей зла - царя-демегуба с двумя змеями на плечах - Зохака ²³.

В завалах помещений и коридоров дворца обнаружено несколько тысяч фрагментов штукатурки стен с росписями, а на стенах - много десятков квадратных метров остатков живописных сцен. Из них удается более или менее выделить около 70 деталей с сюжетными композициями, в том числе такие, как уникальная, уже известная по предварительным публикациям, шестиметровая композиция с "Волчицей, кормящей двух медецов" ²⁴, так называемая композиция "Военный совет" и др.

В 1970 г. раскопочные и реставрационные работы велись главным образом в малом зале приемов. Здесь вынут завал центральной части зала до пола и расчищены части восточной стены слева и справа от входного проема и тянущиеся вдоль них отрезки сух. Из завала среди толстого слоя горелого дерева и рассыпающегося древесного угля вынуты около десятка фрагментов обугленного дерева с растительным и геометрическим орнаментом.

На восточной стене зала и в завале у стены над сундуками было обнаружено огромное количество фрагментов живописи. Их скрупулезная предварительная полевая обработка дала замечательные итоги. Из множества мелких кусочков собирается фрагмент росписи с изображением трех скачущих всадников на богато украшенных вороном, сером и белом конях. Всадники одеты в боевые одежды и шлемы, в правых руках держат длинные пики со знаменами на концах, на поясе передней фигуры висят в ножнах меч. Передняя фигура в очень экспрессивной, прижатой к туловищу коня, позе, с открытым ртом и с оскаленными зубами. Под ногами коней часть распятой фигуры лежащего воина. Роспись в целом чрезвычайно выразительна, красочна, мастерски выполнена.

На втором фрагменте росписи трехголовое и четырехрукуое "божество", изображенное в момент сражения или поединка: в одной руке он держит лук, другой натягивает тетиву, готовясь выпустить стрелу. Двумя другими руками держит наперевес копье. Одета фигура в доспехи, у пояса кинжал, ниже колчан со стрелами. В одно из его левых предплечий воткнута стрела. "Божество" восседает на коне, двигающемся справа налево, его нога вставлена в богато орнаментированное стремя.

Третий фрагмент изображает "богиню" в золотой короне с полумесицем. От короны к плечам спускается голубое покрывало, в ушах массивные серьги с драгоценными камнями. Одета "богиня" в серо-голубое платье (хитон), на плечи наброшен темно-красный плащ. В одной руке она держит скипетр с завершением в виде золотой птицы, в другой - какой-то предмет, на котором просматривается изображение дракона. "Богиня" была изображена в полный рост, явилась многорукой, восседала на троне в виде льва и окружена огненным сиянием. Рисунок и краска почти повсеместно сохранились хорошо.

Четвертый фрагмент имеет изображение "Трехглазого демона", золотисто-рыжая грива как бы обрамляет оскаленное, полное экспрессии лицо "демона". Живопись выразительна, выполнена уверенным, точным движением кисти. Цвет лица светло-серый, нос с горбинкой, глаза выпучены, третий "глаз"

помещен на лбу. Надо лбом и в висках "демона" находятся три маленьких черепа. Этот фрагмент является частью фигуры, выполненной в полный рост и как бы приплясывающей. Туловище "демона" перевито лентой с бубенцами.

Пятый фрагмент также изображает "демона", подобного описанному, но только с одним черепом над лбом. Вокруг головы такая же грива, тот же оскал лица, так же изображен пританцовывающим, его тело тоже опоясывают ленты с бубенцами. Цвет тела и лица серовато-зеленый, грива огненно-рыжая.

Другую интереснейшую группу находок 1970 г. составляют фрагменты с изображениями животных. Среди огромного числа разрозненных кусков стукатурки с росписью хорошо определяется изображение львов, пакала, грифона, змей. Все животные изображены в позе движения справа налево. Иество животных было изображено и над дверным входом в зал на поверхности глиняной арки. Здесь введены дополнительно небольшие изображения дракона. Все животные выполнены в основном в теплых, охристо-желтых тонах на синем фоне.

Кроме того, у восточной стены зала обнаружены несколько изображений лиц и частей фигур, сражавшихся воинов, деталей их одежды, фрагменты скачущих лошадей, фрагменты голубой лопади в белых яблоках, фрагменты с орнаментом и т.д.

Все отмеченные детали росписей собраны и состыкованы из множества мелких кусков стуктурки с живописью и тем самым хорошо демонстрируют возможности реставрации (при ее умелом и квалифицированном проведении) по восстановлению целых участков стенных росписей, а последние, стыкуясь между собой, дадут полное представление о характере стенописи всего зала, о его композиции, колорите, иконографии, раскроют в полную силу замысел изображений и сюжета в целом.

Предварительные наблюдения показывают, что живопись на восточной стене зала была в несколько ярусов. Внизу, над супой, имела широкая орнаментированная панель шириной в 45 см. Выше располагалась полоса примерно метровой ширины с изображением сражавшихся воинов, причем резко подчеркнуты отрицательные и положительные характеристики персонажей: к примеру, трехголовое "божество" противопоставляется

демоноподобным зиянам. Судя по находкам, следующий, третий, ярус живописи на стене слева от входа имел теологическое содержание, а справа от входа – связан с какой-то символикой (шествие зверей). Верх живописной панорамы венчал орнаментальный фриз.

Живопись в целом была полихромной, яркой, с преобладанием синих и охристо-желтых тонов. Неоднократно зафиксирована зеленая краска, обычно довольно редко встречающаяся в живописи того времени.

Малый зал приемов дворца Кадаи Кахкака I оказывается, таким образом, одним из богатейших объектов уструшанской живописи. Следует отметить, что росписями насыщены и три остальные стены зала, которые еще предстоит обнажить в следующий раскопочный сезон.

Мы находимся в преддверии познания многих ранее неизвестных нам явлений духовного мира уструшанцев, их героического эпоса, мифологических и культово-теологических воззрений, их эстетического вкуса и предъявляемых к искусству требований. Все это даст значительный материал к характеристике жизни и быта средневекового уструшанца, его духовного облика и окружающего мира. То есть здесь уже археология, искусство и история культуры смыкаются с социологией древнего общества.

В целом исследования археологических памятников Северного Таджикистана в 1970 г. дали богатейший материал по истории и культуре Ходжента, Уструшаны и особенно уструнской столицы Бундиката. Они вводят нас в целый мир материальной и духовной жизни наших предков.

I Отряд работал в составе: начальник-доктор исторических наук Н.Н.Негметов, ст. научный сотрудник – доктор исторических наук Л.В.Боронина, младшие научные сотрудники – В.Д.Салтовская, Л.Т.Пьянкова, М.П.Страдомская, П.Т.Самойлик, А.Е.Павлова, младший научный сотрудник, старший реставратор – художник В.М.Соколовский; аспиранты: А.И.Бидалов, Х.Р.Мухитдинов; ст.лаборанты: А.Мирбабаев, Р.Авзалов, Ф.Суликаева, В.П.Виноградова, Н.Турлыгин, А.С.Яковлев; лаборанты: М.Абдурасулов, З.Мадамиджанова, Н.С.Хазеева; студент-

ты старших курсов вузов: С.Сайдов, А.Юсупов (ЛГПИ им. С.М. Кирова), Н.Ярцева (МГУ им. М.В.Ломоносова), Т.Беседовская, К.Штандина (ТГУ им. В.И.Ленина), 21 студент-практиканта исторфака ТГУ им. В.И.Ленина, 50 студентов-практикантов историко-филологического факультета ЛГПИ им. С.М.Кирова; несколько групп местных рабочих, мастеров В.Бабердин.

2 Перечень работ У.П.Пулатова по материалам Чилхудиры см. в далее указываемом автореферате его диссертации.

3 Часть материалов этого объекта изданы: В.Я.Серги и и., Раскопки на городище Кахкха I, - "Сообщ. Гос. Республикиенского объединенного музея историко-краеведческого и изобразительного искусства", вып. I, Душанбе, 1966, стр. 29-58.

4 Н.Негматов, К истории средневекового скотоводческо-земледельческого хозяйства горной Уструшены.- В кн.: "Проблемы археологии Средней Азии (1968 г.)", Л., 1968, стр.56-58.

5 Об этих работах С.М.Мирафмева, перечень его статей см. в далее указываемом автореферате диссертации автора.

6 Н.Н.Негматов, Сомгор (к истории целинного Сомгорского массива). - В кн.: "Материальная культура Таджикистана", вып. I, Душанбе, 1968, стр. II6-II7.

7 Часть материалов работ 60-х годов отражены в следующих статьях: Е.Д.Садтовская, О некоторых археологических памятниках и находках в Аштском районе, - В кн.: "Материальная культура Таджикистана", вып. I, Душанбе, 1968, стр. I42-I58; Е.Д.Садтовская, О резных костяных предметах первых веков нашей эры из Аште (древняя Фергана), - ИОН АН Тадж.ССР, 1968, № 2/52/, Душанбе, стр. I07-II3.

8 Н.Н.Негматов, Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.). Автореферат докт.дисс. М., 1968; С.Г.Хмельницкий, Роль народной хиджой архитектуры в развитии монументального зодчества Средней Азии эпохи феодализма. Автореф.канд.дисс., М., 1965; Т.П.Кияткина, Формирование антропологического типа таджиков по палеосантропологическим данным. Автореф.канд.дисс.Душанбе, 1965;

С.М.Марафьев, Крепостные сооружения равнинной части Северного Таджикистана XУШ-ХІХ вв. (историко-археологический очерк). Автореферат канд.дисс. Москва, 1968; Н.Н.Негматов, Е.Д.Салтовская, Матернальная культура кушанского времени в Уструшана и Западной Фергане, - В кн.: "Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых", М., 1968, стр. 47-49; Н.Н.Негматов Е.Д.Салтовская, Material culture of Kushan times in Ustrushana and West Ferghana, - "Soviet indology series, N 3", Calcutta, 1970, p. 174-175; Н.Н.Негматов, Из опыта изучения городской жизни ходжентско-уструшанского региона. - В кн.: "Средневековые города Средней Азии и Казахстана (Тезисы к совещанию в г.Фрунзе, 1970 г.)", Л., 1970, стр. 8-II.

9 Они осуществлены на средства Ленинабадского областного историко-краеведческого музея.

10 Об этом "построении" см. серию статей Н.Турсунова: К истории Ходжента (По новейшим историко-этнографическим данным), - "Ленинабадская правда", 3,4,6 и 10 марта 1970г.

11 Б.А.Литвинский, Н.Турсунов, Кубок Александра Македонского, - "Коммунист Таджикистана", 26 мая 1970 г.; Н.Турсунов, Александрия Эсхата и Ходжент (греческий бронзовый кубок из Чорсу), - "Ленинабадская правда", 25 и 26 августа 1970 г.

12 "Хуми духазорсола", - "Шаориф за Маданият", II ишли с. 1970.

13 Н.Н.Негматов, Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.), Автореферат докт.дисс. М., 1968, стр.9-10. Там же перечень других работ автора, в которых рассматривается этот вопрос (стр.51, № 8, стр.52, № 10, 18,19,25).

14 А.Вэмбери, Путешествия по Средней Азии, СПб., 1868, стр. 190.

15 А.Кунаковиц, Города Ходжент и Уре-Тобе, - "Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник", вып. I, СПб., 1872, стр. 52.

16 ЦГА Таджикской ССР, Фонд I, опись I, дело 2275, л. 15-16.

17 Н.Н.Негматов, О работах Ходжентско-Уструманского отряда в 1955 г. - АРТ, Ш, Сталинабад, 1956, стр. 69.

18 В.Ф.Гайдукевич, Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг., - КСИИМК, вып. XIУ, М.-Л., 1947, стр. 98-99.

19 О.И.Смирнова, Археологические разведки в Уструмане 1950 г., - МИА СССР, № 37, М.-Л., 1953, стр. 225-227.

20 ЦГА Таджикской ССР, Фонд I, опись I, дело 76, л.15.

21 Там же, дело 189, л. 2.

22 О раскопках дворца в 1965-1967 гг.: Н.Н.Негматов, Новые памятники архитектуры и живописи Уструшаны (печатается в Материалах Всесоюзной конференции по искусству народов Средней Азии и Кавказа 8-11 января 1968 г.). О работах 1969 г.: Н.Н.Негматов, Раскопки уструшанской столицы Бунджараката, - В кн.: "Средневековые города Средней Азии и Казахстана (Тезисы к совещанию в г.Фрунзе 24-29 ноября 1970 г.)", Л., 1970, стр. 45-49.

23 Н.Н.Негматов, Поэма в деревне, - "Наука и жизнь", 1970, № 4, стр. 54-55; Н.Н.Негматов, Сюжеты эпоса в искусстве Уструшаны и "Шахнаме" Фирдауси (в печати).

24 "Шедевры и загадки Шахристана," - "Наука и жизнь", 1967, № II, стр. 36; Н.Н.Негматов, "Капитолийская волчица" в Таджикистане, - "Наука и жизнь", 1968, № 33-34 + цв.вкл.; Н.Н.Негматов, Эмблема Рима в живописи Уструшаны,-МООН АИ Тадж.ССР, 1968, № 2/52/, Душанбе, стр. 21-32; Н.Н.Негматов, Эмблема Рима в живописи Уструшаны и древневосточная мифологическая традиция (в печати); Н.Н.Негматов, К вопросу о роли Востока в сложении древнеримской легендарной традиции (в печати); Н.Н.Негматов, К вопросу о восточном вкладе в древнеиталийскую духовную культуру (в печати - в Материялах XII Международного конгресса исторических наук); В.М.Соколовский, Стенная роспись с изображением волчицы из Шахристана (полевая обработка и реставрация) (в печати).

А.М.Беленицкий

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА
(1970 г.)¹

В 1962-1969 гг. проводились интенсивные археологические работы на городище Древнего Пенджикента и работы 1970 г. явились их логическим продолжением. Именно поэтому к нашему отчету приложена "Краткая хроника археологических работ на городище Древнего Пенджикента за 1962-1969 гг." и интересующийся предшествующими работами сможет там найти некоторые сведения.

В отчетном сезоне археологические работы на городище Древнего Пенджикента производились главным образом на нахристане, где раскопки велись на объектах II, XIII, XVI, XXI, XXII и на цитадели (табл. I4-I5)².

Объект II (руков. Б.И.Марнак). Второй объект представляет собой комплекс храмовых построек (второй храм), который был исследован на уровне верхнего горизонта в 1948-1952 гг. В 1963, 1964 и 1967 гг. Е.В.Зейналем, а затем Б.И.Марнаком на одном участке северной ограды, под верхними постройками, были открыты остатки более раннего периода, предположительно также храмового назначения. В одном из помещений - крупном зале (9x4,6 м) была открыта прямоугольная "абсида", сохранившаяся в кладке поздней стены. На стенах абсиды были расчищены остатки живописи, принадлежавшие к раннему периоду. На торцевой стенке была изображена четырехрукая богиня, сидящая на спине свернутой в кольца змеи с головой макара³. На боковых стенах-домато-ры. В 1970 г. работы на этом участке были возобновлены. Выяснилось, что раний зал пережил два периода. Сохранились его ранние стены на высоту почти 2 м, частично скрытые пристроенными позже стенками. На восточной и западной стенах обнаружены остатки живописных композиций разной сохранности. Особенно интересны росписи восточной стены. Несмотря на повреждения и большую лакуну, композиция читается вполне определенно. На северном конце стены изображена фигура женского божества, сидящая на троне. Сохранилась верхняя

часть лица и часть необычного, очень пышного головного убора. Прослеживается nimbus вокруг головы. По сторонам разеваются широкие ленты. Волосы над лбом в виде булавок. На грудь спускаются длинные локоны. С плеч, обвивая руки, спускается широкая шаль, заканчивающаяся волнистыми складками. Верхнюю часть фигуры облегает платье, затянутое кушаком со свисающими концами. Нижний край верхней одежды над кушаком фестончатый. Шея и грудь украшены ожерельями. На запястьях рук по два браслета. В левой руке фигуры божества - древко знамени, а в правой - венец с лентами. Поза очень близка к позе божества на реверсе некоторых кушано-сасанидских монет конца IV в. Справа от божества находится необычной формы музыкальный инструмент в виде прямоугольной рамки с попечерными планками. К боковым и нижней планкам подвешаны бубенцы. Структура трона не совсем ясна. Наиболее интересной его деталью является сохранившееся правое его подножье в виде протомы крылатого и рогатого (?) волка, или собаки в профиль, напоминающей сэнмурэ. Широкая спинка трона окаймлена красной рамкой. Непосредственно у трона прослеживаются очертания мужской фигуры в длинной одежде, держащей в руке ожерелье в виде цепочки с подвеской. За этой фигурой, после лакуны длиной около полутора метров, на оконном конце стены, частично сохранились изображения еще четырех фигур. У одной в руках большой поднос с каким-то предметом. Общее число фигур, стоявших перед троном, было не меньше десяти. Вся композиция представляет сцену подношения даров перед изображением божества. В этой живописи очень важна моделировка объемов с помощью цвета. По изнанке стены идет орнаментальная полоса в виде так называемой "гармоники" (табл. I6).

Небольшой фрагмент живописи сохранился на западной стене этого раннего помещения, но сильно попорченный. Прослеживаются очертания туловища человеческой фигуры (голова и ноги не сохранились), у которой к поясу подвешен кинжал. Слева от этой фигуры - голова льва с взъерошенной гривой. Над ней остатки такого же знамени, как в руке божества. Это позволяет предполагать, что лев является частью изображения трона. Ряд деталей - форма полотнища знамени, форма кушака, фестончатый край одежды повторены в упомянутой

той живописи с изображением четырехрукой богини, при наличии и существенных отличий, а также и в живописи на стенах второго храма. Намечается таким образом история последовательного сложения пендикентской школы живописи на протяжении более двух столетий. Во втором периоде на месте перехода в западной стене была устроена упомянутая "абсида", а к стенам пристроены высокие сухи, заслонившие низ росписей. В заполнении сух - керамика, характерная для слоев У века. Живопись первого периода стратиграфически и стилистически может быть отнесена к концу VI - началу VII в.

На этом участке между оградой и северной наружной стенкой портика позднего храма был заложен раскоп шириной 5 м. Здесь было прослежено ложе наземного арыка шириной и глубиной около 0,9 м. Ложе арыка имеет уклон с востока на запад. Руслло углублено в материк. На ложном берегу арыка были обнаружены углубления, не заполненные землей, с отпечатками стволов и корней деревьев. Местами сохранился древесный тлен. Открытие впервые на городище отрезка наземного канала представляет незаурядный интерес и позволяет по новому поставить вопрос о водоснабжении города. До этого открытия о характере водоснабжения можно было судить только по найденным еще в 1952 г. отрезкам подземного кубурного водопровода⁴. Одновременно встает вопрос и об озеленении городской территории, о чем раньше не имелось данных. Оба эти вопроса должны стать отдельной проблемой исследования. Необходимо подчеркнуть, что практическое осуществление в нужном масштабе такой работы потребует больших усилий и особой тщательности раскопок, учитывая густую застройку территории городища.

Объект XIII (руков. И.Бентович). Раскопки продолжались в северной части объекта, где они сомкнулись по всей ширине раскопа с раскопом на объекте XII.

В отчетном сезоне раскопано пять помещений (74-78). Помещения эти по крайней мере дважды перестраивались с изменением внутренней планировки и соответствующим подъемом уровня полов. Таким образом намечается три периода их обживания. По находкам монет эти три периода укладываются в пределах приблизительно от первой половины VI в. до первой четверти VII века включительно. Помещение 74 расположено в

западной части раскопа с выходом на север, первоначально площадью 4,5 x 2,7. На уровне второго периода после перестройки было занято мастерской медеплавильщика. Здесь было найдено скопление обломков тиглей и шлака, характерные для таких мастерских две небольшие ямки с сильно обожженными и закопченными стенками для плавки или подогрева в тиглях металла, кусок – заготовка металла, рог козла, фрагменты керамики. Вместе с этими предметами была найдена спаренная монета с неотбитыми литниками. Форма, в которой были отлиты монеты, судя по литникам, была тройная, но одна монета потеряна. Можно предполагать с достаточным основанием, что именно в этой мастерской производилась отливка монет местных правителей. В надписи на монетах – имя пенджикентского правителя Бидийана. О том, что пенджикентские правители выпускали свои медные монеты, свидетельствуют, бесспорно, легенды из наиболее многочисленных категориях их, найденных на городище. В отчете о раскопках 1952 г., когда в одном из помещений ограды второго храма был найден крупный клад монет пенджикентского выпуска, не бывших в обращении, также с именем "Бидийан", было высказано предположение, что именно при храме находился "монетный двор" Пенджикента⁵. Открытие этой мастерской на объекте XII, бросает новый свет на организацию выпуска монет. Помещение этой мастерской находится по соседству с другими ремесленными мастерскими на объекте XII. Вполне вероятно, что мастер-литейщик изготавливал монеты в порядке заказа, полученного им от дворцовой администрации. Вероятно, выполнение работ по заказу дворцовой службы было обычным. Такое наблюдение было сделано автором и в отношении керамических изделий (хумов), отиски печатей и династийных знаков на которых свидетельствуют о том, что работы выполнялись ремесленниками по конкретному заказу, в том числе и со стороны дворцовой службы⁶. Подтверждение этому мы находим и в документах с горы Муг⁷.

Помещение 75 – первоначально площадью 7,0x4,75 м, также дважды перестраивалось и делилось. Окончательно погибло от пожара, в результате которого в завале сохранилось большое количество горелого дерева, в том числе обуглившиеся остатки от колонок устроенной у северной стены ниши. В этом помещении найдены на разных уровнях 10 монет в том

числе Спабариса, Вархумана, бухархудатская монета. Первые принадлежат к наиболее ранним на городище.

Два смежных параллельных помещения 76 и 77, соединявшиеся общим дверным проемом, служили кладовыми, без выхода наружу. В помещении 76 к северной стене было пристроена глинобитная площадка ($1,40 \times 0,7$) высотой 1 м; с восточной стороны на площадку вели три ступеньки. Сооружение это, по мнению И.Б.Бентович, было связано с лестницей. Однако возможно, что оно служило площадкой ("столиком") с полочками ("ступеньки") для хозяйственной утвари. Пол помещения, особенно в восточной его части, был сплошь занят разнообразной керамической хозяйственной посудой. Интересна находка пучка обуглившихся прутьев, видимо, от веника. В одном из сосудов найдена монета Шишира.

В соседнем помещении (77) найдены черепа и кости от двух лошадей и комок обгорелой ткани. Над этими двумя помещениями находилось помещение верхнего этажа, с пола которого, очевидно по деревянной лестнице, спускались в кладовку.

Помещение 78 ($4,25 \times 4$ м) - крайнее (восточное) на раскопанном участке, также подвергалось перестройкам. Выход из него находится в восточной стене. В северо-восточном углу располагался очаг. Во втором периоде на уровне 0,8 м от нижнего пола значительная часть помещения ($2,7 \times 1,3$ м) была вымощена крупным булыжником. Траншея, прокопанная вдоль наружной стороны этой стены, показала, что здесь проходила улица, которая шла с юга на север и продолжалась вдоль фасада построек объекта XIX. В результате раскопок отчетного сезона застройка на объекте XIX, как отмечено выше, сомкнулась полностью с застройкой объекта XIX. Тем самым в основном завершается исследование второго крупного массива (квартала) построек восточной части городища, в который входят помимо объектов XII и XIX - также и объект VI.

Объект XIII (рук. И.Рахматулаев) расположен к западу от объекта XVI, с юга от улицы, ведшей от площади перед храмами в сторону цитадели. Раскопки на этом объекте были начаты в 1968 г. на средства Пенджикентского музея им. Рудаки и проводятся сотрудниками музея в составе Пенджикентского отряда.

На объекте вскрыт участок переулка, шедшего с севера

на юг и примыкающие к нему части зданий. В 1968–1969 гг. к западу от переулка были раскопаны квадратный зал с перекрытием на 4-х столбах (пом. 4) и примыкающий к нему коридор (пом. 3), погибшие от пожара. Из коридора в западной стене прорублен узкий проход в помещение с пандусным подъемом (пом. II), по которому поднимались в помещение второго этажа (пом. 7), расположенного к западу от зала. В этом помещении у южной стены находилась приставная ниша (алтарь), около которой есть следы живописи, однако впоследствии (во втором периоде обживания) живопись была покрыта глиняной обмазкой, а алтарь превращен в кухонный очаг. Монеты позволяют отнести последний период к 40-м годам УП в. Раскопанные помещения к северу от зала сильно разрушены перестройками. Здесь были найдены монеты конца УП – первой четверти УП в.

В 1970 г. раскопан ряд помещений нижнего и верхнего этажа. К северу от зала находятся два сводчатых помещения. Одно из них, пом. IO, служило вестибюлем, проход в западной стене вел в переулок. Через второе помещение попадали на лестницу, которая вела на второй этаж. Раскопано помещение (№ 6), пол которого вымыщен кирзовыми плитками, служившее кладовой. Общая сложная история всего строительного комплекса, подвергавшегося существенным перестройкам, может быть выяснена в процессе последующих раскопок. Найдки при раскопках представлены массовым керамическим материалом, монетами, металлическими изделиями. Среди находок отчетного года особо выделяется превосходно выполненная головка мужской терракотовой фигуры, оттиснутой в форме.

Объект XXIУ (руков. Б.И.Маршак) расположен к западу от объекта XXIII.. В отчетном сезоне на этом объекте полностью расчищен квадратный зал, большая часть которого была раскопана в предыдущем году. На отдельных участках стен, оставшихся не вскрытыми в прошлом году, обнаружены новые фрагменты живописи, свидетельствующие о том, что все стены зала были украшены живописью. К сожалению, сама живопись на них оказалась очень сильно испорченной, но по своему содержанию бесспорно идентична с прошлогодними (многофигурная пиршественная сцена). Проходом в восточной стене зал соединяется с раскопанным полностью сводчатым

коридором (пом. 2 и 3), вытянутым с севера на юг длиной 9 м при ширине 3,05 м. При исследовании этого коридора впервые в Древнем Пенджикенте открыта очень интересная архитектурная деталь: помещение это было разделено на две части аркой, опиравшейся на две примыкавшие к несущим стенам деревянные колонны. Отпечатки последних в стенах и в полу, а также сохранившаяся на своем месте дуга почти не просевшей арки позволяют полностью восстановить эту новую архитектурную деталь. Арка правильной полуциркульной формы свисает на 0,25 м от поверхности свода. В восточной пяте арки был заложен (с магической целью?) набитый землей человеческий череп без нижней челюсти. Коридор первоначально освещался через окно в верхней части торцовой стены. Трапециевидное окно по высоте соответствовало высоте свода. В этот первый период своего существования помещение было расписано, о чем свидетельствуют остатки росписей на синем фоне, обнаруженные в закладке восточного прохода северной части помещения.

Лучше сохранилась живопись второго периода, проходившего, в частности, поверх закладки восточного прохода. Мы вернемся к живописи второго периода после описания архитектуры всего коридора.

Северный участок коридора снабжен четырьмя проходами. В северной стене имеются арочные проходы, ведущие на переходящую в пандус лестницу и под эту лестницу. Проход под лестницей был украшен росписью и через узкий сводчатый коридор выводил в расписной айван.

Западный проход вел, видимо, в жилую часть дома. Он был снабжен деревянной дверной рамой. Восточный проход не предусматривался при строительстве. Он был прорублен позднее, а еще позднее заложен.

Северная часть коридора была разделена еще одной аркой, к северу от которой шел узкий свод с диагональной нервюрой. От него сохранился лишь участок близ северо-восточной пяты. Нервюра, характерная для крестовых сводов, до сих пор не встречалась в Средней Азии.

Вообще перекрытия XXIУ объекта производят впечатление миниатюрной replики с конструкций какого-то дворцового здания, поскольку здесь на небольшом участке применены разнообразные виды сводов, уместные в больших помещениях.

Первоначальный пол был неровным, с выступающими камнями. Он был покрыт светло-зеленою гумусной прослойкой перегнивших соломенных прокладок. Выше, видимо, лежали ковры или паласы. Светло-зеленые и черные органические прослойки общей толщиной местами до 0,4 м свидетельствуют, как и следы небрежных ремонтов стен, о плохом содержании здания после его постройки.

Около окна появилась трещина. Стена к северу от прохода в зал была частично разрушена. Закладка восточного прохода и ремонтная кладка близ входа в зал идут поверх органических прослоек. Трещины в стенах были заделаны, окно заложено, старая обмазка стен сбита и заменена новой обмазкой, которая покрыла и основные и ремонтные стены. По этой обмазке и была нанесена живопись. В зале, судя по состоянию стен под штукатуркой с росписью, живопись также относится ко времени после ремонта.

В прослойках полов послеремонтного периода обнаружены монеты Тургара и арабские фельсы.

Стены коридора и его свод, как и передний зал, были украшены живописью. Свод декорирован характерной ромбической сеткой из волнистых черных линий по белому фону. На пересечениях поставлены желтые кружки, а в середине каждого ромба крупные красные диски. Сходный орнамент украшает своды других панджикентских зданий.

Часть росписей, главным образом от свода, была извлечена из зазала в виде разной величины фрагментов. Остатки живописи на стенах оказались сильно поврежденными. Однако сюжеты росписей могут быть восстановлены, по крайней мере частично. На южной торцовой стене коридора росписи расположены в два яруса. Верхний ярус ограничен полосой перлов по линии пятна свода. Ниже по карнизу идет полоса орнамента в виде "гармоники", орнамент, разделяющий ярусы на торцовой стене по карнизу и на несущих стенах. К сожалению, штукатурка с живописью над окном в торцовой стене осыпалась в последний период функционирования помещения. Это уничтожило значительную часть росписи в центре композиции. Кроме того живопись носит следы преднамеренных ударов, нередко встречающихся на росписях Панджикента, преимущественно на куль-

товых композициях. Тем не менее общее содержание восстанавливается. Под живописной аркой на столбах, повторявший контур дуги свода, на двух отдельных тронах или на одном широком троне сидели два персонажа в богато орнаментированной одежде. Полностью уничтожены на месте указанного светового окна верхние части фигур. Трудно установить, кого они изображали. Более вероятно, что они представляли собой фигуры божеств, о чем говорит и наличие по сторонам от тронов маленьких коленопреклоненных человеческих фигур. От одной из них, находящейся у правого основания трона, сравнительно хорошо сохранилась голова в трехчетвертом повороте. У второй фигуры, помещенной выше головы верблюда (левого подножья трона), голова утрачена. К поясу подвешен меч. Особо большой интерес представляет трон (или троны) с подножьями в виде протомы горного барака и в виде протомы верблюда.

Протомы животных, возможно, являются символами мужского божества (верблюд) и женского (горный баран). Живопись Варахши и терракоты Пенджикента знакомят нас с иконографией этого мужского божества, а на бронзовой бляхе из Ак-Бешима, возможно, представлена та же чета богов⁸.

Символ в виде крылатого верблюда помещен около голов нескольких пирующих персонажей в соседнем зале того же объекта ХХУ.

В нижней части торцовой стены общая сохранность живописного покрова также оставляет желать многого, но и здесь композиция в общем восстанавливается (табл. I7). На неясном по структуре сиденье восседает мужская фигура с мечом и кинжалом. Позади нее была еще одна фигура, а перед ним стоит молодой человек с длинной косичкой и с кинжалом у пояса, но без меча, держащий под узды серую (голубую на живописи) в яблоках лошадь. От лошади сохранилась голова, частично контур туловища, ноги и хвост. Следов оседловки лошади не заметно. Как можно предположить, композиция эта продолжалась и на восточной стене, на которой хорошо сохранились три головы взнузанных лошадей, в том же масштабе, как и на торцовой стене, и остатки фигуры конюха. Положение голов лошадей над самой пятой сводом исключает возможность наличия всадника. Фрагменты росписи с головой лошади были найдены

и в завале к северу от входа в зал. В целом композиция представляет как бы осмотр коней отряда молодых воинов(?), напоминающий известные рассказы письменных источников о чакирах - отрядах воинов, находившихся на службе у правителей⁹, или же о весеннем празднике клеймения коней, сохранившемся в Средней Азии еще в XI в., празднике, воспетом поэтом Фаррухи¹⁰. Остатки стоящих человеческих фигур и, как будто, виноградная лоза сохранились на северной части западной стены коридора. Однако были ли они связаны с остальной композицией, - неясно. Над проходами северная торцовая стена была также украшена живописью, фрагменты которой найдены в завале. Едимо, здесь была изображена сцена охоты в горах, где лучники стреляют в горных козлов (?).

Лестница-пандус выводит на частично сохранившийся второй этаж, а проход под ней ведет в небольшой сводчатый айван (пом. 7), открытый в сторону улицы. Помещение это раскопано только в верхней своей части. На отдельных участках верха стен - следы росписей. В завале у восточной стены обнаружен крупный кусок сползшей стены из помещения верхнего этажа, на котором сохранился фрагмент живописи. Живописный покров в целом сравнительно хорошей сохранности. Роспись разделена на три яруса полосами перлов. От верхнего яруса сохранилась нижняя часть стоящей фигуры женщины с несколькими длинными косичками, в длинном кафтане, обращенной влево, и часть ее протянутой влево руки. Левее этой фигуры сохранились полосы (бординги) орнаментальных тканей, покрывавших трон, на котором сидел человек с мечом. Один бордюр-прямоугольный с растительным орнаментом, видимо, от ковра. Другой бордюр в виде сегмента окружности - формы, обычной для ткани, покрывающей трон. Орнамент этого бордюра - в виде полукруглой из перлов, под которыми изображена головка птицы (павлина?) с лентой позади. Правее женщины - сегментовидный ковер другого трона и остатки фигуры, сидевшей на нем. Во втором ярусе частично сохранились изображения двух всадников. Один из них, лучше сохранившийся, стреляет из лука. От фигуры второго всадника хорошо виден подвешенный к поясу колчан со стрелами и круп ложемя. Очевидно, что и он стреляет из лука. Между всадниками

на уровне их голов изображена птица, несущая в клюве ожерелье. Ткань кафтанов всадников богато орнаментирована. У первого в орнамент включена голова и крылья сэнмурва. Нижний ярус орнаментальный, в виде стилизованного побега, качество выполнения которого чрезвычайно высокое, свидетельствующее о замечательном искусстве орнамента.

На участке восточнее коридора начаты раскопки двух помещений верхнего этажа. Северное (пом. 4) размером 4,1 x 2,55 м. Южное (пом. 5) полностью не раскопано, его ширина 2,4 м. Пол и стены этого помещения покрыты слоем ганчевой обмазки и оно делится тонкими стенками на отсеки, что говорит о его назначении, как кладовки для хранения продовольственных запасов. Ниже находились сводчатые помещения. Южное помещение само тоже было сводчатым, местами оно сохранилось до верха свода на высоту 2,65 м. Судя по наблюдениям в Пенджикенте, такая сохранность свода обуславливается наличием еще одного этажа над ним. Таким образом здесь можно предполагать трехэтажную постройку. Оба хозяйственных помещения были отделены от коридора с живописью двойной стеной. Это свидетельствует о том, что первоначально они относились к другому жилому комплексу. Однако пробитый на восток проход из северной части коридора с живописью показывает, что из некоторое время эти помещения были включены в соседнее жилище.

Запустение хозяйственных помещений на втором этаже, как показывают монеты и керамика, относится ко времени первого разгрома города в конце первой четверти VIII в.

В целом исследование XXIV объекта дало новые существенные наблюдения над архитектурой, а также привело к открытию весьма интересных, новых по содержанию стенных росписей.

К северу от айвана поперечной разведывательной трапеции была прорезана улица, идущая вдоль фасада с востока на запад. Улица эта, в настоящем виде представляющая собой глубокую ложбину, вела от площади перед храмами к цитадели. На этой улице намечаются два (возможно разновременных) ложа древнего водного потока. Как и на объекте II, они углублены до материка.

Цитадель (руков. А.Исааков). В отчетном сезо-

не раскопки на цитадели, после того как в предшествующие три года был раскопан комплекс парадных помещений дворца II, производились в основном на участке к востоку от последних. Холм цитадели обрывается здесь почти отвесно как с северной, так и с восточной сторон. Группа помещений, раскопанных здесь, носит вспомогательный характер. Здесь вскрыто четыре помещения. Непосредственно к востоку от парадного зала расположен узкий коридор, вытянутый с севера на юг - длиной 9,50 при ширине 1,75 м (пом. 2). Северная торцовая стена срезана обрывом холма, с южной стороны коридор сливается с другим узким коридором, идущим в восточном направлении, шириной 0,90-1,20 м в который вел дверной проем из упомянутого парадного хода (№ 2). Коридор этот также срезан на седьмом метре восточным склоном холма. Проем в середине северной стены этого коридора шириной 1,50 м ведет в помещение с пандусом, от которого сохранились два марша - первый с юга на север длиной от прохода 1,27 при ширине 2,45 м второй с запада на восток длиной 2,45, шириной 0,90 м. Центральный столб пандуса прямоугольный, вытянутый с З на В сохранился в длину на 2,75 м, где он также обрывается склоном холма. Ширина его 0,75 м. В З.четверти столб сохранился на высоту 1,25 м. Параллельно с помещением с пандусом в северо-восточной части участка раскопано еще одно помещение, размером 3,85 x 3,80 м, соединившееся с пом. 2 проходом шириной 0,95 м, в котором хорошо прослеживается гнездо порога. Частично сохранились все стены этого помещения. К западной стене пристроена суха (длиной 2,80 при ширине 1,0 м и высоте 0,35-0,40 м).

Таким образом, как можно полагать, с северо-восточной стороны дворцовое здание было оформлено в виде двухэтажной постройки, нижние помещения которой имели вспомогательно-служебное назначение.

Кроме раскопок на северо-восточном участке, раскопки производились на участках, прилегающих к другим парадным помещениям дворца. Особо важные наблюдения по истории сооружения дворцового комплекса получены при исследовании участка к юго-востоку от зала 2. Здесь обнаружены забутованные помещения более раннего времени, чем постройки

парадных помещений дворца. Что касается самих парадных помещений, то они были сооружены на специально подготовленной площадке, на которой следов более ранних сооружений не было обнаружено, и можно полагать, что они были сооружены по единому плану.

¹ В раскопках 1970 г. принимали участие, помимо руководителей раскопов, названных в тексте, реставраторы: М.П.Винокурова, Г.И.Тер-Оганян; архитектор Л.Л.Гуревич; аспирант Гос.Эрмитажа М.Г.Краморовский, студенты кафедры археологии МГУ А.Седов, П.Митяев, Н.Мошенина и др.; лаборант Институте истории им. А.Дониша АН Тадж.ССР Е.Денисов; студентки ЛИСИ Т.Сиротенко, Л.Лаврова, студентка ЛЭТИ О.Пасынкова.

² Отчет о раскопе XVI печатается отдельно. См. ниже.

³ См. сб.: "Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии", Л., 1965, стр. 4-5.

⁴ См. МИА, № 87, М.-Л., 1953, стр. 57, рис. 22.

⁵ См. МИА, № 66, М.-Л., 1958, стр. 108, 109. Ср. О.Н. Смирнова, Первый клад согдийских монет, - ЭВ, 10, Л., 1955, стр. 3-13.

⁶ МИА, № 66, стр. 128; ИОН АН Тадж.ССР, I4, 1957, стр. 3-15.

⁷ См. В.А.Лившиц, Юридические документы и письма. Согдийские документы с горы Муг, вып. II, М., 1962, стр. 182-183 (о выплате мастеру 100 драхм за устройство перекрытия).

⁸ В.А.Шишкин, Варахша, М., 1963, стр. 159, 161, табл. XV, рис. 76; Б.И.Маринк, Отчет о работах на объекте XII за 1955-1960 гг., - МИА, № 124, стр. 239, рис. 26,9; Д.Р.Кызылдасов, Археологические исследования городища Ак-Бешим в 1953-1954 гг. - Тр. КАЗЭ, т.2, М., 1959, стр. 206, рис. 38,7

⁹ В.В.Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, - Соч., т.1, М., 1963, стр. 298.

¹⁰ См. А.М.Беленицкий, Хуттальская ломадь в легенде и историческом предании, - СЭ, 1948, № 4, стр. 165.

II А.Исааков, Дворец пендикентских правителей. - В сб.: "Страны и народы Востока", вып. 10, М.-Л., 1971.

Приложение

Краткая хроника археологических работ на
городище Древнего Пенджикента за 1962-1969 гг.

1962 год

Раскопки продолжались в восточной части шахристана на объектах УП, ХIII, ХVI, ХУП и в юго-западном районе - на объекте ХII.

Объект УП. Окончурены Р., В. и З. фасады построек объекта, ограниченные проходящими вдоль них городскими улицами. Закончено извлечение обуглившегося разного дерева из пом. II. В этом помещении, начатом исследованием в 1960 г., найдено около 60 фрагментов разного дерева с фигурами и орнаментальными сюжетами. В двух вновь раскопанных помещениях "А" (верхнего этажа) и 24 открыты новые стенные росписи.

Объект ХIII. Раскапывались помещения в западной части строительного массива. Открыты выходящие на улицу ремесленные помещения, в том числе мастерские с остатками оборудования, предположительно связанные с размоткой коконов и шелкоткачеством. Найден клад серебряных монет (18 экз.).

Объект ХVI. Вдоль южного фасада объекта раскопан ряд небольших помещений - лавок и мастерских. В юго-западной части объекта раскопано помещение с хорошо сохранившимся горном и крупным очагом - остатками оборудования кузнечной мастерской.

Объект ХУП. На пересечении двух улиц (I и 2) раскопан базарчик, состоящий из 14 торговых и ремесленных помещений. По остаткам оборудования выяснено наличие среди них мастерских ювелиров или медников. Одновременно вскрыты отрезки улиц, лежащих вдоль названных объектов.

Объект XII. Продолжались раскопки как нижнего горизонта, так и верхнего.

1963 год.

В восточной части шахристана продолжались раскопки на объектах УП, XIII, XIV, XVII и начаты раскопки объектов XIX и XX. Продолжены раскопки объекта XII. Возобновлено исследование объекта II (второй храм).

Объект УП. Северная часть застройки этого объекта смыкалась с застройкой на объекте III, образуя единый строительный массив.

Объект XIII. Продолжались раскопки в северо-западной части объекта вдоль улицы I. Вскрыто несколько небольших торгово-ремесленных мастерских.

Объект XIV. Продолжены раскопки южнее базарчика, к которому примыкал жилой комплекс. Раскопано сводчатое помещение и оконтуриены квадратный зал с айваном, открытым на улицу I. По верху стен квадратного зала - следы живописи.

Объект XIX. Расположен севернее объекта XIII. Судя по рельефу - правильной формы бугор, - можно было предположить, что здесь находился отдельный строительный комплекс (предположение не оправдалось). Начатыми здесь раскопками вскрыты сводчатые жилые помещения нижнего этажа и пандусный подъем к помещениям второго этажа.

Объект XX. Раскопки начаты в 1963 г. Объект расположен севернее объекта УП. Так же как и участок объекта XIX, представлялся первоначально самостоятельным строительным комплексом. Между ним и объектом УП улица I растянулась, образуя ровную небольшую площадь.

Объект II (второй храм). Разведывательным раскопом у северной ограды храма выявлены остатки стен постройки более раннего, чем сама ограда, строительного горизонта.

Объект XII. На этом объекте продолжались раскопки жилых помещений верхнего строительного горизонта.

1964 год.

Продолжались раскопки на объектах II, III, XIX, XX (восточная часть шахристана), а также на объекте II (второй храм) и на объекте XII. Начат раскопками объект XXI. Возобновлены раскопки на цитадели.

Объект XX. В результате раскопок на этих объектах выяснилось, что постройки на них принадлежат к одному строительному массиву. Наряду с жилыми помещениями раскопаны мастерские или лавки небольших размеров с выходами на улицу (№ I).

Объект XIII. Раскопки продолжались в северной части объекта. Здесь также открыты небольшие помещения - мастерские или лавки, обращенные в сторону улицы (№ I). Некоторые соединяются с жилыми комплексами, но имеются и изолированные от них.

Объект XIX. Раскапывались жилые помещения по нижнему этажу (в большей части это сводчатые комнаты). В юго-западном углу объекта открыт зал с остатками росписей на стенах. Раскопано помещение с пандусом, который вел в помещения второго этажа, стены которых частично сохранились.

Объект П. Продолженными раскопками остатков построек нижнего горизонта около северной ограды храма в поздней стене обнаружена замурованная глубокая ниша ("абсиды" зала), на стенах которой сохранились живописные фрагменты росписей с изображением сидящей на фантастическом животном (амее с головой макара) четверорукой богини и остатки фигур донаторов по обе стороны от нее.

Объект XII. Продолжены раскопки жилых комплексов верхнего горизонта. Раскопки построек нижнего горизонта, уходящие под постройки верхнего, приостановлены.

Объект XXI начат исследованием в 1964 г. Участок этого объекта расположен западнее объекта II (второго храма). Первое помещение, открытое на нем, оказалось крупным парадным залом, на стенах которого сохранились по низу росписи в два яруса. Росписи верхнего яруса изображают батальную сцену (война с амазонками), на нижнем ярусе изображены отдельные композиции сказочно-фольклорного содержания.

Цитадель. После перерыва с 1948 г. возобновлено исследование цитадели. Раскоп (I) заложен на внутреннем дворе к западу от двора. Проследены слои от ХУ-ХVI веков до VI в.

1965 год.

На шахристане продолжались раскопки объектов III, XII, XIII, XIV, XIX и XXI. На цитадели расширен раскоп к западу от донжона.

Объекты III, XII и XIX. На этих объектах продолжалось вскрытие жилых и торгово-ремесленных помещений. На объекте III раскопаны два помещения с остатками стенных росписей (I37 и I38).

Объект XIV. Зачищен 4-колонный зал, оконтуренный в 1964 г. Остатки живописи сохранились на двух стенах (восточной и западной). На западной изображена сцена спортивной борьбы. На восточной сюжет не установлен. Южнее зала раскопан узкий переулочек, вслед за которым расположены жилые постройки, начатые исследованием.

Объект XII. Массив построек верхнего горизонта оконтурен с западной стороны, где проходила улица. В северной части объекта наряду с жилыми помещениями раскопана мастерская ювелира.

Объект XXI. Раскопаны три помещения (2, 3, 4), составляющие вместе с пом. I, раскопанным в 1964 г., парадный комплекс. Пом. 2 - коридор, "Г"-образный в плане. Раскопан на протяжении 15 м (не полностью). Проходами соединялся с помещениями I, 3, 4. Стены были некогда покрыты живописью, плохо сохранившейся. Помещение 3 - небольшая квадратная комната неясного назначения, помещение 4 - домашняя капелла с алтарной нишей у восточной стены, на 3-х стенах сохранились разной сохранности фрагменты живописи. На западной стене изображен, вероятно, "портрет" (?) владельца и его супруги в окружении воинов и женщин.

Цитадель. Раскоп I расширен вдоль южного вала (крепостной стены). В нижних насыпях, под основным полом двора (УП-УМ в.), прослежены стены более ранних построек. Произведен разрез южной крепостной стены, имевшей в основании ок. 12 м. Под стеной в траншее разреза пролегала линия канализационных керамических труб (кубиров).

1966 год.

Раскопки продолжались на шахристане на объектах II, XII, XIII, XIV, XIX, XXI. Начаты раскопки объекта XXII. Продолжалось исследование цитадели.

Объект Ш. Раскопан последний участок застройки массива объекта. Вместе с объектами УП, ХХ - застройка объекта Ш входит в один крупный городской квартал, насчитывающий более 200 помещений, группирующихся в отдельные домовладения-жилища.

Объект XIII. Продолжались раскопки в северной части объекта. Вскрыта группа жилых помещений.

Объект XIX. Раскопаны два жилых комплекса, включающие помещения нижнего и верхнего (остатки стен) этажей вместе с пандусными подъемами.

Объект ХУП. Продолжалось исследование в северной части объекта, ограниченного улицей 2. Фасы стен построек, обращенные к улице, защищены на протяжении 30 м. Раскопано три разной величины помещения, в том числе айван, обращенный открытой стороной к улице (пом. I4) и проходное помещение ("распределитель"), почти квадратное (3,5 x 3,0) с дверными проемами во всех стенах.

Объект ХП. Раскопки продолжались в сев. части объекта. Раскопан двор (?) площадью ок. 80 м², не имевший покрытия. Восточная стена двора - наружная. Раскопано также четыре жилых помещения, два из которых имели пандусные подъемы на второй этаж. Вдоль восточного фаса объекта проложен участок улицы.

Объект XXI. Завершены раскопки парадной части здания (помещения I-4) и начаты раскопки жилых и дворовых (?) помещений (5-8). Помещения 5 и 6-сводчатые прямоугольные. Первое имеет суфу и очаг. Помещение 7 соединяется проходом с пом. 2, полностью не оконтурено. В помещении 8 в центре открытая суфа. Пол помещения у суфы плотно замощен крупным булыжником.

Объект ХХП. Раскопки начаты в 1967 г. Объект расположен южнее объекта XXI. Оконтурено 5 помещений. В помещении I, раскопанном частично, найдены в завале и на стенах росписи с культовым и эпическим сюжетами. Росписи на одной стене сопровождаются согдийской надписью.

Цитадель. К северу от донжона заложен раскоп II, в котором обнаружены остатки разновременных построек. Восточный вал, ограждавший внутренний двор, как выяснилось, состоял из ряда забутованных сводчатых помещений.

1967 год.

На захристане продолжались раскопки на объектах II, III, XIV, XIX, XXI и XXII. Продолжалось также исследование цитадели.

Объект II. Вдоль северной ограды храма исследовались остатки стен раннего здания, датируемого концом У - началом IV в.

Объект III. В сев. части объекта раскопано 4 помещения. Установлены отдельные периоды их обживания, сопровождавшиеся постройками и ремонтами.

Объект XIX. Раскопки производились вдоль всей южной стороны объекта. Раскопано 6 помещений по нижнему этажу. Одно из помещений - мастерская или лавочка, открытая в сторону улицы I. В помещении I9, в юго-восточном углу находился ларь или закром, огороженный кирпичной стенкой. Над помещениями нижнего этажа находились помещения верхнего этажа, на который вел пандус, рассчитанный для подъема на крышу или в помещения третьего этажа. В одном из помещений второго этажа ("И") обнаружены очаг и три закрома, обмазанные алебастровой штукатуркой. Прослеживаются разновременные перестройки помещений.

Объект XIV. На этом объекте работы возобновились после перерыва с 1963 г. До начала работ в 1967 г. вдоль наружной западной стены жилого комплекса был выявлен ряд небольших торгово-ремесленных мастерских. Как выяснилось в результате раскопок 1967 г., выходы из помещений вели в айван-навес, общий для всего ряда помещений, от которого прослежены гнезда от столбов и остатки сгоревших брусьев перекрытия. Раскопаны еще несколько помещений, принадлежащих к комплексу построек, объединенных айваном. По монетным находкам гибель этого комплекса произошла в 720-730-х годах в результате пожара.

Объект XIX. Работы продолжались вдоль улицы 2 в юго-западной части объекта. Раскопано сводчатое помещение с остатками живописи на стенах и в завале. Западнее начинается переулок, за которым раскопан ряд (4) небольших обращенных в сторону улицы помещений-мастерских (раскопки не завершены). Кроме того, южнее раскопанного в 1966 г. вестибюля начаты раскопки пом. I8 и параллельно с ним пом. I9. Оба помещения крупные, имевшие плоское перекрытие.

Объект XXI. Продолжалась расчистка помещений 7 и 8. Пом. 7 площадью 14,5 x 9,5 м перекнуло несколько этажей обживания, сопровождавшихся перестройками. На втором этапе вдоль стен был устроен кавес на столбах. К стенам пристроены сухи. Помещение представляло собой двор с айваном. Помещение 8 - площадью 8,8 x 6,45 м - соединяется с помещением 7 проходом в южной стене. Прослежены три строительных этапа, соответствующих трем первым этапам помещения 7. Начаты раскопки помещения 9, представлявшего собой лестничную клетку с пандусом.

Объект XXII. К западу от помещения I раскопаны 4 сводчатых помещения, три (№ 2-4) из которых идут параллельно, вытянуты с В на З. Помещение 5 вытянуто с С на Ю.

Цитадель. Раскопками на внешнем дворе цитадели в северной его части начато исследование дворцового здания. Раскопаны два соединенных проходом передних зала с перекрытиями на 4-х столбах каждый площадью II x II м. Оба зала погибли от пожара. Слой завала над полами (ок. 1 м) заполнен обуглившимися остатками от деревянных конструкций перекрытия, колонн, дверей и пр. Стены были покрыты живописью, от которой на месте сохранились, однако, только небольшие фрагменты, попорченные пожаром и позже затертые. На отдельных обуглившихся деревянных конструкциях прослеживаются следы резного орнамента. На отпечатках в глине от резного дерева следы от их прежней окраски.

1968 год.

Раскопки на шахристане производились на объектах XII, XVI, XIX, XXI, XXII и XXIII. На цитадели продолжалось исследование дворцового здания.

Объект XIII. В западной части объекта раскопки сомкнулись с раскопом объекта XIX. Таким образом постройки объектов XIX и XIII составляли один строительный массив, который в свою очередь соединялся с постройками объекта VI. Эти три объекта входили в состав второго раскопанного в восточной части шахристана квартала.

Объект XIX. Доисследовалась и уточнялась планировка раскопывавшихся в 1967 г. помещений в южной части объекта, где он смыкается с объектом XIII.

Объект ХУІ. Продолжалось исследование базарного сооружения с айвеном, площадью 10,75 x 8 м. Одиннадцать мастерских и лавки располагались П-образно. Средняя часть площади открыта в сторону улицы, идущей с юга (со стороны южных ворот городской стены) на север (к площади перед храмами). В состав базарного центра входил ряд кузниц, от которых сохранились горны и другие следы оборудования. Установлены следы устройства мастерской ювелира или медника. К северу от базарного здания защищены южная и западная стены от крупного помещения с сафами, входившего в состав жилой части объекта ХУІ. У западной стены под полом обнаружена траншея (ширина 0,5 и глубина 0,45), уходящая под сафу и стену, с разбитыми 2 кубурами, уложенными с наклоном с В на З. Являлись ли кубуры частью водопроводной или канализационной линии, пока неясно. Скорее первое.

Объект XXI. В северо-восточной части здания вскрыт участок улицы, проходившей с В на З вдоль северной стены здания. Закончены раскопки больших помещений 7 и 8. Снаружи, за восточными стенами этих помещений, обнаружены помещения с горнами, планировка которых пока неясна. Наличие производственных построек – у наружных стен богатых зданий – для Пенджикентаично.

Объект ХХІІІ. Объект начат раскопками в 1968 г. на средства Пенджикентского музея им. Рудаки сотрудниками музея, в составе Пенджикентского отряда. Объект расположен западнее объекта ХУІ, к югу от улицы, идущей с В на запад. Раскопан участок узкого (ширина 2 м) переулка (направление С-Ю). Восточнее переулка открыто частично три помещения (I, 2, 3) неясного назначения (мастерские?), западнее начаты раскопки жилого дома. Раскопана часть квадратного зала (пом. 4). Его размеры 6,50 x 6,70 м. Перекрытие покоялось на четырех колоннах, от баз которых сохранились гнезда. Проход в южной стене вел в сводчатый коридор. Другой проход пробит в западной стене. Вдоль стен пристроены сафы. Помещение погибло от пожара. Коридор (пом. 3), примыкающий с юга к пом. 4, вытянутое с В на Ю прямоугольное помещение 8 x 1,67 м с выходом в восточной торцовой стене в переулок.

Цитадель. Продолжались раскопки дворцового здания. Раскопан коридор (14,0 x 2,35 м) и часть (половина) тронного зала (его общая площадь 24,0 x 12,5 м). Коридор, вытянутый с востока на запад, был связан проходом с помещением 2. Стены и свод были покрыты живописью. Сохранился участок живописи на пяте свода. Планировка тронного зала своеобразна. Он делится на три части, с различными уровнями пола. Наиболее низкий пол находится на уровне полов остальных помещений дворца площадью 10,0 x 12,5 м (северная часть помещения). Южнее находится эстрада, на которую ведет пологий подъем (высотой 0,6 м). Эстрада площадью 8,5 x 12,5 м. В центре южной стены эстрады находится глубокая ложия, также несколько приподнятая под полом эстрады.

Над полами, в завале, громадное количество деревянных обгорелых конструкций перекрытия, вдоль стен обвалившаяся штукатурка с живописью. На восточной стене сохранилась по низу живопись.

Объект XXIII. Продолжались раскопки жилого дома. Наряду с помещениями нижнего этажа к западу от квадратного четырехколонного зала открыты остатки помещений второго этажа с ведущим к ним пандусным подъемом. Хорошо выявляется структура перехода от сводов помещений нижнего этажа к верхнему. Одно из помещений верхнего этажа первоначально представляло собой домашнюю капеллу с приставной нишей — алтарем, но впоследствии была превращена в кухонный очаг. На стенах, около ниши, прослежены небольшие остатки живописи.

Объект XXIV. Начат исследованием в 1969 г. Объект расположен западнее объекта XXIII. Первое открытое частично помещение оказалось квадратным залом 6 x 6 м, в стенах которого сохранились крупные участки живописи. Росписи располагались в несколько ярусов, из которых прослеживаются три. В сравнительно удовлетворительном состоянии сохранилась живопись нижнего яруса, на котором развертывается многофигурная пиршественная сцена, интересная по множеству деталей (изображения ритонов, ваз с фруктами и плодами и пр.).

1969 г.

На шахристане продолжены раскопки объектов ХУI, ХХI, ХХII и начаты раскопки объекта ХХIУ. На цитадели продолжались раскопки дворцового здания.

Объект ХУI. Вскрыт участок улицы № 4, шедшей вдоль базара. На западной стороне улицы начаты раскопки построек, которые также входили в состав этого, по всей вероятности, главного ремесленного центра города. Открыты еще несколько кузнечных мастерских с горнами.

Объект ХХI. В основном завершены раскопки всего строительного комплекса, представлявшего крупное богатое домовладение. Выявлены ограничивающие его улицы с севера, востока и юга. Мастерская с остатками оборудования металлиста (очаги с поддувалами, горн и др.), раскопанная в юго-западной части объекта, принадлежала также к этому домовладению. Выявлен оформленный в виде айвана (?) главный вход в здание, находившийся в южной стороне.

Цитадель. Завершена зачистка тронного зала. Уточнена его своеобразная планировка. В надпольном слое, особенно на "эстраде", оказался огромный завал обуглившихся деревянных конструкций от перекрытия и двух колонн. От последних, в частности, на месте сохранились настилы под базами.

х   х

х

Главные результаты раскопок на городище Древнего Пенджикента 1962-1969 гг. заключаются в следующем:

1. Установлен квартальный характер застройки шахристана. Каждый квартал состоял из многих отдельных жилищ (домовладений), тесно примыкавших одно к другому.

2. Выявлено направление ряда улиц в восточной части шахристана, служивших границами кварталов. Улицы - прямолинейные, идут как в меридиональном, так и в широтном направлениях. Вдоль улиц, примыкая к жилым постройкам, располагались группы ремесленных мастерских и лавок.

3. Установлено наличие на территории шахристана (в восточной части) по крайней мере двух базарных центров, включавших и специальные базарные постройки, объединявшие целые группы мастерских и лавок (объекты ХУI и ХУП).

4. В нескольких пунктах выявлены остатки ранних строительных горизонтов (объект ХII, храм II, цитадель).

5. На цитадели открыто дворцовое здание.

6. Значительно пополнился фонд вещественных находок – особенно предметами массового производства (керамических, металлических изделий), а также монет.

7. Открыты многочисленные новые памятники монументального искусства – стенные росписи и резное дерево.

В целом Древний Пенджикент вырисовывается как город с весьма сложной социально-экономической структурой и как важный культурный центр, что меняет прежние представления о среднеазиатском городе раннего средневековья (до арабского завоевания).

Руководили раскопками на отдельных объектах: О.Г.Большаков (объект III), И.Б.Бентович (объект XHI), Б.И.Мармак (объект XI – нижний горизонт; объект II, объект XXI), Е.Г.Зеймаль (объект II), В.И.Распопова (объект ХII и ХVI), Т.Атаканов (объект ХУIII), А.Исаев (объекты УП, ХУП, ХХ, цитадель), И.М.Стеблин – Каменский (объект XXXIII), И.Рахматуллаев (объект XXIII), М.Исаев (объект XXIУ). Кроме того, на отдельных участках работы велись под наблюдением М.Б. Пиццорского, Л.Сергеевой, И.Рахимовой, Н.Ивочкиной.

Ежегодно в работах Пенджикентского отряда участвовала группа реставраторов под руководством заведующего реставрационными мастерскими Гос.Эрмитажа П.И.Кострова: Е.Г.Шейнина, М.П.Вынокурова, В.Соколовский, Г.Тер-Оганян, Ю.Начинкина, Р.Цыпина, Л.Демидова, М.Страдомская; П.И.Костров выполнял одновременно прорисовки стенных росписей.

Архитектурные обмеры производили до 1965 года под наблюдением В.Л.Ворониной, архитекторы М.Ткачук, А.Раппоперт, М.Юн, Ю.Кожин, Н.Егорова, Г.Миленко и др.

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ ХУГ ОБЪЕКТА ГОРОДИЩА
ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА В 1970 г.

В 1970 году раскапывалась улица 4 - одна из главных магистралей, ведущая от ижних ворот к площади перед храмами, и постройки, выходящие на нее. На всю ширину улицы раскопана напротив базара на участке длиной около 30 м (табл. I8). Здесь же расчищены помещения 64 и 65, расположенные на противоположной базару стороне улицы и являющиеся мастерскими ремесленников. Вскрыты два помещения 66 и 67, расположенные за западными стенами помещений 64 и 65. Улица 4 около юго-восточного угла помещения 62 делает поворот на запад. Здесь в нее вливается улочка, огибаяющая с юга холм, на котором расположен базар. Вдоль юного фасада помещения 62 на улице располагалась кузница с двумя горнами. На южной стороне улочки продолжались раскопки кузнечной мастерской (помещение 68), и к западу от нее частично раскопана мастерская (помещение 69).

Улица 4 раскопана за всю ширину на участке длиной около 30 м. Ее ширина от 4,5 м до 5,5 м, уже она в северной части. Вдоль этой улицы расположены базар, кузницы, примыкающие к базару с севера и юга, мастерская, связанная с обработкой бронзы, лавочки. Нижний уровень, по которому раскопана улица при спуске с базара, в южной части около поворота на запад соответствует поверхности базара и примыкающих к нему с юга лавочек и мастерских и датируется первой четвертью УШ в. Поверх этого уровня идет слой, датируемый на основании находок в нем монет Турагара второго типа и фальса ихрида Кема - серединой УШ в. Напротив помещения 60 слой середины УШ в. перекрывает остатки упавших стен этого помещения. Верхний слой улицы относится к третьей четверти УШ в. По этому уровню улица раскопана на участке, примыкающем к восточному фасаду помещений 63-63.

В первой четверти УШ в. функционировали все постройки, выходящие на улицу. В 20-30 гг. УШ в. почти все они

погибли во время большого пожара, следы которого прослеживаются во многих районах городища. В 40-50 гг. УШ в., на которые падает восстановление города, вдоль раскопанного участка улицы были восстановлены не все помещения. Слой этого времени прослежены в помещениях, находящихся на западной стороне улицы (64-65), и в расположенных за ними помещениях 66-67. Базар и примыкающие к нему с юга постройки кузницы, расположенные вдоль улочки, ведущей от улицы 3 к улице 4, не были восстановлены, и из их места был пустырь. Поверх остатков мастерской, примыкающей к южному фасаду помещения 62, идут уличные слои 40-50-х гг. УШ в. В третьей четверти УШ в. в этом районе функционировал лишь комплекс, состоящий из помещений 62-63. Поверх стен остальных помещений шел гумусированный слой, спускающийся к тротуару, который был устроен при выходе из помещения 62. Гумуса поверх тротуара нет, что свидетельствует о том, что он содержался в чистоте. Тротуар идет вдоль восточного фасада помещений 62-63 на всю их длину. Его край укреплен рядом камней. В основании тротуара лежит слой мелкой гальки, перекрытый битой глиной.

На проезжей части улицы защищены отдельные камни, местами скопления черепков кумов. Улица, видимо, со временем первой четверти УШ в. содержалась в чистоте, так как культурный слой улицы начиная с этого времени и до третьей четверти УШ в. невелик (0,3-0,5 м) и не содержит гумуса.

Улица от поворота на запад раскопана на участке (длиной 10 м, шириной 2,5, 4 м) вдоль южного фасада помещений 61-62. Ширина улицы здесь была около 5,5 м.

Улица на этом участке раскопана по "до-пожарному" уровню. Выход из помещения 61 выводил в небольшой айван (ширины 1,70 м), который располагался на площадке-суфе, спускавшейся на проезжую часть улицы. Около юго-восточного внешнего угла помещения 61 прослежена восточная сторона этой площадки-суфы. Ее поверхность продолжает поверхность суфы вдоль южного фасада помещения 62. На этой площадке лежали угли от сгоревших деревянных частей айвана. Слой с уг-

лями (15-20 см) был перекрыт следующим уровнем улицы, поверх которого идет зольник, прослойенный поверх помещения 61.

Мастерская у южного фасада помещения 62 (табл. I.8).

Восточная стена помещения 61 выступает на 0,5 м на улицу. В угол, образованный этой стеной и южной фасадной стеной помещения 62, встроена суга (длиной 2,5 м, шириной 0,8 м, высотой - 0,30 м). Суга оштукатурена. У восточного конца суги имеется закраина шириной 0,5 м, сохранившаяся на высоту 0,17 м. Закраина была обмазана глиной. На расстоянии 0,90 м к востоку от этой суги к стене помещения пристроен кузачный горн. Между сугой и горном находится невысокая (10 см над полом) площадка из сырцового кирпича. Горн-обычного для Ненджикента устройства: хум, поставленный на венчик, обложен футляром из сырцового кирпича. Длина футляра по длине В-3 - 1,30 м, ширина 0,85 м. Диаметр пода 0,65 м. Под сильно прогорел до клинкерного спекания. Поддувало диаметром 0,09 м находится в южной стенке горна на расстоянии 0,25 м от пола. Стенки хума сохранились лишь на высоту 0,2-0,25 м от пола, т.к. остатки этой мастерской перекрыты более поздними наслойениями улицы. К восточной стенке футляра горна вплотную примыкает суга неправильных очертаний длиной около 0,80 м, шириной 0,90 м, высотой - 0,15 м. На расстоянии 1,10 м к востоку от этой суги обнаружены остатки еще одного горна, почти полностью уничтоженного более поздними наслойениями улицы. Горн сохранился по поду (диаметр 0,65 м), границы сырцового футляра ясно прослеживаются только с южной стороны. Остатки футляра сильно размыты. Этот горн примыкает к суге, которая была пристроена к южному концу восточного фасада помещения 62. Длина суги - 1,45 м, ширина 0,5 м, высота около 0,5 м. Эта суга перекрыта более поздними наслойениями улицы, тогда же вровень с ней, при устройстве "тротуара" при выходе из помещения 62, насыпали мелкую гальку. Слой мелкой гальки был насыпан на поверхности западного колена улицы, на участке вдоль южного фасада помещений 61-62.

Над кузницей был устроен деревянный навес, который сгорел во время пожара.

Остатки обуглившихся балок перекрытия, столбов и па-

лодки зачищались во время расчистки пола. На западной супе также лежали остатки палок перекрытия диаметром 2-3 см. Угли попадались на участке шириной несколько меньше 3 м от южной стены, восточная их граница совпадала с остатками восточного горна. Может быть, плоский камень, находящийся напротив восточного горна на расстоянии 2,40 м от линии стены, служил подставкой под столб, на который опирался навес.

Суфы, стена помещения, футляры горнов обожжены. Гибель этой мастерской можно связать с пожаром 720-30-х гг. Под слоем углей на улице напротив западной суфы найдена монета Гурека второго типа.

Можно предположить, что это была мастерская ножовщика. В хуме западного горна найден железный нож. Другой нож, согнутый под прямым углом, найден западнее остатков второго горна. На супе около закраины найден обломок согнутого железного ножа и два прямоугольных предмета из железа, возможно являющихся заготовками, из которых отковывались ножи.

После пожара эта мастерская не была восстановлена. Поверх горнов и по суфам проходила улица, уровень которой находкой фельса икрыда Кеша в хуме западного горна может быть датирован серединой УШ в. Поверх этого слоя идет верхний уличный слой, в котором встречаются фельсы.

Поверхность улицы первой четверти УШ в. защищена во всем раскопанном участке западного колена улицы. На ней лежит слой пожара, перекрытый тонким слоем мелкой гальки. Это поверхность улицы середины УШ в. Поверх нее идет плотный лессовый слой (толщиной 0,2-0,4 м) с хорошо защищающейся поверхностью — это поверхность улицы последнего периода жизни города. За южной границей улицы все три ее разновременных поверхности сливаются в одну. Это свидетельствует о том, что в этом районе города в послепожарный период был пустырь, на котором не накапливается культурный слой.

Поверх поверхности улицы последнего периода жизни города шел рыхлый завал с отдельными кирпичами, перекрытый прослойкой серой земли, а также кусок упавшей стены.

К середине УШ в. относится, вероятно, восстановление

помещений 62-63. Со стороны фасада южная стена поверх обгоревшей поверхности была обмазана заново. Толщина глиняной обмазки 10 см.

На южной стороне улочки, огибающей возвышение, на котором стоит базар, пробита траншея для расчистки фундамента северного фасада стен помещений 68-69 (табл. I.18). Фундамент каменный. Камни положены плотно друг к другу. Зачищено три ряда камней в западном конце траншеи. В восточной части траншеи фундамент зачищен по верхнему ряду камней. Благодаря зачистке фундамента мы теперь имеем четкую южную границу улицы. Ее ширина приблизительно 2,5-2,75 м. Толщина северной стены помещения 69-2 м. Заполнение траншеи состояло из черной земли с большим количеством железистых плаков и обгоревших до клинкерного состояния кусков стенок домниц (?). Следует отметить, что заполнение траншеи слоистое. Фундамент обрывается на востоке примерно на середине прохода в помещение 68. Он зачищен на участке длиной более 9 м и уходит под западный обрез раскопа.

В этом году доследовалась мастерская (помещение 68), начатая раскопками в прошлом году. В этом году расчищен западный отрезок северной стены и найдена западная стена. Неисследованным остался юго-западный угол мастерской. Можно предположить, что западная стена, так же как и остальные стены этой мастерской, была каркасной конструкции. Северо-западная часть помещения, видимо, несколько углублена в культурном слое. Края образовавшейся ямы послужили основанием для стен - на них были положены камни, которые служили опорой для деревянных столбов каркаса. На камнях сохранились угли от сгоревших столбов, камни часто сильно растресканы от того, что побывали в огне. В одном случае зафиксированы остатки упавшего обуглившегося столба диаметром 0,15 м, который сохранился на высоту 0,40 м. Столб зачищен неподалеку от западной стены, с которой он, вероятно, и упал. Основания стен обгорели.

Около западной стены снаружи на расстоянии 1,50 м от северо-западного угла помещения зачищены черепки хума, поставленного на устье. Черепки лежат на уровне верха лёссового основания западной стены.

Северо-западный угол мастерской занят ямой (длиной

I,50 м, шириной 0,75 м, глубиной 0,25 м) прямоугольных очертаний, вытянутой вдоль западной стены. Восточный край ямы укреплен камнями. Дно ямы ровное. Яма была заполнена золистой черной землей с отдельными кусками железных (20 кусков) и стекловидных шлаков (10 кусков). Заполнение ямы представляет собой выброс из горна, расположенного у ее юго-восточного угла.

У горна с южной стороны расчищена еще одна камера. Она открыта сверху, вытянута с севера на юг. Ее длина 0,25 м, наибольшая ширина 0,15 м, глубина 0,17 м. Ее стени обгорели.

К западу от этой мастерской шел незастроенный участок шириной 2,75 м. Его поверхность продолжает поверхность улицы, соответствующую поверхности базара. Заложенный здесь шурф показал, что этот участок образован набросанными сырцовыми кирпичами, под которыми идет слой мелкой гальки. Может быть, это переулок, выходящий на магистральную улицу, но это покажут дальнейшие исследования.

Западнее расположена еще одна мастерская (помещение 69), которая раскопана не целиком.

Эта мастерская углублена в культурном слое примерно на 0,5 м. В мастерской имелся очаг, прямоугольный в плане, открытый на северо-восток. По всей вероятности, очаг сохранился почти целиком. Он сложен из сырцовых кирпичей. Толщина его стенок - 0,25 м., высота - 0,4 м. Очаг двухъярусный. Нижняя камера овальной формы углублена в пол на 0,15 м. Ее длина - 0,45 м, наибольшая ширина - 0,17 м, высота - 0,20 м. Стенки камеры были обмазаны слоем глины. Они изнутри ошлакованы до стекловидного состояния, наиболее сильно с восточной стороны. В южном конце камеры лежал железистый шлак ладошковидной формы (II x 10 x 4 см) и два кусочка стекловидных, за ними стенки камеры не ошлакованы. Под нижней камеры был перекрыт слоем золистой земли с железистыми включениями, который сверху представлял собой плотную корку. Южная половина нижней камеры перекрыта сводом толщиной 6 см. Северная сторона свода ошлакована. Над сводом помещается верхняя камера, которая сейчас открыта сверху. Ее длина - 0,40 м, ширина у устья - 0,21 м, ширина в южной части - 0,10 м, высота стенок - 0,23 м. Стенки обожжены. В

этой камере лежал кусок в настоящее время сильно деформированного железа. Железистый шлак ладожковидной формы лежал у устья очага с западной стороны.

К западной стороне очага примыкает яма прямоугольной формы ($1,50 \times 0,70$ при глубине $0,40-0,60$ м). Из северо-восточного угла ямы расчищено углубление подквадратной формы (со стороной квадрата $0,5$ м), которое идет вдоль северной стены помещения, отступая от нее на 15 см. В заполнении этого углубления найдены: железистые шлаки ладожковидной формы (размером $14 \times 15 \times 16$ см), очень пористые, с прилипшими к ним кусочками мелких углей - 2 шт.; один кусок железистого шлака, согнутого под прямым углом (шлак, находившийся в углу домницы?); 10 кусочков мелких железистых шлаков (размером 7×6 см), 8 кусков стекловидных шлаков с длинными "пальцами"; 1 кусок кричного железа (размером $9 \times 7 \times 4$ см.); ошлакованный кусок руды (3×3 см); остатки глиняных стенок и пода домницы—около 20 кусков различной величины.

Заполнение ямы состояло из черной золистой земли, в которой найдено: 3 куска руды, на всех следы железистых шлаков (3×3 см.); 2 куска стекловидных шлаков; 4 — железистых, пористых, с прилипшими кусочками углей (размер самого большого куска — $10,5 \times 8 \times 5,5$ см., самого маленько-го — $5,5 \times 3 \times 3$ см.); один кусок железистого шлака спекшегося с остатком пода (?), оплавившегося до стекловидного состояния ($8 \times 8 \times 2$ см.).

Можно предположить на основании перечисленных находок, что углубление подквадратной формы является остатками разрушенной после плавки домницы. Часть камней, лежавших рядом с ним около северной стены, является остатками стенок домницы. Выплавка железа из руды здесь производилась неоднократно, о чем свидетельствует то обстоятельство, что пол восточной половины помещения идет поверх культурного слоя, состоящего из черной золистой земли с большим количеством железистых шлаков и остатков глиняных стенок домницы, очень сильно растрескавшихся и ошлакованных. Пол специально поверх культурного слоя обмазан глиной. В восточной половине мастерской на полу найдено 5 кусков железистых шлаков, из них 2 ладожковидной формы ($12 \times 12 \times 7$ см.). Также примечательна находка на полу 6 козлиных рогов. Помещение погибло

в результате пожара, когда сильно обгорели лёссовые основания стен и сгорели части деревянных конструкций стен и перекрытия, от которых в завале над полом шли угли. Удалось почти целиком расчистить деревянную дверь (?), которая сохранилась потому, что она упала во время пожара и была засыпана землей крыши (?), не успев сгореть, а только обгорев (табл. I8). Дверь состояла из трех полотнищ. Полотнище, лежавшее вдоль восточной стены, имело шип, вырубленный вместе с полотнищем из одной доски. Доски двери между собой были связаны двумя планками (шириной 10 см), проходившими через сквозной вруб в центральной доске и во врубы в крайних досках. Дверь лежала на полу помещения. Обгоревшие остатки деревянных конструкций шли и над ямой. В завале над ямой найдены черепки от хума. В завале под углами в яме найден разбитый глиняный столовый кувшин. Часть черепков от него обгорела. Пол помещения, так же как и пол помещения 68, ниже уровня улицы, что объясняется естественным понижением здесь местности на юго-запад. Необходимо отметить находку фельса в завале над этой мастерской. На одной стороне монеты имеется арабская надпись "шестьдесят за дирхем". На другой стороне шло какое-то изображение. Такой фельс при раскопках древнего Пенджикента встречен второй раз. Первый был найден на полу помещения 66 объекта VI. Поверх завала с углами и обожжённой землей шла прослойка серой земли, спускающаяся на плотную лёссовую поверхность. Никаких уличных слоев здесь не прослежено. Поверх прослойки серой земли шел рыхлый завал, в который вклинивается еще одна прослойка серой земли. Все это свидетельствует о том, что после гибели мастерской на ее месте был пустырь.

На стороне улицы, противоположной базару, раскопаны помещения 64–65 и расположенные за ними помещения 66–67.

Помещение 64 (площадью 14,25 м²) находится к северу от помещения 63. Общая между ними стена состоит из первоначальной стены толщиной 0,50 м со стороны помещения 64 и пристроенной к ней со стороны помещения 63 стены. Со стороны помещения 63 эта же первоначальная стена оштукатурена (толщина штукатурки 2 см). Эта же стена с оштукатуренной поверхностью прослеживается и из ниши в северной стене по-

мещения 63. Затем к этой стене при перестройке помещения 63 в первой четверти VIII в. была приставлена стена из сырцового кирпича толщиной 0,5 м.

Западная стена помещения 64 состоит из двух отрезков. Северный отрезок длиной 2,20 м является первоначальной стеной, южный представляет собой закладку широкого прохода (2,55 м), который вел в помещение 66. Закладка состоит из сырцовых кирпичей, которые сложены весьма небрежно. Сверху они были оштукатурены, но штукатурка прослеживается только на небольших участках. Западная стена приставлена к северной, которая является магистральной стеной комплекса. Она является стеной 4 помещений – 64, 65, 66, 67. Северный отрезок западной стены и северная стена покрыты двумя слоями штукатурки: нижний толщиной 1 см, верхний 3 мм.

Восточной стены помещение не имело, это был широкий (около 5 м) открытый на восток айван.

В западной стенке на расстоянии 0,70 м от северо-западного угла помещения и на расстоянии 1,25 м от верхнего пола находится ниша полукруглой формы (ширины 0,65 м, высотой 0,40 м, глубиной 0,15 м). Другая ниша полукруглой формы (ширины 0,40 м, высотой 0,35 м, глубиной 0,15 м) была устроена в северной стене на расстоянии 0,85 м от северо-западного угла и 0,65 м от верхнего пола. Обе ниши оштукатурены.

Помещение раскопано по верхнему полу, который выходит на поверхность улицы середины VIII в. Пол помещения неровный, повышается к северу. Он перекрывает остатки стены (зачищенной в юго-восточном углу помещения) здания более раннего времени.

Северо-западный угол помещения отделен стенкой (ширины 0,25 м, длиной 1,15 м, высотой 0,20-0,25 м), приставленной к северной стене на расстоянии 1 м от угла. Около южного конца этой стены в полу имеются два неглубоких (3 см) углубления диаметром около 10 см. Края ямок обожжены. В южной ямке лежали угли.

Примерно посередине помещения имеется кирпичная выкладка (длиной по линии З-У-0,5 м, шириной 0,25, высотой 0,20 м), докрасна обожженная внутри и ближе к северному краю. Около ее восточной стороны в полу зачищена яма диа-

метром около 0,3 м. Неподалеку от нее в полу имеется отверстие, круглое в плане диаметром 6 см, глубиной 30 см. На линии прохода в помещение со стороны улицы зафиксированы камни, лежавшие на полу. Возможно, они служили основанием для каркасной стены в последний период жизни помещения (табл. I8). Среди этих камней была обнаружена гиря с выбитой в камне согдийской надписью: 26... и 6 статеров. Вес гири 18,870 кг.

Находка гири и раскрытие помещения в сторону улицы позволили А.М.Беленицкому высказать предположение, что это помещение использовалось для взвешивания зерна. В яме в полу около входа могло находиться основание столба от весов. Торговые помещения такого типа известны по средневековым письменным источникам, где они называются особым термином "капон". "Капон", видимо, одновременен с базаром.

В середине УШ в. в этом помещении размещалась мастерская "медникe". На полу найден бронзовый стержень четырехугольный в сечении длиной 9,5 см с поперечником I, I x 0,8 см, железная поясная накладка с тремя бронзовыми шпеньками и одной петелькой по углам оборотной стороны. В завале у пола найдены бронзовый стержень длиной 7,5 см с поперечником 0,35 см и два фрагментированных бронзовых стержня; из завала происходит обрезок бронзовой пластины.

У выхода из помещения 64 в 0,65 м к востоку от торца северной стены и 0,50 м к югу от суфы, пристроенной к этой стене, в поверхности улицы было углубление со стенками, ошлакованными до стекловидного состояния (табл. I8). Диаметр углубления 12 см, глубина 6,5 см, толщина стекловидного края 1 см, за ним идет кольцо толщиной 3,5 см, обожжённое докрасна.

Суфа (длиной 0,65 м, шириной 0,55 м, высотой 0,30 м) находится на расстоянии 0,55 м на север от внутренней границы помещения 64, она сложена из кирпичей. Поверхность улицы на этом участке лёссовая с включением отдельных крупных камней. Недалеко от ямки шла вымостка улицы крупными черепками хумов.

Находки бронзовых стержней, наличие ямок с обожжёнными краями в помещении 64 и ямки со стенками, ошлакованными до стекловидного состояния, свидетельствуют о том, что в

помещении 64 в середине УШ в. размещалась мастерская ремесленника, занимавшегося изготовлением вещей из бронзы.

Затем помещение было покинуто, на полу лежал сырцовый завал с включением отдельно зачищающихся сырцовых кирпичей. Этот завал был перекрыт гумусной прослойкой (толщиной около 10 см), которая шла поверх северной стены, спускаясь к уровню улицы перед помещением 63, т.е. эта прослойка соответствует улице третьей четверти УШ в. Эта прослойка перекрыта рыхлым лёссовым завалом.

Закладка прохода в помещение 66, по всей вероятности, относится к первой четверти УШ в. и вполне может быть одновременна с ремонтом северной стены помещения 63.

Как уже отмечалось, к западу за помещением 64 находится помещение 66. Первоначально эти помещения были связаны широким проходом.

Помещение 66 (площадью 15,5 м²) подпрямоугольной формы с плоским перекрытием. В полу сохранились два углубления (диаметром 0,20 м, глубиной 0,35 м) от основания столбов, несших балки перекрытия. От южного столба в завале сохранилась пустота диаметром 0,27 м.

В юго-западном углу помещения в западной стене был проход шириной 0,80 м, высотой 1,40 м до ступеньки, которая находится на расстоянии 0,65 м от нижнего пола. Проход этот заложен кирпичами, в какой-то момент этим помещением перестали пользоваться. Возможно, какой-то проход имелся в западной стене в северо-западном углу помещения (шириной 1,40 м), затем заложенный. В закладку включен камень (0,25 x 0,45 м). Штукатурка поверх закладки такого же качества, что и на остальной поверхности стены. Вопрос о наличии или отсутствии прохода может быть решен только при раскопках помещения за западной стеной.

Южная стена помещения плохой сохранности. Штукатурка с нее облетела (была толщиной 2 см), на других стенах сохранилась. Северная щека прохода в помещение 64 за закладкой также оштукатурена. Восточная и западная стены помещения приставлены к северной. На западной стене помещения сохранились остатки картины прямоугольной формы, нанесенной белой краской. На штукатурке сохранились следы процарененной надписи, которая, вероятно, была изнесена тушью ка-

ким-то твердым предметом. Левая сохранившаяся строчка выходит за картуш.

Первоначальный пол помещения, в который спущены ямы от столбов, ровный. Он местами сильно прогорел, особенно около углублений от столбов. Штукатурка западной стены также кое-где обгорела.

После закладки прохода в помещение 64 вдоль восточной стены была устроена суга (ширина 0,80 м, высотой 0,15 м). Закладка произведена весьма небрежно сырцовыми кирпичами, поверх оптукатурена. Штукатурка не выровнила неровностей кладки.

У восточной стены после закладки в юго-восточном углу был устроен пристенный алтарь, обрамленный двумя рядами глиняных жгутов. Верхний жгут наверхуложен полуокругом, нижний — под прямым углом. Расстояние между северной и южной сторонами верхнего жгута — 0,5 м, нижнего — 0,3 м. Ширина верхнего жгута — 5 см, нижнего — 3 см. Жгуты украшены косыми глубокими насечками (глубиной 2 см при толщине жгута 3 см). У алтаря стена была выкрашена красной краской. Алтарь сохранился не целиком, так как в более поздний период он был испорчен сугой, устроенной вдоль южной стены помещения. В суге имеется выемка в том месте, где она обходила столб от перекрытия. По уровню суги шел пол. В юго-восточном углу помещения на этой суге был слеплен из глины грубый очаг, открытый сверху и с западной стороны. Длина его — 0,70 м, наибольшая ширина — 0,25 м, толщина стенок — около 0,20 м. Изнутри и снаружи очага имелась глиняная обмазка. Над очагом в углу зафиксированы остатки экрана из глины.

Заполнение между нижним и верхним полом (0,2–0,5 м) состояло из несколько гумиированной земли. Поверхность верхнего пола нечеткая. Над ним шел однородный сырцовый зазал с отдельными зачищающимися кирпичами.

К какому времени относится возведение стен помещения 66, неясно. Закладка прохода между помещениями 66 и 64, видимо, одновременна с перестройкой помещения 63 и относится к первой четверти VIII в. К этому времени относится сооружение пристенного алтаря. Суга вдоль южной стены и очаг на ней относятся к середине VIII в. В последующее время за-

ложили проход в западной стене и помещением перестали пользоваться.

К северу от помещения 64 расположено небольшое (площадью $6,25 \text{ м}^2$) изолированное помещение 65 с широким проходом (1,75 м) в сторону улицы.

Все стены помещения были оштукатурены, юго-западный угол выложен вперевязку.

В западной стене на расстоянии 0,80 м от северо-западного угла и на расстоянии 1,12 м от нижнего пола имеется ниша (ширины 0,50 м, глубиной 0,25 м, высотой теперь 0,56 м, но была, видимо, 0,50 м). Ниша теперь стрельчатой формы, которая образуется двумя кирпичами, поставленными под острым углом друг к другу (табл. I8). В древности она, вероятно, имела полукруглую форму благодаря обмазке. Ниша была оштукатурена.

Южная часть помещения 66 раскопана по нижнему полу, на котором стоят стены. Пол плотный, зеленоватый, он перекрывает слой черной угольной земли. В юго-восточном углу под этим полом наблюдается скопление белой золы. В этой золе над полом найдено два фрагмента чаш приблизительно середины УП в.

Примерно посередине помещения в этом полу обнаружены остатки горна такого же устройства, как в помещении 68 (табл. I8). От него сохранилась часть камеры, углубленной в пол. Камера овальной формы. Открытой на восток была более широкая ее часть. Длина камеры 0,25 м, наибольшая ширина 0,17 м, углублена в пол на 0,15 м. В южной стенке горна с уровня пола немного наискось лежало полдупало диаметром 3,5 см (от него остался след). Стенки камеры ошлакованы до стекловидного состояния. Толщина слоя шлаков 1 см, далее на 7 см идет красная промеженная земля. К северной стенке камеры припекся кусочек железа. Этот горн, так же как и горн в помещении 68, имел невысокие стены, которые затем были снесены. Западная часть камеры была перекрыта сводом, а восточная была открытой, о чем свидетельствует ошлакованная закраина восточной половины.

К югу от горна в полу имеется очагок вытянутой каплевидной формы длиной 0,20 м, шириной 0,10 м, углублен в пол на 0,12 м. Стенки очага прогорели до клинкерного спекания.

Этот очажок, вероятно, примыкал к южной стенке горна. Он так же, как горн, имел наружные стенки и был перекрыт сводом. У восточного края ошлакованная поверхность выходит на пол, что свидетельствует о том, что восточная часть камеры очажка была открытой. Западной стенки нет, что может быть связано с тем, что этот очаг имел искусственный поддув и сюда входила трубка сопла.

Поверх остатков горна и очага идет пол, северо-восточная часть которого покрыта белым альбастром. Под пол местами положены камни. (Разница между полами около 10 см). По этому полу вдоль северной стены зафиксированы остатки суфы, выложенной из сырцовых кирпичей с включением крупных камней. Ширина суфы 0,75 м, высота около 0,50 м. На этом полу зафиксированы остатки двух очагов. Один из них находится примерно на место горна в нижнем полу, а второй примыкает к суфе. Стенки очагов были глиняные, очень плохо сохранились, зафиксированы по обгоревшей земле. В пол углублены не были.

Этот пол был перекрыт верхним, поверхность которого соответствует уровню улицы середины III в. Верхний пол перекрывает остатки суфы. Под нишней в западной стене он находился от пола ниши на расстоянии 0,75 м. Верхний пол был специально обмазан глиной. Толщина обмазки 2,5 см. Заполнение между полами состоит из мягкой земли. Никаких следов производства на верхнем полу обнаружено не было.

Над верхним полом шел сырцовый завал с отдельными вкраплениями пятен золы. Этот завал перекрыт двумя гумированными прослойками (толщиной около 10 см) зеленого и коричневатого цвета, которые поникаются с юга на север. Сверху них лежал полутораметровый лёссовый рыхлый завал. Гумированные прослойки идут дальше на север, они зафиксированы поверх помещения 59, на север от которого в этих прослойках был найден бельс. Эти же прослойки прослежены в помещении 64.

К западу от помещения 65 находится помещение 67 (площадью около 10 м²). Помещение сводчатое, вытянуто с севера на юг. Стены помещения были оштукатурены. На южной торцовой стене за сводом сохранилась штукатурка. Стены помещения плохой сохранности, сильно размыты. Дуга свода находилась на высоте 1,70 м от нижнего пола.

Северо-западный и северо-восточный углы заняты проходами - восточный проход шириной 1 м, западный - 0,90 м. Восточный проход ведет в перекопанное помещение, выходящее на улицу 4.

В помещении зафиксировано два пола. По нижнему полу вдоль западной стены тянется сугроб из кирпичей около 0,6 м, высотой 5-8 см. Пол помещения ровный. На сугробе найдены глиняной лепной котел, глиняная крышка (?) и 2 железных ножа, один из них сохранился наполовину, а на полу - около 10 небольших камней с гладкой поверхностью.

Верхний пол хорошо прослеживался в северной части помещения, где он лежал из кирпичем, положенным плашмя. Заполнение между полами состояло из мягкой земли с включениями костей, черепков, обожженной земли. Между полами найдена монета Тургара второго типа, которая может датироваться время устройства верхнего пола серединой VIII в. По этому полу функционировали оба прохода.

Поверх верхнего пола лежал сырцовый завал с отдельно зачищавшимися кирпичами, перекрытый кирпичами рухнувшего свода, над которыми лежала серая падувная земля.

Б.А.Литвинский,
Т.И.Зеймаль

РАСКОПКИ НА АДЖИНА-ТЕПА И КАФЫР-ХАЛЕ В 1970 г.

I. Аджина-тепа

В 1959 году Вахинский отряд ТАЭ проводил разведывательные работы в Вахинской долине. Неподалеку от Курган-Тибе, на землях совхоза им. Кирова, было зарегистрировано ранее неизвестное тепе прямоугольной формы, размером 100x50 м. У местного населения оно имело название Аджина-тепа. Судя по микрорельефу, холм являлся остатками какого-то двухчастного здания, где каждая из половин имела в центре двор, вокруг которого располагались постройки. В центре одного из дворов возвышался оплывший холм. Подъемный материал отсутствовал. В 1960 году на Аджина-тепа были заложены шурфы, а в 1961 году начаты широкие раскопочные работы, которые с тех пор ведутся ежегодно коллективом сотрудников Юно-Таджикистанского отряда ТАЭ.

За прошедшие годы вскрыто 4/5 всей площади холма (табл. I9). Совершенно ясной стала планировка здания - двухчастного буддийского монастыря - сангхаремы - с его кельями для монахов, храмом, хозяйственными помещениями, аудиторным залом, где собирались все члены сангхи для богословских бесед и трапезы. Во второй чисто культовой половине здания в центре двора находилась большая террасо-видная ступа и по периметру двора, составляя ее ограду, располагались коленчатые коридоры с ними и постаментами, центральные осевые святыни и целый ряд маленьких комнат типа часовен.

Во всех помещениях культовой половины монастыря были найдены остатки живописи и скульптуры. Трудами реставраторов и археологов все они были благополучно извлечены из под завала рухнувших перекрытий и верхних частей стен и проходят дальнейшую обработку в реставрационных мастерских Института истории им. А.Дениша и Гос.Эрмитажа.

Прежде чем перейти к результатам полевых работ 1970 года на Аджина-Тепа, мы позволим себе кратко осветить ход раскопок на этом памятнике за предшествующие 8 лет работ,

поскольку опубликованы только сведения о первых двух полевых сезонах¹. Тогда, в 1961 году, был раскопан южный угол комплекса, где находились храм и его вестибюль-айван, коленчатые коридоры, кельи, хозяйственные помещения монастыря. В северо-западной половине Аджина-Тепе в первый год работы были весьма небольшими: расчищалась поверхность большой ступы с юго-восточного ее фаса по уровню второго яруса-ступени.

В 1962 году (осень) раскапывались помещения юго-западного фаса здания. Полностью расчищен огромный аудиторный зал (площадью более 100 м²) и примыкающий к нему айван-вестибюль, открытый в сторону двора. Коленчатый коридор I6/I7 оказался симметричным ранее раскопанному коридору 3/5 и дал, тем самым, надежное подтверждение догадке, что аналогичные коридоры огибают двор со всех сторон и что в середине каждого его фаса находится айван, открытый во двор (помещения 2, II, I9). Значительный интерес представили раскопки группы 3-х помещений, связанных между собой проходом (помещения I8-I9, 20); сквозь них можно было пройти из одной половины комплекса в другую. Небольшие по объему работы продолжались в южном углу Аджина-тепе, где доказывалось одно из хозяйственных помещений, пристроенных позже к внешнему фасу монастыря (помещение I3).

С 1963 года и на несколько последующих лет центр тяжести раскопочных работ переносится в северо-западную половину Аджина-тепе. Раскапываются помещения, составляющие "ограду" вокруг главной ступы (помещения 20, 22, 28, 33, 34). Во всех этих помещениях в 1963 году работы были только начаты: сезон был поздним и коротким, требовалось присутствие реставраторов, так как везде попадалась штукатурка с росписью и кусочки скульптурного теста. Почти полностью раскопанным оказалось только помещение 33 - небольшое квадратное святилище с остатками вотивной ступы в центре.

Длительный по времени осенний сезон 1964 года позволил разобраться в общих чертах в характере планировки северо-западной половины Аджина-тепе. В целом она напоминала монастырскую своим коленчатыми коридорами (помещения 22, 24, 28, 30) и расположенными в центре каждого фаса парами связанных между собой помещений, из которых одно - айван-

ное - обращено открытой стороной во двор. Но были и существенные отличия: второй ряд помещений шел только по северо-западному фасаду и его составляли отдельные небольшие комнатки-святыни, выходящие в коленчатые коридоры. 1964 год был удачным в части обнаружения многочисленной скульптуры. Особенно "счастливым" (но и трудоемким для реставраторов) оказалось помещение №34, расположенное по длиной оси Аджина-тепе, в середине северо-западного фасада. Мощный завал из обломков глиняной скульптуры, рельефов, кусков настенной и потолковой росписи покрывал пол и три пристенных постамента этого небольшого святыни. Здесь были найдены головы синеволосого Будды, почти целая коленопреклоненная фигурука деваты, голова монаха, улыбающееся лицо какого-то бодхисаттвы, две женские головки (может быть, знатные дамы - почитательницы Будды, а возможно и прелестные дочери Мары), головы локапалы - стражи веры, головки животных, рельефы с изображением уток, фазанов, растительных побегов, многочисленные обломки нимбов, украшений и многое другое. Возможно, часть скульптуры была сюда принесена из соседних святынь, но вполне вероятно, что именно это расположение на центральной оси помещение было главным и потому наиболее украшенным. Куски росписи, упавшие со стен (или потолка?), были найдены в завале парного с ним айванного помещения. На них изображены ряды сидящих Будд, разделенные извилистыми побегами с цветущими лотосами на концах. Кусок похожей композиции был найден еще в 1963 году в коридоре №28. В 1964 году там же был полностью расчищен и снят большой кусок упавшей потолковой росписи с рядами сидящих будд. В сезон 1964 года в коридоре №23 были обнаружены остатки огромной фигуры лежащего Будды. Чтобы составить представление о степени ее сохранности, величие и, тем самым, об объеме предстоящих работ по ее консервации, фигуру расчистили со стороны ступней и сделали небольшой зондаж в противоположном конце коридора с целью выяснить, насколько сохранилась ее голова. Судя по разме-
ру ступней (1,9 м), длина фигуры должна была быть около 12 м. Закрепив обнаженные части скульптуры и обнаруженные куски головы, отряд приостановил здесь дальнейшие работы на 2 года с тем, чтобы должным образом подготовиться к

большой и технически очень сложной работе с таким объектом.

В 1965 году (осень и весна) продолжались работы в храмовой половине (коридоры 24/25 и ниши в них, коридоры 27/28, вестибюльное помещение 26, а также часть дворового пространства к югу от главной ступы), а во дворе монастыря была полностью расчищена кирпичная дорожка от храма (помещение I) к "пропилеям". Оба сезона дали большое количество фрагментов потолковой и настенной живописи (помещение 27), среди них особый интерес представляет роспись с изображением сцены подношения даров (найдена в проходе, ведущем в угловое святилище ЗI)³. В нишах коридоров 22 и 25 были расчищены и вынуты куски крупных скульптур (в полтора раза большие натуральной величины), изображавшие Будду в позе созерцания и поучения, а также фигурки меньшего размера (Будды, бодисатты, брахман). Крупные куски скульптур были найдены во дворе вокруг главной ступы. По всей вероятности, это та скульптура, что некогда находилась в нишах коридоров и была оттуда выброшена во втором периоде истории здания, когда оно частично было обжито какими-то ремесленниками.

Работы в осенний сезон 1966 года целиком подчинены основной задаче—расчистке статуи лежащего Будды, ее консервации и снятию. Работала большая группа реставраторов Гос.Эрмитажа во главе с И.И.Костровым, которые, используя весь свой многолетний опыт полевых работ, расчистили фигуру, закрепили и успешно вынули. У эрмитажных реставраторов обучались навыкам и лабораторной обработке глиняной скульптуры и настенной живописи наши таджикские реставраторы Л.П.Новикова и М.П.Страдомская. Во вновь созданной в 1966 году реставрационной мастерской в Душанбе они продолжают дальнейшую обработку этой гигантской культуры, а также тех материалов, которые поступили за последние годы из раскопок на Алжина-Тепе (и других памятников).

В конце сезона 1966 г. появилась возможность (после окончания полевой работы над скульптурой Будды в nirvanе) продолжить раскопки на новых участках и разобрать завалы в уже вскрытых ранее помещениях ЗI, З5, З6³. Совершенно новый объект работ — середина северо-восточного фасада мо-

настырской половины. Здесь был расчищен четвертый айван, открытый во двор. В последующие годы (1968-70 гг.) раскапывалась именно эта часть Аджине-тепе, тогда как в храмовой половине велись лишь небольшие по объему раскопки и дочистки.

В 1967 году были закончены полностью работы в помещениях 23. Внутри постамента-суфы, на котором лежала фигура Будды, и рядом с ней найдены многочисленные обломки различной глиняной скульптуры. На полу - куски головы большого Будды (лоб и прическа).

В 1968 г. (весна и осень) дочищались помещения ограды вокруг ступы (28, 29, 32, 37, 39, 40). Обнаружены вотивные ступы и фигурные постаменты, куски живописи, скульптура *in situ* и вмурованная в стену или обмазку пола. Раскопочными работами в монастырской половине расчищена группа помещений по центральной оси северо-восточного фасада (помещение 42 и 42а), которые вместе с айваном 4I, раскопанным в 1966 г., составляют анфиладу главного входа в монастырь.

Проем между наружным айваном и центральным помещением, по-видимому, запирался деревянной дверью. В глубине проема сохранилась наполовину сгоревшая деревянная плаха порога, заходившая в глубокие гнезда в щековых стенах. Обилие угля на полу проема, а также обгорелая поверхность его стен также подтверждают предположение о сгоревшей деревянной двери. Из центрального проходного зала шел пандусный ход в три колена на крышу здания. Нижние два колена были перекрыты сводом (кладка осуществлена по принципу "наклонными отрезками" с веерным разворотом в углу и арочным тромпом для опоры). При кладке свода в нижнем колене в качестве исходного торца строители использовали клинчатую арку над проемом-ходом на пандус. Третий марш пандуса перекрытия не имел (свод обрывался на углу поворота) и выводил на верх внешней стены монастыря.

Из коленчатого коридора 4/43 (колено 43 раскапывалось в течение 3-х сезонов, начиная с 1968 г.) или сводчатые проемы в маленькие кельи для монахов (44, 45-46, 47). В отчетном сезоне 1970 г. производилась дочистка уже раскопавшихся в 1969 году келий 44 и 45, а также вновь открытых 46 и 47. Значительные по объему земляные работы велись в

обоих коленах коридора 4/43, где расчищались и снимались слои II периода. В целом об этой части монастыря следует сказать, что она активно обживалась во II периоде (когда оставленный монахами монастырь был обит ремесленниками). Слой II периода четко прослеживается везде. Особенно мощными они оказались в колене 43 (до 50–60 см толщиной). Со слоем II периода связаны остатки нескольких сильно разрушенных печей. Судя по всему, они были обычной для поздней Аджине-Тепе формы—обкладки из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро вокруг расположенного внутри хума. Пространство между кожухом и стенами хума заполнено золой и мелкой галькой, внутри хума – зола и угли. Передняя стенка хума имела визу отверстие – поддувало. Одна такая печь была расчищена возле прохода в келью 47, справа от нее, у стены, другая – сдвоенная – между проемами в кельи 44 и 45. Возле печей попадались кусочки шлака, что позволяет говорить об их производственном назначении (жаровни или небольшие плавильные печи?). Аналогичного устройства печи, но с небольшими отклонениями-вариантами, были раскопаны еще в 1961 году в помещениях З и 13, но там они были лучшей сохранности. Показательно, что и в Согде, судя по Пенджикенту, были печи производственного назначения такого же типа.

К слою II периода относится кирпичная вымостка, расположенная вдоль внутренней стены колена 43, слева от входа в келью 44. Она имела правильные очертания, была скруглена по внешнему краю и выложена так, чтобы не закрывать собой проходы в келью и вестибюльное помещение 4I. Плиты жёно-го кирпича лежали аккуратно, плашмя, вплотную друг к другу. Пространство между ними заполнено галькой и кусками ганча. Вымостку подстипал толстый слой из комьев обгорелой глины, золы и органических остатков. Это тот слой, что сильно портил поверхности стен коридора и проемов в нем. Он четко прослеживается по всей площади коридора 4/43, "языками" заходит в кельи, вестибюли (2 и 4I), перекрывает завал из обломков скульптуры в храмовом помещении и виден в обрезах заполнения двора возле айванов 2 и II. До сих пор пока не удавалось расчленить отложения II периода, они воспринимались как единый слой, контуры которого уточнялись по мере раскопывания памятника. Тем более интересными кажутся не-

блодения по микростратиграфии, сделанные в этом году в колене 43. Совершенно очевидным является сооружение вымостки после того, как в коридоре накопилась основная толща слоя II периода: перед тем, как вымостка была выложена, слой угля, золы и горелой глины в торце коридора был разровнен и выстлан черепками битой посуды.

Видимо, со временем удастся четче выявить этапы II периода, особенно после того как будут вскрыты помещения северного угла монастырской половины и двора. Тогда можно будет сопоставить зольники и прослойки II периода восточного угла Аджина-тепе с горелыми слоями в "пропилеях", где были найдены арабские серебряные монеты (самая поздняя из них - 789 г. н.э.)

Четкая стратиграфия слоев в торце коридора 43 позволяет сделать следующие выводы.

1. Эта часть здания была хоромей сохранности после того, как монастырь перестал функционировать, и потому активно обживалась во II периоде (по крайней мере двумя последовательными этапами).

2. Разрыв во времени между I и II периодами (т.е. период запустения монастыря) был невелик, о чем говорит небольшая толщина наносных слоев между уровнями полов (около 15 см).

3. Кирпичи рухнувшего перекрытия лежат почти у самого пола II периода целыми монолитами, т.е. окончательное разрушение этой части здания произошло в конце II периода.

Два этапа II периода удается выделить и в келье 44. В проход из коридора заходит зольник, соответствующий первому (нижнему) этапу. Над ним - толща сгнивших органических остатков (местами их толщина достигает 45 см) желто-коричневого цвета. По-видимому, помещение в конце использовалось в качестве загона для скота. Такими же целями служила и келья 47, имевшая выход в колено 4: горелые слои начала II периода заходили здесь только в проход (от них сильно пострадали щеки просема), а затем помещение было приспособлено под загон, о чем наглядно свидетельствуют слой полуусгнившего навоза.

Что же касается келий 45-46, то в них картина наслоений II периода менее четкая. Там есть следы бесспорного вторич-

ногого обживания в виде небольшой печи описанного типа, мусорной ямы-бадраба, спущенной с уровня пола II периода на глубину 165 см (размер ямы 120 x 110 см). Можно предположить, что сдвоенные кельи 45-46 во II периоде использовались временными обитателями развалин монастыря под жилье.

От первого периода (монастырского) осталась, в основном, только архитектура. Раскопки на этом участке Аджинатепа позволили сделать ряд новых наблюдений об особенностях планировки здания в целом, а также пополнить данные о примененных здесь строительных приемах. Впервые мы столкнулись с фактом использования крыши здания. До сих пор вопрос о втором этаже оставался открытым. Правда, в прошлые раскопочные сезоны в завалах помещений высоко над полом встречались черепки посуды, монеты, чироги. Это наводило на мысль, что крыша монастырской половины могла быть как-то "обжита". Но, с другой стороны, эти мелкие предметы могли быть замешаны в тесто кирпичей, обмазок, находиться в рыхлых заполнениях пазух сводов. Расчистка пандуса, ведущего на верх наружной стены монастыря, решает в значительной степени этот вопрос: на крышу был ход, значит могли попадать и вещи. Были ли постройки на крыше или наверх поднимались для того, чтобы следить за сохранностью перекрытий? Более вероятным сейчас кажется, что какие-то сооружения были, возможно, не над всеми помещениями, а только над коленчатыми коридорами и длинными помещениями вдоль юго-западного фаса. Бессспорно, что никаких построек не было над огромным залом (пом. I2) – пахсовая поверхность его стен "ловится" с первого штыка лопаты. Не могло их быть над храмом (пом. I), как не было, наверное, и над центральным помещением в анфиладе главного входа в монастырь. Были ли постройки над кельями, – сказать трудно. Дело в том, что нигде пока реальных остатков второго этажа не зафиксировано. Косвенным подтверждением того, что в каком-то виде (полном или частичном) второй этаж существовал, является большая абсолютная высота оплавившего холма монастырской половины по сравнению с храмовой, где отсутствие второго этажа бессспорно.

Раскопки показали, что восточный угол монастыря был целиком занят кельями. Все они одинаковы по размеру (со сто-

ронами 3,20 м - 3,40 м), имеют вход, сдвинутый вправо от оси помещения, были перекрыты куполами. Выделяется среди них пара угловых келий (№ 45-46), соединенных между собой проемом. Это пока единственный случай сдвоения такого рода помещений. В келье 45 удалось расчистить сохранившийся большой участок купольного перекрытия (размер его 170 см в ширину и 85 см в высоту). Осталась целой саманная штукатурка (толщиной в 2 см), которой изнутри был покрыт купол. В углу помещения, в срезе юго-восточной стены, видны кирпичи кладки тромпа, на который опирается купол.

Чтобы расчистить кладку купола в плане, была сделана врезка в стене, смежной с кельей 46. На уровне дна врезки (она дошла до того места, где сохранилось штукатурное покрытие внутренней поверхности купола) оказалось, что оболочка купола сложена из одного ряда кирпича, положенного тычком, веером, с небольшим наклоном к горизонтали. В нижних венцах кирпичная кладка, видимо, была почти целиком запущена в толщу стены и опиралась на полочку-карниз (из 2-х рядов кирпича); выше кладка каждого яруса выступала над нижележащими с увеличивающимся наклоном по отношению к горизонтали.

Внутри стен пространство между кирпичными кладками куполов соседних помещений заполнялось комьями пахсы,ложенными так, чтобы были пустоты между ними и тем самым уменьшалось бы давление на стену. Из этих же соображений над стенами сооружались разгрузочные сводики, опирающиеся одним концом на свод коленчатого коридора, другим - на перекрытие келий. Такие разгрузочные своды шли только над осевыми внутренними и наружными стенами монастырской половины. Что же касается заполнения над стенами смежных келий, то там сводиков не выводили, а кладка-заполнение между соседними куполами была или из горизонтальных рядов кирпича, или из рыхлых комьев пахсы.

Таким образом, несмотря на худшую сохранность помещений восточного угла монастыря (из-за их активного обживания во II периоде), удалось получить кое-какие новые дополнительные данные по строительной технике монастыря и подтвердить те выводы и предположения, что уже были сделаны на материалах прошлых лет.

Что же касается внутреннего убранства келий времени I периода, то от него мало что сохранилось: поверхности стен с остатками штукатурки прослеживаются только вблизи пола (максимум на высоту 20–30 см). В келье 44 вдоль стены слева от входа была небольшая глинобитная сугроба. В келье 45 в завале над полом I периода попадаются крупные гальки. Повидимому, у левой от входа стены первоначально существовало какое-то отопительное сооружение из сырцовых кирпичей и камня, позже разрушенное. Очаг для обогрева находился в центре келий 46 и 47. От них сохранились круглые лунки в полу и разбросанные вокруг крупные гальки.

Чаходок, относящийся к I периоду, найдено немного. Это фигурная ажурная бляха, круглой формы (диаметром 6,5 см), с ручкой-петелькой на оборотной стороне. Кольцо-печать с плоским щитком, на котором в неглубоком рельефе нанесен какой-то рисунок. Обломки нескольких бронзовых чашечек с округлым дном. Из определимых железных изделий следует упомянуть обломки ножей, гвоздь с грибовидной шляпкой. Несколько монет с круглым отверстием и тамгой вокруг него (так называемого "тохаристанского типа", анэпиграфные варианты). Три из них хорошей сохранности и найдены в завале над полом I периода. При зачистке пола в помещении 46 найден обломок серебряной монеты (подражание Перозу с надчеканом?). Керамика I периода очень немногочисленна, фрагментирована. Часто попадаются обломки и почти целые чироги обычной для Аджина-тепе формы – округлая чашечка с прямым носиком-сливом для фитиля. Больше всего их найдено при расчистке рыхлого заполнения под разгрузочным сводом над входом в келью 47.

Другой участок работ в 1970 году находился в западном углу монастырской половины. Здесь в 1962–63 гг. велись раскопки помещения 21, но до конца оно докопано не было. В отчетном сезоне помещение было полностью расчищено, а также вскрыто новое – № 48, расположеннное по юго-западному фасу здания и связанное с 21-ым арочным проемом. Помещение 21 активно использовалось для хозяйственных нужд в течение I периода (в пол было вкопано несколько хумов, на полу лежали обломки некогда стоявших крупных сосудов), неоднократно ремонтировалось: вначале была сооружена продоль-

ная подпорная стена, затем, после пожара, поперечная, назначение которое было поддержать грозивший обвалом свод.

Помещение не имело слоев II периода, дало довольно значительное количество находок (керамика, бусы, печать из стеатита, монеты и др.).

Помещение 48 - длинный коридор, вытянутый вдоль внешнего фаса, под углом к помещению 21 - имеет тоже сложную историю своего существования. На одном из ранних этапов I периода от него была выгорожена разрушенная часть, примыкавшая к залу 12. Вероятно, виной тому был грандиозный пожар в зале, вызвавший там значительные разрушения и последующие перестройки. Ремонту подвергли и помещение 48, где не только соорудили новую поперечную стену и тем самым укоротили помещение, но и частично переложили свод. Когда позже пришлось подпирать свод в пом. 21, то поперечной стеной-закладкой был прекращен доступ в пом. 48 и оно вышло из эксплуатации. К концу I периода из всей площади смежных помещений 48-21 использовалась меньшая половина коридора 21, примыкавшая к северо-восточному его торцу, куда вел проем из коридора 17 (тоже заложенного к тому времени более чем наполовину).

Третьим объектом этого сезона на Аджина-тепе было помещение 38 - одно из колен обводного коридора в храмовой половине. Это последнее из недокопанных помещений в этой части Аджина-тепе. Здесь, как и ожидалось заранее, очень насыщенные слои II периода в виде толстых пластов из угля, золы, комьев обгорелой глины, обломков плит из ённого кирпича, использованных вторично для сооружения каких-то печей. В результате сильно пострадали стены коридора, их поверхность ловится с большим трудом и только на отдельных участках. Работы в отчетном сезоне были приостановлены на уровне слоя II периода с тем, чтобы продолжить расчистку его и снятие в 1971 году.

2. Кафыр-Кала в Колхозабаде

На западной окраине современного Колхозабада находится городище Кафыр-Кала (табл. 20). В плане городище имеет вид квадрата (355 x 355 м по гребню стен), ориенти-

рованного сторонами по странам света. Со всех сторон городище было окружено рвом.

В северо-восточном углу расположена квадратная цитадель (70 x 70 м), которая возвышается над окружающей местностью на 12 м. Вдоль края площади на цитадели ощущались валики стен, по углам - уширения-башни. Юго-западная часть площади цитадели резко понижалась, глубина впадин превышала 6 м.

С запада и юга, т.е. внутри города, цитадель была окружена широким и глубоким рвом. Цитадель имеет на юго-западном углу выступ-язык, входящий под углом в ров. Возможно, здесь когда-то была перемычка или же мост, единственное место, где можно было попасть в цитадель.

Основная площадь городища имеет отметки над уровнем окружающей местности 6-8 м. На первый взгляд представляется, что это беспорядочное нагромождение бугров разных очертаний и размеров. При более внимательном изучении выявляются некоторые закономерности.

Точно посредине восточной и западной стены города находятся впадины, несомненно отмечающие место городских ворот. Эти впадины связаны, почти по прямой, сетью лощин и понижений - здесь проходила осевая городская магистраль, делящая город на две половины - северную и южную.

Кроме этих двух половин, есть еще третья - восточный изолированный массив.

Городская стена в виде широкого 5-10 метрового вала видна совершенно отчетливо. Через определенные интервалы вал резко уширяется и повышается - это башни. В специальной литературе памятник впервые был отмечен А.М.Беленицким⁴. В 1954 г. Кафыр-Кала была осмотрена Е.А.Давидович и Б.А.Литвинским.

В 1956-1957 гг. Т.И.Зеймаль осуществила первые раскопки Кафыр-Калы на территории собственно города. Т.И.Зеймаль раскопала крупное парадное помещение с нишней, фланкированной трехчетвертными колоннами, высказала соображения по стратиграфии этого участка городища и датировке отдельных этапов его существования⁵.

Раскопки Кафыр-Калы были возобновлены, в несравненно более широких масштабах, через десятилетие. в 1968 г., при-

чем они были сосредоточены, в основном, на цитадели. Раскопки на цитадели были затем продолжены в 1969–1970 гг.⁶.

К моменту начала раскопок цитадели поверхность ее, снизившаяся в процессе хозяйственных работ, имела двухступчатый вид: узкая возвышенная полоса вдоль восточного фаса, где заглубление от первоначального уровня достигло ок. 1 м (за исключением нескольких сохранившихся в нетронутом виде участков), и основная часть цитадели, где грунт был снят на 2–3,5 м, а углубленные участки, напротив, засыпаны. При этих работах верхние части помещений были в значительной мере снесены, предстояло раскопать их основания и лишь на небольшой части цитадели можно было расчитывать на наличие сколько-либо сохранившихся помещений.

В настоящее время вскрыто две трети верхней площадки (табл. 20–22). Выявилась система планировки последнего периода существования цитадели со сложной внутренней историей перестроек, ремонтов, переделок. В это время на площадке цитадели располагался дворцовый комплекс, включавший в себя парадные и интимные помещения и залы, буддийское святилище, а также хозяйственные и бытовые помещения. Часть построек была воздвигнута на превращенных в основания стенах помещений более ранних периодов. Удалось выяснить и отдельные элементы планировочной схемы этого раннего периода, а также установить, что отдельные ранние помещения продолжали функционировать и в позднейшие периоды.

Вдоль восточной и северной сторон площадки цитадели вытянуты длинные узкие коридорообразные помещения, имелись они, по-видимому, и на других сторонах, во всяком случае на южной. На самом позднем этапе существования северный коридор был с помощью приставных пилонов разделен на 5 помещений, так что образовалась анфилада; восточный коридор тоже разделен на отдельные помещения, некоторые из них были заложены.

В северо-восточном углу находился троиний зал (помещение 3). Остановимся на его описании подробнее.

Размер зала 19 x 10 м, он вытянут с севера на юг. Единственный узкий проход (1,34 м) – в северо-восточный угол. Вдоль всех стен (но, обрываясь, не доходя до прохода) – лента суп (ширина 1,45 м, высота – 0,40–0,45 м).

В середине каждой из длинных сторон внутрь здания выступают прямоугольные площадки, причем одна из них, западная ($3,95 \times 6,16$ м), на 10-15 см выше уровня сух, вторая, восточная ($3,45 \times 5,25$ м), на 20 см ниже прилегающих сух. На западную площадку имелся двухступенчатый подъем, и ее верхняя плоскость была гладкой, в середине же восточной, примыкая к стене, стоял громадный очаг-алтарь (длина его по фронту - 2,61 м, выступание из плоскости стены - 0,84 см, сохранившаяся высота - 0,85 см). Эти две площадки - "эстрады" образуют центральную часть помещения.

Пахсовые стены сохранились на высоту 1,5 м. Поверхность стен покрыта глино-саманной штукатуркой, так как она выравнивала неровности пахсы, ее толщина 2-5 см. Штукатурка гладкая, серовато-коричневого цвета - в результате пожара, который был настолько сильным, что прокалил не только штукатурку, но и на некоторую глубину самые стены. В стенах - гнезда для утопленных в плоскость стены деревянных стоек (по длинным стенкам по 6 гнезд, по коротким их нет). Снаружи они были заштукатурены. Пол - хорошо утрамбованная, смазанная глиносаманной штукатуркой поверхность, с выкружкой к сухам. На полу обнаружены три монеты (у алтаря, в обмазке площадки, на которой стоит алтарь, и на полу).

Наиболее важные находки сделаны в проходе. Вся его площадь, на высоту от 5 до 15 см, оказалась забитой плотным завалом, состоящим из золы, угольков, кусков обожжённой глины, штукатурок. Здесь же имеются фрагменты костей, волокнистое вещество, в том числе от витой веревки. В этом завале, на уровне 5-15 см от пола, были найдены мелкие фрагменты бересты с надписью тушью. Они оказались рассеянными на площади 70 x 80 см, примыкая к западной щеке прохода. У восточной щеки, на том же уровне - черепок с арабской надписью. Остается загадочным, как береста вообще сохранилась во время пожара, когда штукатурка щек прохода буквально прокалена. Может быть, причину сохранения следует исскать в обрушении перекрытия. Труднее представить, что рукоились попала после пожара.

На высоте ок. 1,2 м над полом - верхний культурный слой. Он отделен от нижнего толщей, образовавшейся в ре-

зультате обрушения сгоревших частей перекрытия (некоторые из них лежат на полу, другие значительно выше) и строительных остатков. По-видимому, в период вторичного обжигания зал, может быть снабженный легким перекрытием, уже не выполнял парадных функций. Близ южной стены был сооружен и функционировал бытовой очаг. Вокруг него и на всей площади зала было много золы, угля, обломков стенок и венчиков кумов.

В северо-восточном углу был заложен вплотную к стенкам большой шурф (3,0 x 6,6 м), вытянутый вдоль восточной стены. Были сняты суфы в углу помещения и пол. Сразу под полом обнаружен слой ленточной пахсы толщиной 20 см, который в центре зала был оштукатурен глино-саманной штукатуркой (пол), а вдоль стены являлся основанием супф и постаментов. Оказалось, что пахсовые блоки стены опускаются ниже этой пахсовой прослойки на 25 см. Основание этих пахсовых блоков, отстоящее на 60 см от пола здания, соответствует нижнему полу помещения З. Судить о его облике на первом этапе его существования по материалам шурфа затруднительно. Можно лишь сказать, что тогда вдоль северной стены имела сложенная из кирпичей суфа (ширина 1,05 м, высота - 0,25м). При этом стены помещения первого строительного периода не были оштукатурены, а были оформлены в виде рустовой кладки.

Итак, из материалов шурфа явствует, что зал № 3 в том виде, как он описан выше, относится ко второму строительному этапу последнего периода и при его возведении произведена капитальная перестройка.

С юга и запада зал З огибает коленчатый коридор (помещения 4 и I4). Из южного отрезка коридора (помещение 4) можно было попасть в помещение 5 (возможно, айваный зал - дворик для летних приемов). На площади зала был заложен большой стратиграфический раскоп (9,5 x 9,5 м).

Из западного отрезка коридора (пом. I4) один проход вел в северную анфиладу, другой - в помещение I3 и связанное с ним пом. II. Помещение I3 - прямоугольный зал с "эстрадой" и нишей, фланкированной трехчетвертными колонками. Помещение II - небольшой, почти квадратный зал с суфами и "эстрадой". Помещение II и I3 в том виде, как они дошли до нас, - результат многочисленных перепланировок.

В северо-западной части комплекса - круглое в плане помещение 20. Диаметр его на уровне сух - 8 м. Помещение было купольным. Купольное помещение относится к более раннему периоду, чем прилегающий с востока зал II. Это явствует из того, что единственный - восточный проем из круглого помещения был заложен при возведении зала II и круглое помещение перестало функционировать.

В юго-восточном углу находилось буддийское святилище (о нем см. специальную заметку Б.А.Литвинского и Е.П.Денисова, стр.165-171).

Большие работы проведены по вскрытию фортификационных сооружений цитадели. Раскопан сегментный выступ в северо-восточном углу, в поздние периоды закрывший вход в северо-восточную башню. Рядом с сегментным выступом имелся пандусный подъем, ведший на верхнюю площадку этого выступа. Под основанием сегментного выступа обнаружен свод помещения наиболее (?) раннего периода.

Северо-восточная башня оказалась квадратной со сводом, посаженным на перспективных тромпах. Юго-восточное башенное помещение - прямоугольное.

Обнажение стен цитадели с севера и востока выявило одинаковую картину.

Северная стена фланкирована угловыми башнями, расстояние между которыми 44,8 м. Примерно посередине куртины, сдвинтое на 2 м к западу, - полукруглый сегментный выступ, имитирующий башню. По фронту он имеет 1,9 м, выступание - 0,6 м. Этот выступ, имитирующий среднюю башню, снабжен в верхней, ныне сохранившейся, части пояском рельефной орнаментации (ширина 22 см) в виде горизонтальных, находящих друг на друга S-образных элементов, ограниченных снизу и сверху рельефными игутами. Поясок продолжался выше, где были какие-то более крупные элементы, но они смыты.

В промежутках между башнями и средним круглым выступом - по две уступчатые ниши. Ниши двухуступчатые, наружная ниша по фронту 1,65 м, внутренняя - 1,15 м, глубина соответственно 26 и 38 см (общая глубина 60-65 см). Щипцовая плоскость ниши вверху вертикальная, а в нижней части (1,25 м) склонена таким образом, что внизу выходит заподлицо со

стеной. Раскреповка боковых частей ниш очень тщательная. В верхней части было (не сохранившееся на этом фасе) арочное завершение. В 1,5 м от ниши № 3 (первой к западу от полукруглого выступа) в пахсово-кирпичном завале - фрагмент фуста глиняной полуколонны диаметром ок. 65 см. Участки стен между нишами рассечены щелевидными швами, расположеными в раскопанной части в шахматном порядке. Расстояние между ними - 1,50-1,70 м, их высота - 0,85-1,0 м, ширина - 11-12 см. Внутренняя поверхность швов, - их щипцовая стена, не вертикальная, а склоненная - вверху щель глубокая, внизу мелкая, например, у одной щель 27 и 18, у другой соответственно 38 и 20 см. Стена имеет на уровне верхней площадки толщину 2,75 м (у восточной афилады). Она сложена из пахсовых блоков. Высота слоя пахсы - 0,75-0,8 м, длина 1,5-1,6 м. Между горизонтальными блоками - сплошная полоса в один ряд горизонтально положенного сырцового кирпича (48-52 x 24-26 x 3-10 см). В устоях ниш - комбинированная пахсово-кирпичная кладка.

Северо-восточная башня, как и северо-западная, в плане прямоугольная, с врезанными уголками. Размеры ее: выступание 3,3, по фронту 9 м (так с севера, с востока несколько больше - 9,3 м). Она выполнена из блоков пахсы с одноленточной прокладкой кирпича. Шели - ложные бойницы расположены на расстоянии 2-2,1 м, высота их 1,5 м, глубина их вверху 0,40 м, внизу - 0,1 м, т.е. они становятся внизу совершенно мелкими.

Вскрыт также участок восточной стены, начиная от юго-восточной башни и, примерно, до середины фаса. Гребень стены (в районе юго-восточной башни) сохранился на 2,9 м выше, чем у северного фаса. В целом этот фас совершенно аналогичен вышеописанному северному, однако лучшая сохранность южного отрезка позволяет сделать несколько важных дополнений.

Хотя стена является пахсовой, с нарезкой на квадры и ленточной прокладкой кирпича, на отдельных отрезках - комбинированная пахсово-кирпичная кладка. Особенно это хорошо видно вблизи башни. Здесь на уровне середины ниши (по высоте) - 7 рядов кирпича (по три под и над лентой

кирпича), причем на стенку башни эта кладка не заходит. В верхней части стены здесь же еще один участок кирпичной кладки (4 ряда кирпича), выступающей на 2-3 см за плоскость стен. Сверху вновь следует пахсовая кладка.

Вертикальные швы прорезают по высоте по два блока, объединяя их. Высота такого яруса - 1,6-1,7 м, в него входят два разделенные кирпичным поясом пахсовых блока. Швы при ширине 11-12 см вверху очень глубокие (до 40-47 см), внизу они вначале "выклиниваются" (до 18-15 см), а затем образуют выкрутку к наружной поверхности, основание шва - в виде округлой дуги. Внутренние поверхности швов оштукатурены. Если высота каждого яруса стабильна, то расстояние между вертикальными швами все время меняется (от 1,2 до 1,9 м). В результате квадры неодинаковы по размерам.

Первая (если считать с юга) уступчатая ниша сохранилась на полную высоту - ок. 3,7 м. Она резко суживается снизу вверх (с 153,5 до 102,5 см) и вверху имеет арочное завершение. Арка кирпичная, в 1,5 обката, с очень толстыми швами-прокладками. В щипцовой стене ниши - декоративная стреловидная бойница. Вертикальный ствол ее высотой 1,5 м - в виде шва (шириной до 15 см, глубиной до 30 см). Сверху на пахсовое основание положены под углом два кирпича таким образом, что они образуют треугольник (внутреннее основание - 60 см, высота - 30 см). Первоначально пространство между ними имело глубину свыше 50 см, причем кирпичи были изнутри оштукатурены. Затем на основание были положены друг на друга 3 кирпича, так что треугольная нишка стала мельче (25 см), новая поверхность была покрыта плотной темной штукатуркой. Арка охватывает полуокольцом этот треугольник, играя, очевидно, для него роль защитного кожуха. Стена обнажена (у юго-восточной башни) на 5,5 м от современного гребня. Стена отклоняется от вертикали на 7°.

Выступание башни по отношению к плоскости куртины - 3 м. Угол башни раскрепован врезкой со стороной 35 см.

Полной идентичности в устройстве восточной и северной сторон нет, первая почти на 4 м длиннее. Различны по размерам и северо-западная и юго-восточная башни: первая выступает за плоскость стены на 7 м, вторая - лишь на три. Обе эти башни являются, вместе с тем, прямоугольными, отличаясь

в этом отношении от северо-восточной (ее описание - см. выше).

Снаружи к северной стене примыкает кирпичный футляр (толщиной 1,2 м), явно пристроенный к ранней стене. Он посанжен на рыхлый грунт-насыпку, с отступом на 3 м и на 0,8 м. Глубже его подошвы, параллельно этому кожуху идет внешняя стена из сырцового кирпича, толщину которой установить не удалось. На подходе к северо-восточной башне образуется сложное сооружение - нечто вроде лабиринта. При этом внешняя стена достигает здесь толщины 4,1 м, а проход между ней и основной башней - всего 1,6 м.

При раскопках на цитадели было сделано большое число находок массового археологического материала, в том числе керамики (о ней см. ниже заметку В.С.Соловьева), стекла, металлических изделий и т.д. Найдено также большое количество монет. Из находок, имеющих особо важную историко-культурную ценность, следует отметить буддийскую живопись из святыни, глиняные рельефы, находки памятников письменности: эфталитской (по определению В.А.Лившица), напоминающей самаркандскую надпись; фрагменты рукописи на бересте с надписями брахми; арабскую надпись.

Анализ стратиграфической картины позволяет сейчас выделить три периода в истории цитадели, с этапами внутри этих периодов. Можно думать, что история поселения на месте цитадели начинается с У в. и завершается в сер. УШ в.

Раскопки на Кафыр-Кале представили исследователям богатейший материал по истории раннесредневекового зодчества Средней Азии и специально Тохаристана. Планировочные решения и декорация, городская фортификация и облик парадных зал, характер святыни и способы выкладки стен, арок, тромпов, сводов, куполов - все это и многое другое может быть теперь освещено с большой детальностью.

Но не только архитектура, но и шире - история и культура раннесредневекового города Тохаристана впервые представили в такой конкретной отчетливости.

¹ Т.И.Зеймаль, Археологические работы в Вахинской долине в 1960 г. - АРТ, УШ, 1962, стр. 45-47; Б.А.Литвинский и

Т.И.Зеймаль. Разведки и раскопки в Южном Таджикистане, - АРТ, IX, 1964, стр. 76-86.

² См. о ней - Б.А.Литвинский и Т.И.Зеймаль. Буддийский сикет в живописи Средней Азии (к интерпретации сцены дароносцев из Ахине-тепе), - СЭ, 1968, № 3.

³ Результаты работ до 1966 г. включительно изложены и интерпретированы в монографии авторов этой статьи "Ахина-Тепа. Скульптура. Архитектура. Живопись". М., 1971. Издательство "Искусство".

⁴ А.М.Беденицкий. Работы Вахинского отряда в 1947 г., - МИА, № 15, М.-Л., 1950, стр. 143, рис. 71/2.

⁵ Б.А.Литвинский, Э.Гудымова и Т.И.Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.) - АРТ, IУ, Сталинабад, 1959, стр.131-133, 145-152; Т.И.Зеймаль. Работы Вахинской группы Хуттальского отряда в 1957 г., - АРТ, У, Сталинабад, 1959, стр. 84-93.

⁶ Под руководством Б.А.Литвинского раскопки осуществлялись Г.А.Брыкиной (Институт археологии АН СССР), А.Д.Басавым, И.А.Бубновой, Е.П.Денисовым, Л.Т.Пьянковой, В.С.Соловьевым, В.Якубовым (сектор археологии и кумизматики АН Тадж. ССР).

Б.А.Литвинский, Е.П.Денисов

БУДДИЙСКАЯ ЧАСОВНЯ НА КАФЫР-ЖАЛЕ

В юго-восточном углу цитадели расположен четко выделяющийся комплекс, состоящий из центральной камеры (помещение № 26), обходного коридора (помещения № 25, 27, 29, 31) и вестибюля (табл. 24). Работы по его раскрытию проводились в 1968, 1969 и 1970 гг.

Помещение № 26 представляет собой в плане квадрат размерами 3,4 x 3,4 м с входным проемом (ширина 1 м). На западе проход смещен на север от оси симметрии помещения, его северный пилон имеет длину 0,93 м, в то время как южный - 1,28 м. Обнаружен и второй, уже заложенный сырцовым кирпичом входной проем в середине северной стены (ширина его также 1 м). Возможно, что северный проход был более ранним, хотя и не исключено, что они функционировали одновременно.

Стены помещения (сохранились на высоту до 1,8 м) сложены из сырцового кирпича размерами 50 x 25 x 10 см кладкой вперевязь, на глиняном растворе. Вдоль южной и восточной стен в помещении были расчищены сухи. Вероятно, они относятся ко времени, когда функционировал позже заложенный проход, чем объясняется отсутствие сухи вдоль северной стены.

Сухи (ширина 0,9-1,06 м) сложены из кирпича обычного для памятника размера 50 x 25 x 10 см, местами они образуют только борт сухи, остальное же представляет собой закладку из целых кирпичей, фрагментов и строительных остатков.

Выявлено два строительных периода, причем в верхнем встречаются заложенные фрагменты живописи синего и оранжевого цветов. Среди них есть фрагменты с изображениями нимба.

В основном же живопись была обнаружена упавшей на по-

верхность южной супы. Верхние слои заполнения помещения состояли из натечных образований. Далее шел плотный кирпичный завал, свидетельствующий о том, что помещение имело купольное перекрытие. Надпольный же слой включал наряду с разломившимися кирпичами некоторое количество битой керамики. Чаще она встречается у прохода в помещение № 25. Вокруг помещения № 26 имелся обходной коридор (ширина - 1,5-1,6 м, длина колена - 9,0 м). Лучше всего сохранилось южное колено обходного коридора (помещение № 29). Здесь, как и в других отрезках обходного коридора, его внешняя стена выложена из пахсовых блоков, над пахсовой частью стены - кирпичная полочка. Стены и свод покрыты саманной штукатуркой, на полочке ее толщина равна 2,7 см, утончаясь на своде до 1,7 см. Штукатурка эта совершенно скрывает уступ полочки, так как непосредственно под ним мощность штукатурки достигает 9,2 см. Поверх саманной штукатурки вся площадь стен и свода покрывалась тонким (1-2 мм) слоем штукатурки зеленого цвета. В помещении № 25 (западном колене обходного коридора) фрагменты живописи превалируют над находками зеленой штукатурки.

Полочка состоит из 7-8 рядов положенных в перевязку (один ряд тычком, другой - ложком) кирпичей. Обычно в таких помещениях полочка образует значительное нависание над стеной. Здесь же, так как пролет невелик, выступают внутрь помещения лишь два верхних ряда, "нависая" всего на 5-6 см.

В юго-западном и юго-восточном углах помещения 29 сохранились тромпы (лучше сохранился юго-восточный). Тромпы были перспективно-арочными. Особенность их состоит в наличии "сердечника", вокруг которого как бы формировались четыре образующие тромп арки. "Сердечник", являющийся щипцом внутренней арочной дуги, состоит из положенного через угол обычного кирпича тычком и лежащего над ним фигурно-стесанного кирпича, имеющего форму треугольника со срезанными углами (нижнее основание - 25 см, верхнее - 5 см, высота - 9 см). Огибающая "сердечник" арка состоит из 3 кирпичей тычком, вторая - из 4, третья - из 5 (четвертая неясна). Длина тромпа по каждой стене - 70-73 см, высота - 65 см. Абсолютно такие же тромпы - в северо-восточной башне Кафыр-Калы. Как известно, такие перспективно-арочные тромпы

были широко распространены на Среднем Востоке и в Средней Азии в VI-VIII вв.

Интересно сочетание сводов с тромпами. К восточному тромпу помещения 29 свод подходил как к замыкающему, поэтому наклон у подводящего к тромпу свода и обращенной к нему части тромпа - противоположный. Свод не доходит до тромпа, если измерять по полочке, на 23 см. Пространство между последним отрезком свода и внешней аркой тромпа заполнено 3 горизонтальными рядами кирпича. На верхний опирается основание дополнительного отрезка свода. Затем положены еще 2 горизонтальных ряда кирпича и на верхний - 4 отрезка свода, крайний из которых вплотную подходит к внешней арке тромпа. Пять последующих отрезков свода опираются уже непосредственно на эту арку, свод "наползает" на нее.

В противолежащем, западном, углу отрезки свода идут с наклоном в ту же сторону, что и у дуги тромпа. Здесь, в отличие от восточного угла, свод вплотную подходит к тромпу, без повышения пят свода. Затем было произведено "наползание" свода на тромп, с помощью подъема пят отрезков свода, с опиранием их на внешнюю арку тромпа.

Свод обходного коридора святилища Кафыр-Калы дает пример четырехколенчатого замкнутого сводчатого пространства. Создание замкнутого кольца свода позволяло наиболее целесообразно распределить нагрузки, улучшая статику сооружения. Еще более интересно решение всей системы перекрытий с сочетанием центрального купольного помещения и окружающего его замкнутого кольца сводчатых помещений. Нетрудно видеть, сколь рационально и целесообразно такое решение в инженерном отношении, ибо распор купола, покоящегося на довольно тонком основании стен, гасился распором свода (табл. 23).

Основные находки живописи в комплексе сделаны в его центральной части, начиная с помещения 26, прохода в помещение № 26 и кончая площадью между пилонами входного проема, ведущего в айван (пом. № 27). Из трех уровней полов, выявленных в помещении, она встречается на поверхностях двух верхних, причем очень часто лежит прямо поверх слоя битой керамики. Сохранность нижнего слоя живописи лучше, чем верхнего.

В помещениях №№ 28 и 31 также изредка встречались ис-

значительные фрагменты живописи. Сохранность ее очень плохая.

В помещении № 26 были найдены фрагменты настенной живописи с изображением розово-желтых (с красным и черным контуром) цветов лотоса; крупные фрагменты соприкасающихся кругов нимбов, состоящих из чередующихся колец разного цвета и с цветками лотоса между кругами; плоскостей, заполненных цепочками перлов или украшенных шахматной расписью; рельефные тяги, покрытые живописью; крупные фрагменты фигур в красном одеянии и др. Сюжетными являются и фрагменты живописи из помещения 25 (на них различаются фигуры людей и животных). Особое значение имеет обнаружение в помещении 26 живописного изображения головы Будды. Это фрагмент (20 x 17 см), на котором имеется изображение головы (в половину натуральной величины) в фас, сохранилась левая часть верхней половины лица и прическа с крупной ушнишой.. Лицо покрыто серой краской, тонкая черная бровь, красной линией – верхняя граница века, а глаз и прическа – черные. На лбу красный кружок (урна). Контур лица – красно-коричневый. Голова обрамлена розово-желтой полоской нимба.

Стилистические особенности кафыр-калинской живописи, характер изображений и живописная манера находят себе прямые аналогии в живописи буддийского монастыря Аджина-Тепе,

Обнаружение буддийской живописи является серьезным аргументом в пользу определения этого комплекса как буддийского святилища. На это же указывает и планировочно-композиционная схема комплекса: центральная целла, окруженная обходным коридором – такой схеме следуют, правда, разнородные культовые сооружения. Уже для акеменидского времени мы находим храм огня в Сузах, где имеется обходной коридор. Парфянские храмы огня, в частности в Селевкии на Тигре, в Хатре и Кухи-Ходжа, также развивают эту схему². Представлены они в сасанидском зодчестве – см. храм второй половины III в. в Бишапуре³.

Чрезвычайно существенно, с одной стороны, что храмы с обходными коридорами существовали и в области Гандхары – имеется в виду храм в Джандиале, который Д.Маршалл датирует II–I вв. до н.э.⁴. С другой стороны, этой схеме следует и

святилище храма в Сурх Котале, в Бактрии⁵. В самой Средней Азии этой схеме следуют пещерные и наземные сооружения интереснейшего буддийского комплекса Кара-Тепе в Термезе⁶. Исходя из этого, Б.Я.Ставиский считает, что, скорее всего, схема святилища с обходными коридорами (в буддийских постройках) возникла в Бактрии (Тохаристане) кушанского времени⁷.

Б.А.Литвинский выдвинул идею⁸, что место сложения этой планировочной схемы следует искать в более широком регионе, включающем, наряду с Бактрией, также и Гандхару. Именно в такой обширной области, в обстановке контакта индо-буддийских и зороастрийских архитектурных идей она могла быть усвоена (а не возникнуть) буддийской архитектурой. В Хадде, в комплексе Багх-Гаи, встречается уже обходной коридор и вокруг квадратной целицы со ступой и вокруг двухкамерной айванного типа⁹. Такую схему планировки имеют и некоторые буддийские сооружения и в самой Индии, например в Сахете¹⁰.

В Средней Азии в VI-VII вв. святилище с обходным коридором (или коридорами) встречается как в небуддийских, так и в буддийских культовых сооружениях. Из последних должны быть упомянуты акбешимские храмы¹¹.

Таким образом, комплекс с такой композиционно-планировочной схемой мог быть буддийским и небуддийским святилищем. Обнаружение же здесь буддийской живописи позволяет предположить однозначное решение: это буддийская часовня, входящая в состав кафыр-калинского дворцового комплекса.

Имеется множество письменных известий о буддизме в Тохаристане в VI-VII вв.¹². Исследование, вслед за Аджинатепинским буддийским монастырем, второго памятника буддизма расширяет представление о распространенности и облике тохаристанских буддийских сооружений и находившихся в них памятниках искусства тохаристанско-буддийской школы¹³.

Хой Чэо в 726 г. заметил, что в Хуттале (куда входила и Вахшская долина) "Царь, знать и народ верит в учение буддизма, имеются монастыри и монахи, исповедуют учение Хинояны"¹⁴. Обнаружение буддийской часовни, а также фрагментов рукописи на бересте, выполненной бракми, явно буддийского содержания¹⁵ на территории дворцового комплекса - все это

убеждает в справедливости вышеуведенных слов источника, что не только среди народа, но и знать был распространен буддизм.

1 Г.А.Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 140; С.П.Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, табл. 49, 4; В.Л.Воронина, Архитектура древнего Пенджикента, - МИА, № 124, М.-Л., 1964, стр. 73-74 и др.

2 C.Hopkins, The Parthian temple, - "Berytos", VII/I, 1942, pp. I-17; G.Widengren, Die Religionen Iran, Stuttgart, 1965, S. 188-189.

3 R.Chirshman, Iran. Parthians and Sassanians, 1962, pp. 149-150, fig. 191.

4 J.Marshall, Taxila, vol.I, Cambridge, 1951, pp.225-229.

5 D.Schlumberger, La temple de Surkh-Kotal en Bactriane, IV, - "Journal asiatique", Paris, 1964, pp. 303-333, fig.I; D.Schlumberger, Die hellenisierete Orient, Baden-Baden, 1969, S.61-67. О связи схемы святилища Сурх Котала со схемой храма огня в Сузах см. D.Schlumberger, Descendants non-méditerranéens de l'art grec, - "Syria", t. XXXVII, 1960, p. 145.

6 Т.В.Грек, Е.Г.Щелина, Б.Я.Ставиский, Кара-Тепе-буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе, М., 1964; Буддийские пещеры Кара-Тепе в Старом Термезе, М., 1969; другие публикации Б.Я.Стависского и либоеаное личное сообщение исследователя.

7 Б.Я.Стависский, Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии. Из итогов раскопок Кара-Тепе-буддийского пещерного монастыря в Старом Термезе, - "Доклады по этнографии. Географическое общество СССР, отделение этнографии", вып. I(4). Л., 1965, стр. 30.

8 Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль, Аджина-Тепе. Архитектура. Живопись, Скульптура, М., 1971, стр. 145.

9 J.Barthous, Les fouilles de Hadda, I. Stūpas et sites. Paris, 1933 (MDAFA, IV), p. 195-167 et plan.

I¹⁰ Daya Ram Sahni, Saheth, - ARASI, Calcutta, 1911,
pp. 119-121, pls. XXXIV, XXXVI.

II Д.Р.Кицласов, Археологические исследования на го-
родище Ак-Бемим в 1953-1954 гг., - Тр. КАЭЗ, II, М., 1959;
Л.П.Зяблин, Второй буддийский храм Ак-Бемимского городища,
Фрунзе, 1961 (здесь же, стр. I7-I8 указания на публикации
буддийских сооружений в Восточном Туркестане с такими свя-
тынями).

I¹² B.A.Litvinsky, Outline history of Buddhism in Cen-
tral Asia, Moscow, 1968, p. 32 f.

I¹³ Б.А.Литвинский и Т.И.Зеймаль, ук. соч., стр. I08-I09.

I¹⁴ W.Fuchs, Huei-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest
-Indien und Central-Asien um 726, - SPAW, Jahrg. 1938
(Philosophish-historische Klasse, Berlin, 1938), S.452-453.

I¹⁵ Определение М.И.Воробьевой-Деситовской.

О РАСКОПКАХ В КУМЕ В 1970 г.

Благодаря работам советских археологов и востоковедов из года в год все ярче предстает перед нами богатая история и культура древнего (домусульманского) Согд¹, одной из ведущих областей среднеазиатского междуречья. Истории всех достижений и открытий, сделанных за последние десятилетия в согдийской археологии, лежат в знаменитых накладках, которые были сделаны почти четыре десятилетия тому назад на горе Муг, в верховьях Зеравшана, на территории раннесредневекового Паргара (по-согдийски буквально "На-горье"). Здесь, при раскопках сырцовой постройки, в 1933 г. экспедиция во главе с А.А.Фрейманом открыла первую большую коллекцию памятников культуры и быта согдийцев VII-VIII вв. и первое (пока все еще единственное в Согде) большое собрание рукописных документов. Во второй половине 40-х - и в 50-х гг. А.Ю.Якубовский, а затем его ученики и сотрудники продолжили археологические работы в верховьях Зеравшана.

В течение нескольких полевых сезонов проводятся раскопки крепости Кум, расположенной в кишлаке Кум, в одном из живописных ущелий Зеравшанского хребта. Довольно высокая естественная платформа обеспечивала крепости господствующее положение над окружающей местностью. Крепость состоит из двух частей: более возвышенной с основными постройками и более низкой, очевидно, с двором и постройками хозяйственного назначения.

Раскопки в Куме были начаты Зеравшанской группой (при участии автора, под руководством Б.Я.Стависского) в 1963 г. Эти раскопки имели разведочный характер и продолжались всего лишь несколько дней. Работы велись к востоку от помещения № 4, раскопанного в свое время В.Р.Чейльтко. При этом были оконтурены северная, восточная и западная стены помещения № 5.

В 1964 г. работы в Куме были продолжены. Велись они одновременно в Мадме на памятнике, ныне известном под названием Гардани Хисор. Гардани Хисор расположен на расстоя-

кии I км от селения Мадма на горе, к северу от дороги, идущей из этого селения в селение Кум. Постройки размещались здесь на двух площадках горы. На нижней располагались, вероятно, хозяйственныe и служебные помещения и жилища слуг (раскопки здесь пока ограничивались разведывательным шурфом). На верхней - богатый парадный комплекс, раскопанный полностью. Здесь, на самой вершине горы, находилась специальная входная постройка, к входу в которую вела каменная лестница. Входная постройка помимо широкого входного коридора, выходящего во двор, включала также айван с двумя входящими в него комнатами. За входной постройкой размещался большой двор, а за ним основная парадная постройка, вознесенная на высокой платформе. У ее основания находились хозяйственныe помещения, в том числе амбары с отсеками для хранения зерна и фруктов. Над ними, на платформе, раскопаны богатые парадные помещения: большой зал, домашнее святилище (сходные с раскопанными в жилищах знати древнего Пенджикента), айваны, коридоры, жилые покой, домашняя кладовая, - всего более 24 различных помещений. Археологические работы в Гардане Хисор еще не завершены, раскопана лишь его парадная часть. Тем не менее уже сейчас ясно, что перед нами - постройка очень интересная и даже в известном смысле уникальная, причем не только для горных верховий Зеравшана, но и для Средней Азии в целом.

Керамика, резное дерево и монеты, найденные при раскопках, позволяют датировать здание концом УП-УШ вв., а сильный пожар, засвидетельствованный раскопками, относится к 722 г., то времени похода арабов в Паргар, вслед за отступившим сюда из Пенджикента отрядом Деваштича¹.

В Куме раскопки были начаты в нескольких местах крепости вдоль северной стены, но из-за большего, чем ожидалось, объема работ на Гардане Хисор, они были временно приостановлены. Возобновлены они были вновь, на сей раз в большем объеме, в 1966-1970 гг.²

В результате работ 1966-1969 гг. была раскопана значительная часть крепости в Куме вдоль ее северной (пом. 4, 5, 6, 7, 8, 9) и западной (пом. I, 2, IO) стен и в

центре (3, I2). Всего за отчетный период было раскопано более 10 помещений и частично выявлена планировка здания.

В 1970 году ³ работы были продолжены в помещениях, не-
чатых и не законченных в 1969 г. и предыдущие годы - пом.
II, I2, I3, I4, I5, I8, I9 и 28.

Помещение № II расположено к югу от помещения I0. В плане оно - прямоугольное, узкое, вытянутое с запада на восток на 9 м и с севера на юг на 1,10 м. Западная стена пом. II, - внешняя крепостная, сохранилась хорошо. Она сложена из кирпича-сырца размером 50x25x10 см, на глиняном растворе. Кирпичи в кладке чередуются ложком и тычком в перевязку. Северная стена сохранилась плохо, поверхность ее сильно разрушена. Она местами сохранилась на высоту до 1-1,5 м. Стена сложена из кирпича-сырца (размером 50x25x10 см) на глиняном растворе. Южная стена сохранилась на высоту 4 м. Стена сложена из кирпича-сырца вышеупомянутого размера, на глиняном растворе. Кирпичи в кладке чередуются ложком и тычком в перевязку. В юго-западной стене сохранилась частично пята свода, которую образуют 4 ряда сырцовых кирпичей размером 40x20x8 см. Восточная стена представляет собой небольшой пилон размером 1,5x0,25 м, сложенный из кирпича-сырца (50x25x10 см) на глиняном растворе.

Дверной проем шириной 85 см расположен в восточной сте-
не. На пилоне и на противоположной - западной - стене сохрани-
лись гнезда от балок. Всего их было 9 различного диаметра от
15 до 5 см.

Перекрытие помещения - сводчатое. Фрагмент свода сохра-
нился в юго-западной части южной стены. Завал состоял из
упавших кирпичей свода и верхних частей стен. В завале на
высоте 1,5 м от пола у выхода в южной стене обнаружен очаг
размером 45 x 30 см овальной формы. Заполнение очага - зола
и угольки (на глубину 7 см). Этот очаг функционировал после
разрушения помещения. Неходок в завале очень мало, найдено
лишь несколько невыразительных обломков стенок кухонных кот-
лов.

Помещение I2 расположено к востоку от помещения 2. Оно
в плане прямоугольное, вытянутое с севера на юг на 3,20 м и
с запада на восток на 1,70 м.

Западная стена сохранилась на высоту около 4 м. Она сложена из кирпича-сырца размером 54x27-26x10 см. Кирпичи первого ряда стены сложены ложком, а затем два ряда тычком. Выше чередуются ряд ложком и ряд тычком, а все последующие до пяты свода ряда кирпичей сложены тычком. Пята свода образована из пяти рядов кирпичей, уложенных тычком в перевязку. В пяте кирпичи выступают на 3-4 см внутрь помещения. Верхняя часть пяты свода и сам свод не сохранились. Восточная стена сохранилась на высоту более 4 м, она сложена до высоты 2 м из кирпича-сырца размером 54x28-26x10 см, а выше из сырца, несколько более мелкого (40x20x8 см). Техника кладки такая же, как в западной стене. Свод не сохранился.

Южная стена дошла до нас на высоту 4 м. Она до высоты 2 м сложена из кирпича-сырца размером 54x28x10 см, а выше из кирпича-сырца размером 40x20x8 см. Техника кладки кирпичей в южной стене следующая: начиная от пола до высоты 1 м чередуются один ряд кирпичей ложком с двумя рядами тычком, а потом два ряда тычком и два ложком. Выше идут, чередуясь, три ряда тычком и один ложком. В кладках дуги свода кирпичи сложены только тычком.

Северная стена сохранилась на высоту 1,5 м, она сложена из кирпича-сырца размером 54x28x10 см. Техника кладки: один ряд тычком, другой ложком в перевязку. Стены обмазаны глиняной штукатуркой, а поверх нее до пяты свода ганчом.

Помещение имело два отсека размером 176x30 см. Они разделены тонкой кирпичной стенкой. Стенка сложена из кирпича-сырца (размером 54x28x10 см), формованного из глины красного цвета. Кирпичи положены ребром и обмазаны раствором ганча. Вход в отсеки был загорожен стеной со ступенчатой лестницей. Стена и лестница сложены из кирпича-сырца вышеупомянутого размера. Кирпичи сделаны из глины серого цвета. От лестницы сохранились две ступеньки.

При входе на лестницу, по углам в северо-восточной и северо-западной частях помещения, у северной стены сооружены еще два маленьких отсека: один из них размером 55x37 см, другой 90x37 см. Отсеки как внутри, так и снаружи обмазаны ганчом.

Вход в помещение I2 вел из помещения З и был расположено

жей в северной стене; его ширина 98 см. В стенах прохода сохранились две выемки от деревянного порога глубиной в 27 см, шириной в 25 см и высотой в 25 см.

Заполнение помещения состояло из упавших целых и фрагментированных сырцовых кирпичей свода и верхних частей стен. В завале изредка встречаются керамике и другие находки.

Помещение I3 расположено к западу от помещения I2. Оно в плане прямоугольное, вытянутое с севера на юг на 3,20 м и с запада на восток на 2 м. Западная и восточная стены до пяты свода сложены из кирпича-сырца размером 54x26x10 см. Ряды кладки чередуются - один ряд ложком, один - тычком в перевязку. В первом ряду пяты свода кирпичи сложены тычком, выступая на 3-4 см внутрь помещения. Второй ряд уложен ложком; третий, четвертый и пятый - тычком; шестой - ложком, а в седьмом, который является завершающим рядом пяты свода, кирпичи сложены тычком, также выступая еще на 3-4 см внутрь помещения. В кладках пяты свода сохранились три гнезда от балок размером 40x20x30 см. Свод не сохранился. Пазуха свода была выложена кирпичом вышеупомянутого размера.

Южная стена сохранилась на высоту до 4 м. Кирпич-сырец снизу до пяты свода уложен так же, как и в западной и восточной стенах: один ряд тычком чередуется с рядом ложком в перевязку. На уровне пяты свода техника кладки изменяется: кирпичи сначала в двух рядах сложены тычком, затем в одном ряду ложком, а выше этого ряда только тычком.

Северная стена сохранилась на высоту 1 м, она сложена из кирпича-сырца размером 54x26x10 см. Один ряд кладки тычком чередуется с рядом кирпичей ложком в перевязку.

Помещение было разбито на шесть отсеков. Первый отсек расположен у восточной стены, его длина 120 см и ширина 109 см; второй - в юго-восточном углу, его длина 109 см и ширина 80 см; третий - в юго-западном углу, его длина 98 см и ширина 80 см; четвертый - у западной стены, его длина 83 см и ширина 109 см; пятый - в северо-восточном углу, его длина 82 см, а ширина колеблется от 55 до 30 см; шестой - в северо-западном углу, его длина 50 см, ширина 30 см. Отсеки отделены друг от друга тонкими перегородками, которые в основном сложены из кирпича-сырца красного цвета на ганчевом растворе. Перегородки отсеков, как и стены помещения, до пя-

ты свода обмазаны сначала глиняной штукатуркой, а поверх нее ганчем. Стены отсеков сохранились на высоту от 20 до 60 см.

Вход в I-4 отсеки загорожен стенкой (ширина в 27 см) с лестницей. Стена и лестница сложены из кирпича-сырца (размером 54x26x10 см), изготовленного из глины серого цвета. Лестница состоит из 4 ступенек. Первая ступенька имеет ширину 55 см, глубину 20 см и высоту 28 см; вторая - ширину 53 см, глубину 25 см и высоту 13 см; третья - ширину 53 см, глубину 20 см и высоту 25 см; четвертая - ширину 53 см, глубину 63 см. Дверной проем (ширина в 1,21 м) расположен в северной стене.

Заполнение помещения I3 состояло из упавших целых и фрагментированных кирпичей свода и верха стен. В завале встречено очень мало керамики и других находок.

Помещение I3, как и помещение I2 служило зернохранилищем: в обеих этих помещениях найдены остатки проса.

Помещение I4 с частично сохранившимся сводом. Высота от уровня нижнего пола до верхней точки свода - 3,74 м. Большая часть его была раскопана в прошлом году. Стены прекрасной сохранности. Ширина комнаты по полу 2,02 м. Начиная от уровня 1,50 м от пола кирпичи выступают на 3-5 см внутрь, образуя карнизик. На высоте 2 м от пола начинается свод наклонными отрезками. Пята свода из одного ряда кирпичей ложком.

Кладка западной торцовой стены: чередование длинных и коротких сторон кирпича - один ряд ложком, один ряд тычком и т.д. Северная стена сложена точно так же. Размеры кирпича 53-55 x 23-25 x 10 см. В южной и северной стенах, параллельной одно другому, на одинаковом расстоянии между ними, расчищены гнезда от балок. Гнезда прямоугольной формы, внутри закопчены, вероятно использовались как нишки для чирогов. Размеры гнезда: 25x25-27 см. Верхний пол помещений сохранился довольно хорошо. Он выше нижнего основного пола помещения на 60-65 см. Между верхним и нижним полом - слой рыхлого завала из обломков сырцовых кирпичей. В середине северной стены на уровне верхнего пола расчищен полуовальной формы очаг с красными от огня кирпичными стенками. Очажная ниша довольно глубоко вдается в стену, на глубину до 50 см.

На верхнем же полу у западной торцовой стены расчищен очаг, сложенный из обломков сырца. Потолок свода под ним и стена почернели от копоти. На уровне верхнего пола на южной стене из красной глины сделан налепчик в форме стрельчатой арки. Поверхность стены внутри "арочки" обмазана тоже красной глиной. Высота налепчика (рельефа) 3 см, ширина рельефа - 8-9 см. Непонятно, что это такое? Помещение недокопано, обе стены идут в восточном направлении. На верхнем полу было найдено несколько вишневых косточек, керамика, в основном кухонные котлы.

Помещение I5 расположено к югу от помещения 6, в центральной части крепости. Оно вытянуто с юга на север на 6,36 м и с запада на восток на 1,94 м. Это помещение, очевидно, представляет собой коридор, сходный с помещением 3, соединяющий помещения северной части крепости с южной половиной.

Западная стена комнаты хорошей сохранности. Высота ее 3,1 м. Сложена из глиняного раствора из кирпича-сырца, размером 55-52 x 25 x 10 см, серого цвета. Кладка очень аккуратная, строго чередуются ряды из длинных и коротких сторон. Поверх кладки слой глиняной штукатурки с галькой. На высоте 1,91 м от пола, внутри комнаты, кирпичи выступают на 5 см, образуя пяту свода. Пята свода состоит из шести рядов кирпича: второй и четвертый ряд - ложком, а остальные - тычком. Размер кирпича - 40 x 20 x 8 см. В пяте расположены примерно на одинаковом расстоянии (около 90 см одно от другого) прямоугольной формы отверстия (высота 20 см, ширина - 10 см, глубина - 40 см) гнезда от балок для возведения свода. На кирпичах около гнезд, расположенных у выхода, - следы копоти. Возможно, эти гнезда использовались как нишки для чирогов. Свод не сохранился, от него осталась только пазуха, сложенная довольно аккуратно из обломков и целых кирпичей. Восточная стена очень своеобразна. Сохранность ее плохая. Первоначально стена поднималась на высоту 1,80 м и отступала на метр, образуя полочку. За полочкой начиналась пята свода, в ней сохранились три гнезда (высота 20 см, глубина 40 см и ширина 20 см). Стена сложена из кирпича-сырца, размером 52x25x10 см, на глиняном растворе. Пята свода - из кирпича-сырца размером 40 x 20 x 8 см на глиняном растворе. Пята свода в отличие от западной стены не выступает внутрь

помещения на пять сантиметров, а плавно, с наклоном вовнутрь комнаты поднимается вверх. В юго-восточном углу сохранился кусок свода, сложенный из кирпича-сырца, размером 40x20x8 см. Пролет свода в помещении I5 составлял около 2,50 м. Пока это первое в Куме помещение с такой планировкой и сравнительно большим пролетом. В южной половине комнаты обнаружен проход шириной 1 м. Перекрытие прохода - плоское, балочное. Очевидно, когда помещения северо-восточной части крепости (7, 8, 9 и I8) были разрушены, проход заложили; заодно была заложена и полочка на восточной стене - обкладка восточной стены и была выведена в один ряд из кирпичей-сырца красного цвета, размером 52x25x10 см на глиняном растворе серого цвета.

Южная часть помещения еще не докопана. Завал в помещении состоял из упавших кирпичей кладки свода и верхних частей стен. В слое завала найдено несколько костей животных, много стекол и венчиков закопченных лепных кухонных котлов, фрагменты почти полностью собирающейся чашечки из розовато-серой глины с волнистым краем - очевидно, привозной, аналогичной пендикентским⁴; она - плоскодонная, с ручкой, вверху которой помещена налепная шишка - подражание ручкам металлических сосудов.

Помещение I8 расположено к востоку от помещения I5. Оно в плане прямоугольно-вытянутое с запада на восток на 4 м и с севера на юг - на 2 м. Западная стена в южной ее половине сохранилась на высоту 4,30 м. Она сложена до пяты свода из кирпича-сырца размером 50x25x10 см, на глиняном растворе. В кладках кирпичи чередуются - ложком и тычком в перевязку. В кладках местами встречаются кирпичи размером 40x20x8 см. Пята свода состоит из 6 рядов кирпичей, размером 40x20x8 см, сложенных тычком. Кирпичи первого и последнего ряда пяты выступают на 5 см во внутрь комнаты. В пяте сохранились два гнезда, размером 40x25x25 см.

Восточная стена, как и западная, сохранилась на высоту 4,30 м, сложена из кирпича-сырца размером 50x25x10 см на глиняном растворе, но первый ряд ее сложен из кирпича-сырца размером 40x20x8 см. Пяту свода составляют 7 рядов кирпичей размером 40x20x8 см тычком, причем первый и последний ряды кирпичей выступают внутрь комнаты на 5 см. В пяте сохранились два гнезда размером 40 x 25 x 25 см.

Южная стена снизу (пять рядов) сложена из сырцового кирпича размером 40x20x8 см. Следующие за ними 13 рядов - из кирпича-сырца размером 50x25x10 см. В первых 8 рядах чередуются ложковые и тычковые кирпичи, следующие 5 рядов, за исключением 4-го ряда, - тычковые. Четвертый ряд сложен ложком. Следующий тычковый ряд кирпичей размером 40x20x8 см, служит началом пяты свода.

На высоте 2,20 м от пола в 85 см от начала западной стены сохранилась круглая арочная балка длиной примерно 15 см. Балка выступает из поверхности стены на 20 см. Северная стена не сохранилась. Перекрытие было сводчатое. Дуга свода не прослежена, но на восточной и на западной стенах сохранились начала свода. Кирпичи здесь уложены на ребро, короткой стороной, т.е. приемом наклонных отрезков.

В помещении было два проема: один в северной стене (не сохранился), другой в юго-восточном углу восточной стены - шириной в 98 см. Перекрытие дверного проема представляет собой горизонтальный ряд бревенчатых, обработанных арочных балок (их сохранилось шесть). Очевидно, проход вел в помещения, расположенные в юго-восточной части крепости. Проход заложен сырцовым кирпичом серого и красного цвета размером 50x25x10 см на глиняном растворе. У заложенного прохода, вдоль южной стены, обнаружен зольник, овальной формы размером 100 x 80 см. Его заполнила зола темно-серого цвета. Помещение 18 было заполнено кирпичом красного цвета на глиняном растворе. Находки в помещении отсутствовали.

Помещение 19 расположено в центре восточной стороны крепости. Оно в плане прямоугольное, вытянутое с запада на восток на 1,06 м, а с юга на север на 3,70 м. Стены его сложены из кирпича-сырца размером 50x25x10 см на глиняном растворе. Кладки из чередующихся рядов сырца, ложком и тычком в перевязку. В южной стене кладомискателями пробита дыра из соседнего помещения нижнего яруса. Восточная стена является внешней стеной. Перекрытие помещения было сводчатым. Пяты свода как таковой нет. Над тремя рядами кирпичей начинается дуга свода. Кирпичи в своде сложены наклонными отрезками. Помещение было невысоким, всего 1,5 м высотой. (Очевидно, помещения на восточной половине крепости были двухъярусными. Помещения второго яруса были небольшие и не-

высокие.) Дверной проем расположен в юго-восточном углу восточной стены.

Заполнение помещения состояло из упавших кирпичей стен и свода. В завале mestами встречались угольки, кости мелкого рогатого скота, косточки грецкого ореха. Пол помещения ровный, выложенный кирпичом-сырцом размером 50x25x10 см на глиняном растворе.

Помещение 23 расположено к северу от помещения 19. В плане оно прямоугольное, вытянутое с востока на запад на 4 м и с юга на север на 1,1 м. Помещение 23, как и помещение 19, небольшое, сводчатое, высотой в 1,5 м. Стены его сложены из кирпича-сырца размером 50x25x10 см на глиняном растворе. Кирпичи в кладке чередуются тычком и ложком, в перевязку. В пятах свода восточной стены проложена арочная балка. Сразу над балкой начинается кладка дуги свода. В западной половине сохранилась дуга свода. Свод коробовый. Он был сложен из кирпича-сырца размером 40x20x8 см на глиняном растворе. Замок свода образован специальным треугольным кирпичом. В помещении два проема, один ведет в помещение 19, другой находится в восточной стене. Пол ровный,ложен из кирпича-сырца (50x25x10 см) на глиняном растворе. Завал состоял из упавших кирпичей свода и верха стен. В завале встречено много керамики и других находок.

Основным материалом для постройки крепости Кум служил сырец размером 52-50x48x27-26-25x12-10 см и 40x20x8 см. Сырцовые кирпичи делались из глины двух цветов: красного и серого.

Стены крепости и помещений сложены из кирпича-сырца на глиняном растворе. Стены помещений до пят сводов сложены из кирпича-сырца размером 52-50-48x27-26-25x12-10 см, своды из сырца - 40x20x8 см. Кирпичи кладись на глиняном растворе с перевязкой швов по горизонтали. В сводах раствор клади со всех сторон. Кирпичи чередовались ложком и тычком. Кирпичи в пятах сводов кладись чаще тычком, а иногда тычком и ложком. Непосредственно перед переходом к кладкам дуги свода кирпичи кладись в один ряд ложком.

Западная стена крепости внизу сложена из разных кусков сланца на глиняном растворе. Стены сложены не на фундаменте,

а просто на выровненном естественном грунте. Северная крепостная стена стоит на галечном слое материка. Восточная и южная стены крепости еще не исследованы.

Вертикальные швы между кирпичами составляют 1 см, но передка они достигают 3-4 см. Горизонтальные швы колеблются от 1-2 до 6-8 см. В помещении 5, в восточной стене на высоте 1,65 см от уровня пола кирпичи сложены в один ряд тычком, а выше этого ряда толщина настенной кладки глиняного раствора достигает 10-11 см. Однако это пока единственный случай. Толщина раствора между кирпичами в кладках сводов колеблется от 5 до 1,5 см.

Приемы и техника построения пяти сводов зависела от пролета сводов и высоты помещения. Во многих помещениях на определенной высоте кирпичи выступают на 5 см внутрь комнаты. Последующие ряды кладок пяты свода постепенно выступают внутрь комнаты, сокращая пролет свода. Основа пяты свода состояла из пяти или более рядов кирпичей, уложенных тычком или тычком и ложком. Последний завершающий ряд пяты свода образовали кирпичи, положенные в один ряд ложком.

В юго-восточной части восточной стены помещения 23, в пяте свода приложена арочная балка и сразу под балкой начинается кладка дуги свода.

Кладка пяты сводов в одном помещении начинается с высоты 1,5 м, а в других - с 1,7 м и даже выше. Все эти разнообразные приемы говорят о большом опыте и мастерстве строителей кумской крепости.

В северной половине крепости пяты сводов всех комнат врезаются в северную крепостную стену, сделаны в перевязку с ее кладками. Стены же ниже уровня пяты сводов просто пристроены к северной крепостной стене, о чем свидетельствуют хорошо прослеживаемые в помещениях 4, 5, 6, 7 швы между северной крепостной стеной и стенами этих помещений.

По-видимому, стены этих помещений были пристроены к уже готовой северной крепостной стене, а сооружение их сводов сопровождалось надстройкой северной стены крепости. В результате все помещения были накрепко прикреплены к крепостной стене, создав с нею прочную монолитную сырцовую массу.

Тот же прием пристройки стен помещений к готовой крепостной стене и перевязка с нею кладок пяты сводов этих по-

мещений применены и в помещениях I и 2, расположенных у западной крепостной стены. Так, восточная стена пом. I до высоты 1,70 м от пола пристроена к западной крепостной стене, а с этой высоты кладки этой стены выступают в перевязку с крепостной стеной. Здесь начинается кладка пяты свода. Кирпичи в ней уложены, как обычно, тычком, причем кладка сразу на 5 см выступает внутрь помещения. Дальнейшие ряды кладок тычком постепенно все более выступают внутрь помещения с целью как можно больше сократить пролет свода. В шестом же ряду кладок пяты свода кирпичи сложены ложком. В западной стене этого помещения на высоте 1,70 м от пола кирпичи тоже сложены тычком, но они не образуют ступенчатого выступа, а лишь плавно выступают внутрь комнаты. В остальном же кладка пяты свода здесь аналогичная кладкам пяты свода восточной стены. Таким же образом сложены пяты сводов в помещении 2. Сохранившиеся фрагменты сводчатых перекрытий показывают, что своды в крепости Кум были выложены методом наклонных отрезков, причем в отличие от стен, сложенных из кирпича-сырца размером 60 x 30 x 12 см и 52 x 26 x 10 см, в кладках пяты и дуг сводов применялся исключительно кирпич-сырец меньшего размера – 40 x 20 x 8 см, что отличает крепость в Куме от зданий на горе Муг и Гардани Хисор. В Гардани Хисор и в здании на горе Муг для построения сводов и арок не применяли специальные кирпичи меньшего размера. Своды и арки помещений на горе Муг и в Гардани Хисор выложены из кирпича-сырца тех же размеров, что и стены. Более того, в археологических памятниках У-УШ вв., известных сейчас в Согде, повсеместно стены и своды помещений сооружались из сырцовых кирпичей одного и того же размера⁵. Крепость в Куме является, таким образом, первым памятником Согда, где засвидетельствовано изготовление специального сырцового кирпича для кладок сводов. Однако для Средней Азии в целом это не новость. По сообщению В.Л.Ворониной, в Хорезме для кладки арок и сводов применялся специальный кирпич более мелкого формата, чем в стенах; причем этот мелкий кирпич имел форму вытянутой трапеции и отличался обильной добавкой самана. Из таких кирпичей построены, например, своды и арки Топрак-калы (размеры его 40 x 20-17 x 8 см).

Конечно, формовка специального кирпича для кладки сводов и арок обеспечивает более надежное построение сводов. Специальная формовка кирпича дает возможность строителям возводить арки и своды более правильных очертаний. Когда кирпичи сделаны специально для кладки сводов, из них можно хорошо и плавно поднять полукольцо свода. Своды в таких случаях выглядят более стройными и красивыми и отличаются большей прочностью.

Малоформатные кирпичи более легкого типа дают возможность делать пролеты сводчатых помещений более широкими, чем тяжелые и крупные кирпичи. Из кирпича размером 40x20x8 см в древнем Хорезме сооружались своды помещений пролетом в 3,6 м⁶. В Куме своды были небольшие, самый большой пролет (в помещениях 6 и 15) достигал 2,50 м. Своды в Куме, будучи широкими, достигали в то же время значительной высоты. В некоторых помещениях их замок находился на высоте более 4 метров от пола.

В 1970 году выяснилось, что внутри западной крепостной стены был сводчатый коридор (помещение еще не докопано). Это новое явление для архитектуры Пенджикента и верхнего Зеравшана У-Ш вв. Работы 1970 г. показали, что помещения юго-восточной части были двухъярусными, сводчатыми. Помещения верхнего яруса, как было сказано выше, узенькие и небольшие (раскопанные помещения этого яруса - 19 и 23 - имели высоту в 1,5 м).

Ранее считалось, что в крепости не было второго этажа, работы этого года показывают, что, скорее всего, второй этаж в Куме был, хотя остатков его мы еще не смогли обнаружить. Работы 1970 г. (как и предыдущих лет) свидетельствуют о том, что крепость Кум была в УШ в. самой мощной военной твердыней древнего Паргара.

О планировке крепости и системе расположения ее помещений мы уже кое-что знаем. По раскопанным данным можно утверждать, что вдоль всей северной и западной крепостной стены были расположены сводчатые параллельные комнаты с выходами в коридор (3 и 15), которые соединяли их. Коридоры тоже были сводчатыми и имели выходы на юг (в еще не раскопанные помещения или во двор). Большинство раскопанных помещений крепости оказались хранилищами для зерна и дру-

гих продуктов. Но в крепости были и помещения для жилья. Кильем были, несомненно, пом. 4, 6, 10 и др.

Раскопки показали, что в крепости не только могли в случае опасности искать убежища окрестные жители, но и имелось постоянно живущее население.

Архитектурно-планировочные особенности крепости в сел. Кум строго зависят от ее назначения и места расположения. Она была явно рассчитана на длительную оборону. Судя по раскопанным помещениям, многие из них были предназначены для хранения продуктов. Как видно из микрорельефа, к юго-востоку от крепости располагался большой двор, снабженный водоемами. В случае опасности такие водоемы могли недолго обеспечить крепость водой. Кроме того на расстоянии 150-200 метров от крепости на северо-западном склоне сая Якдэй находится небольшой родник. От крепости туда идет тропинка и очевидно, что жители крепости в свое время использовали его как источник питьевой воды. Этот родник могли использовать только жители кумской крепости, так как к нему можно пройти только со стороны этой крепости.

Крепость в сел. Кум, как и здание на горе Муг, расположена на таком месте, что к ней можно попасть только по узкой и крутой тропинке. Она была такой же труднодоступной, как и здание на горе Муг. Но в отличие от здания на горе Муг, она насчитывала не пять сводчатых комнат, а несколько десятков помещений и обширный дворик, которые могли вместить большое число людей.

Размеры крепости в сел. Кум позволяли в случае опасности запасать недолго продукты. А ее расположение позволяло даже с незначительными силами удерживать крепость против любого врага.

Мы не знаем, какую роль сыграла крепость в битве между согдийцами и арабами, которая произошла возле селения Кум в 722 г. Ат-Табари, сообщая о первом столкновении между отрядом Девантича и арабами возле селения Кум, ничего не говорит о существовании здесь крепости. Однако археологические материалы показывают, что крепость в это время существовала, и очень может быть, что первый бой между отрядами Девантича и Сухеймана ибн Абу-с-Сари был связан с ней. Не случайно, по-видимому, Девантич выбрал место для

сражения именно у селения Кум. Ведь он мог бы встретить арабов и в районе селения Хайрабад, где также есть удобные места для ведения боя и откуда в случае поражения согдийцы также могли отойти в сторону здания на горе Муг. Думается, что выбор места боя с арабами возле селения Кум как раз и был связан с существованием здесь сильной крепости.

Дальнейшее исследование крепости в сел. Кум позволит, вероятно, ответить на вопрос об ее роли в битве 722 г. более определенно.

¹ Общее руководство раскопками Кума как в 1963-1964, так и 1966-1970 гг. осуществлял Б.Я.Ставиский. Непосредственно работы здесь с 1966 г. ведет автор.

² Более подробно см. С.Якубов, Археологические раскопки Гордени Хисор (в сел. Мади) в 1964-1965 гг., - ИОН АН Тадж.ССР, 1966, № 4/46/, стр. 40-46.

³ В работе участвовали: Е.П.Денисов, В.А.Денисова, С.Штухина и водитель С.Якубов.

⁴ И.Б.Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента, - МИА, № 124, № 1., 1964, стр. 282 /16, I/.

⁵ См. размеры сырцового кирпича в основных древних сооружениях Средней Азии: В.Л.Воронина, Древняя строительная техника Средней Азии, - "Архитектурное наследство", № 3, 1958, стр. 8-9; В.А.Нильсен, Архитектура Средней Азии У-Ун-за., Ташкент, 1966, стр. 204-208.

⁶ В.Л.Воронина, Строительная техника Хорезма, - "Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции", т. I, №., 1952, стр. 94.

Т.М.Атаканов,
С.Г.Хмельницкий

О РАБОТЕ ШААРТУЗСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОТРЯДА В 1968-1970 ГГ.

В 17 км к юго-западу от современного кишилака Айвадж Шаартузского района Таджикской ССР на правом берегу реки Амударья тянутся невысокие прибрежные адиры - завершение Туин-Тау, отрога Бабатага. Здесь осенью 1967 г. по гребню второй террасы строителями были обнаружены какие-то помещения. Для обследования срочно выехала археологическая группа. На упомянутом выше месте выявлены и оконтурены прекрасно сохранившиеся вырубленные в глинистом сланце пещерного типа помещения, вытянутые цепочкой с запада на восток.

Эти пещерные помещения стали объектом изучения археологической экспедиции Института истории АН Таджикской ССР. Берег, в котором были обнаружены помещения, является древней террасой Амударьи, высота которой равна 30 м. Терраса сложена из горизонтально идущих серовато-зеленого и темно-розового цвета сланцевых полос. Средняя и нижняя часть террасы состоит из обычного речного песка. Слой глинистого сланцевого панциря имеет неравномерную толщину (от 5-8 м до нуля).

Все помещения комплекса были заполнены надувным песком. Все стены, перегородки и другие выступающие элементы архитектуры представляют собой тот же массив породы, из которого вырублены помещения, что говорит о предварительном, подробно разработанном замысле строителей, который выполнился во всех деталях. Обнаруженные в процессе раскопок и раскрытие помещения условно разделены нами на две большие группы - комплекс I и комплекс II. Первый включает в себя четыре крупные группы восточных помещений, далее на восток, очевидно, расположены ряд аналогичных групп помещений, не затронутых раскопками. Комплекс II состоит из 20 групп помещений или объектов, тянувшихся вдоль берега западнее комплекса I. Нумерация комплексов вызвана следующими соображениями: западнее первых помещений комплекса II пещерных помещений нет, здесь раскопки доведены до конца. Между тем

в длинном ряду искусственных пещер мы не обнаружили особо крупных, выделяющихся своей планировкой помещений, которые можно было бы признать центром этого своеобразного ансамбля. Вероятно, такой центр (если он существует) расположен на востоке, в пределах комплекса I, на участке, не затронутом раскопками, и комплекс тем самым следует признать первым.

Рассмотрение памятника начнем с комплекса II, раскопки которого в основном завершены. Все объекты этого комплекса расположены на одном уровне, причем полы помещений расположены на 50–55 см выше слоистого слоя речного песка, подстилающего выходы глинистого сланца, в котором вырублены помещения. Рыхлая глинисто-земляная прослойка, проходящая в слоистой массе глинистых сланцев на высоте около 180 см от полов помещений, всюду совпадает с верхом дверных проемов, с пятами их плоских (лучковых по форме) арочных перепичек; здесь повсеместно сохранились гнезда от деревянных балок, к которым свисали кренившиеся двери. Таким образом, эта рыхлая прослойка была использована строителями для облегчения работы, и ее расположение определило высоту дверных проемов. Есть и другие признаки того, что строители пещерного комплекса увязывали архитектуру помещений с их природной средой.

Расположенные на общем уровне объекты комплекса II были обращены входами на узкую дорожку, проложенную вдоль склона. Между ними местами располагались площадки, занятые хозяйственными устройствами – кормушками для скота, тоннелями и т.п. Среди раскопанных объектов № 2, 7 и 14 оказались незаконченными: работы были прекращены в самом начале, на стадии прорубки входного коридора. Коридор объекта № 7 прорублен на длину 3,40 м, коридор объекта № 14 – на длину около 3,80 м. Причина прекращения этих работ неясна. Она не может быть объяснена тем, что данные помещения создавались в последнюю очередь: их окружают вполне законченные объекты, а строительство, очевидно, велись последовательно с востока на запад. Возможно, строителей смущало расстояние от этих объектов до соседних – около 6 и 7 м,

меньшее, чем между большинством других объектов, что создавало опасность случайного соединения рядом расположенных помещений.

Планировка и внутреннее устройство остальных раскопанных объектов, при значительном разнообразии вариантов, сводятся к общей схеме. В "типичном" варианте эта схема складывается из следующих элементов: прямой коридор - "дромос", углубленный в склон и открытый сверху; сводчатый нишебразный "вестибиль", более широкий, чем дромос, и отделенный от него пилонами; основное помещение, следующее за вестибюлем и расположенное на одной оси с ним и дромосом; боковое (хозяйственное) помещение, лежащее обычно слева от коридора и соединенное с ним входным проемом. Отступления от этой основы в сторону упрощения сводятся к отсутствию нишебразного "вестибюля" (объекты № 4, 5, 9, 10, 13, 16, 18) и бокового, смежного с дромосом помещения (объекты № 5, 6, 17, 19). В объекте № 18 боковое помещение расположено справа от коридора. Объект с простейшей планировкой - № 15 - состоит из дромоса длиной 4,50 м, слегка сужающегося вглубь (ширина спереди - 1,45 м, сзади - 1,35 м), и прямоугольного, вытянутого вглубь помещения размером 5,30 x 2,70 см. Продольные стены помещения наклонены внутрь и на высоте 2,5 м переходят в перекрытие типа очень плоского свода. Здесь, в отличие от других объектов, не было ни суп, ни нишек, ни очагов. Столы же простое устройство отличает объект № 17. Дромос, ведущий к его единственному помещению, длиной 4,70 м, резко расширяется, у начала его ширина - 1,10 м, в конце - 2,06. Небольшое помещение на этот раз расположено поперек дромоса. Оно также не имеет ни пристенных суп, ни ниш, но на полу найдены следы трех очагов и прямоугольное углубление, а в северо-восточном углу - прямоугольная яма, прорезавшая полуметровый слой глинистого сланца до слоя песка. Ширина дромосов колеблется от 1,10 до 2,00 м. В ряде объектов в их стенах, невысоко над полом, устроены небольшие ниши, эллиптические по фасадному очертанию и криволинейные или прямоугольные (со скругленными углами) в плане. В расположении них имеется закономерность: обычно они располагаются слева от входа в боковое помещение и напротив него на противоположной стене. Поля или места сохранивших круглые

углублений – следы от стоявших в них сосудов. В объекте № 15 крупная сводчатая нишка, перед входом в боковое помещение, сохранила следы двойного (разделенного перегородкой) очажка. В тех случаях, когда между дромосом и главным помещением объекта имеется нишевидный вестибюль, ширина дромоса в глубине (перед вестибюлем) заметно увеличивается. Таковы, например, объекты №№ 15 и 19, в которых это промежуточное полуоткрытое помещение сохранилось особенно хорошо. Расширение дромоса у главного помещения есть и в объекте № 9, внешнем вестибюле. В обоих случаях дромос завершается двумя противоположными поперечными пилонами, образующими как бы торцевую стенку, прорезанную широким проемом. Ширина этих проемов – 1,20 м и 1,70 м, а ширина дромоса в глубине соответственно – 1,70 и 2,20 м, т.е. выступы "пилонов" в среднем не превышают 25 см с каждой стороны (табл. 24–25).

Кривая свода вестибюля в объекте № 15 дошла до нас полностью. Она начинается у основания стен и идет круто вверх подобно эллиптической кривой. У вершины кривизна увеличивается, а самый верх имеет плоскую форму подобно "зеркальному" своду. Очертание в целом напоминает эллипс со сплющенной горизонтально вершиной. Свод вестибюля в объекте № 19 утратил свою вершину, однако его общий контур иссен. Он эллиптический, с высокой стрелой подъема (кривая и здесь начинается у основания стен). Поперечная стена, отделяющая дромос от вестибюля, во всех случаях очень тонка: в объекте № 15 ее толщина – около 20 см, в объекте № 19 – около 30 см. Понятно, что фасадные арки вестибюлей, имевшие ту же толщину, не сохранились. Глубина нишевидных вестибюлей колеблется от 1,20 м до 1,30 м с небольшим, т.е. является почти постоянной. Их боковые стороны заняты сухими, края которых совпадают с краями стенок "пилонов" фасадного проема. Непосредственно с уровня сух, как говорилось, начинается края сводов. Сухи вестибюлей не были предназначены для сидения: их высота 70 см (в объекте № 19 – 50 см, что тоже несколько высоко), на их поверхности почти всюду имеются круглые и неглубокие впадины от сосудов, типичные для хозяйственных мис. Некоторые впадины были заполнены золой. Очевидно, сухи играли роль хозяйственных "столов", своеобразной встроенной мебели, где стояла посуда и разводился

огонь. Их расположение рядом с жилыми помещениями представляется очень продуманным.

Сохранившиеся фасадные стены вестибюлей всюду имеют значительный наклон внутрь. В объекте № I, например, отклонение фасада вестибюля от вертикали на высоте 2 м составляет 20 см. Здесь верх вестибюля не сохранился, но по другим объектам видно, что он достигал 3 м, таким образом, высота входной ниши превышала высоту основного помещения, которая в среднем составляет 2,5 м. В объекте № II отклонение фасада вестибюля внутрь на высоте 2,87 м (наивысшая сохранившаяся точка) составляет 33 см. Входные проемы слегка сужаются кверху и, как говорилось, перекрыты плоскими арками типа дучковых. Они были закрыты дверями, о чем ясно говорят гнезда от двух деревянных балок, расположенных в верхних и нижних частях проемов: вверху, у пят арки, на уровне упомянутой прослойки мягкой глины, и внизу, над полом, или там, где он есть, над вырубленным из породы порогом.

Уровни полов помещений и дромоса или вестибюля обычно совпадают. Исключения – объект № II, где пол помещения на 30 см выше пола вестибюля, причем последний как бы врезается в помещение, образуя внутри у входа пониженную прямоугольную площадку, и объект № I6, у которого пол помещения поднят над коридором на 120 см. Это заставило строителей создать перед входом лестницу из трех крутых ступеней. Пол помещения в комплексе № 6 приподнят над коридором на I ступень (16 см).

Прямоугольность помещений – весьма относительная, так как строители, вырубая их в плотном глинистом грунте, почти никогда не смогли достичь геометрической правильности: либо стены то выпуклы, то вогнуты, углы округлены или заострены, иногда наблюдается заметный перелом стеновых поверхностей. Эти неправильности повторены сухими, расположеннымими вдоль стен. Кроме продолговатых, встречаются и помещения квадратной формы – всегда небольшие, со стороной, не превышающей ширины продолговатых помещений (объекты №№ I8, I9). Наконец, второе помещение объекта № 6 имеет не совсем правильную полукруглую форму и напоминает нишу-абсиду, проем которой сужен небольшими пилонами. Его маленькие размеры (ширина – 1,50 м, глубина – 97 см) подкрепляют это впе-

чательное. Вопреки миниатюрности, эта комната-ниша играла главенствующую роль в данном комплексе, замыкая его композиционную ось. В этой связи ее сходство с церковной абсидой представляется не случайным. Вердимо, ту же роль играло маленькое заднее помещение в объекте № I8. Оно замыкает ось комплекса, состоящего, кроме того, из дромоса, бокового правого помещения и большого помещения, ориентированного попечь оси. Вдоль его восточной стены проходит суга, заворачивающая на южную стену. Напротив суги, в центре западной стены, вырублена арочная ниша шириной 110 и глубиной 30 см, с основанием на 60 см от пола. Ниша не имела хозяйственного назначения, — это явствует из ее крупных размеров, отсутствия следов бытового использования, и — главное — из композиционной взаимосвязи ее с расположенной напротив сугой.

В центре северной стены этого помещения прорезан вход в заднюю комнату. Здесь напротив входа на северной стене, т.е. на оси всего объекта, имеется прямоугольная ниша. Она начинается от уровня пола, ее небытовое назначение представляется несомненным. Другая, меньшая ниша необычной трехлопастной формы, напоминающая очертанием человеческую фигуру, вырублена в юго-западном углу. Перед ней расположена низкая суга — площадка, начало которой совпадает с краем входного проема. Эта суга продолжается по западной стене узкой (ширина около 30 см) полосой.

Главной особенностью заднего помещения объекта № I8 (табл. 26) является его перекрытие. Как и повсюду, наклоненные внутрь стены завершаются выступом. К сожалению, эти выступы-карнизы повсюду значительно разрушены и их форма просматривается с трудом. Все же видно, что в большинстве помещений стены, вырубленные в слоях сланца, завершаются илоским сводом (или, вернее, слегка вспаруженным потолком), обведенным рельефной рамой. Малое помещение объекта № I8 склонено высоким ступенчатым карнизом, который начинается над рыхлой глинистой прослойкой и состоит из трех ступеней, нависающих одна над другой: двух прямоугольных (нижней широкой, верхней узкой) и верхней, узкой, склоненной под углом. Выше идет илоский потолок, в

средней части которого вырублен невысокий куполок, имевший в плане форму неправильной окружности, сдавленной по четырем сторонам и вытянутой в поперечном направлении. Размеры купола в осях - 134 x 121 см, высота - около 50 см. Его поверхность украшена вытянутым изображением креста с расширяющимися лопастями и скругленными краями. Толщина креста неодинакова: внизу она составляет от 15,5 до 12 см, у верхины - 7-8,5 см. Такое убранство потолка нигде более не встречается. Единственная аналогия ему встретчена в объекте № 13: здесь на западной торцовой стене главного помещения, в верхней ее части, слой красноватого сланца оформлен в виде выпуклой горизонтальной полосы, нависающей над нижележащей стеной. На эту скругленную "полку" посередине опирается такой же выступ, расположенный вертикально и вверху упирающийся в плоский свод потолка. Профиль этой рельефной декорации, напоминающей перевернутую букву "Т", короткую и широкую, - тот же, что и профиль креста в объекте № 18. Этим ограничиваются примеры декоративно-пластического убранства помещений обоих комплексов.

Еще одно небольшое квадратное помещение с "вестибюлем" составляет объект № 19. Его размеры в среднем - 2,5 x 2,5 м, южная и северная стены переходят в довольно высокий кесимметричный свод. В северной стене вырублены в ряд три небольшие эллиптические ниши, средняя расположена напротив входа, на оси дромоса. Вдоль западной стены сохранен выступ высотой 50 см, шириной 38 см, на поверхности которого вырублен узкий лоток глубиной 15 см, слегка углубленный в северную стену, а до южной не доходящий на 60 см. Назначение лотка, возможно, хозяйственное. В большинстве объектов следующее за дромосом помещение (не считая нишевидного "вестибюля") вытянуто в поперечном направлении. В объектах №№ 4 и 10 далее следует продольное удлиненное помещение, в объекте № 6 - полуокруглое, в объектах № 18 - квадратное. Соседние помещения продолговатой конфигурации, расположенные в одном направлении, параллельно не встречены нигде. Прямоугольные помещения, за редким исключением, имеют узкие пристенные возвышения -

суфы. В помещениях с "поперечным" расположением, т.е. вытянутых с запада на восток, суфы расположены вдоль торцовых стен и в большинстве случаев слегка заходят наижную, переднюю стены. В тех случаях, когда далее следует внутреннее "продольное" помещение (объекты № 4, 9, 10), суфы в этих помещениях располагаются повсюду одинаково: они идут вдоль задней северной стены, переходят на продольную западную и у юго-западного угла расширяются в площадку, почти доходящую до дверного проема. Такое повсеместное одинаковое расположение суф, зависящее от места помещения в общей системе, говорит как будто о том, что и назначение аналогичных помещений было одинаковым и связывалось с определенным ритуалом. Отметим, что в купольном помещении объекта № 18, которое имеет квадратную форму, но следует за "поперечным" помещением, суфа расположена по западной стене и имеет такую же площадку у юго-западного угла. Среди прочего оборудования помещений комплекса заслуживают внимания многочисленные круглые отверстия в стенах, имеющие глубину до 15-25 см. По своему расположению и, видимо, назначению они подразделяются на несколько типов.

К первому типу относятся отверстия, расположенные на щековых стенах проемов одно напротив другого. Это, несомненно, следы запоров и загородок, весьма многочисленных. Так, на щеках проема, ведущего в первое помещение объекта № 6, вырублено 3 пары отверстий, одно над другим, нижняя пара на высоте около 1 м от пола, средняя - на 15 см выше и верхняя - еще на 20 см выше. Все отверстия приближены к фасадному краю проема. Ясно, что здесь некогда располагались три толстые горизонтальные палки, преграждавшие вход в помещение при открытой двери или при ее отсутствии¹.

В объекте № 8, в правой щеке входа в главное помещение, имеется сквозное отверстие, которое криволинейно изгибаясь, выходит на фасад входа. Такое же отверстие отмечено в объекте № 3 комплекса II, в правом пylonе нишевидного вестибюля. Они также служили для запоров, конструкции которых неясны. Входной проем главного помещения объекта № 9 снабжен двумя парами противолежащих углубле-

ний на высоте 60 см и 107 см от пола, диаметром 7 см. Щеки входа в первое помещение объекта № 18 снабжены двумя парами одинаковых (диаметр - 15 см, глубина - 10 см) углублений: нижняя пара находится у основания проема, верхняя - на 55 см выше. Два симметричных гнезда от поперечно заделанной горизонтальной балки обнаружены в щеках ниши северной стены в помещении с куполом: балка "перекрывала" нишу на высоте 70 см от ее основания. Таким образом, горизонтальные "шлагбаумы" закрывали не только входные проемы, но и некоторые ниши небытового назначения.

Ко второму типу можно отнести отверстия, которые располагаются парами, на одинаковой высоте, на продольных стенах помещений. Большинство их находится у торцовых стен помещения, на высоте 2 м от пола, на расстоянии 70-100 см от углов. Они вырубались только в том случае, если к соответствующей торцовой стене примыкала суга. При отсутствии отверстий суги отсутствуют и, наоборот, суги на торцах удлиненных помещений как бы вытесняют за собой появление этих высоко расположенных парных выемок (объекты №№ 4, 9, 18, 10, 6, 13). Заменительно, что расстояние их от углов несколько превышает ширину расположенных под ними сугов; таким образом, если представить себе, что в данные выемки крепились деревянные штанги - "карнизы", а на них были повешены занавеси, то последние должны были свисать перед самими сугами, полностью их закрывая. В большинстве удлиненных помещений, кроме того, обнаружены симметричные пары отверстий, расположенные значительно ниже - на высоте 70-100 см над полом - в продольных стенах. Они вырублены намного дальше от торцов с сугами - обычно на расстоянии 170-200 см. Деревянные штанги или веревки, крепившиеся в них, должны были преграждать непосредственный подход к сугам. В объекте № 10 (переднее поперечное помещение) крупному углублению в южной стене (глубина 30 см, ширина - 25 см, высота - 20 см, в 70 см над полом) на северной стене соответствует горизонтальная выемка, постепенно углубляющаяся в стену слева направо на протяжении 80 см.

Это, несомненно, след деревянного запора - "шлагбаума", который мог открываться путем горизонтального движения вдоль северной стены в западную сторону, а в закрытом состоянии отделял всю восточную часть помещения глубиной 2,20 м с расположенной в глубине сухой. Так же отделялась и западная часть помещения, однако тут горизонтальная штанга намертво крепилась в отверстия. Таким образом, проходное помещение объекта № 10 в большой своей части было практически недоступно, открытым оставался лишь проход между двумя дверными проемами в его южной и северной стенах. Напрашивается вывод, что ограждение большей части помещения было вызвано стремлением закрыть непосредственно подход к западной и восточной сухам, которые к тому же могли закрываться занавесями. Наблюдение показало, что аналогично были устроены все помещения с сухами на торцовых стенах.

К третьему типу мы относим отверстия, которые в подавляющем большинстве расположены над сухами на высоте 40-50 см от их поверхности. В отличие от других они уходят в стены негоризонтально, а наклонены вниз и вбок под углом 30-40°. Их размеры невелики: диаметр колеблется между 7 и 13 см, глубина в среднем - 15 см. Отверстия данного типа располагаются над серединами сух, либо над их краями. В отдельных случаях срединному расположению наклонных отверстий отвечают сквозные отверстия в самих сухах, образующие как бы короткий канал, проходящий за вертикальной плоскостью сухи и выходящий наружу двумя отверстиями. Такие отверстия в сухах отмечены в объекте № 4 (заднее продольное помещение, западная суха). В последнем случае отверстие расположено в 15 см над полом, в 60 см от северной стены и представляет собой канал длиной 20 см, на обоих концах раскрытый наружу.

Расположение описанных отверстий, их форма и направленность указывают, на наш взгляд, на то, что они служили для крепления глиняных статуй, стоявших и сидевших на сухах. Последние, судя по их тщательной изоляции

горизонтальными перемычками и занавесями, не могли иметь бытового назначения. Деревянные штыри, вставленные в стенные отверстия и направленные наклонно вверх, обеспечивали прочную связь статуй со стеной, не позволяя им оторваться от стены и рухнуть вперед. Сквозные отверстия — каналы в суфах, на наш взгляд, служили для инкуров, с помощью которых крепились ноги статуй, сидящих на суфах. Есть основания думать, что и небольшие ниши в помещениях, с эллиптическим фасадным контуром и овальным или прямоугольным планом, имели в некоторых случаях не бытовое, а ритуальное назначение. В них нигде не заметно следов копоти, в то время как подобные нишки удобны для размещения в них светильников. Такими нишками снабжены главные помещения объектов № 9 (южная стена, справа от входа), № II (северная и западная стена, на последней две нишки разделены тонкой перегородкой), № I3 (южная стена, слева от входа; северная стена с двумя нишками, из коих большая, со следами от трех сосудов, расположена напротив входа) и некоторые другие. В небольшом помещении, с которого начались раскопки памятника (оно было впоследствии разрушено), единственная нишка с красивым эллиптическим контуром расположена напротив входа, по продольной оси. Ее подчеркнуто парадное расположение указывает на небытовое, скорее всего культовое назначение.

Четыре раскопанных объекта, составляющих в настоящее время комплекс I, по плановому решению и внутреннему устройству аналогичны объектам комплекса II, но отличаются значительно большей длиной дромосов (в объекте № I, 3 она составляет около 10 м) и почти полным разрушением потолков. То и другое, видимо, объясняется тем, что объекты комплекса I были вырублены в более низком и пологом береговом склоне. Полное описание и историко-архитектурный анализ объектов этой группы целесообразно привести после завершения ее раскопок. Подытоживая впечатления от художественного облика помещений комплекса, нужно отметить стремление строителей

использовать в декоративных целях двухцветную слоистую структуру породы. Это выражалось в том, что основная поверхность потолков вырубалась в слое красноватого сланца, тогда как подпотолочный карниз имеет зеленоватый цвет. Такое совпадение архитектурных членений с естественной структурой сланцевого массива отмечено повсеместно и имеет, безусловно, неслучайный характер. В архитектурно-художественной трактовке перекрытий помещений там, где они сохранились, заметна некоторая двойственность. По своей форме они сводчатые, причем свод, имеющий начало у самого основания продольных стен, имеет форму вертикального полуэллипса со сплющенной вершиной. В "продольных" помещениях сечение свода симметрично, в "поперечных", где двери прорезаны по длинным сторонам, - несимметрично, с сильно изогнутой задней стеной и почти вертикальной передней.

Сводчатая форма помещений диктовалась их устройством в виде искусственных пещер в непрочном массиве грунта. Строители, однако, ориентировались на образец с плоским потолком и стремились воспроизвести этот образец хотя бы косвенно. Поэтому нижние части сводов трактовались ими как наклоненные внутрь стены, а верхние сознательно уплощены и трактовались как потолок, зрительно отделенный от стен уступом внутреннего карниза. Именно на уровне карниза поверхность свода получила заметный перелом. Характерно, что в случаях, когда строители не ставили себе целью создание впечатления плоского перекрытия (в нишевидных вестибюлях и хозяйственных помещениях), сечения помещений имеют правильную эллиптическую форму.

Датировка. Решение этого вопроса осложняется отсутствием обычных датирующих элементов архитектуры - кирпича определенной формы и размеров, строительных конструкций и т.п. При раскопках получен, хотя в незначительном количестве, археологический материал: фрагменты поливных и неполивных сосудов, безусловно относящиеся ко второму этапу обживания

(XI - XVI вв.). В помещении I объекта II над полом найдена даже медная монета, выпуск которой, по определению Е.А.Давидович, относится к (907 г.х.) 1500-1501 гг. н.э. Отсутствие материальных остатков первого периода обжигания легко объяснимо: на каменных полах мусор не наращивался слоями, а выметался. На раннее, доарабское, время создания пещерных комплексов прежде всего указывает эллиптическая, а не стрельчатая форма примененных здесь сводов и арок, а также многочисленных ниш. Она является общераспространенной в архитектуре Средней Азии У-УШ вв. и была связана с применением сырцового кирпича как основного материала строительства: крупный сырец требовал постепенного перехода от вертикальных плоскостей стен к круглому венчанию свода. Переход от эллиптически-коробовых кривых сводов и арок к стрельчатым куполам начинается в УП в., причем первые примеры очень редки и ограничиваются областями северного Хорасана². Полный переход к стрельчатым формам сводчатых перекрытий произошел в IX-X вв. и был связан с общим значительным совершенствованием техники в государстве Саманидов. Использование в архитектуре пещерных комплексов эллиптически-коробовых очертаний перекрытий безусловно указывает на более раннее время строительства в пределах У-УП вв. В данном случае строители пещерных помещений воспроизвели знакомые им формы сырцовых кирпичных перекрытий, обычных для наземной архитектуры того времени.

Датировка памятника временем раннего доарабского средневековья находит как будто поддержку при его анализе с точки зрения первоначального назначения.

Назначение. С точки зрения планировки, внутреннего устройства и строительных приемов рассматриваемый памятник не находит себе аналогий в среднеазиатском зодчестве послеарабской, мусульманской эпохи. Наоборот, в архитектуре раннего доарабского средневековья на Среднем Востоке крупные комплексы искусственных пещер хорошо известны и всюду связываются с сооружениями одного определенного назначения – монастырями. Хотя устройство пещерных монастырей практиковалось достаточно широко и в восточном христианстве, все известные до настоящего времени пещерные монастыри Среднего и Дальнего Востока принадлежат буддизму. Таковы

пещерные монастыри Кара-Тепе в Термезе, Бамиана в Афганистане, Аджанты и Карли в Индии, Дунь-Хуана в Китае и другие. При большом разнообразии, зависящем от местных традиций, эти памятники роднят несомненная принадлежность буддийской религии, которая выражается в образах и приемах художественного убранства, применении скульптуры и живописи, в сочетании жилых и культовых помещений. На первый взгляд кажется логичным видеть и в нашем памятнике буддийский монастырский комплекс, основываясь только на его пещерном характере.

Правда, расположение пещерных помещений в одну линию, особенности их планировки и взаимное расположение (достаточно, как мы видим, устойчивые) не находят параллелей в известных буддийских монастырях пещерного типа, но это можно было бы объяснить спецификой местных традиций и природных условий. Однако один лишь способ устройства помещений в толще сланцевого массива не дает оснований для такого вывода.

Полное отсутствие материальных остатков первого периода обживания заставляет обратиться к главному из немногих сохранившихся элементов декоративного убранства памятника – миниатюрному куполу объекта № 18, украшенному выпуклым крестом. Эту рельефную крестовину, занимающую всю поверхность купола, можно рассматривать как воспроизведение деревянной или кирпичной конструкции из двух пересекающихся арок. Известно, что именно в архитектуре пещерных буддийских монастырей нашли отражение многочисленные формы деревянного зодчества, в натуре не сохранившиеся. Пещерные монастыри Индии, например, с исключительной точностью воспроизводят формы древней деревянной архитектуры, а в пещерах Бамиана воспроизведены в камне балочные потолки, колоннады и другие элементы местного деревянного зодчества. Достоверность изображенных в камне деревянных конструкций, характерная для пещерных буддийских монастырей, не вызывает сомнений. Известно также, что перекрытие в виде двух пересекающихся арок существовало в зодчестве Средней Азии раннего средневековья – оно зафиксировано в хорезмийском замке Барак-там, который исследователями датируется IУ веком н.э.³. Тем не менее нам представляется, что выпуклый крест объекта № 18 не может быть изображением конструкции перекрытия именно потому, что подобные изображения повсюду и во все времена

отличались документальной, вплоть до деталей, точностью. В нашем же случае ветви креста имеют трапециевидную, резко расширяющуюся от центра к краям форму, и по своему очертанию рельеф более всего похож на знак старого русского ордена св. Георгия. Такая форма не может быть изображением какой-либо реально существовавшей системы перекрытия. Между тем, равносторонние или удлиненные кресты с прямолинейно расширяющимися трапециевидными ветвями достаточно широко известны в искусстве раннего средневековья как христианские религиозные символы. Ареал их распространения очень широк: от Западной Европы УП-ХI вв.⁴ до Ближнего и Среднего Востока, причем ряд исследователей связывает эту форму креста в первую очередь с восточным христианством – сирийским⁵ и ирано-среднеазиатским⁶. В последнем случае этот культовый символ, очевидно, мог быть связан с несторианством – ответвлением восточного христианства, проникшим в Среднюю Азию и сравнительно широко здесь распространившимся.

Не углубляясь в рассмотрение вопроса о среднеазиатском несторианстве, неуместного в этом кратком отчете, отметим некоторые примеры интересующих нас изображений, известные по археологическим находкам.

1. Оссуарии с изображениями крестов из некрополя Миздакана УП в.⁷.

2. Кувшин с "георгиевским" крестом в погребальном комплексе Ак-Бешима, найденный недалеко от несторианской церкви (УП-УШ вв.)⁸.

3. Бронзовый крест с Афрасиаба⁹.

4. Оссуарии из Самарканда с изображением "георгиевских" крестов УП в.¹⁰

5. Керамические диски из раскопок зданий УП-УШ вв. – Ак-Тепа¹¹ и цитадели Шахристана¹², украшенные выемчатыми равноконечными крестами. Они, очевидно, являются "первоисточниками" для последующего изображения аналогичных деталей на фасаде замка известного Аниковского блюда и служили элементами убранства фасадов.

6. Фриз из дисков с выемчатыми равноконечными крестами на очанке из Самарканда, датируемый исследователями X-XII вв.¹³ – также, очевидно, воспроизведение реального убранства фасадов.

В двух последних примерах изображения крестов могли и не быть непосредственно связаны с несторианским культом. Однако они указывают на широкое распространение мотива несомненно христианского происхождения, для какового распространения должны были быть серьезные основания.

Все эти изображения своей характерной конфигурацией ("георгиевский" крест с расширяющимися трапециевидными концами) чрезвычайно близки рельефному кресту из объекта № 18. Отсюда следует, что и в данном случае перед нами – религиозный символ ^x, а не воспроизведение конструкции. Если это соображение верно, то памятник следует признать христианским несторианским монастырем. О среднеазиатском христианстве эпохи раннего средневековья (УП-ХII вв.) имеется, как известно, большое количество литературных сведений, которые в последние годы подкреплены некоторыми археологическими находками. Однако облик и устройство христианских монастырей в Средней Азии нам совершенно неизвестен. Уже поэтому рассматриваемый памятник представляет собой чрезвычайный интерес.

Как отмечалось выше, есть серьезные основания полагать, что большинство помещений здесь было украшено скульптурными изображениями, восседающими на сухах; изображения могли закрываться занавесами, а подход к ним был, по крайней мере, ограничен. Это противоречит обычным представлениям об искусстве восточного христианства, храмы которого как правило скульптурой не украшались (в западном христианстве скульптурное убранство храмов, наоборот, было обычным явлением). Статуи, сидящие и стоящие вдоль стен на специальных возвышениях, являются в то же время характерной особенностью буддийских монастырей и храмов, в том числе и пещерных – примеры скульптурного убранства буддийских пещерных монастырей столь многочисленны и известны, что приводить их здесь нет надобности. Это противоречие может быть объяснено особенностью культурной жизни предарабской Средней Азии, в которой различные религиозные культуры мирно сосуществовали ря-

---

^x Религиозная семантика вышеприведенных изображений "креста" никак не может считаться доказанной – прим. отв. ред.

дом, оказывая несомненное влияние друг на друга. Мощное идеологическое воздействие искусства, используемого одним культом, должно было учитываться деятелями другого. Кроме того, на пришлые религиозные учения, такие как буддизм и христианство, на выработанный ими ритуал должны были оказывать общее воздействие местные, более древние маздаистские традиции. Это находило отражение и в планировочных приемах: не случайно большинство буддийских святилищ Среднего Востока Ул-Уш вв. (в Ак-Бешиме, Кара-Тепе, Шихине и др.) основными приемами своей планировки восходят к более раннему зороастрийскому храму Сурх-Котала. Аскетическая философия отшельничества, бегства из жизни во имя духовного спасения в христианском и буддийском вариантах имеет много точек соприкосновения. В условиях Средней Азии рассматриваемой эпохи это внутреннее сходство, подкрепленное постоянным общением, должно было сказаться и во внешнем сходстве аналогичных по назначению сооружений.

Сходство убранства и внутреннего устройства буддийских и христианских святилищ на Среднем Востоке в это и даже более позднее время было так велико, что нередко приводило к курьезным ошибкам: многие средневековые путешественники – христиане принимали буддийские культовые здания за христианские.

Можно предположить, что крупная статуя помещалась в полукруглом, абсидовидном помещении объекта № 6, парадно замыкающем ось композиции и слишком маленьком даже для одного человека; статуи размещались в обеих нишах купольной комнаты объекта № 18 – в большой нише, расположенной напротив входа (как и полукруглое помещение объекта № 6), и в угловой трехлопастной, очертания которой характерны для ниш со скульптурой в буддийских храмах и монастырях. В стенах этих ниш, между прочим, тоже имеются отверстия, которые мы рассматриваем как следы крепления скульптур.

Окончательное подтверждение или опровержение выдвинутой выше гипотезы может быть сделано только после полного завершения раскопок памятника и его дальнейшего углубленного изучения. Независимо от конечных выводов памятник является крупнейшим архитектурным ансамблем исключительной исторической и художественной ценности, который следует сохранить.

I Обычай закрывать вход в запретное помещение или на участок с помощью горизонтальной палки, перегораживающей проем, сохранился до недавнего времени. Так, например, закрытый вход во двор мечети Талхатан-баба (XI в.) и в мавзолей Ак-мазар сел.Чапари в Кебадиане (ХУ в.).

2 Г.А.Пугаченкова, Своды в архитектуре Южного Туркменистана, - "Тр.ДТАКЭ", т.УШ, Ашхабад, 1958, стр. 226-227.

3 М.А.Орлов, Барак-там,-"Тр.Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции", т.І, М., 1952, стр. I35-I52.

4 "Les arts primitifs Français", Paris, 1953 /pl 7, 11, 12, 57, 69, 79, 89/.

5 А.Я.Борисов, Эпиграфические заметки,-ТОВЭ, т.І, Л., 1939.

6 D.Talbot Rice, Iranian Elements in Bisantyne Art^{III} международный конгресс по иранскому искусству и археологии", М.-Л., 1939, стр. 208-207.

7 В.Н.Ягодин, Т.Х.Ходжайов, Некрополь древнего Миздакана, Ташкент, 1970, стр. 146.

8 Д.Р.Кызласов, Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-54 гг.,—"Тр.КАЭ", т.ІІ, М., 1959, стр. 230, 23I.

9 А.И.Тереножкин, Согд и Чач, - КСИИМК, ХХІІІ, М., 1951, рис. 72, 2.

10 Д.И.Ремпель, Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 78, рис. 21-І.

11 Д.И.Ремпель, Ук.соч., стр. 83, рис. 25-І.

12 Не опубликованы.

13 Д.И.Ремпель, Ук.соч., стр. I29, рис. 48-2. Представляется возможной и более ранняя датировка.

И.А.Бубнова

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ, СВЯЗАННЫХ С ГОРНЫМ
ПРОМЫСЛОМ, НА ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА
В 1970 г.

Исследование истории горного дела проводилось сектором археологии и кулиматики с момента его возникновения¹. В 1962 г. была создана специальная группа под руководством автора, которая начала свою работу с разведки в верховьях Зеравшанской долины (1963 г.) – область Буттем средневековых письменных источников. В результате полевых исследований 1963 года была составлена карта с указанием 29 памятников, связанных с добывчей и переработкой полезных ископаемых. Время эксплуатации месторождений охватывает в основном период VII-X вв. Таким образом, сведения средневековых письменных источников о добыче полезных ископаемых в области Буттем нашли подтверждение в археологических материалах. Здесь добывали серебро, свинец, железо, ртуть, серу, квасцы, содалит с VII в. Отметим печь для плавки серебро-свинцовых руд с месторождения Кан-и-Нукре. В конструкции печи интересна система для подачи воздуха в виде сложной системы каналов в наружном кожухе печи.

Дальнейшие работы были связаны с двумя районами: Карамазарским, входившим в состав средневековой горнодобывающей области Илак, и Ламиром.

В районе Карамазаре в течение трех лет (1966–1968 гг.) проводились раскопки поселения рудокопов в районе древнего рудника Кани Мансур. Вскрыв значительную часть поселения, мы смогли осуществить реконструкцию его (табл.27) и одновременно существенно пересмотреть трактовку, предложенную М.Е.Массоном для социальной структуры поселения рудокопов². Поселение представляло единообразный комплекс жилых, хозяйственных и производственных помещений без ярко выраженного социального расслоения. О времени эксплуатации рудника у исследователей не было единой точки зрения. Основы-

ваясь на подъемном материале, М. Е. Массон относит его к IX-X вв.; Б. А. Литвинский — IX-XII вв.; О. И. Исламов и Л. Ф. Рутковская — к середине I тыс. до н. э. — XII; Ю. Ф. Буряков — к VI-XII вв. Раскопки показали, что говорить о эксплуатации месторождения рудокопами, жившими на территории исследованного поселения Кани Мансур раньше X в. и позднее XII в., судя по имеющимся материалам, нельзя.

В числе обнаруженных материалов интересны орудия и предметы, связанные с добычей руды (табл. 28-29).

Следующий этап работы — исследование памятников, связанных с добычей полезных ископаемых в районе Восточного и Западного Памира. В результате открыта новая, ранее неизвестная страница средневековой истории этой труднодоступной высокогорной области. Работы по изучению памятников, связанных с добычей полезных ископаемых, с некоторыми перерывами на Памире ведутся с 1962 года.

В 1962 г. был осуществлен археологический надзор на месторождении Токуз-Булак (Зап. Памир). Обследованы древние выработки на серебро, погребение в каменном ящике и шлаковый отвал. При закладке шурфа в шлаковом отвале обнаружены интересные детали плавильных печей.

Одним из объектов было месторождение Кух-и-лал (правый берег р. Пяндж), связанное с добычей благородной шпинели (бадахшанские лалы). Все данные о месторождении Кух-и-лал опубликованы нами в сборнике: "Материальная культура Таджикистана", вып. 2³: С 1964 года работы были сосредоточены в долине р. Базар-Дара (левый приток р. Мургаб) на Восточном Памире.

Долина р. Базар-Дара являлась в X-XII вв. местом добычи серебряных руд. Здесь зарегистрировано большое число древних разработок. Руду добывали как открытым способом, так, и подземным. Обследованы и частично раскопаны сезонные поселения непосредственно в районе месторождений (Ак-Джилга и Элги-сай), расположенные на высоте 3900-4200 м над уровнем моря.

Основным объектом, однако, являлось, на протяжении всех трех лет (1964-1966 гг.) городище Базар-Дара (табл. 30). Его изучение дало много интересных материалов как в части структуры и эволюции средневекового города в условиях высокогорья,

так и в отношении максимально полной характеристики материальной культуры периода X-XII вв. Благодаря естественным условиям консервации сохранились ткани, изделия из кожи и войлока, дерева и тростника, документы на бумаге, остатки сельскохозяйственных продуктов и многое другое.

До последнего времени выработки долины Базар-Дары являлись единственным свидетельством добычи серебряных руд на Восточном Памире в X-XII вв., и, казалось, ничто не сулит открытия новых памятников этого времени, а тем более связанных с добychей серебра. Но как покажет дальнейшее изложение материалов, средневековые рудокопы Восточного Памира были хорошими поисковиками и не ограничились только долиной р.Базар-Дары. Они тщательно обследовали долину р.Западный Шарт и успешно добывали там не только серебро, но и золото. Изучению памятников долины р.Западный Шарт в 1970 г. и посвящается основная часть нашей статьи.

В 1969 г. геологи Памирской геолого-разведочной экспедиции сообщили в Институт истории АН Тадж.ССР об обнаружении древних поселений в районе р.Западный Шарт на Восточном Памире. В 1970 г. Памирский археологический отряд Таджикской археологической экспедиции провел обследование в долине р.Западный Шарт.

В изучаемом районе основной орографической единицей является Музкольский хребет, его южные отроги. Рельеф высокогорный, напоминающий западнопамирский, т.е. характеризуется сильной расчлененностью, узкими долинами рек, большими абсолютными высотами и относительными превышениями, достигающими 2000 м. Абсолютные отметки некоторых вершин Музкольского хребта вблизи изучаемого района достигают 5615-6233 м. Днища долин находятся на высоте 3600-3900м. В верховьях рек Сасык и Кызыл-Донг имеются небольшие ледники.

Главной водной артерией района является р.Западный Шарт. Долина реки узкая, берега крутые, обрывистые, попечное сечение долины V-образной формы. Максимальная ширина дна достигает 200-300 м. Правый борт реки изрезан значительным количеством притоков. Наиболее крупными из них являются реки Малужурган, Сасык, Джанкаинды, Саук-Сай. Долины их узкие, иногда ущельеобразные.

По обеим бортам отмечаются останцы надпойменных тер-

рас. Реки питаются тальми водами снежников и ледников, вследствие чего расход воды в зависимости от времени года и суток колеблется в больших пределах.

Климат района суровый, резко континентальный и отличается большой сухостью воздуха, частыми, сильными холодными ветрами, достигающими скорости 5-10 м/сек. и выше. Среднегодовое количество осадков, выпадающих в основном в виде снега, не превышает 150 мм в год. Максимальная температура летом 20-25 градусов, зимой морозы достигают 30-40°. Многолетняя среднегодовая температура воздуха равна 1,3° ниже нуля.

Растительность долины скучная, но по отношению к Восточному Памиру вообще долину Западного Пшарта можно считать зеленым уголком. Здесь растет низкорослый тал, береза, реже памирский тополь. В низовьях растительности больше, чем в верховьях. Животный мир беден и представлен архарами, кликами, зайцами и сурками. Реже встречаются волки, барсы, лисицы. Из птиц распространены улары, кеклики, орлы.

В долине обнаружено три группы памятников: 1. поселения; 2. древние выработки на серебро; 3. отработки на золото. Первые две группы взаимосвязаны, отработки же на золото выделяются нами в самостоятельную группу по ряду соображений, о чём будет сказано ниже.

Сасык I. Основное поселение обнаружено на правом берегу р. Сасык (правый приток р. Зап.Пшарт) и расположено на первой надпойменной террасе. Оно состоит из трех частей: основная его часть находится почти у основания склона, меньшая выдвинута на край террасы. На незначительном расстоянии от последней, тоже на краю террасы, расположено кладбище.

В 1970 г. раскопана крайняя группа помещений на краю террасы и несколько верхних, у склона.

Все помещения выстроены из камня (сланец) на глиняном растворе. Строительный материал местный. Особенностью построек является их планировка, объединяющая жилые и хозяйственные помещения. Так, нижний комплекс, расположенный на краю террасы, состоит из центрального помещения, по обе стороны которого расположено по два смежных помещения, отделенные от центрального боковыми коридорами. Один из коридоров связывается с хозяйственными помещениями, замыкающими

комплекс с тыльной стороны. Таким образом, комплекс в плане представляет собой прямоугольник, только одно (пристроенное позже) помещение нарушает планировку.

Комплекс, расположенный у склона, также состоит из жилых и хозяйственных помещений. Общая их планировка несколько отличается от предыдущего.

Что представляют собой жилые помещения? Для них характерно наличие сухи и очага. В ряде помещений вместо сухи сделаны углубления для сидения, оконтуренные по краям каминами. Очаги по своей конструкции и расположению в помещениях различаются между собой. Их два типа:

1) Заглубленные в стену помещения или приставленные к стене, четырехугольные или прямоугольные в плане. По краям стены сложены из камня.

2) В полу, округлой формы, по краям обложены камнем. Очаг в помещении IБ - прямоугольный в плане, с аккуратно выложенными каменными стенками и округлым углублением перед основанием. Внутри углубление выложено хорошо подогнанными камнями, образующими четкую кромку.

Хозяйственные помещения представлены кухнями, хлевами и производственными помещениями с мощными зольными ямами и прогоревшим полом. Одно из таких подсобных помещений служило складом для руды (на полу лежали куски руды, сложенные в кучу).

Во втором комплексе обращает внимание большое помещение-зал, с большим пятном прогоревшего пола и небольшим углублением, почти в центре. Для зала характерно отсутствие находок.

Все помещения четырехугольные или прямоугольные в плане. Вход, как правило, сбоку. В дверном проеме с одной стороны к стене приставляли большую плиту на ребро для упора поперечного перекрытия. При разных уровнях пользовались ступеньками из каменных плит или пандусом.

Полы тщательно обмазывались светлой глиной, так же как и стены. Глину использовали местную. Брали ее примерно в 1 км от поселения, ниже по течению р.Сасык.

Описанные комплексы за время своего существования претерпели ремонты и перепланировки. По стратиграфическим данным пока намечаются два строительных периода, хронологически укладывающиеся во время X-XII вв.

Датируются памятники по находкам керамики (поливная посуда, чироги, сфероконусы) и по аналогии с материалами города Базар-Дара (ткани, кожа, неполивная посуда). Отличительной особенностью поселения Сасык I является незначительное количество находок.

Мы уже говорили, что рядом с поселением находится кладбище из 15 могил. Могилы на поверхности отмечены насыпью (высота 29-32 см) прямоугольной формы, обложенной по краям камнями, поставленными на ребро, или двумя вертикально поставленными камнями в ногах и в головах. Внутри могильной ямы каменный ящик с крышкой из хорошо подогнанных сланцевых плит. В случае, если оставались цели, их закладывали мелкими камешками. Покойник лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, кисть левой руки на бедре. Лицом повернут на запад. Голова ориентирована на север с отклонением на запад до 34°. Трупы подверглись естественной мумификации (раскопано два погребения: детское и взрослое). Кладбище рядом с поселением Сасык I находит прямые аналогии с кладбищем города Базар-Дара и погребением на древних выработках Токуз-Булак (Зап.Памир).

Выше поселения Сасык I есть древние выработки. Первая группа выработок расположена по склону над второй надпойменной террасой. Здесь рудные тела связаны с известняками.

Выработка № 1. Подпрямоугольной формы, вход ведет в забой в виде небольшого зала. Общая протяженность выработки, доступной для осмотра, около 5 м, остальная часть засыпана.

Выработка № 2. Расположена выше (по течению) выработки № 1 на расстоянии 6 м. Сейчас по ней пройдена современная штолня. Прожилок халькопирита ведет в древнюю штолню. Выше выработки № 2 есть еще выработка № 3, но она вся засыпана.

Местами встречаются небольшие, щелевидные выработки, шириной 45-70 см. Они полностью засыпаны.

Выше основной зоны разработок есть еще одна, расположенная над третьей надпойменной террасой на высоте 4000-4100 м. Отработки рудных тел здесь велись открытым способом. Около карьеров много обломков руды с вкраплениями халькопирита. Вероятно, выбирали гнездовые скопления руды. Размеры

карьеров прослеживаются только по поверхности, так как они основательно засыпаны. Длина карьера 15,5 м, при ширине 2,10-2,95 м. Рядом с карьером, с северной стороны, остатки четырехугольного в плане помещения, засыпанного обвалом. Зачистка площадки перед помещением показала, что культурный слой состоит из мелких угольков, костей животных, мелких окисленных кусочков руды (халькопирит). Кроме этого в слое обнаружено два фрагмента грубоватой хлопчатобумажной ткани.

Ниже помещения, в склоне, четко обозначается округлая в плане площадка, от нее по склону спускается полоса зольника со шлаком. Полоса тянется вплоть до второй надпойменной террасы. Здесь же еще один карьер (длина 10 м, ширина - 2,5 м).

Руды вышеописанного участка представлены халькопиритом, халькозином. Последний особенно богат серебром (серебро в сернистых соединениях). Сидерита много, но его вряд ли брали. Аналогичный состав руд обнаружен и на поселении Сасык I при раскопках помещений № 2, 3, 6, 8, 9, II.

Поселение Сасык II расположено выше поселения Сасык I, ближе к истокам р.Сасык, на левом берегу Безымянного сая (правый приток р.Сасык) на высоте 4100-4200 м. Оно представляет собой группу небольших помещений, вытянутых в одну линию вдоль берега р.Сасык.

Поселение не раскапывалось. Небольшие зачистки "улничных" отбросов дали несколько фрагментов стенок лепных сосудов и одного донышка. Обнаружены шлаки: легкие, пористые, серо-черного цвета. В верховьях Безымянного сая на левом борту на высоте 4900-5000 м расположены древние выработки. Основные руды здесь: флюорит, арсенопирит, халькопирит, сидерит, анкерит. Древние рудокопы добывали арсенопирит, блеклые руды брали с сидеритом. На древних выработках вместе со шлаком встречаются и блеклые руды.

Выработки целивидные (длиной от 3 до 7 м) и в виде вилемок (гнездовые скопления) разбросаны по склону. Около одной из целивидных выработок зольник (завален обвалом) с кусочками легкого пористого шлака серого цвета.

Выделено две зоны древних отработок. Первая пройдена в известняках, а во второй (на противоположном склоне через перевал) древние выработки пройдены в окварцованных слан-

цах и песчаниках триаса. Выработаны кварц-карбонатные жилы с блеклыми рудами и халькопиритом. В отличие от второй зоны первая богата блеклыми рудами. Этот район богат серебром, в то время, как вторая зона представляла интерес с точки зрения золота, хотя и там серебра было немало.

Надо сказать, что этот участок был для древних рудокопов, безусловно, очень перспективным. Есть участки, отработанные по длине до 100 м, по телу идут сплошные выемки (гнездовые скопления). Судя по тому, что поселение небольшое, а природные условия здесь очень тяжелые (большая высота), работы здесь могли проводиться только сезонно.

Западный Пшарт. Наконец, еще одно поселение было обнаружено на правом берегу р.Западный Пшарт, в 6 км от поселения Сасык I. При первом знакомстве с поселением возникло сомнение, насколько оно древнее. По сравнению с вышеописанными поселениями оно несравненно лучшей сохранности. В одном из помещений великолепно сохранился дверной проем с деревянной перекладиной, хорошая сохранность стен. Однако хорошая сохранность памятников средневековья на Восточном Памире является скорее правилом, чем исключением.

Для установления времени существования поселения были заложены два раскопа на "мусорных" кучах-отбросах перед помещениями и за ними. Полученный материал состоит из кусочков руды, шлака, тканей, войлока, кожи, керамики. Среди керамики преобладает грубая лепная посуда, но есть несколько фрагментов поливной (зеленого цвета). Судя по поливной керамике, начало существования поселения следует относить к тому же времени, что и поселение Сасык I и Сасык II, т.е. к X-XII вв. Но существовало оно и в более позднее время. Отчетливо прослеживается "свекая" перекладка стен в ряде помещений. Это могли сделать и пастухи-киргизы, и старатели, которые мыли золото на Западном Пшарте в XIX в.

Над поселением есть древняя итольня глубиной 3 м. Выше в известниках две площадки (2 x 2 м), обложенные аккуратно по краям камнями. Вероятно, это рудоразборные площадки. Еще выше несколько выработок на галенит. Ниже поселения, вправо же борту, около десятка древних итолей глубиной до 3-4 м. Итолиши пройдены в известниках. Рудные тела состояли из сидерита, халькопирита с блеклыми рудами.

Если о перечисленных памятниках мы узнали впервые, то о добыче золота в долине Западного Шарты есть сообщение у геолога Е.Г.Андреева, к которому сведения поступили от местных жителей. Они рассказали Е.Г.Андрееву, что золото добывали в этом районе в конце XIX в. и ведал работами один богач. После обвала, во время которого в выработке погиб сам руководитель работ, дело было заброшено, так как, по уверению местных жителей, золотоискателей среди киргизов не было. Сам Е.Г.Андреев был в районе работ и составил краткое их описание. В период полевых работ 1970 г. мы провели обследование мест, где проводилась добыча золота.

Отработки на золото расположены на левом берегу р.Западный Шарт, примерно в 10-11 км ниже поселения на высоте 4000-4500 м. Верхний слой золота не содержит и состоит из склоновых или привнесенных отложений. Этот слой (толщина его от 2 до 3 м) проходили вертикальными колодцами и достигали золотоносного слоя, который лежит на плотике. Плотик - это верхняя площадка цокольной террасы. Сам золотоносный слой отрабатывали горизонтальными рассечками.

В настоящее время с поверхности отработки представляют собой зияющие наносными породами неглубокие конусовидные углубления (засыпанные вертикальные колодцы) с размытыми отвалами по краю, обращенному к реке. Среди отвалов можно выделить четыре типа: 1. едва различимые земляные (с поверхности) воронки; 2. большие земляные отвалы (от 1,10 м до 2 м) с большими воронками (размеры воронок 3 x 3 м, 3,5 x 4 м при глубине от 0,80 м до 1,10 м); 3. небольшие отвалы из гальки (это места опробования Е.Г.Андреева); 4. сдвоенные отвалы, в этом случае один отвал больше, второй небольшой.

На третьем участке сохранился вертикальный колодец (сверху перекрыт деревянными плахами и засыпан камнями с землей), глубиной около 1,60 м. К нему со стороны реки ведет штолня (вторичная отработка) длиной 3,10 м. В месте соединения шурфа со штолней заметны отверстия двух горизонтальных рассечек (полностью засыпаны).

На первом участке у основания цокольной террасы сохранились стены когда-то бывших здесь двух помещений, находящихся на расстоянии 23 м друг от друга.

Первое помещение, прямоугольное в плане, представляло

одну комнату, причем задней стенкой являлось основание террасы. Второе помещение, основательно разрушенное обвалом, состояло из двух примыкающих к друг другу комнат. Возможно, было еще одно изолированное помещение, но с уверенностью об этом можно будет сказать после раскопок. Стенки сложены из камня на глиняном растворе. Раскопано первое помещение. У входа внутри помещения — следы очага в виде зольного пятна, обложенного камнем. За ним вдоль стены каменная вымостка. Полностью расчистить поверхность пола в помещении из-за каменного завала не удалось. Никаких находок в раскопанной части помещения не оказалось. Из-за отсутствия датирующего материала время разработки золота определить очень трудно. Можно лишь указать на сведения о добыче золота в конце XIX в. Говорить о более раннем времени разработки золота можно только предположительно, на основании характера внешнего вида отвалов или следов вторичных работ. Вряд ли, добывая золото и серебро из коренных пород в долине Западного Пшарта и по его притокам, рудокопы X-XII вв. не знали о существовании золотоносного слоя на берегу самой реки, тем более, что разведочные работы они вели не только на месте эксплуатируемых месторождений, но и во всем районе.

Открытие новых памятников средневековья в долине р. Западный Пшарт теперь позволяет говорить о существовании на Восточном Памире в X-XII вв. крупной рудно-промышленной провинции. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что они были непосредственно связаны с долиной р. Базар-Дара (левый приток р. Мургаб) и составляли с ней одно целое. Центром являлось городище Базар-Дара (табл. 30).

¹ Полевые исследования Б.А. Литвинского в Карамазарских горах и в Исфаринском районе, его обобщающие работы по технике горного дела в средневековой Средней Азии и древнейшей металлургии и работы автора статьи по металлургии серебра.

² М.Е.Массон, К истории горной промышленности Карамазара, - "Тр. Таджикской базы АН СССР", т.4, "Геология и геохимия", М.-Л., 1935, стр. 228.

³ М.А.Бубнова, Рудник Кух-и-лал (к истории бадахшанских лалов), - Сб. "Материальная культура Таджикистана", вып.2, Душанбе, 1971, стр.120-142.

РАСКОПКИ У СЕЛЕНИЯ САЯТ (ПАРХАРСКИЙ РАЙОН)

К настоящему времени междууречье рек Ях-су и Кзыл-су достаточно подробно изучено. Работы эти были начаты Вахшским отрядом Согдийско-Таджикской археологической экспедиции под руководством А.М.Беленицкого еще в 1946 г. В задачу этого отряда входило обследование северных районов Кулябской области (тогда это была область).

В древности районы эти входили в состав Бактрии. Позже эта область была известна как княжество Хутталь. Этим названием обозначалась область, заключенная между Вахшем и Пянджем. Хотя возникновение городских поселений падает на ранние периоды истории этих областей, конкретные сведения письменных источников для них известны лишь для IX-X вв., когда в этом районе происходит интенсивный рост городской жизни¹.

В этих районах в 40-ые - нач. 50-ых гг. неоднократно бывал А.П.Колпаков. На основании своих разведок он составил справку, сведения которой могут представить интерес в археологическом отношении. Он, в частности, сообщает о двух безымянных городищах по дороге Куляб-Колхозабад. В данный момент эти городища не существуют, ибо именно этот участок дороги Куляб-Восе (бывший Колхозабад) является в настоящее время наиболее густо населенным районом. За время, прошедшее с 1946 года, на этих землях построено много поселков, поэтому неудивительно, что два безымянных городища, упомянутые А.П.Колпаковым, в данное время не сохранились. Кроме того, он перечисляет следующие памятники: 1. Отдельно стоящий курган на 9-м км по той же дороге; 2. Урочище Кафтархона, там же; 3. Крепость у кишлака Курбан-Шейд; 4. Городище у кишлака Хульбак.

За время работ Таджикской археологической экспедиции этот район изучен детально, сейчас известно не пять, а более двух десятков значительных археологических памятников.

Теперь можно даже поставить вопрос об исследовании роста городов для этого района для времени X-XII вв. Но так как новые города появляются не на абсолютно пустом месте, а на землях плотно заселенного оазиса, проблему заселения этого района нужно рассматривать в свете сплошного изучения этого края, конкретно Кульбской группы районов.

Ограничимся междуречьем Ях-су и Кызыл-су. Эти реки являются крупными притоками Пяндже. Из них двух только Кызыл-Су доносит свои воды до Пянджа, а Ях-су к середине лета пересыхает.

"Самой важной частью этой области всегда была узкая, но плодородная долина Кчи-Сурхоба..."².

Вот как описывает эту долину М.А.Варыгин: "Из всей области Хутталь долина рр. Кчи-Сурхоб (Кызыл-Су) и Ях-Су была самой важной частью, как в смысле удобства жилья, по плодородию и в стратегическом отношении, почему здесь главным образом и сосредоточилось население, вокруг резиденции Хуттальского эмира - г.Хульбага. Ряд старых полуразрушенных крепостей свидетельствует о значении места, как центра общего благополучия, ключа от дверей страны, которую должны были защищать от вторжения врагов с юга, самого неблагоприятного и малообеспеченного природой места в смысле защиты, - река не представляла собой такой преграды, как каменистые и высокие перевалы"³.

Факты интенсивного заселения междуречья этих двух рек подтверждается и имеющимися археологическими памятниками, отмеченными в разные годы и разными исследователями.

"Хотя возникновение городских поселений падает на ранние периоды истории этих областей (Хутталь и Вашгирд), но достоверные сведения мы получаем для IX-X вв., когда происходит интенсивный рост городской жизни, что делает основание привахийские районы назвать "страной городов". Одновременно отмечается и цветущее состояние сельского хозяйства в этих областях"⁴.

Говоря о верховых Кызыл-Су, в первую очередь нужно упомянуть городище Шахри-Минг. "На берегу Кчи-Сурхоба находились города Мунк, самый большой город области..."⁵.

В исторической литературе долго держалось мнение, что Мунк находится на месте нынешнего Балыджуана (В.Томашек,

В.В.Бартольд). Работами Вахшского отряда в 1946 г. в районе Бельджуана следов большого городища обнаружить не удалось. Зато вблизи Ховалинга было обнаружено единственное во всем этом районе обширное городище, которое и могло являться Мунком. Топографическая и общегеографическая обстановка данной местности, относительно "широкая" долина длиной 10-12 км и шириной 6-7 км, полноводная р.Оби-и-Мазер создавали благоприятные условия для возникновения здесь городского центра. Гористая местность Бельджуана для данной цели была крайне неудобна.

Городище занимало площадь двух близлежащих кишлаков Хонеко и Шахри-и минг.

Следующие по времени разведки в Куллябской группе районов были осуществлены в 1953-1954 гг. Б.А.Литвинским, когда им совместно с Е.А.Давидович окончательно была локализована столица Хуттала - город Хульбук и начаты его раскопки⁶, позже продолженные автором данной статьи. Наряду с раскопками нами производились и разведки в долине Кызыл-Су.

В верховых Кызыл-Су, уже при выходе в долину, у подножья холмов, на западной окраине кишлака Кайнар (участок им.Кирова, колхоз "Коммунизм") расположена группа поселений. Количество этих объединенных широкой "улицей" поселений доходит до пяти. Вернее было бы их считать не поселениями, а кварталами одного поселения. Общая протяженность поселения по линии восток-запад около 2 км, по линии север-юг 600-700 м. С каждой стороны поселение вплотную примыкает к озеру Кайнар, питаемому родниками. Из озера вытекает большой, полноводный ручей. Его воды полностью удовлетворяют хозяйствственные нужды близлежащего кишлака. Вся поверхность поселения может быть условно разбита на три части. Они разделены широкой "дорогой" (10-12 м), которая проходит между ними.

Первый квартал или сектор расположен на север от кишлака и на запад от озера; прямоугольный в плане (105 x 70 м, высота - 5 м), он ориентирован по странам света.

Второй - в плане прямоугольно-вытянутый (125 x 75 м, высота 4 м). Внутренняя площадь ровная, хорошо видны стены по краю, особенно со стороны озера.

Третий сектор - четкие внешние стены, прослеживаются

следы помещений по краям. Внутренняя площадь заметно синхронизируется к центру, где понижение доходит до 1 метра.

Общий контур поселения прямоугольный. С севера край поселения пологий, с южной стороны обрывистый.

Вокруг поселения много обломков кирпича и фрагментов битой посуды, изготовленной на гончарном круге. Поливная посуда встречается реже, полива белая и кремовая, чаще - грязно-коричневая и фиолетовая. Предварительно эту посуду можно датировать X-XII веками.

Урочище Кафтар-хона упоминается в отчете о работах Вахшского отряда в 1946 г. Так называются две естественные возвышенности между р.Кызыл-Су и Кафтархонинкой. Общая протяженность урочища 5 км, ширина 2,5 км. Западный склон крутоий, восточный пологий. На пологом склоне со стороны кишлака им. Орджоникидзе в микрорельефе четко читаются валы стен с выносной башней у восточной стороны. Поселение ориентировано по странам света, длина сторон поселения 600 x 800 м. Вся площадь этого большого плато усеяна фрагментами неполивной посуды, обломками кирпича.

Во время земляных и строительных работ на поверхности Кафтархона было отмечено скопление глиняной посуды до глубины 1,5 м. Есть сообщения о находках медных монет, но в сектор археологии и нумизматики они не поступали. Собранная же на поверхности глиняная посуда укладывается в рамки той датировки, которая характерна для всех поселений этой долины, а именно X-XII вв.

Поверхность урочища настолько велика, что предположение о заселенности всей поверхности отпадает, да и отсутствуют внешние признаки построек, за исключением прямоугольного поселения с выносной башней у кишлака им. Орджоникидзе.

На землях колхоза "Москва", на левом берегу р.Кызыл-Су, расположено городище Мараз-тепа. Общая площадь его равна 120 га. Оно подтреугольное в плане с четкой планировкой. Городище разделено на три неравные части "улицами". Переход дневной поверхности и поверхности "улиц" равняется 7-10 метрам. Городские стены читаются только со стороны, обращенной к реке, с юга же остатки городских поселений снивелированы кишлаком, постепенно "забирающим" территорию городища.

Цитадель в юго-восточной части ориентирована по стра-

нам света (50 x 50 м, высота 10 м). Северная сторона цитадели широкой полосой отделена широкой "улицей". В этой части городища на поверхности очень много фрагментов бракованной посуды и шлака.

Северо-западная часть городища составляет 2/3 всей площади. На этой части в западной стороне ее тоже широкая "улица" (направление восток-юг).

Раскопки на городище носили разведывательный характер: в разные годы закладывались шурфы, делались зачистки. Материал относится ко времени XI-XII вв. Таким образом, на левом берегу реки Кзыл-Су располагался большой город, а в 5 км от него, на правом берегу реки Кзыл-Су, находился один из значительных городов Хутталяна - Хульбук.

На описании Хульбука и произведенных нами на нем раскопок в данной статье мы не будем останавливаться⁷. Переходим к недавно открытому памятнику - городищу в селении Саят (Пархарский район).

Сведения о селении Саят пока малочисленны. Жители этого кишлака - переселенцы из Бальджуана и Даши-Джума, поселились здесь в 1953-1954 гг. До этого времени городище оставалось нетронутым. Но при постройке домов местные жители неизменно находили жёные кирпичи, фрагменты глиняной посуды. Особенно было много находок при прокладке канала (магистральный головной канал, отводящий воду из Пянджа на пархарский Урта-боз). Колхозники говорят о целых хумах, стоявших в ряд, о полах комнат, о стенах и даже кладе монет. Следов монет не удалось найти, но судя по рассказам, это были серебряные монеты, средние в диаметре. Конечно, все находки говорят о том, что городище здесь было отмечено давно еще местными жителями. К сожалению, археологам до последнего времени о нем ничего не было известно.

Первые сведения о городище поступили от геологов-бурявиков. В этих местах работала комплексная геолого-разведочная партия. При установлении буровой аппаратуры рабочими было вскрыто 2 помещения. Сообщение об этом было переслано в сектор археологии. Автор статьи и инспектор Отдела охраны памятников Министерства культуры В.Хмельницкая выезжали в сел. Саят. Выяснилось, что одно из помещений находилось прямо под буровой установкой. Это прямоугольное по-

мещение (4 x 4,5 м), которое выложено кирпичом и поверх обмазано слоем алебастра. Стены помещения сложены из пахсы, покрыты алебастровой штукатуркой, являвшейся основанием для резного алебастрового штука. Рисунок представлял собой сочетание геометрического и растительного орнамента. Композиция - вертикальные ленты с повторяющимся прямоугольным рисунком из побегов и полубутонов. Высота раппорта рисунка 35 см, ширина ленты 30 см. Рисунок выполнен в неглубокой резьбе (глубина резьбы 3-4 см).

Качество алебастра тоже не первосортное: он сероватый, рыхлый с большой примесью крупных кусочков камней и песка.

При закладке шурфов для растяжки буровой вышки на восточной стороне городища было обнаружено помещение с восходным резным алебастром. На этот раз и качество алебастра было лучше. Рисунок представлял собой широкие (60 см) горизонтальные ленты орнаментального резного алебастра. Глубина резьбы 5-6 см. Рисунок - растительный волнообразно изогнутый стебелек с отходящими от него поочередно в разные стороны листьями-полупальметами⁸.

На городище Саят в вышеназванном помещении эта горизонтальная лента шла в два яруса один над другим. К сожалению, в этой разведывательной поездке не удалось осмотреть больше, ибо группа была ограничена временем.

Помещения резко отличались друг от друга. Первое - это маленькое помещение с треугольным возвышением в центре пола. Возвышение сложено из кирпича в 5-6 рядов и поверху обмазано толстым слоем цемента. По рассказам рабочих, в одной из стен комнаты торчала глиняная труба. Судя по всему, помещение хозяйственного назначения. На полу и в отвалах много обломков глиняной посуды и фрагментов белого и зеленого стекла. Посуда, т.е. ее фрагменты, - поливная и неполивная. Среди поливной преобладает покрытая белой поливой. Встречается темно-зеленая двусторонняя полива. Такой поливой покрывались здесь миски и кувшины.

Второе помещение было открыто лишь частично. Здесь была обнаружена одна стена, длиной 1,5 метра, высотой около 1 метра. Стена была покрыта прекрасным резным алебастром (см. выше). Предположительно можно сделать вывод, что первое помещение выполняло какие-то хозяйственные функции (ус-

туп в центре комнаты, глиняная труба в стене, кухонная посуда). Второе же помещение, раскопанное частично, судя по богатому декоративному оформлению стен, носило парадный характер. Все это позволило сделать выводы, что здесь были помещения хозяйственного и парадного назначения.

Река Пяндж в древности и в средние века имела большое значение для экономики этого края, ибо торговля с городами на территории современного Афганистана шла через переправы, расположенные на Пяндже. И в связи с этим обнаружение городища на берегу реки приобретает особое значение. Поэтому было намечено проведение раскопочных работ на городище у Саята.

Поверхность городища, как говорилось выше, снивелирована. И поэтому не представляется возможным по микрорельефу определить планировку или даже точные границы города. В данном случае пришлось учитывать сведения о находках местными жителями остатков строений при хозяйственных работах или при выемке грунта.

С южной стороны городище ограничено рекой Пяндж, с западной и северной - возвышенностью Урта-Боз. Открытой остается восточная сторона. Сейчас городище современным каналом и селением Саят с восточной стороны искусственно подрезано. Но на месте современного кишлака, в русле канала, из хлопкового поле-кругом следы построек и остатков жизни тысячелетней давности.

Если по следам находок остатков городской жизни XI-XII вв. определить площадь городища, она будет следующей: с юга на север длина порядка 400-500 м, а от канала до подножия Урта-боза - 300 м.

Остатки микрорельефа можно обнаружить лишь к западу от канала. Это срезанный прямоугольник какого-то поселения. Длина западной, полностью сохранившейся, стороны равна 120 м, оставшейся южной и северной - 50 м. Поселение было обнесено стеной. В обрезе можно отметить куски пахсовой кладки, жёлтого кирпича не видно совсем ни в обрезе стены, ни на поверхности. Заложенный мурф дал немногочисленную глиняную посуду, исполненную, что очень затруднило хотя бы приблизительную датировку этого поселения. Остатков помещений мурф не выявил.

В южной части городища, у самого подножия Урта-Боза, местное население брали глину для постройки домов. Образовавшаяся выемка очень большая и разрабатывается из года в год. Вокруг очень много фрагментов глиняной поливной и неполивной посуды. В одном месте виден даже свод обвалившегося помещения.

Вот эти крайние точки и дают возможность приблизительно оконтурить территорию города.

Сами раскопки в 1970 г. проводились в незначительном масштабе. Связано это с тем, что управление Пархаро-Чубекской оросительной системы решило очистить русло канала. Для этой цели вдоль берега канала была проложена полочка шириной до 10 метров, т.е. земля, начиная с дневной поверхности и до зеркала воды канала была снята. Вынутая земля была отброшена на поверхность городища, что крайне затруднило раскопки.

На полочке (глубина 5-7 метров от дневной поверхности) были обнаружены сооружения типа пещерных. Эти помещения выделялись прямо в лёссовом слое. На расстоянии 50-60 метров их обнаружено три. Мы их условно назвали камерами. Каждое из них никак не связано друг с другом, хотя камеры I и 2 почти вплотную примыкают. Ориентированы они по странам света. Уровень полов в камерах колеблется от 0,5 до 2 м.

Наиболее сохранившаяся камера № I. Она имеет прямоугольное помещение (2,6-2,65 x 1,7-1,6 м) с двумя нишками в западной и восточной стене. Камера внутри обмазана тонким слоем глины, и стены ее не несут никаких следов дополнительной обработки. Это скорее затирка, а не обмазка.

Стены небольшой высоты - 1,6-1,7 м, примерно до 1,3 м поднимаются вертикально, затем переходят в свод, который плавно округлен по длине камеры. Внутреннее убранство составляют нечто в виде полочки сухи (высота и ширина 60 см), вдоль южной стены и две нишки в западной и восточной стенах камеры (высота нишек 60 см). Проход в северной стене почти в центре, ширина прохода 65 см. Это узкая труба, которая вначале сильно опускающимися ступенями, потом пандусом поднимается вверх, причем довольно круто. Наверху подобие площадки. Вход сверху ничем не прикрыт, хотя перекрытие

обязательно должно быть, потому что иначе камеру заливало бы во время дождей. Нужно думать, над входом было перекрытие из дерева или другого материала, и оно не сохранилось.

Эта камера строгих пропорций, самая обширная, остальные меньше. Внутри не видно никаких следов обживания. Стены не закопчены, хотя невозможно представить даже временное пребывание внутри камеры без света. Среди находок был чирог из стеатита, ладьеобразной формы, стенки покрыты процарпаным резным орнаментом. Следует отметить обильные находки фрагментов глиняной посуды, причем основная часть посуды приходится на проход. В самой камере на полу были найдены фрагменты кувшинов и мисок.

Посуда преимущественно неполивная, были даже фрагменты большого кувшина и хума. Поливная посуда очень грубая, полива плохого качества, преобладают зеленая мраморовидная, есть отдельные фрагменты мисок белой поливы отличного качества.

Вторая камера почти вплотную примыкает к южной стене первой камеры. Это помещение сохранилось хуже. Оно почти полностью было снесено бульдозером. Сохранилась часть западной стены и пол. Длина сторон камеры 2,30 и 3,40 м, ширина 1,5 и 1,7 м. У этой камеры выход находится на южной стороне. И здесь тоже ступеньками ведут вверх. В отличие от камеры № I в полу этого помещения узкая щель глубиной 0,5 м. Длина сторон камеры 2,80 и 2,90 м, ширина 1,05 м. Здесь также были найдены фрагменты глиняной поливной и неполивной посуды.

Третья камера отстоит от этих двух на 50 м. По своему плану она ближе ко второй камере. Размеры ее почти совпадают с ней, такая же узкая щель в полу, но на этот раз она гораздо глубже (больше метра). Четыре четкие ступеньки помогают подняться на площадку. Глубина камеры от площадки 1,5-1,6 м. К сожалению, свод камеры был срезан бульдозером. Здесь, в отличие от двух первых камер, фрагментов керамики гораздо меньше.

Назначение этих изолированных сооружений пока не выяснено. Это могли быть помещения при каких-то больших сооружениях, монастырях, мечетях или же отдельные чилляхона. В среднеазиатской археологической практике раскопками чил-

ляхона специально не занимались. Чилляхона и ее назначение описаны В.В.Бартольдом в "Истории культурной жизни Туркестана". Здесь термин "чилляхона" анализируется в сопоставлении со словом саума'а.

"В мусульманском Туркестане под саума'а понимали жилище или помещение отдельного подвижника, имевшее, вероятно, то же назначение, как теперь ч и л л я х о н а . Так, у Нермахи говорится о бухарском имаме Абу-Хафсе как основателе ученой школы своего города, умершем в 832 г.: "Он был и подвижником, и ученым, благодаря ему Бухара сделалась куполом ислама; он был причиной того, что жители Бухары сделались учеными и наука получила там распространение". Дом Абу Хафса уже в середине века больше не существовал, но следы (развалины) его еще были видны; сохранилась также "саума'а, бывшая в том доме". Около кургана, в котором был похоронен Абу Хафс, также находились "мечети и саума'а". Слово с а у м а ' а , теперь едва ли употребляется в живой речи (в литературном языке оно встречается даже в сочинениях XIX в.), по-видимому, имело прежде более широкое распространение".

Сведения о чилляхона встречаются и в этнографической литературе. М.С.Андреев в работе "Чильтаны в средне-азиатских верованиях"⁹ рассказывает о религиозной общине-чильтанах ("сорок святых") - таинственном обществе людей, якобы обладающих сверхъестественной силой, большим знанием, пророчеством и скрывающих свое существование от непосвященных. М.С.Андреев, в частности, приводит рассказ одного старика, где интересна следующая деталь: в селении Зангита, близ Ташкента, жил один из чильтанов. "Его главное место-пребывание около Хазрат-Султана (т.е. могилы Ходжи Ахмада Ясави в г.Туркестане). Там же находится "один"- як-тан. Он представляется сидящим в уединенном помещении у самой могилы святого (вероятно, в "чилляхона" - подземном помещении для созерцания) и оттуда управляет миром"¹⁰. И далее: "Среди жителей селения Пангаз Ферганской области существует верование, что чильтаны живут в пещерах. А в Ташкентском уезде рассказывали, что чильтаны живут в горах"¹¹.

Чилляхона как специальное подземное помещение упоминается в одной из работ А.К.Писарчик. Рассказывая о мавзо-

лее Мир Сейид-Бахром, она сообщает: "Боковые помещения около михраба, называвшиеся худжра или чилля-хона, были иногда местопребыванием для неимущих студентов медресе или служили для совершения желающими "чилля" (отсюда чилля-хона). Словом "чилля" (перс. чиль - "сорок") называлось уединение для благочестивых размышлений и религиозных упражнений. Для такого религиозного уединения в хонако и некоторых мечетях имелись специальные помещения (иогда подземные, куда не доходил бы мирской шум), называемые "чилля-хона".

Действительно, такое подземное сводчатое сооружение, чрезвычайно близкое сяятским, имеется в Термезе, на территории известного архитектурного комплекса Хаким-ал-Термези.

Два подземных одиночных сооружения, вырытые в лёссовом слое были отмечены во время наших археологических разведок: одно недалеко от Орджоникидзеабада, другое—близ Ховалинга. В первом случае о подземном сооружении сообщили строители-дорожники. Весной, после дождей, над дорогой произошел обвал лёссового слоя, который обнажил это помещение. Вырыто оно было в плотном слое лёсса, в плане прямоугольное, с неодинаковой длиной сторон (северная и южная около 7 м, восточная 5,97, западная 5,38 м). Поверхность стен обмазана плотным слоем глины с саманом. Высота стен 2 м, высота в центральной части, переходящей в купол, 2,55 м. В помещение можно было попасть через "коридор" шириной 2,20 и длиной сохранившейся части 5,55 м. В обвалившемся слое дорожниками была найдена кушанская монета.

Другое аналогичное помещение было обнаружено близ Ховалинга (Кулябский р-н, колхоз им. Ломоносова, кишлак Тугдана, название местности Кафкон). Помещение было вскрыто в лёссовом слое. От дневной поверхности до свода 5 м, от подножия горы до помещения 20 м. Помещение обнажилось из-за обвала "кровли", которая засыпала все помещение, и открытой осталась только северная стена. Судя по ней, стены помещения были не прямые, а выгнутые. На расстоянии 3,5 м друг от друга над поверхностью стены (5 см) выступают колонки (ширина 0,5 м). Верхняя часть украшена капителью (0,5 x 0,6 м). Прямоугольник капители украшен выре-

занными в слое орнаментом: четырех- и восьмилепестковый цветок. Над капителями в слое лёсса вырезаны аркообразные полукружия, имитирующие паруса и между ними широкая лента — свод или поле барабана.

Н.Н.Брилов, заведующий сектором этнографии Института истории им. А.Дониша, любезно сообщил, что близ Гарма, за чертой поселка, ему довелось видеть одиночное подземное сооружение, которое местные жители называли чилля-хона.

Возможно, что открытые нами на городище Саят камеры были связаны с культовыми помещениями. Их место в общей планировочной схеме можно будет выяснить лишь после проведения раскопочных работ большого масштаба.

¹ А.М.Беленицкий, Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 году, — МИА СССР, № 15, М.-Л., 1950, стр. 128.

² В.В.Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Соч., т. I, М., 1963, стр. II9.

³ М.А.Варыгиц, Опыт описания Кулябского бекства. Краткий исторический очерк, — ИРГО, т.П., вып.Х, Пг., 1916, стр. 738-739.

⁴ А.М.Беленицкий, Ук.соч., стр. 128.

⁵ В.В.Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Соч., т. I, М., 1963, стр. II9.

⁶ Б.А.Литвинский, Е.А.Давидович, Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г., — Доклады АН Тадж.ССР, в.II, Сталинабад, 1953; Б.А.Литвинский, Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (Краткий очерк), Сталинабад, 1954 (Тр. АН Тадж.ССР, т.XXUI), стр. 39-40.

⁷ См. Б.А.Литвинский, Е.А.Давидович, Ук.соч.; Е.А.Давидович, Раскопки Хульбука — столицы Хуттала, — в сб.: "Археологи рассказывают", Душанбе, 1959; Э.Гулымова, Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г., — АРТ,У, Душанбе, 1961, стр. 147-154; Э.Гулымова, О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г. — АРТ,УП, Душанбе, 1961, стр.153-162; Э.Гулымова, Раскопки цитадели городища Хульбук в 1960 г., — АРТ,УШ, Душанбе, 1962, стр.

118-129; Э.Гудямова, Раскопки в Хульбuke в 1961, - АРТ. IX, Душанбе, 1964, стр. 103-113; Э.Гудямова, Хульбук - столица Хуттала, Душанбе, 1969. Отметим, что при раскопках 1967 г. выявлены 2 периода в истории существования дворца хуттальских правителей.

⁸ Этот рисунок встречается, именно в виде горизонтальных лент, на цитадели города Хульбук и на Варахне - см. В.А.Шинкин, Варахна, М., 1963, стр. 168.

⁹ М.С.Андреев, Чилктыны в средне-азиатских верованиях. - В сб. "В.В.Бартольду", Ташкент, 1927, стр. 384-348.

¹⁰ М.С.Андреев, Ук.соч., стр. 342.

^{II} А.К.Писарчик, Памятники Кермине, - "Сообщения Института истории и теории архитектуры", вып. 4, М., 1944, стр. 32-38.

О РАБОТЕ ГИССАРСКОГО ОТРИДА
В 1969-1970 гг.

Гиссар в эпоху поздних Мангитов являлся центром бухарского наместничества в Восточной Бухаре. Именно это обусловило внимание многих русских путешественников конца XIX - нач. XX вв. к этому пункту. В отчетах путешественников сохранилось немало очень интересных описаний Гиссарской крепости, упоминаний об архитектурных памятниках Гиссара. Здесь, в частности, побывал в 1898 г. А.А.Семенов. Очень важным являются сведения о гиссарских памятниках, собранные в 20-ых гг. М.С.Андреевым.

Первое же детальное обследование архитектурных и археологических памятников Гиссара было проведено Кафирнигансским отрядом Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, работавшим под руководством М.М.Дьяконова в 1946 г. (топографические наблюдения, фотографирование, архитектурные обмеры)¹. Однако стратиграфия слоев Гиссарской крепости и культурных слоев под архитектурными памятниками оставалась неизученной. В 1950, а затем в 1957 гг. в связи с предстоящими ремонтно-реставрационными мероприятиями археологи Н.Н.Забелина и Е.Д.Салтовская заложили ряд разведывательных шурfov в основании архитектурных памятников Гиссара².

В книге "Страницы истории Гиссара" Е.А.Давидович и А.М.Мухтарова (1969 г.) первый из названных авторов на основе историко-архитектурного изучения и письменных источников высказал ряд новых соображений о памятниках гиссарского комплекса. Дальнейшие археологические разведки и раскопки на Гиссарском комплексе проводились автором данной статьи в сентябре-декабре 1969 г. и в январе, апреле и мае 1970 г. по линии СИРИМ (Специальной научно-реставрационной производственной мастерской Министерства культуры Тадж.ССР), тематика и планы которой были определены плановым заданием Отдела охраны памятников истории и культуры Министерства культуры Тадж.ССР.

Перед археологическим отрядом по изучению Гиссарского

комплекса стояла задача: провести научное обследование архитектурных памятников, описание и обмеры, дополнительное археологическое исследование путем шурфовки и раскопок у основания памятников с целью изучения подземных частей сооружения.

На первом этапе работы наше внимание было направлено на Мадрасаи Кухна ("Старое медресе") и Мадрасаи Нав "("Новое медресе").

У основания Мадрасаи Кухна было заложено 14 шурфов (табл. 31) разной площади и глубины, причем шурфы I-3, 5-9, 9а, 10 - снаружи; 4, 4а, II-I4 - внутри медресе.

Шурф I заложен на фасадной части медресе в 2 метрах от восточной щеки главного входа-пештака. Размеры шурфа (в плане) 2 x 3 м. Этот шурф углубили до 4,10 м от Р.

Шурф 2 заложен на восточной стороне шурфа I под первым, несколько выступающим к переднему фасаду пилоном. Размеры шурфа 2,50 x 2 м (включая пилон), углублен до 2,80 м ниже Р.

Шурф 3 - на западной стороне восточной башни, размеры его 2x2x3 м. Он был углублен до 5,60 м ниже Р.

Шурф 4 - в помещении 7, заваленном рухнувшим сводом и стеной. Помещение это было откопано (размер 5,50 x 3,50 м) и заложен шурф размером 2 x 3 м. Этот шурф углублен до 3,30 м ниже Р.

Шурф 5 - заложен у восточной стороны медресе на расстоянии 5 метров к югу от северо-восточной башни (размером 1 x 4 м) и углублен до 3 метров ниже Р.

Шурф 6 - охватывает юго-восточный угол медресе, шурф 2x3x2 м и углублен до 3,70 м ниже Р.

Шурф 7 - охватывает юго-западный у основания коридорной стены медресе в размере 1x3x3 м и на глубину до 4,25 м ниже Р. Площадь шурфа и помещения 27 до раскопок были полностью завалены. В результате очистки от завала удалось оконтурить это юго-западное помещение. Размеры 4,10x4x25м.

Шурф 8 - находится вдоль наружной стены медресе, на расстоянии девяти метров к югу - от северо-западной башни. Его размер 7,50 x 4 м. Этот шурф углублен до 4,20 м ниже Р.

Шурф 9 - на южной стороне западной башни и вдоль западной стены в размере 2 х 4 м. Углублен до 4,20 м ниже Р. Шурф 9а размером 3х3,0 м заложили на юго-западной части шурфа 9 по направлению В-З, углубив его до 4,15 м ниже Р.

Шурф 10 - заложили на северо-восточной стороне западной башни, размер шурфа 4 х 3 м, углублен до 4,10 м.

Шурф II - у помещения З5 (айван) размером 4 х 2 м. Этот шурф углублен до 1,85 м ниже Р.

Шурф 12 - в северо-восточном углу двора у внутреннего пилона, размер его 3 х 3,5 м, углублен до 4,20 м ниже Р.

Шурф 14 - заложен у основания юго-восточной стены в помещении З размером 1,50 х 3 м и углублен до 1,80 м ниже Р до нижнего уровня фундамента.

Шурф 13. - Местом для стратиграфического шурфа был выбран центральный участок двора Медресе Кухна (табл. 32-33). Все вышеперечисленные шурфы по наружной и внутренней стороне медресе имели цель выяснения основания сооружения, не доведены до материка и оставлены на разной глубине: дальнейшее углубление у основания сооружения представлялось нецелесообразным и опасным. Описываемый же шурф был углублен до материка (табл. 32-33).

Первоначальный размер шурфа 6 х 6 м. Ввиду того, что шурф попал на свалку и дал богатый керамический материал, являющийся уникальным и редким, его расширили к югу - на 2,50 х 5,00 м, затем к северу - на 2,00 х 6,00 м. Шурф был первоначально доведен до глубины 5,60 м ниже Р, затем шурф сузили до 4,00 х 4,50 м, доведя до глубины 7,60 м от Р.

В результате раскопок этого шурфа были установлены пять жилых горизонтов (нумерация их - от самого нижнего, обозначенного первым, до верхнего, именуемого пятым).

Первый жилой горизонт с глубины 7,60 м ниже Р. Здесь обнаружена гладкая поверхность - пол первого горизонта, выложенный речным камнем. Дойдя до пола, шурф сузили до 1 х 2 м, углубив его еще на 1,20 м (т.е. на глубину 8,80 м от Р) до дна колодца, устье которого обнаружено на глубине 4,50 м ниже Р (т.е. на уровне четвертого горизонта). Грунт без находок. он состоит из галек, камней

и песка без культурных прослоек, а колодец был наполнен светло-зеленой гумусной массой. Диаметр колодца 1,00 м, глубина его - 4,20 м. На дне колодца обнаружены: лепной широкогорлый сосуд, поверхность которого аккуратно заглажена. Черепок в изломе пористый с примесью шамота и мелко толченого гипса; донце глазурованной чаши на кольцевом поддоне с неравномерными пятнами светло-зеленой глазури на белом фоне; гончарная труба 18 см длиной. Слой первого горизонта дал небольшое число керамических фрагментов совершенно иного облика, чем найденные в колодце.

Все найденные в слое фрагменты от сосудов, сделанных на круге из хорошо отмученной и просеянной глины. Черепок в изломе имеет красный цвет и красный ангоб снаружи под цвет черепка. Все эти сосуды, по-видимому, можно отнести к античному периоду, скорее всего к эпохе поздних кушан (Щ-ГУ вв.)⁴.

Второй жилой горизонт на 0,80 м выше первого жилого горизонта (6,80 м ниже Р.). Грунт ХП-ХШ и начало АГУ ярусов состоит из завала сырцового кирпича, гумусной прослойки и угля. Попадаются сырцовые кирпичи размером 40 x 20 x 10 см. На этом горизонте на глубине 4,20 м ниже Р обнаружен каменный фундамент из красного камня шириной 0,60 м, уходящий на западе за пределы шурфа.

Характерно то, что под этим каменным фундаментом обнаружены уложенные плашмя в два ряда сырцовые кирпичи указанного выше размера. По-видимому, этот фундамент был поставлен на более раннее кирпичное сооружение. Конец ХИУ и ХУ ярусов состоит из уплотненного лёсса с культурными остатками. Найдены битые обломки керамики, обожжённые докрасна и покрытые красным ангобом под цвет черепка.

В начале ХШ яруса близ западной стороны описанного выше каменного фундамента обнаружена свалка диаметром около 1,00 м. Эта свалка состоит из плотной зелено-желтой гумусной прослойки и битой керамики. Керамические материалы второго жилого горизонта можно отнести условно к эпохе раннего средневековья (УП-УШ вв.), так как они находят аналогии среди находок Тали-Барзу, Ак-Тепа, Пенджикента и т. д.

Третий жилой горизонт на 1,20 м выше второго жилого горизонта, т. е. на 5,60 м ниже Р. Х-ХI

ярусы состоят из плотного завала сырца. В этом же слое попадаются зольные прослойки, обожжённая глина. Толщина этого слоя 0,90-1,00 м. Однако в этом культурном слое находок нет, за исключением двух невыразительных фрагментов толстостенного сосуда (хума?), тесто и обжиг которого напоминают керамику X-XI вв. Этому жилому горизонту соответствует каменная кладка из рваного камня. Эта кладка имеет прямоугольную форму, внутри нее найдены фрагменты гончарной трубы. Эта кладка, очевидно, была связана с канализационной системой третьего периода обжигания.

Четвертый жилой горизонт на 4,50 м ниже Р., толщина культурного слоя этого горизонта 2,20 м. IX ярус - поверхность четвертого жилого горизонта (4,25 м ниже Р.), характеризуется остатками сырцовой стены по направлению З-В. Она сохранилась только на высоту 0,10 м. Вдоль этой стены обнаружена гладкая поверхность высотой 0,15 м - очевидно суфа у южной стены.

Можно заметить, что второй жилой горизонт прослежен на этом же уровне во всех шурфах, заложенных у наружного основания медресе. В результате горизонтальной расчистки этого жилого горизонта в южной части шурфа обнагулены каменные вымостки, почти круглой формы (табл.33). Эта вымостка, очевидно, имела хозяйственное значение и служила платформой у обнаруженного рядом колодца.

VI ярус характеризуется темно-серым грунтом с обломками кирпичей, кусочками ганча, костями животных и керамикой. Это прослойка отличается от верхних своей плотностью.

Грунт VII яруса, как и VI яруса, - в виде завала от рухнувшей стены. В этой темно-чёрной прослойке керамики очень много, причем преобладает глазурованная керамика.

Грунт VIII яруса как и верхних VI-VII ярусов. В этом ярусе тоже найдены фрагменты глазурованной и неполивной керамики, но в меньшем количестве.

В середине VIII яруса обнаружена яма диаметром 1,20 м, глубиной 1,10. Грунт, заполняющий яму, гумусный. Здесь - камни разного размера, кости животных и несколько фрагментов лепной, так называемой "кухонной", а также станковой неглазурованной и глазурованной керамики.

Этот жилой горизонт, по-видимому, можно отнести к XI-XII вв. Обнаруженная на этом уровне яма дала керамику, бытовавшую в XI-XII вв., типологически такая же керамика в XII ярусе. Большой интерес представляет стенки (плечики) миниатюрного тонкостенного сосуда с клеймом-таджикской надписью, очевидно, из трех слов. Первое - "усто" (или "устод"); два других - очевидно, имя мастера-гончара - уверенно не читаются.

Пятый жилой горизонт на 2,30 м ниже Р, толщиной 0,80 м. Культурный слой пятого жилого горизонта состоит из рыхлой прослойки с остатками строительных материалов, использованных при постройке и ремонте медресе. На этом уровне в северо-восточном и юго-западном углах шурфа обнаружены два тонура почти одинакового размера, диаметр которых 0,80 м и глубина 0,70 м (эти тонуры попадают в оорез шурфа). Тонуры были заполнены рыхлой, насыпной прослойкой со строительным мусором. Внутренние стены тонуров сильно обожжены, а наружные залощены (толщина 2-3 см).

У ярусе прослежены горелые прослойки, угли и зола, вероятно связанные с этими тонурами; следов жилых построек не обнаружено. Несмотря на это, упомянутые тонуры и очажные ямы в шурфах 7, II и ямы в шурфах 9, 2, 10, 12 подтверждают, что обнаруженная на глубине 2,30 ниже Р. поверхность является пятым (последним) жилым горизонтом, на котором было воздвигнуто медресе.

Раскопками шурfov у основания Медресе Кухна установлено следующее:

1. Передний фасад, как самый ответственный, перед постройкой этого сооружения укрепили тщательно утрамбованной платформой из булыжника и камней среднего диаметра, сложенных на глиняном растворе. Толщина этой искусственной платформы в шурфах I-2 и 9-10 составляет 60-80 см.

2. Эта искусственная платформа выходит за пределы медресе, в частности перед фасадом и в северо-западном углу - шурфы 10, 9 и 9а. Она под фундаментом была не только утрамбована, но и сильно спрессована за прошедшее время.

3. Фундамент медресе не имеет одинаковой высоты. Высота колеблется от 0,60 до 0,45 м, причем фундамент фасад-

ной восточной половины шурфа ссужается даже до 0,40 м, а восточная наружная стена имеет высоту фундамента 0,35–0,42 м.

4. Западная стена помещения 7 имеет фундамент глубиной 40–38 см, но не имеет естественной утрамбовки из булыжника, как фасадная часть.

5. Северо-западная половина восточной башни не имеет фундамента на глиняном растворе (шурф 3). Здесь фундамент состоит из 2 и 1 ряда камней маленького размера без надлежащего раствора.

6. Северная лицевая сторона первого пилона не имеет фундамента, он стоит на рыхлой прослойке, что и способствовало некоторой деформации пилона (шурф 2).

7. Северо-восточный пylon у входа в помещение 8–9 и юго-восточная лежа вестибюля помещения 6–7–8 не имеет фундамента, здесь "фундаментом" служат несколько рядов жёночного кирпича, укрепленных снаружи еще несколькими рядами кирпичей на глиняном растворе и давших упор фасадной части пилона в виде контрфорса.

8. Фундаменты внутренних стен не везде сложены с особенной тщательностью, местами был применен глиняный раствор (шурф 14).

9. Основание фундамента на 1,60 м ниже Р. Это первоначальный уровень (старинная дневная поверхность), откуда воздвигнуто это сооружение. Причем в самых ответственных участках (портал, передний фасад и северо-западный угол, где располагалась мечеть) был вырыт котлован для упомянутой выше мощной искусственной платформы и сильно утрамбован (булыжные камни и обломки жёночного кирпича с глиняным раствором – шурфы I–2, 9а, 9, 10), а на остальных местах такая платформа отсутствует, стены воздвигнуты прямо на дневной поверхности, которая уплотнилась под тяжестью самого сооружения.

10. Нижний уровень фундамента с уверенностью можно назвать зилем горизонтом. На этом уровне по всей площади шурfov выявлена гладкая поверхность, которой соответствуют несколько хозяйственных ям, очаг и тануги, стени которых сильно обожжены и загажены (шурфы 3, 7, 8, 9, 10, 12 и 13).

II. Фундамент сооружен из красного рваного камня-песчаника, раздробленного и привезенного с гор западного Гиссара (правый берег р.Ханзака).

12. Раствор представляет собой хорошо просеянный ганч белого и светло-розового цвета, с примесью обжигавшегося вместе с ганчем лёсса. Этот раствор применяли и для ремонтной штукатурки. Ганч обжигали где-то в самом Гиссаре.

Гиссарцы формовали и обжигали кирпичи на месте в 1,5-2 км восточнее Гиссара, на урочище Хоки Сафед (сукв. "Белая земля"), где доныне сохранились остатки печей. Эта тепла в былье времена была превращена в грандиозный карьер для сырья.

13. Медресе ремонтировали неоднократно. Можно отметить несколько ремонтов, больших и маленьких. Мусор, образовавшийся при большом ремонте, толщиной 10-15 см, сильно спрессовался; мусор от второго большого ремонта явно прослеживается вокруг медресе и в центре двора (шурф 13). Наряду с обломками кирпичей были сплошные прослойки из ганча и кусочков ганчевой штукатурки и другого мусора толщиной 40-50 см.

Большую часть находок составляет керамика (табл.34) ⁵ - неполивные и глазурованные сосуды. К неполивным относятся: лепные кухонные горшки и крышки сосудов, стакновые кувшины узкогорлые и широкогорлые. Глазурованные сосуды представлены в значительном количестве из четвертого жилого горизонта шурфа 13. Они делались из глины с примесью гипса, крупинки которого в обломе черепка выступают в виде светлых вкраплений. Обжиг кремовый. Поверхность сосудов покрыта ангобом под цвет черепка. Среди форм преобладают чаши и миски. Чаши на дисковидном и кольцевидном поддоне, причем большие чаши имели дисковидный поддон, с широко расходящимися в стороны прямыми или чуть выгнутыми бортами, или слегка отогнутыми краями. Миски тоже двух форм: с выгнутыми стенками или отогнутыми наружу краями, с выступающим наружную сторону венчиком. Снаружи чаши и миски часто украшались прочечными линейно-волнистыми узорами. Некоторые формы и орнаменты находят сличные параллели в керамике других районов Средней Азии, а именно в керамике торго-ремесленных кварталов лорезма ⁶, Нисы ⁷ и Самарканда ⁸.

Из других находок следует отметить монеты. Всего из шурфов извлечены 24 медные монеты, из них хорошо сохранившихся 12 штук. Эти монеты, по определению Е.А.Давидович, датируются XIУ-ХУШ вв., к этому же времени относится и керамика верхнего горизонта. Таким образом, на основании археологических материалов датировка Мадрасаи Кухна не раньше ХУШ вв., скорее его второй половины.

Вторым нашим объектом является Мадрасаи Нав ("Новое медресе" (табл. 35). В результате проведенных раскопочных работ был раскрыт фундамент двадцати худжр, одного коридорообразного помещения в юго-западной половине и остатки стен худжр 5-6, 24-25 - на высоту около 1,5 м.

Сверхность фундамента аккуратно заштукатурена ганчевым раствором толщиной 5-7 см. Под слоем штукатурки обнаружено два ряда кирпичей, по-видимому, для выравнивания поверхности каменного фундамента. Произведена расчистка полов раскрытых помещений (фундамент) и зондат стен. Выяснилось, что все дворовые помещения были аккуратно вымощены жёлтым кирпичом.

Такие раскопаны наружные юго-восточные и юго-западные стороны медресе, в результате чего выяснилась высота фундаментов этих сторон - от 2 до 2,50 м. Для проверки высоты северо-западного фундамента заложена траншея 0,5 x 1 м. Грунт вдоль наружной стороны (траншеи) состоит из темно-серого глыбкого лёсса с мусогром и обломками жёлтого кирпича, камней, костей животных и крупинок ганча. Оказалось, что высота фундамента здесь 0,80 м, причем в северо-восточной половине траншеи фундамента имели высоту 0,75 м. По-видимому, дальнейшее уменьшение высоты фундамента к северо-восточному углу не исключено.

Мадрасаи Нав воздвигнуто с учетом общего планировочного решения архитектурного ансамбля на площади перед аркой. При постройке были строго учтены особенности рельефа местности. Строители сили вынуждены соорудить каменную платформу юго-восточного и северо-западного основания, в результате чего получилась разница в высоте фундамента.

Характерно, что при кладке фундамента из рваного красного камня, порой не обтёсанного, были применены жёлтые квадратные кирпичи в виде "комбинированной" кладки, скорее всего для нивелировки.

В результате разборки завала и раскопок на северо-западной стороне медресе Нав обнаружены своеобразные постройки, напоминающие хозяйственные комплексы с айванчиками в виде торговых лавок. Эти "базарчики" обрамляют всю наружную северную сторону медресе на 30-50 м. После выверливки новой дороги эти постройки строителями были снесены, однако остатки их можно будет проследить еще более чем на 20 м к северо-западу от медресе вдоль новой дороги.

Необходимо отметить, что эти постройки не имели капитального характера и пристроены к северной стене. Торцовую стену сложена из жёлтого кирпича и кое-где проложены камни без надлежащей перевязки в глиняном растворе. В этих помещениях расчищены три очажные ямы, где приготавливали светлую глину для продажи.

Нет сомнения, что старая дорога тоже проходила здесь. Можно полагать, что именно здесь были ряды торговых лавок. Старики рассказывают, что на противоположной стороне тоже имелись торговые ряды. По обрезу даже сейчас здесь можно заметить остатки каких-то каменных сооружений.

На площади раскопанной части особенных находок нет, выявлен лишь общий контур сооружений. По-видимому, здесь только поздний культурный слой, именно XIX и начало XX века.

Следующим объектом нашей работы являлась Гиссарская крепость. Основная цель заключалась в том, чтобы изучить стратиграфию, толщину и высоту крепостных стен. С этой целью на различных частях крепости заложили пять шурfov, однако в связи с некоторыми обстоятельствами в 1970 г. эти шурфы не были в достаточной мере углублены.

¹ М.М.Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда, - МИА, № 15, М.-Л., 1950, стр. 147-186, табл. 80-91, 95, 97, 99-1, 100-1; Л.С.Бретаницкий, Архитектурные памятники Гиссара, - там же, стр. 199-206, табл. 94, 96, 98, 99-2, 100-2.

² Н.Н.Забелица, Медресе "Кухна", Археологический отчет к ремонту и реставрации 1950 г. - Отдел охраны памятников Министерства культуры Тадж.ССР, рукопись; Е.Д.Салтовская, О работах в Гиссаре в 1957 г. - АРТ,У, Сталинабад, 1959, стр. 173-178.

³ Замеры и разбивка ярусов (по 0,5 м) в шурфах велись от репера (далее "Репер" обозначается буквой Р), нанесенного на выходной части пилона пентака. Сейчас первоначальный уровень, откуда было воздвигнуто сооружение, на 1,60 м ниже Р.

⁴ Необходимо оговориться, что вообще керамика, найденная во всех шурфах I-IV зилях горизонтов очень незначительна количественно и сильно фрагментирована. Полная характеристика и окончательная классификация керамики этого комплекса будут даны после окончания раскопочных работ.

⁵ О керамике будет написана специальная работа.

⁶ Н.Н.Вактурская, Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XII вв.), - "Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции", т. I, 1959, стр. 334.

⁷ Г.А.Пугаченкова, Глазурованная керамика X-XII вв., - "Тр. ЮТАКЭ", т. I, 1949, стр. 403, 413, 414.

⁸ Г.А.Пугаченкова, Самаркандская керамика XI в., - "Тр. САГУ", вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 100-101.

РАБОТА РЕСТАВРАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ

За последние годы в Таджикистане при археологических раскопках древних и средневековых памятников было найдено огромное количество фрагментов лёссовой скульптуры, монументальной настенной живописи, резного обугленного дерева, металлических изделий, тканей и др., имеющих большое историческое и художественное значение.

Богатейший материал ежегодно дают раскопки городища Пенджикент (монументальная живопись, скульптура, резное дерево). Консервация и реставрация произведений искусства этого памятника ведется мастерской монументальной живописи Государственного Эрмитажа. Много находок дали раскопки буддийского монастыря Аджина-тепа (лёссовая скульптура, потолковая и настенная живопись), городища Калам Каҳкәхе I (резное дерево и живопись), Саксан-Окур (живопись), Кафир-кала (живопись и скульптура, архитектурный декор), Базар-Дара (ткани, кожа и войлок). В связи с этим возникла острая необходимость создания в республике лаборатории, имеющей целью сохранить ценнейшие произведения искусства. В 1964 году такая лаборатория и была создана при Институте истории имени Ахмада Дониша АН Таджикской ССР. Вначале в ней было всего три сотрудника.

Период с 1964 по 1967 гг. явился периодом становления лаборатории – было выделено помещение; приобретено необходимое оборудование, приборы, химикаты; увеличен штат сотрудников до девяти человек. За это время два сотрудника прошли стажировку в мастерской монументальной живописи Государственного Эрмитажа под руководством опытнейших реставраторов П.И.Кострова, Е.Г.Шейниной и М.П.Винокуровой. До сих пор лаборатория института поддерживает с ними тесный контакт, ленинградские реставраторы продолжают участвовать в экспедициях и обрабатывать часть материалов. Продолжив стажировку в Ленинграде сотрудники институтской лаборатории обучили в свою очередь несколько реставраторов. Так образовался небольшой реставрационный коллектив в Душанбе. Расскажем кратко о его работе.

Уже в 1968-69 гг. автором самостоятельно было подготовлено одиннадцать произведений искусства для экспонирования на Кушанской конференции и в Институте. Тогда же была начата реставрация отдельных фрагментов большой скульптуры "Будда в нирване", параллельно проводились экспериментальные работы, а также работы по изготовлению каркасов.

В настоящее время в лаборатории находится 240 фрагментов резного дерева, 75 фрагментов живописи, более 100 экспозиционных фрагментов скульптуры, из них 70 больших и сложных. Лаборатория занимается консервацией и реставрацией вышеуказанных произведений искусства и изучением их в технологическом плане.

Работа реставрационно-технологической лаборатории в 1970 году проходила по следующим главным направлениям: консервация и реставрация скульптуры, живописи, резного дерева, металла; изучение произведений искусства; работа по теме: "История техники и технологии древних и средневековых производств Средней Азии"; полевая консервация и реставрация памятников искусства (участие сотрудников лаборатории в археологических экспедициях).

Охарактеризуем работы по направлению: "Консервация и реставрация памятников искусства древнего и средневекового Таджикистана".

а. Скульптура. Предметом реставрации и изучения лаборатории в 1970 г. явилась в основном скульптурная фигура "Будда в нирване", извлеченная в 1966 г. в одном из обходных коридоров при археологических раскопках буддийского монастыря Аджина-тепе, датированного УП в. н.э. (руководитель раскопок Б.А.Литвинский).

Вся скульптура, видимо, имела длину около 14 метров. Сохранилось же только 11 метров ее (все левое плечо, часть груди, правая кисть, голова срезаны зольником).

Фигура была прислонена к стене коридора, она лежала на сухе на правом боку, подложив правую руку под голову, левую - вытянув вдоль тела (длина кисти руки - 169 см). Изучение скульптуры позволяет установить, что она была выполнена (вылеплена) из необожжённой глины: остовом служил сырцовый кирпич, на который послойно накладывалась хорошо отмученная с примесью самана и запесоченная глина. Поверх-

ность статуи была раскрашена: одежда в красный цвет, рука - в белый, сандалии - в оранжевый¹.

Как показали анализы, все фрагменты скульптуры засо-лены.

В 1966 г. временная консервация и снятие скульптуры в поле были произведены группой ленинградских реставраторов Мастерской монументальной живописи Государственного Эрми-тажа под руководством П.И.Кострова с участием реставрато-ров институтской лаборатории. Вся статуя была оконтурена, расчищена, пропитана ПБМА на ксиололе.

С целью наибольшей сохранности скульптуры, учитывая будущую ее монтировку, а также необходимость транспорти-ровки, вся фигура Будды была разделена на ряд фрагментов больших и малых размеров (42 фрагмента). Каждый фрагмент с лицевой стороны был заклеен марлей на ПВА и снят. Для облегчения веса фрагментов с тыльных сторон была удалена толща лёсса (толщина фрагментов доведена до 2-3 см). Тыль-ные стороны всех фрагментов обработаны, затем фрагменты упакованы в ящики с опилками и транспортированы в лабора-торию.

Консервация и реставрация "Будды в нирване" в лабора-торных условиях, подготовка его к экспозиции - дело очень трудоемкое, сложное, длительное. Каждый фрагмент требует к себе большого внимания, осторожности (хочу напомнить, что фигура изготовлена из очень хрупкого материала - необож-жённой глины). В лаборатории каждый фрагмент в отдельности закрепляется на полную глубину, поверхность его расчищает-ся от налипшего недочищенного в поле лёсса завала, фраг-мент обессоливается и т.д.

В 1970 году была произведена полная консервация и ре-ставрация всей сохранившейся левой руки "Будды в нирване" (6 фрагментов, из них 3 больших со сложной конфигурацией).

По непредвиденным обстоятельствам пришлось срочно выполнить ряд сложнейших и трудоемких реставрационных про-цессов по восстановлению фрагментов скульптуры РТЛ-60 и РТЛ-61.

В связи с этим необходимо указать на наличие различ-ных методик закрепления необожжённой глины, в частности, разработанной и предложенной П.И.Костровым в 1949 г. Она

состоит в том, что при закреплении лёссовой живописи и скульптуры используется полибутилметакрилат (ПБМА), обладающий целым рядом достоинств по сравнению с kleями, употреблявшимися ранее для этой же цели². Раствор много-кратно наносится на поверхность фрагмента кистью (25 раз).

Существует и иная методика пропитки необожжённой глины, в именно мономером в вакууме с последующей полимеризацией мономера в образце в сушильном шкафу при температуре от 80°-90° до 110°C, предложенная химиком Узбекистанского института искусствознания им. Хамзы Е.Ф.Федорович².

Нашиими сотрудниками была использована вышеуказанная методика пропитки мономером для большого сложного фрагмента (пальцев руки "Будды в нирване", РТЛ-60).

Размеры фрагмента: 19 x 105x 62 см, толщина фрагмента варьирует от 1,5 до 2,5 см. Во время работы фрагмент страховался каркасом из опилок. После пропитки мономером фрагмент был закрыт с лицевой стороны фольгой, помещен в сушильный шкаф с целью полимеризации мономера (в сушильном шкафу поддерживалась заданная температура). На пятый день обнаружилось, что фрагмент весь потрескался, произошли внутренние разрывы скульптурной массы на всю глубину и во всех направлениях, пальцы вспухли, увеличились в объеме в 2 раза, расслоились; фрагмент деформировался. Пришлось срочно извлечь фрагмент из сушильного шкафа и дать ему естественную сушку. Положение фрагмента оказалось угрожающим. Предполагаемые главные причины разрушения скульптурного фрагмента: 1) неравномерный прогрев фрагмента (тыльная сторона была изолирована подушкой из опилок, завернутых в фольгу); 2) влажная глина (образец, пропитанный мономером, не выдерживает высокой температуры); 3) неравномерность толщины фрагмента; 4) неравномерность распределения мономера в самой толще фрагмента.

Полная неудача, едва не приведшая к гибели произведения искусства, объясняется, на наш взгляд, тем, что методика пропитки этого очень крупного фрагмента мономером с последующей сушкой при высокой температуре не была достаточно образом подготовлена в научном и экспериментальном отношениях. Здесь требуются длительные исследования, выбор рационального режима. Пока все это сделано Е.Ф.Федо-

рович лишь для мелкой круглой лёссовой скульптуры. Вопрос же о применении этого метода к большим, полым, тонким фрагментам со сложной конфигурацией требует большой осторожности и пока остается открытым.

Остановимся на процессе восстановления фрагмента руки, фактически разрушенного при попытке применения вышеуказанного метода. Автору статьи пришлось произвести сложную работу по восстановлению ценнейшего произведения. После окончательной сушки поверхность разрушенного фрагмента была покрыта пленкой ПВМА на эфире 15% концентрации, предварительно временно снят смытенный, сползший, расслоившийся ганч. Работа велась сравнительно большими участками. В каждый палец поочередно во все трещины вводился раствор ПВМА на эфире 7% концентрации при помощи медицинского шприца. Когда вся толща скульптурной глины обрабатываемого участка (например, одного пальца) была приведена в эластичное состояние, палец по трещинам скимался, растрескавшиеся части стыковались. Фрагмент постепенно по участкам был приведен в исходное состояние. Затем временно отделенные кусочки расслоившегося сползшего ганча были уложены на место. Фрагмент дополнительно был закреплен ПВМА на ксиоле (пропитка глубинная в порах ксиолла), обессолен путем пульпирования, удалена поверхностная пленка ПВМА, произведена дополнительная расчистка поверхности от налипшего недочищенного в поле лёсса завала, замастикованы многочисленные тонкие трещины и выбоины, поверхности фрагмента возвращена прежняя фактура. Расползшиеся края фрагмента при помощи ксиолльных компрессов были также приведены в исходное положение (по обмерам), фрагмент подготовлен к экспозиции.

В этом году, кроме того, было реставрировано и подготовлено к экспозиции еще 2 больших сложных фрагмента торса "Будды в нирване" и один фрагмент сухи. Была также произведена консервация, реставрация десяти фрагментов всей сохранившейся верхней части головы этой же огромной фигуры.

Найдена она была в 1967 году в том же коридоре, где находилась вся фигура "Будды в нирване", лицом вниз, отброшенная на 1,5-2 метра в угол помещения от ее первоначального местонахождения. В том же году была оконтурена, расчищена, закреплена, разрезана на 3 больших и несколько

малых кусков, и каждый большой фрагмент был снят отдельно в ящик. В лаборатории каждый фрагмент получил глубинное закрепление, расчистку, мастиковку и т.д.

Проведен целый ряд экспериментальных работ по пропитке скульптуры различными методами (кистевая пропитка, на подсосе, вакуумная, пропитка смолами различной концентрации). Наблюдения показали, что наиболее эффективной является пропитка на подсосе раствором ПБМА на ксиоле 25% концентрации. Причем, для полного насыщения фрагмента достаточно двух суток. К сожалению, пропитку на подсосе мы можем проводить только с мелкой круглой и плоской скульптурой и живописью. В работе же, как указывалось ранее, находятся большие, объемные, полые, тонкие фрагменты со сложной конфигурацией. Наибольшая прочность такой скульптуры пока достигается кистевой пропиткой до полного насыщения тела скульптуры раствором. Пропитка ведется непрерывная, но с большими интервалами между нанесением раствора. Пропитанные таким образом фрагменты дают привес до 15%. Сушка и пропитка проходит в печах ксиола. Сушка глиняной скульптуры имеет немаловажную роль, поэтому этому вопросу в лаборатории также уделяется большое внимание.

По рекомендации Ленинградской научно-исследовательской лаборатории по применению синтетических смол и мастерской монументальной живописи Государственного Эрмитажа в нашей лаборатории начата подготовительная работа по изучению и применению новейшей смолы ППУ-305 для напенивания каркасов на тыльные стороны скульптуры.

б. Резное обугленное дерево. В лаборатории в работе находится один из замечательнейших памятников раннесредневекового искусства резьбы по дереву "тимпан". Найден он был в 1969 году при раскопках тронного зала дворца уструшенских афшинов на городище Калаи Кахкха I (руководитель раскопок доктор исторических наук Н.И.Негматов) ⁴.

Фрагмент представляет собой полуокружность, центральную часть которого занимает гладкое в основе поле с выступающими скульптурными изображениями в 4 ряда, выполненными в высоком рельефе. Верхний ряд представлен двумя группами фигур, состоящими из человекоподобного существа в центре и

двух смотрящих в противоположные стороны птиц по бокам. Два следующих нижних ряда фигур "прочесть" трудно (можно предположить, что здесь были изображены всадники). Нижний скульптурный ряд представляет собой ряд всадников, скачущих навстречу друг другу (по четыре с каждой стороны) к человекоподобному существу, расположенному в центре композиции.

Внутреннее поле обрамлено тремя дугообразными параллельными полосами (тягами) с тонкой мелкой резьбой. Крайние тяги имеют полоску повторяющихся листьев аканфа и полоску чешуйчатой резьбы. Средняя полоса, более широкая по сравнению с крайними, заполнена одинаковыми по размеру медальонами, примыкающими вплотную друг к другу, в них - сцены поединков воинов. Пространство между медальонами занято расположенными в различных позах человеческими фигурками - "атлетами". Всего на фрагменте фиксируется более семи десятков человеческих фигурок (всадников, поверженных воинов, поддерживающих медальоны "атлетов" дракона). Размеры фигурок 6-7 см. Сам же фрагмент "тимпана" большой по размерам: высота - 143 см; ширина - 293 см; толщина - 8-9 см.

Он очень сложен для реставрации, так как в значительной степени деформирован еще во время пожара здания, очень засорен.

В 1969 году в лаборатории была начата работа над фрагментом (снятие мастики с лицевой стороны фрагмента, частичная расчистка). Выплавленный парафин не был вовремя заменен воско-канифольной мастикой, что привело к угрожающему состоянию предмета (неблагоприятными условиями для него оказались сухость и высокие температуры среднеазиатского климата).

В 1970 году фрагмент был частично закреплен, рассохшиеся и развалившиеся уголки подобраны, соединены, найдены места многих беспаспортных обуглившихся кусочков, лежащих на поверхности фрагмента в беспорядочном положении. Была закреплена и обработана тыльная сторона верхней части "тимпана". Кроме того, подготовлена к экспозиции, смонтирована другая резная плаха из того же дворца городища Калаян Кахкаха I с изображением шествия львов.

в. л и в о п и с ь . Произведена перемонтировка

"Арфистки" - фрагмента настенной живописи из "Черного" зала древнего Пенджикента. Кроме того, подготовлен к экспозиции из того же зала городища Пенджикент другой фрагмент живописи - "Повозка" (произведены закрепление красочного слоя, детальная расчистка поверхности от налипшего лёсса завала, дополнительная мастиковка выбоин, частичная реконструкция - максимальное выявление композиции рисунка).

г. М е т а л л. Произведена предварительная консервация коллекционного материала (чистка) предметов Узунского клада и археологических предметов из раскопок в районе Шахристана. На реставрируемый материал составлено и оформлено более 30 реставрационных протоколов.

Второе направление работы лаборатории - это "История техники и технологии древних и средневековых производств Средней Азии".

Э.В.Сайко и А.Г.Амосова проводили работу по технике и технологии средневекового металла и керамики. Автор же вместе с химиком Т.Ф.Шариповой в основном работали над исследованием скульптуры. Изучение скульптурных глин даст возможность усовершенствовать методику пропитки и сушки скульптуры, избежать появления трещин и деформации во время их консервации и реставрации, облегчить технологию реставрации. В этом плане лаборатория только начинает делать первые шаги. В частности, проведен спектральный полу-количественный анализ скульптурного теста (25 проб); симплексный анализ скульптурных глин (10 проб); несколько рентгеноснимков; микроскопическое исследование материала.

Остановимся в заключение на экспедиционной работе. Ежегодно сотрудники лаборатории принимают участие в работе археологических отрядов, производят полевую консервацию, извлечение из завалов памятников искусства. В 1970г. они принимали участие в работе нескольких отрядов.

Северо-Таджикский археологический отряд. В его работе летом принимала участие группа реставраторов в составе: мл.н/сотрудника М.П.Страдомской, старших лаборантов Ф.Ф.Суликаевой и Н.В.Турлыгина. Реставраторами было извлечено из завала несколько фрагментов резного дерева и огромное количество больших и малых фрагментов живописи. Из фрагментов

живописи, представляющих большой интерес, можно назвать: трехголовое человекоподобное существо, всадников и коней, орнаменты, изображения чудовищ и львов.

Южно-Таджикистанский археологический отряд (Аджина-тепе и Кафыр-кале). Здесь работали мл. н/с М.П.Страдомская, Т.Ф.Шарипова и ст.лаборант Н.В.Турлыгин. За этот период на Кафыр-кале извлечено из завала, закреплено, расчищено 34 фрагмента живописи и 8 фрагментов скульптуры (архитектурного декора). Особый интерес представляет фрагмент живописи с изображением Будды (часть лица и прически), композиция с лотосом. Найденные буддийской живописи дают возможность говорить о существовании на Кафыр-кале буддийского святилища. Из фрагментов рельефов следует отметить так называемую "корону", представляющую собой диск, заключенный в полумесяц.

За сравнительно небольшой период существования лаборатории сотрудниками подготовлен целый ряд произведений искусства к экспозиции (скульптура, резное дерево, настенная и потолковая живопись, металлические изделия, ткани).

В ближайшее время лаборатория продолжит работу над реставрацией следующих частей скульптурной статуи "Будда в нирване". Кроме того, предполагается подготовить к экспозиции три больших фрагмента резного обугленного деревянного панно (тимпан).

1 Об Аджина-тепе и раскопках помещения, где находилась скульптура "Будды в нирване", подробно см. - Б.А.Литвинский и Т.И.Зеймаль, Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура, М., Издательство "Искусство", 1971, стр.81-83.

2 П.И.Костров, Техника живописи и консервация росписей древнего Пенджикента. - Сб. "Живопись древнего Пенджикента", М., 1954, стр. 190-197; П.И.Костров, Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Пенджикента. - Сб. "Скульптура и живопись древнего Пенджикента", М., 1959, стр. 139-183; Е.Г.Шейнина, Консервация и реставрация стенных росписей древнего Пенджикента, - МИА, № 37, М.-Л., 1958; Е.Г.Шейнина, Применение синтетических смол в реставрации монументальной живописи и некоторых других музеиных экспонатов, - "Сообщения ВЦНИИЛКР", М., 1960.

³ Краткое описание этого метода см. в книге: Г.А.Путяченкова, Халчаян, Ташкент, 1966, стр. 159.

⁴ Н.Н.Негматов, Раскопки уструманской столицы Бундхиката, - В кн. "Средневековые города Средней Азии и Казахстана", Л., 1970, стр. 45-49; он же, Позма в дереве, - "Наука и жизнь", 1970, № 4, стр. 54-55.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА,
ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ В 1970 г.

Для изучения многих сторон экономической жизни древней и средневековой Средней Азии очень важным, а подчас основным и даже единственным источником являются монеты, особенно - клады монет. Значение монет и кладов как исторического источника многократно возрастает, если известно точное место их обнаружения. Поэтому сектор археологии и нумизматики Института истории АН Таджикской ССР с 1952 г. проводит планомерные регистрацию и сбор монетных находок на территории республики и большую пропагандистскую работу среди населения, способствующую выявлению и сохранению найденных кладов и отдельных монет. В результате в Институте истории сложилась первоклассная нумизматическая коллекция. Значительная часть этой коллекции уже опубликована. Регистрационные статьи являются одной из форм публикации монетного источника, делающие его доступным не только для специалистов.

Статья о монетных находках 1970 г. включает публикацию пяти кладов. В шестом разделе описаны монеты из археологических раскопок и случайные единичные находки. Инвентарные номера монет, хранящихся в секторе археологии и нумизматики Института истории АН Тадж.ССР, даны по Книге нумизматических поступлений (в дальнейшем - КПН). Монеты зазвездены и обмерены В.Ивановой.

I. Клад караханидских монет начала XI в.

Кувшинчик с монетами найден был еще в 1964 г. при земляных работах в поселке Шахристан, на территории средневекового городища Кехкака Ш. Монеты разошлись среди местных жителей и собраны были Н.Н.Негматовым постепенно: небольшую часть еще в 1964 г. передал Уматкул Урунбаев, еще несколько монет поступило в 1965 г. и самую большую партию в 1970 г. доставил Х.С.Казаков¹. Клад включает не только целые монеты, но и большое количество фрагментов разных размеров и формы. После очистки оказалось, что монеты четко делятся на две группы, различающиеся внешним видом и качеством металла.

Монеты первой группы чеканены из высокопробного серебра и имеют правильную круглую форму. Монетные кружки тонкие. Размеры штампов соответствуют размерам монетных кружков, штампы наложены очень точно (с редкими и небольшими сдвигами), так что внешний ободок идет по краю монетного кружка. Печерк надписей очень изящен, монеты украшены тонкими орнаментами и сложными ободками. Сохранность хорошая, так что надписи читаются почти полностью. Монеты этой группы в составе Шахристанского клада чеканены в Узгенде (396/1005-06 и 397/1006-07 гг.), в Ходженде (404/1013-14, 406/1015-16 и 407/1016-17 гг.) и Усрушане (406/1015-16 г.).

Узгенд 396 и 397 гг.х.

Об. ст. Насир ал-хакк хан ал-мувайид ал-адль илек
Наср (последнее слово - уйгурским шрифтом)

Л.ст.
الله لا
الله وحده
لا شريك له

Об.ст.
للله
محمد رسول الله
القادر بالله ناصر الحق خان
المؤيد العدل ايلك

Выпускные сведения
расположены квадратом

Кругом - Кор. Ix, 33
Внешний ободок как на л.ст.

سم الله هضر / بهذا الدرهم /
باوز كيند سنه ست [или سبع]
و تسلقين و ثلثيمه

На монете 397 г.х. буквы
над символом веры нет.

Внешний ободок пшиш

Ходженд 404 г.х.

Об.ст. Насир ал-хакк хан сина ад-даула инал - тегин
Наср (последнее слово - уйгурским шрифтом)

Л.ст.
لا الله الا
الله وحده
لا شريك له

Об.ст.
للله
محمد رسول الله
الغادر بالله ناصر الحق خان
رسا الدولة بزار تايي

Выпусканые сведения расположены квадратом

Кругом - Кор. IX, 33

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
بِخَيْرٍ مُّتَكَبِّرٍ سَنَةٍ / أَرْبَعٌ وَارْبَعٌ مُّدْهٌ
Внешний ободок шиши

Внешний ободок как на
л.ст.

Ходженд 406 и 407 гг.х.

Л.ст. Падиах или Падиах ал-адель

Об.ст. Намс ал-дауле хан сына ал-дауле илек Наср
(последнее слово - уйгурским ирифтом)

Л.ст.

لَا إِلَهَ إِلَّا

الله وَحْدَه

بِإِذْنِهِ لَهُ
لَا شَرِيكَ لَهُ

لَهُ

مُحَمَّدُ رَسُولُ الله

الفَادِرُ بِاللهِ شَهِيدُ، الدُّولَهُ
خَانُ سَنَا الدُّولَهُ اِيلَكُ

صَهْرُ

Кругом - Кор. IX, 33

Выпусканые сведения расположены квадратом

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ /
بِخَيْرٍ مُّتَكَبِّرٍ سَنَةٍ سَنَتٍ

или [أَرْبَعٌ / وَارْبَعٌ مُّدْهٌ] مَا يَهُ

Орнаменты над символом
веры различные. Монеты
407 г.х. двух вариантов:
у одних между строками символа
веры "падиах", у других - "падиах ал-адель".

Внешний ободок шиши

Внешний ободок как на
л.ст.

Ходженд 407 г.х.

Л.ст. Падиах ал-адель

Об.ст. Арслан-хан илек Наср (последнее слово -
уйгурским ирифтом)

Л.ст.

لَا إِلَهَ إِلَّا

الله وَحْدَه

بِإِذْنِهِ لَهُ

لَا شَرِيكَ لَهُ

لَهُ

مُحَمَّدُ رَسُولُ الله

أَرْسَلَهُ خَانُ اِيلَكُ

صَهْرُ

Выпускные сведения расположены квадратом
بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
نَجَذَرُهُ سَلَةٌ تَسْبِعُ وَأَبْعَثُ مَا لَهُ
Внешний ободок широкий

Поле ограничено трехлинейным восьмигранником.
Кругом - Кор. IX,33
Ободок как на л.ст.

Усрумака 406 г.х.

Об.ст. Шамс ад-даула хан Мухаммад б. Али илек Наср
(последнее слово - уйгурским шрифтом)

Л.ст. لا إله إلا الله وحده
لا شريك له

Выпускные сведения расположены квадратом
بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
بَاسْرُور شَاهْ سَنَةٌ سَتْ وَارْبَعَ مِائَةٍ
Внешний ободок широкий

الله رسول الله
القادر بالله شاه الدولة
خادم محمد بن علي ابراهيم
محمد

Кругом - Кор. IX,33
Внешний ободок как на л.ст.

Имеется вариант этого типа: на л.ст. над символом веры вместо عدل обозначено بادشاه горизонтальной строчкой мелкими буквами; внешний ободок очень нарядный (между насечным снаружи и двухлинейным внутри - шесть раз спаренные колечки).

Вторая группа монет Шахристанского клада количественно преобладает. Сейчас трудно сказать, характеризует ли это преобладание первоначальный состав клада или лишь состав дождевшей до нас части. Все монеты из низкопробного серебра и очень плохой сохранности.

В плохом состоянии сами монетные кружки. Большинство экземпляров фрагментировано, почти у всех выщерблены края, от краев к центру монетных кружков идут трещинки и трещины, подчас очень глубокие. Некоторые трещинны, очевидно производственного происхождения, получались еще в процессе чеканки монет. Но основная часть изъянов - результат последующего износа. Кроме целых и слегка фрагментированных монет в кладе много половинок и еще меньших фрагментов самой причудливой и неопределенной формы. В изломе часто видна слоистая структура сплава.

Не в лучшем состоянии и монетные надписи. Большинство монет настолько потерты, что полностью утеряли рельеф надписей, ободков и орнамента. На некоторых из этих совершенно потертых монет фрагменты надписей все же читаются благодаря некоторой цветовой разнице, восходящей частично, очевидно, к разной степени уплотнения металла при чеканке монет, а частично – к наличию небольшого остаточного рельефа. На лучше сохранившихся экземплярах полностью или частично читаются основные надписи поля обеих сторон монетных кружков. И лишь на немногих экземплярах читаются самые важные с историко- numизматической точки зрения части надписей: выпускные сведения по краям л.ст. монет и строчки, выполненные в поле обеих сторон мелкими буквами.

Удалось прочесть наименование двух монетных дворов – Кашгар и Яркенд. Ранняя из прочтенных дат – 410/1019–20 г., поздняя – 417/1026–27 г.

Типологическая классификация, взятая за основу при описании этих монет Шахристанского клада, построена следующим образом. Признак типа – содержание основных надписей. Часть надписей повторяется неизменно: на л.ст. – символ веры – لا إلہ إلّا اللہ وَحْدَهُ وَلَا شریکَ لَهُ и выпускные сведения; на об.ст. – вторая часть символа веры حَمْدُ اللّٰہِ الرَّبِّ الْعَالِیِّ، имя халифа مَالِکُ الْمَشْرِقِ وَالْمَغْرِبِ и титул государя مَالِکُ الْمُسْتَرِّ, малик ал-мешрик, а кругом кораническая легенда (IX, 33). Другая часть основных надписей изменчива: это другие титулы и собственные имена на обеих сторонах монетного кружка. Вот эти изменчивые элементы основных надписей и положены в основу типа. Исключением является дата и наименование монетного двора: монеты разных городов выпуска и с разными датами считаются однотипными, если все остальные надписи у них одинаковые: когда правительство унифицировало монетные надписи для всех монетных дворов и не меняло их в течение определенного времени – дата и название города выполняли чисто контрольные функции и иной "нагрузки" не несли.

Типы, т.е. монеты с одинаковыми по содержанию основными надписями, поделены на варианты: признак варианта – схема расположения, размещения одинаковых надписей. Один

из сразу и особенно заметных вариантов признаков – расположение выпускных сведений на л.ст.: на одних монетах они размещены квадратом, на других имеют вид круговой надписи. Много на первый взгляд менее заметных вариантов дает размещение надписи поля об.ст.

Из-за крайне плохой сохранности монет полностью и уверенно удалось реконструировать только 7 типов (типы I-3, 6-9) с вариантами внутри некоторых. Еще два типа реконструированы не полностью, так что пока не ясно, действительно ли они являются самостоятельными типами (если так, то их номера 4-5) или же они окажутся лишь вариантами внутри типов I-2.

Тип I. Л.ст.: Джагры-тегин

Об.ст.: Хан малик ал-машрик имад ад-даула

Вариант I

Л.ст. لا إله إلا
الله ، ملوك
لا شريك له
جعفر بن تكين

Выпускные сведения –
квадратом. Сверху и
слева بسم الله الرحمن الرحيم / بعذ الدار
Внизу и справа – наимено-
вание монетного двора и
дате.

Об.ст. اللہ
محمد رسول اللہ
اللہ اکبر باللہ خا
ن ملک المشرق
عہاد الدوّلہ

Кругом, между линейными
ободками, кораническая
легенда (IX,33)

На нескольких монетах этого типа сохранилось наименование монетных дворов – это Кашгар и Яркенд. На кашгарских монетах есть дата – 410/1019-20 г. Внутри типа должны быть отмечены небольшие различия по признаку отсутствия или наличия надписи или буквенных значков на л.ст. над символом веры: а) над символом веры ничего нет; б) повторено мелкими буквами в две строчки наименование монетного двора – كاشgar; в) двух – буквенные значки لـ или يـ

Вариант 2.

Л.ст. لا إله إلا

Об.ст. لله

الله وحده
لا شريك له
حُجَّاجٌ

Выпускные сведения
заключены в круговую
легенду, отделенную от
поля ободком.

محمد رسول الله
القادر بالله خا
ن ملک الہشراق
خوار الادوله

Кругом как у типа I/1

Сократилось наименование монетного двора - Яркенд и
дата - 41./414 ?/ г.х. Обращает внимание, что и содержание,
и взаиморасположение надписей поля полностью повторяют вар. I, различие только в расположении выпускных сведений на л.ст.: у вар. I - квадратом, здесь - кругом.

Тип 2. Л.ст.: /нет/

Об.ст.: Хан малик ал-машрик; уйгурским
шрифтом - Йсуф

Вариант I.

Л.ст. لا إله إلا
الله وحده
لا شريك له

Об.ст. لله
محمد رسول الله
القادر بالله خا
ن ملک الہشراق
شیخ

Выпускные сведения
квадратом как у типа
I/1

Кругом как у типа I/1

Сократилось наименование монетного двора - Кашгар.
На л.ст. над символом веры буквенный значок ۶

Вариант 2.

Л.ст. لا إله إلا
الله وحده
لا شريك له

Об.ст. لله
محمد رسول الله
القادر بالله خا
ن ملک الہشراق
شیخ

Кругом как у типа I/2

Кругом как у типа I/1

Над символом веры в поле л.ст. - буквенный значок.
Выпускные сведения - Кашгар, 41. г.х.

Тип 3. Л.ст.: Йсуф (уйгурским шрифтом)

Об.ст.: Хан малик ал-машрик имад ад-даула

Л.ст. لا إله إلا
الله وحده
لا شريك له
ص

Выпускные сведения
квадратом как у типа I/I

Об.ст. لله
محمد رسول الله
القادر بالله خان
علک المشرق، عما
الدوله

Кругом как у типа I/I

Сохранилась дата - 410 г.х.

Тип 4. /или тип 2, вар. 3?/ Л.ст.: ?

Об.ст.: Хан малик ал-машрик; уйгурским
шрифтом - Йсуф

Л.ст. لا إله إلا
الله وحده
لا شريك له
[?] [?]

Выпускные сведения
квадратом как у типа I/I

Об.ст. [411]
محمد رسول الله
القادر بالله خان
علک المشرق
ص

Кругом как у типа I/I

Надпись поля об.ст. по содержанию такая же, как у типа 2, но взаиморасположение ее частей другое. Монета фрагментирована, поэтому неизвестно, была ли надпись ниже символа веры на л.ст. Если окажется, что на подобных монетах ниже символа веры надпись отсутствует - будет правильнее считать их вариантом 3 типа 2, ибо различие сводится только к взаиморасположению надписей и буквенному значку над символом веры на л.ст.

Тип 5 /или тип 1, вар. 3?) Л.ст.: ... тегин

Об.ст. Хан малик ал-машрик имад ад-даула.

Л.ст. لا إله إلا

Об.ст.

[411]

الله وحده
لا شريك له
... تكين
Кругом выпускные сведения
как у типа I/2.

محمد رسول الله
القادر بالله عز وجل ملك
المشرق عباد الله
وله
Кругом как у типа I/1

Сохранилось наименование монетного двора - Яркенд.
Если на л.ст. ниже символа веры на лице сохранившихся экземплярах окажется **جع (بتلدين)** - монеты придется отнести к типу I, вар. 2 (новое расположение надписи об.ст.).

Тип 6. Л.ст.: ?

Об.ст.: Кадр-хан малик ал-машрик имад
ад-даула

Л.ст. لا إله إلا
الله وحده
لا شريك له
[؟]

لله
محمد رسول الله
القادر بالله تدر خان
ملك المشرق عباد
الدولة

Кругом выпускные сведения
как у типа I/2

Кругом как у типа I/1

Тип 7. Л.ст. ... тегин /или только "тегин"/?

Об.ст. Хакан малик ал-машрик имад ад-даула

Л.ст. لا إله إلا
الله وحده
لا شريك له
[تكين]

لله
محمد رسول الله
القادر بالله خاتم
ملك [المشرق] عباد
الدولة

Кругом выпускные сведения
как у типа I/2.

Кругом как у типа I/1

Сохранились наименование монетного двора и дата - Яркенд, 417/1026-27 г. На л.ст. выше символа веры была какая-то надпись, но она настолько стерта, что нельзя определить, часть ли это титула или нечто самостоятельное.

Тип 8. Л.ст. Сулейман...

Об.ст. Хекан малик ал-машрик имад ад-даула

Л.ст. لا إله إلا

الله وحده

لا شريك له

... دولة

لله

سُبْحَانَ رَبِّ الْكَوَافِرِ

الْفَارَدُ بِاللَّهِ خَاتَمُ الرُّسُلِ

عَلَّاَكَ الْمُشْرِقُ وَالْمَغَارِبُ

الْأَرْضُ

Кругом выпускные сведения

как у типа I/2

Кругом как у типа I/1

Обращает внимание, что содержание и расположение надписи поля об.ст. у типов 7-8 одинаковые.

Тип 9. Л.ст. /нет/

Об.ст. ... малик ал-машрик имад ад-даула

Л.ст. لا إله إلا

الله وحده

لا شريك له

لله

سُبْحَانَ رَبِّ الْكَوَافِرِ

الْفَارَدُ بِاللَّهِ خَاتَمُ الرُّسُلِ

عَلَّاَكَ الْمُشْرِقُ وَالْمَغَارِبُ

الْأَرْضُ

Кругом выпускные сведения

как у типа I/2

Кругом как у типа I/1

Сохранились выпускные сведения - Яркенд, 41.г.х.

Тип 10. Л.ст. Руки ад-даула

Об.ст. Хан малик ал-машрик; уйгурским
прилож - ىسىف

Л.ст. لا إله إلا

الله وحده

لا شريك له

الدوله

لله

سُبْحَانَ رَبِّ الْكَوَافِرِ

الْفَارَدُ بِاللَّهِ ...

عَلَّاَكَ الْمُشْرِقُ [ن]

Выпускные сведения

квадратом как у типа I/1

Кругом как у типа I/1

Строчка с наименованием монетного двора сохранилась плохо, возможно, это Кашгар. Дата стерта совсем.

На монетах типа I(чекан Кашгара и Яркенда; сохранив-

шился даты – 410 г.х. и, возможно, 414 г.х.) на л.ст. ниже символа веры мелкими буквами начертан титул, чтение которого до недавнего времени не вызывало сомнений у нумизматов – это **جَنْدِيٌّ تَغْرِي** и **جَنْدِيٌّ تَغْرِي**, т.е. **Джагры – тегин**. М.Н.Федоров сначала (на стр. I64) подверг сомнению это чтение, очень осторожно допуская возможность другого – Богра-тегин **بَغْرَةَ تَغْرِي**, а затем (на стр. I70-I71) уже уверенно отверг старое чтение и определил лицо, которому на этих монетах принадлежал титул Богра-тегин².

Публикуемые нами кашгарские и яркендские монеты исключают предлагаемое М.Н.Федоровым чтение. Титул сохранился на многих монетах, все палеографические варианты надписи заставляют читать именно **جَنْدِيٌّ تَغْرِي**. Наиболее обычный палеографический вариант **جَنْدِيٌّ تَغْرِي**, реже **جَنْدِيٌّ تَغْرِي**, зафиксирован и такой вариант **جَنْدِيٌّ تَغْرِي**.

Таким образом, во всех трех вариантах (особенно же в третьем) первую букву нельзя читать как "ба", это "джим"; четвертая буква иногда пропущена (судя по некоторым опубликованным монетам), но в тех случаях, когда она есть, – это не "али", а "ай".

На публикуемых монетах Шахристанского клада ряд собственных имен, много титулов. Принадлежность некоторых титулов выяснена достоверно, другие до сих пор являются предметом спора. Регистрационный характер статьи не позволяет нам специально остановиться на исторической интерпретации монетных надписей. Мы рассчитываем сделать это при специальной публикации Шахристанского клада, который сейчас обработан лишь предварительно.

Шахристанский клад дает весьма интересный материал для характеристики начального этапа развития монетного серебряного кризиса в восточной части государства Караканидов. Проанализировано 11 монет второй, т.е. кашгарско-яркендской, группы монет клада³. Оказалось (табл. I), что количество серебра в них колеблется в пределах 40–59% и даже в монетах одного типа (6 экз. типа I) – в пределах 46–53%. Две монеты (312/45 и 312/49) были проверены также на свинец и олово. Оказалось, что свинца в них нет, а олова соответственно 2,47% и 2,25%.

Эти цифры прежде всего свидетельствуют об интенсивном ухудшении качества монет в восточной части Караканидского государства, ибо еще в 404/1013-14 г. в монете Кашгара было 80,48% серебра и только 11,84% меди⁴. Но еще более интересно другое. При внимательном рассмотрении обрезов проанализированных монет и обломков многих фрагментов этой группы стало ясно, что все они - субзратные! В обрезах четко видны три слоя: желтовато-красный в средине (медь или какой-то сплав с преобладанием меди) и серебряные по краям. На некоторых фрагментах верхнее серебряное покрытие частично отлетело или стерлось, и тут медная основа четко видна уже не только в обломке, но и в плоскости монеты.

Таблица I

Инв. №	Тип	Вар.	Место чеканки	Дата хиджры	% серебра
З12/1	I	I	Кашгар	-	50,32
З12/16	I	I	Кашгар	410	48,91
З12/22	I	I	Кашгар	410	46,23
З12/36	I	I	Яркенд	-	50,61
З12/37	I	I	Яркенд	-	47,65
З12/45	I	2	Яркенд	-	58,25
З12/44	2	2	Кашгар	41.	57,32
З12/47	2	2	-	-	48,11
З12/49	7	-	Яркенд	417	42,12
З12/54	8	-	-	-	39,67
З12/61	-	-	-	-	59,29

Значительные колебания общего количества серебра в этих субзратных монетах (особенно в монетах одного типа) объясняются не столько изначальными колебаниями, сколько сохранностью монет, ибо при обращении стирается поверхность, а в субзратных монетах это ведет к уменьшению количества именно серебра и к изменению пропорции серебра и меди не в пользу первого. Если учесть, что все эти монеты очень плохой сохранности, но потери от потертости целиком следует отнести за счет серебра - не вызовет сомнения вывод, что первоначально процент серебра в них был выше, чем сейчас показывает анализ.

В данной связи существенно подчеркнуть, что процент серебра, показанный анализом, много ниже пробы серебра, использованного для внешних пластин субэрратных монет. Следовательно, государство выпускало в обращение эти монеты как более высокопробные. Это и есть важный новый штрих для характеристики раннего этапа развития серебряного монетного кризиса. Правительство, вступив на путь порчи монет, сначала пыталось это скрыть, завуалировать, сохранив путем выпуска субэрратных монет видимость высокопробного чекана.

Были ли субэрратные монеты спецификой кашгарско-яркендского чекана и монетной политики восточно-караханидских государей? Теперь необходимо самым внимательным образом рассмотреть все караханидские монеты XI в., чеканенные из серебра с лигатурой, чтобы выяснить, одинаковой или разной была монетная политика в разных частях Карабанидского государства на разных этапах развития здесь серебряного монетного кризиса.

П. Клад монет Мухаммада б. Текеша

Средневековое городище близ сельсовета Узун (Колхозабадский район), вошедшее в литературу под названием городища Лагман (Лагман-кишлак, частично занявший городище), расположено на берегу реки Вахш. А.М.Беленицкий отождествил это городище со средневековым городом Хелавердом, отметив, что "Массовый подъемный материал в целом относится, безусловно, к послеарабскому времени, по всей вероятности к X-XII вв., когда город, видимо, и достиг своего наибольшего расцвета" ⁵.

Известия письменных источников о городе Хелаверде настолько скучны, что только археолого- numизматическое изучение этого главного города средневековой области Вахш сможет дать представление о его топографии, экономическом развитии и политическом значении на разных отрезках времени.

Показания монет особенно существенны для сравнительной оценки развития ремесла и денежной торговли, а также политического значения города в разные периоды. А находки

монет на городище Лагман очень часты. Чрезвычайно существенно, что в области Вахш был свой монетный двор. Монетный двор (как это часто бывало в средневековом чекане) носил название области - "Вахш", а располагался, вероятно, именно в Хелаверде. Еще недавно о существовании самостоятельного монетного двора в Вахше не было известно вообще, в нумизматической литературе и в справочных изданиях таковой не упоминается. Сейчас, благодаря находкам последних лет на территории Южного Таджикистана, денежная эмиссия Вахша представлена серебряными монетами XI в., золотыми монетами конца XII - начала XIII вв. и медными монетами, надчеканенными в Вахше в конце XIV в., причем серебряные монеты XI в. чекана Вахша происходят именно с территории города Лагман⁶. Вахшские надчеканы конца XIV в.⁷ и многочисленные находки монет XIV - начала XVI вв. с города Лагман убеждают в том, что Хелаверд, как и многие другие города и городки Средней Азии, в это время переживал экономический подъем, особенно интенсивное развитие розничной торговли и ремесла, работающего на рядового потребителя.

В 1970 г. В.Е.Ситников и Д.Абдуллаев собрали у разных лиц 13 монет⁸, найденных в этом году на городище Лагман. 12 монет, чеканенные от имени Мухаммада б. Текеша (1200-1220), оказались однотипными. Не вызывает поэтому сомнения, что это часть клада.

Л.ст. В поле **الملائكة**

الاعظم
دلا الدار

Об.ст. В поле

جاءكم من ربكم

Монеты плохой сохранности, края стерты и в значительной степени выщерблены, поэтому круговые надписи не могут быть прочтены полностью. Но ясно, что они были одинаковыми на обеих сторонах и содержали выпускные сведения. На семи экземплярах целиком или фрагментарно сохранилось слово единиц **أحدى**, на двух — слово десятков **عشر**, что дает дату — 16 II/1214-15 г. На двух монетах перед

видно слово, которое должно было бы быть наименованием монетного двора. Но плохая сохранность этой части надписи не позволяет прочесть ее уверенно.

Титулатура хорезмшаха Мухаммада здесь самая обычная,

но распределение ее по двум сторонам монетного кружка как будто не совсемично. Сейчас мы лишены возможности учесть все публикации монет Мухаммада б. Текеша, но известные нам опубликованные и неопубликованные материалы с большой долей вероятности позволяют заключить, что монеты этого типа относятся к числу редких.

Не может быть сейчас решен вопрос и о достоинстве и сфере обращения этих монет. Чеканены они из меди или бронзы. Но это могли быть как медные фельсы, так и медные посеребренные дирхемы. Так как большинство медных посеребренных дирхемов дошло до нас уже без тонкой серебряной оболочки, - первоначальное достоинство таких монет определяют термины "фельс" или "дирхем" в круговых надписях, а также в отдельных случаях размеры и вес монет. На монетах с городища Лагман ⁹ круговые надписи сохранились плохо, а их размеры и вес подходит как для фельсов, так и для дирхемов.

III. Клад медных монет Улугбека

Клад медных монет найден был в Колхозабадском районе, на участке "Кызылнамуна" колхоза "Коммунизм". 125 монет доставлены в Институт истории АН Тадж. ССР (КПН-339) Б.Маткуловым и И.Атахановым. Медные монеты, чеканенные в Средней Азии ХУ в. после Тимура, анонимные, имена государей на них не проставлялись. Но даты чекана позволяют установить, при каком государе они выпущены. Все монеты Колхозабадского клада чеканены при Улугбеке; на всех монетах, сохранивших даты, обозначен один и тот же год: 832/1428-29 г. Это не значит, что все монеты чеканены именно в этом году. В 832/1428-29 г. Улугбек декретировал денежную реформу ¹⁰. Не излагая ее содержания, отметим лишь, что проведена она была двумя этапами: сначала монеты чеканили на многих монетных дворах, затем чекан был централизован в одном городе - в Бухаре. Монеты обоих этапов однотипные (на первом для контроля они различались наименованием монетного двора): одинаковы картуши л.ст., обрамленные орнаментом; одинакова и неизменна дата арабскими словами на об.ст. и даже одинаково взаиморасположение отдельных слов

в этой дате. Дата всегда - 832 г.х., вне зависимости от реального года выпуска монет. Так как первый этап реформы был коротким, чекан же в Бухаре продолжался до конца жизни Улугбека (1449 г.) и некоторое время после его гибели, - в кладах монет Улугбека преобладают именно бухарские. Колхозабадский клад подтверждает уже выявленную закономерность: в нем - монеты обоих этапов реформы, но монет Андигана и Самарканда четыре, а монет Бухары ^{II} - 95 (табл. 2).

Таблица 2
Состав клада

Монетный двор	Дата хиджры	Количество монет	В том числе	
			без надчеканов	с надчеканами
Андиган	832	2	1	1
Самарканда	832	2	2	-
Бухара	832	95	56	39
/Стерт/	832	19	4	15
/Стерт/	/Стерта/	7	3	4

Около половины монет клада надчеканены, причем на каждой монете клада - только по одному надчекану. Три надчекана не вышли, от них лишь следы, так что тип не может быть определен. 54 надчекана однотипные: в квадратном картуше - наименование монетного двора и термин "данги" (табл. 3).

Таблица 3
Надчеканы на монетах клада

Надчекан:	Анди-	Буха-	Карни	Самар-	Тер-	Хи-	Шах-	Стерт
Монетный двор	ган	ра	!	канд	мез	сар	рухин	!
Количество надчеканов	1	4	6	21	1	3	1	17

Изучение кладов медных монет XV в., найденных на территории ¹² Таджикистана, дало нам основание разделить историю денежного обращения на этой территории и за это столетие на 5 этапов ¹². Колхозабадский клад целиком ук-

ладывается в два этапа (второй и третий) и своим составом полностью подтверждает особенности и специфику денежного хозяйства на территории южного Таджикистана, подмеченные для этих двух этапов при изучении ранее обнаруженных кладов медных монет.

Второй этап, для всей Средней Азии начавшийся реформой Улугбека, в южном Таджикистане характеризуется господством в денежном обращении пореформенных монет, чеканенных за пределами этой территории. Лишь к концу этапа начинает работать местный монетный двор - Хутталян (монеты 852/1448-49 г.), но его продукция немногочисленна, и торговлю по-прежнему обслуживают монеты, чеканенные за пределами южного Таджикистана, преимущественно - бухарские. Хутталянские монеты второго этапа в кладах единичны, в Колхозабадском (в дешевой его части) их вообще нет. Все монеты Колхозабадского клада - пореформенные улугбековские, все чеканены за пределами южного Таджикистана и преобладают среди них - бухарские.

Третий этап начинается надчеканиванием улугбековских монет (надчеканы с термином "данги"), но ненадчеканенные также не запрещены и не изъяты: между двумя группами улугбековских монет (с надчеканами и без них) установлено определенное курсовое отношение (но мы не знаем, какое именно). Надчеканы произведены централизованно, они однотипные во многих городах, следовательно, нормы равного общегосударственного обращения на этом этапе не нарушены. Для этого этапа характерна активизация работы местных монетных дворов: надчеканы, произведенные в Хисаре и Хутталяне, - не редкость. Колхозабадский клад подтверждает все эти положения. В нем существуют монеты без надчеканов с надчеканными монетами. Все надчеканы однотипные, среди разногородних надчеканов есть местные, сделанные в Хисаре.

Колхозабадский клад - судя по его составу - был упрятан в начале четвертого этапа, т.е. в начале последнего десятилетия XV в. Из всех кладов медных монет XV в., происходящих с территории южного Таджикистана, один (нейденный близ г.Душанбе) по своему составу¹³ особенно близок Колхозабадскому. Он тоже укладывается в рамки второго и третьего этапов, и упрятан в начале четвертого. Однаковая

судьба двух накоплений (на фоне больших изменений в денежном хозяйстве именно на четвертом этапе) позволяет предполагать, что причины отложения этих кладов были экономические.

Таблица 4
Опись монет Колхозабадского клада

Но ^м пн	Чекан		Надчекан: монетный двор	Вес в г	Размер в мм	Примечания
	Место	Дата				
1	2	3	4	5	6	7
I.	Андиغان	832	-	5,60	25	
2.	Самарканд	"	-	6,92	25	
3.	Бухара	"	-	5,30	27	
4.	"	"	-	5,70	25	
5.	"	"	-	4,00	23	
6.	"	"	-	5,05	24	
7.	"	"	-	5,30	28	
8.	"	"	-	4,88	25	
9.	"	"	-	8,35	25	
10.	"	"	-	5,30	22	
II.	"	"	-	5,70	25	
I2.	"	"	-	4,35	24	
I3.	"	"	-	4,82	24	
I4.	"	"	-	5,70	24	
I5.	"	"	-	4,40	25	
I6.	"	"	-	7,08	25	
I7.	"	"	-	4,08	24	
I8.	"	"	-	4,90	38	
I9.	"	"	-	5,30	24	
20.	"	"	-	5,90	24	
21.	"	"	-	5,35	26	
22.	"	"	-	6,40	23	
23.	"	"	-	5,44	24	
24.	"	"	-	5,80	25	
25.	"	"	-	7,92	28	
26.	"	"	-	5,90	24	
27.	"	"	-	5,20	24	
28.	"	"	-	5,05	27	

I	2	3	4	5	6	7
29.	Бухара	832	-	6,50	23	
30.	"	"	-	4,35	25	
31.	"	"	-	4,15	25	
32.	"	"	-	1,75	25	
33.	"	"	-	3,60	26	
34.	"	"	-	6,50	26	
35.	"	"	-	4,80	26	
36.	"	"	-	1,90	23	
37.	"	"	-	6,86	23	
38.	"	"	-	5,25	25	
39.	"	"	-	3,95	25	
40.	"	"	-	6,45	25	
41.	"	"	-	4,45	25	
42.	"	"	-	5,70	28	
43.	"	"	-	3,70	23	
44.	"	"	-	2,55	25	
45.	"	"	-	2,65	23	
46.	"	"	-	5,42	25	
47.	"	"	-	3,52	21	
48.	"	"	-	3,90	25	
49.	"	"	-	2,70	23	
50.	"	"	-	3,80	22	
51.	"	"	-	3,90	23	
52.	"	"	-	4,68	25	фальшивая?
53.	"	"	-	4,14	24	"
54.	"	"	-	4,12	25	"
55.	"	"	-	4,45	28	надпись в картуше л.ст. зер- кально-пе- ревернута
56.	-	"	-	6,60	28	
57.	-	"	-	7,00	28	
58.	-	"	-	7,45	26	
59.	-	"	-	6,75	28	
60.	-	-	-	2,15	24	
61.	-	-	-	1,00	21	
62.	-	-	-	1,80	28	

1	2	3	4	5	6	7
68.	Бухара	832	-	4,90	23	фальшивая?
64.	"	"	-	4,50	25	"
65.	"	"	-	5,45	24	
66.	Самарканд	"	-	5,70	27	
67.	Бухара	"	Андиган	5,70	26	
68.	"	"	Бухара	4,70	24	
69.	"	"	"	4,30	25	
70.	"	"	"	4,10	25	
71.	-	"	"	7,85	28	
72.	-	"	Карши	5,00	25	
73.	Бухара	"	"	5,30	25	
74.	"	"	"	4,60	27	
75.	"	"	"	5,20	27	
76.	-	"	"	5,00	24	
77.	Бухара	"	Самарканд	7,20	26	
78.	-	-	"	4,40	26	
79.	Бухара	832	"	4,30	24	
80.	"	/832/	"	3,70	24	
81.	"	832	"	5,20	23	
82.	"	/832/	"	7,45	25	
83.	"	832	"	7,55	20	
84.	-	"	"	5,60	27	
85.	-	"	"	6,62	28	
86.	Бухара	"	"	5,40	26	
87.	-	"	"	5,10	27	
88.	-	"	"	5,00	24	
89.	Бухара	/832/	"	4,27	24	фальшивая?
90.	-	"	"	5,70	26	
91.	-	832	"	5,80	26	
92.	Бухара	"	"	4,52	26	
93.	-	"	"	3,72	26	
94.	Бухара	/832/	"	5,10	25	
95.	"	832	"	6,70	24	
96.	-	"	Термез	3,05	25	
97.	Андиган	"	Хисар	6,78	28	
98.	Бухара	"	"	5,60	25	
99.	-	"	"	5,40	26	

1	2	3	4	5	6	7
I00.	Бухара	832	Карши	5,12	27	
I01.	"	"	Самарканд	4,60	25	фальшивая?
I02.	"	"	Шахрухия	6,00	25	
I03.	"	"	Самарканд	2,55	26	
I04.	"	"	[стерт]	5,90	29	
I05.	"	"	"	4,45	25	
I06.	"	"	"	5,10	26	
I07.	"	"	"	4,30	25	
I08.	"	"	"	6,05	28	
I09.	"	"	"	6,22	25	
II0.	"	"	"	7,30	25	
III.	"	"	"	5,35	25	
II2.	"	"	"	6,05	29	
II3.	"	"	"	6,00	27	
II4.	"	"	"	6,10	28	
II5.	"	"	"	3,32	23	
II6.	"	"	"	6,60	27	
II7.	"	/832/	"	4,00	24	
II8.	-	"	"	5,32	25	
II9.	-	"	"	4,60	26	
I20.	-	"	"	4,20	25	
I21.	Бухара	832	/След над- чекана/	6,80	29	
I22.	"	"	"	4,60	27	
I23.	-	-	"	4,20	25	
I24.	-	-	"	1,50	26	
I25.	-	-	"	6,12	27	

Гу. Клад медных монет ХУ-ХVI вв.

Клад найден был школьниками недалеко от Нурека (в дальнейшем условно называется Нурекским). В.Е.Ситников собрал и доставил в Институт истории АН Тадж.ССР (КИН-291) 1061 монету этого клада. В настоящее время очищены и научно обработаны 227 монет (табл. 5).

Таблица 5

Состав обработанной части клада

Монетный двор	Дата хиджры	Число типов	Монетный двор	Дата хиджры	Число типов
Балх	917	2	Бухара	907	1
-"-	без даты	4	-"-	908	1
Мерв	без даты	1	-"-	917	2
-"-	/9127	1	-"-	918	2
Кеш	без даты	1	Самарканд	89.	1
Хисар	без даты	2	-"-	906	1
-"-	9..	1	-"-	907	1
-"-	907	1	-"-	908	1
-"-	917	1	-"-	914	1
-"-	918	1	-"-	917	1
Хутталин	без даты	3	-"-	918	1
Бухара	900	1			

Они, естественно, не дают полного представления о составе клада, но вполне позволяют оценить его научную значимость и даже наметить уже сейчас некоторые вопросы, для разработки которых клад даст ценные материалы.

Среди 227 монет самые поздние чеканены в 917/1511-12 и 918/1512-13 годах. К этому же времени относятся и поздние из надчеканов. Между тем в кладе есть и монета Тимура, причем без всяких надчеканов. Уже высказывалась мысль, что медные монеты с именем Тимура прожили очень долгую жизнь, обращались более столетия, на них не распространялись запреты и изъятия, которым на протяжении XУ в. и начала ХУІ в. подвергались медные анонимные монеты последующих выпусков¹⁴. Состав Нурекского клада—новый факт, подтверждающий этот вывод.

Одним из важных компонентов денежной реформы Шейбанихана, декретированной в 912/1507 г., была реорганизация чекана и обращения медных монет. На втором году реформы в Самарканде был начат выпуск совершенно новых медных монет, надписи которых долго не поддавались чтению и объяснению. Нам удалось установить, что на этих монетах обозначены их название ("динар медный") и вес ("мискаль и полданга").

Оказалось, что для самаркандских медных монет 914 г.х. был назначен тот же вес, что и для серебряных тенег с именем Шейбани-хана. Следовательно, их указанной вес должен был равняться 5,2 г. Необходимо было проверить этот вывод реальным и средним весом медных монет 914 г.х., но в 1954 г., когда была опубликована статья о денежной реформе Шейбани-хана, в нашем распоряжении был реальный вес только одной такой монеты¹⁵. В кладе из Нурука, очевидно, много самаркандских пореформенных монет 914 г.х. В обработанной группе их оказалось пять, и реальный вес этих пяти экземпляров (4,95; 5,10; 5,12; 5,15; 5,42 г.), с учетом ремедиума того времени для медных монет, вполне отвечает указанному весу в 5,2 г. Клад, следовательно, дает убедительный материал для понимания весовой стороны реформы Шейбани-хана.

Для характеристики монетной политики Шейбани-хана существенны и более ранние монеты, чеканенные в Самарканде и Бухаре в 907/1501-02 г. и 908/1502-03 г., т.е. в первые годы после прочного завоевания их Шейбанидами. Другие клады с большим количеством тимуридских монет предшествующего десятилетия убеждают в том, что Тимуриды на этом отрезке времени весьма энергично и разными способами пытались увеличить фискальные доходы от чекана и обращения медных монет. Например, в 899/1493-94 г. вес медных монет был снижен, очевидно, на 0,2 г или несколько более (средний вес монет 898/1492-93 г. и части 899/1493-94 г. равен 5,1-5,0 г; средний вес монет последующего времени до 901/1495-96 г. равен 4,9 г)¹⁶. В это же время произведен был массовый надчекан монет, а надчекан всегда – свидетельство каких-либо перемен в денежном обращении. В данном случае надчекан (форма его: маленький трехлепестковый картуш, внутри которого – наименование монетного двора) повлек за собой обмен с последующим запретом ненадчеканенных монет, от чего население несло убытки, а правительство получало выгоды. Но снижение веса и этот надчекан были произведены централизованно во многих городах Мавераннахре сразу (надчекан, например, в Самарканде, Шавдара, Бухаре, Шахрисябзе, Карши, Лисаре). Состояние денежного хозяйства в Мавераннахре в ближайшие после этого годы пока недостаточно ясно, так как число монет этих лет в кладах невелико. Но дошедшие

немногие монеты все же позволяют уверенно заключить, что в 907/1501-02 г. были отчеканены медные монеты нового типа, отличного от предшествующих, причем мероприятие это было централизованным, так как монеты этого нового типа были одновременно выпущены на ряде монетных дворов (Самарканд, Бухара, Карши). Это означает, что сразу после прочного завоевания Самарканда Шейбани-хан предпринял попытку реорганизации чекана и обращения медных монет. Изменение типа свидетельствует о том, что старые тимуридские монеты были понижены в курсе или вовсе запрещены. Типовое единобразие продукции разных монетных дворов в 907 г.х. говорит о том, что предполагалось наладить равное общегосударственное обращение меди, вне зависимости от места ее выпуска. Монеты этого типа в Самарканде, например, выпускались до 910/1504-5 г., следовательно, население было избавлено в течение нескольких лет от всяких перемен и махинаций с медью, что было весьма благоприятной предпосылкой для нормализации особенно мелкой, розничной торговли. В этом случае интересы фиска сочетались с положительной направленностью реорганизации. Казна получала большие доходы, заполняя новыми выпусками рынки, полностью (в случае запрета) или частично (в случае понижения курса) "освобожденные" от тимуридской меди. Зато в течение ряда лет мелкая торговля на базе этих новых монет была организована в общегосударственном масштабе и не подвергалась переменам. Пока не ясна весовая сторона реорганизации чекана и обращения меди в 907/1501-02 г., для ее изучения нужно большое количество монет. Клад из Нурека открывает новые возможности именно в этом направлении.

В конце ХУ – начале ХУІ вв. выпускались медные монеты разного достоинства: кроме основного номинала (именовавшегося в это время медным динаром) – его различные кратные: двойные, полуторные, половинные, в 2/3 части и в одну шестую часть. Если судить по опубликованным кладам, – они подбирались из монет одного достоинства, лишь с небольшой иногда примесью других. Так, известны клады только двойных динаров и только мелких монеток в одну шестую динара¹⁷. Большинство же кладов целиком или в подавляющей своей части состоят из динаров – основного номина-

ла. Это затрудняло и ограничивало возможности изучения кратных: число типов различных кратных, выявленных нами до сих пор, было небольшим¹⁸. Клад из Нурека в этом отношении пока уникален: в его составе медные монеты разного достоинства. И даже та небольшая часть этого клада, которая сейчас обработана, не оставляет сомнений в том, что в кладе много новых типов монет разного достоинства.

Необходимо отметить особое значение любых кладов для конкретно-исторического изучения специфики, особенностей денежного хозяйства и денежной торговли на той территории, где они найдены. Значительное число кладов XУ в. с территории южного Таджикистана уже позволило нам рассмотреть ряд вопросов этой проблемы и наметить периодизацию развития здесь денежного хозяйства и денежной торговли при Тимуридах (пять этапов)¹⁹. Клад из Нурека важен тем, что он позволяет рассмотреть в этом аспекте новый, более поздний отрезок времени (после 910/1504-05 г.), изучение которого до сих пор не было обеспечено монетным источником. Изучение даже части этого клада дает право говорить, что этот отрезок времени для территории южного Таджикистана является особым этапом и отмечен многими специфическими чертами, отличающими этот этап от пяти предшествующих.

У. Клад джанидских монет XУШ в.

Клад найден в Урметане Ш.Куловым и передан в Институт истории АН Тадж.ССР (КПН-295/I-15) через А.М.Мухтарова. Две монеты очень плохой сохранности, 13 чеканены от имени джанида Абулфайз-Мухаммад-хана (1711-1747). 10 монет (КПН-295/I-10) однотипны, они относятся к типу I монет этого государя по нашей классификации²⁰ и позволяют несколько уточнить форму картуша л.ст. Нам было известно 3 монеты типа I, картуш их л.ст. имеет миндалевидную форму, кругом стерто. Монеты этого типа из Урметана показывают, что вокруг миндалевидного картуша - нарядный орнамент.

Три монеты клада (КПН-295/II-13) должны получить новый типовой номер. Всего нами было выявлено 4 типа монет

Абулфайз-хана, теперь появился пятый. У типа 5 картуш л.ст. такой же, как у типа I, но картуш об.ст. - хоть он полностью и не реконструируется - дает новую форму.

В музеях СССР монет Абулфайз-хана немного (нами было зарегистрировано восемь), клад из Урметана сразу увеличивает их число в 2,5 раза. Клад поэтому полезен своими весовыми данными²¹. Еще более существенна возможность определить пробу серебряных тенег типа I. Денежное обращение при Абулфайз-хане отличалось чрезвычайной сложностью, так как на рынках одновременно обращались монеты самых различных проб и различного происхождения: предреформенные (9% серебра) тенги Убайдулла-хана и еще более ранние разно-пробные тенги ХУП в. Определить среди всех этих тенег место монет самого Абулфайза можно лишь изучением результатов массового пробирования; Урметанский клад открывает именно эту возможность.

У1. Находки отдельных монет

1. КПН-307/1. Кушанская бронзовая монета т.н. "Безымянного царя" (в = 8,10; д = 20) найдена в Шахринау, доставлена Ю.Согдиевым. Наиболее распространенный и постоянно встречающийся на территории южного Таджикистана тип.

Л.ст. - быст государя в диадеме, с 10 лучами вокруг головы, с поднятой левой рукой. Изображение дротика в руке сохранилось лишь частично, хорошо видны разевающиеся концы ленты, обвязывающей древко дротика. Слева, позади головы - трезубчатая тамга.

Об.ст. Всадник вправо, перед грудью лошади в поле трезубчатая тамга (как на л.ст.), по краю частично обрезанная и стертая греческая легенда.

2. КПН-307/2. Кушанская бронзовая монета Кадфиза II (в = 15,45; д = 25) найдена вместе с предыдущей. На л.ст. - государь, стоящий перед жертвеником; на об.ст. - бык вправо и Шива. Сохранность плохая.

3. КПН-300. Медная монета IX в. (в = 1,70; д = 19-20) найдена на Кумсангирском городище (Октябрьский район, Бахшская долина) и доставлена Н.Москаленко. Монета

- очень плохой сохранности, одна сторона совершенно стерта, на другой сохранились фрагменты надписи. Определена по почерку, размерам и другим признакам.
4. Серебряная саманидская монета, чеканенная в Самарканде в 304/916-17 г. от имени Насра II б. Ахмада. Показана Г.Е.Беляковым. Точное место находки неизвестно.
  5. КПН-298. Медная саманидская монета ($v = 2,70$; $d = 24$), чеканенная в Самарканде в 305/917-18 г. от имени Насра II б. Ахмада. Найдена в кишлаке Ростровут Ганчинского района М.Маликовым и доставлена А.М.Мухтаровым.
  6. КПН-310/I-4. Четыре медные саманидские монеты плохой сохранности, выпускные сведения стерты, только на одном фельсе (КПН-310/I) читается место его производства - Бухара. Найдены на территории городища Калаи-Кахкха II и переданы Х.С.Казаковым начальному Северо-Таджикистанского отряда ТАЭ Н.Н.Негматову.
  7. КПН-311/3. Фрагмент медной саманидской монеты, чеканенной во второй половине X в. Найдена в Ленинабаде в шурфе № 19 (ярус II, штык II), заложенном Северо-Таджикистанским отрядом ТАЭ.
  8. Медная караханидская монета, чеканенная в Самарканде в 400/1009-10 г. Найдена в Пенджикенте Деминым и показана В.Е.Ситниковым.
  9. Серебряная караханидская монета, чеканенная в Ходжендзе в 404/1013-14 г. Показана В.Е.Ситниковым, найдена в Таджикистане, но точное место находки не зарегистрировано.

Л.ст. В поле

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِيْمِ

الْقَادِرِ بِاللّٰهِ تَعَالٰى الْعٰلِيُّ خَارِجٌ

لَا شَرِيكَ لَهُ

По сторонам-квадратом

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِيْمِ /

بِحَمْدِهِ سَنَةٌ / ارْجِعْ مَا يَهِي

Об.ст. В поле

سَمْدَرُ سُوْلَ اللّٰهِ

الْقَادِرُ بِاللّٰهِ تَعَالٰى الْعٰلِيُّ خَارِجٌ

سَرْزَادُ الدُّولَهِ يَرَالْ تَكِيَّيْنِ

Вимуз "Наср" уйгурским

шрифтом.

Кругом - Коран, IX, 33.

10. КПН-311/2. Караканидская монета из низкопробного серебра ($v = 1,60$; $d = 22-24$) с рваными и выщербленными краями. Сохранность плохая, но остатки надписей, почерк

и общий облик позволяют отнести эту монету к кашгарско-яркендской группе начала XI в. Найдена Северо-Таджикистанским отрядом ТАЭ в Шахристане, в Майдони-Сай.

- II. КПН-3II/5. Медная или бронзовая караханидская монета - (видимо, медный посеребренный дирхем) плохой сохранности ($v=2,60$; $d=27$), на двух сторонах реконструируются лишь картуши. Чеканена в XII в. Найдена Северо-Таджикистанским отрядом ТАЭ в Ленинабаде, в шурфе № 17 (ярус VI).
12. КПН-305. Медный посеребренный дирхем ($v=5,45$; $d=34$) конца XII или начала XIII вв. Сохранность плохая. Найдена монета школьниками на городище Лагман (близ сельсовета Узун Колхозабадского района) и доставлена В.С.Соловьевым.
13. КПН-3II/6. Медная ашугтегинидская монета ($v=2,30$; $d=19-20$), чеканенная от имени Текеша (II72-II00). Сохранность плохая, на одной стороне трёмя строками الخط تكش , другая сторона стерта полностью. Найдена монета Северо-Таджикистанским отрядом ТАЭ в Кизайл-Кахкака I (объект IV).
14. КПН-3II/7. Медная анонимная монета ($v=2,15$; $d=19$) хорезма XIU в. Найдена Северо-Таджикистанским отрядом ТАЭ в Майдони-Сай (Шахристан).
- Л.ст. В квадратном картуше, обрамленном с четырех сторон орнаментом - наименование монетного двора خوارزم квадратным куфическим почерком. Ободок линейный и точечный.
- Об.ст. Картуш в виде восьмилепестковой розетки, четырьмя колечками соединенной с внешним ободком (ободок как на л.ст.). В картуше - животное справа, во внешних сегментах - дата (сохранилось только $41\text{--}3$, остальное обрезано).
15. КПН-3II/9. Медная анонимная монета ($v=2,30$; $d=19$) Хорезма XIU в., на одной ее стороне - орнамент, другая сторона стерта. Найдена Северо-Таджикистанским отрядом ТАЭ.
16. КПН-343. Серебряная тимуридская монета ($v=4,90$; $d=23-25$),

найденная школьниками в Дангаринском районе, доставлена В.Е.Ситниковым. На л.ст. в картуше - символ веры, по сторонам в сегментах - имена первых четырех халифов с эпитетами. Об.ст. сбита тремя надчеканами. Один надчекан - в картуше بُوْرَهْ . Второй надчекан - Ахмада в фигурном картуше اَخْمَادَهْ . Третий надчекан сбит.

17. КПН-301/1. Медная тимуридская монета плохой сохранности (в=3,15; д=20-22), найденная близ Явана, доставлена А.Москаленко. Реконструируется тип анонимной монеты 823/1420 г. Монеты 823 г.х. были изъяты из обращения реформой Улугбека в 832/1428-29 г.
18. Медная анонимная тимуридская монета Бухары с датой 832/1428-29 г. Бухарские монеты с этой датой чеканились в течение длительного времени после декретирования в 832/1428-29 г. денежной реформы Улугбека, а обращались до конца ХУ в. В Карамазарских горах, около входа в древний рудник Канджол, В.М.Турлычук нашел 8 монет, из них две были показаны Е.В.Ситниковым (см. № 25).
19. КПН-311/1. Медная анонимная тимуридская монета (в=5,10; д=24) как № 18. Обращает внимание ее малый вес (0,9 г) и размер (18 мм) даже при учете плохой сохранности и выщербленности краев. Найдена Северо-Таджикистанским отрядом ТАЭ (Куркат, городище Ширин, помещение 2).
20. КПН-299. Медная анонимная тимуридская монета как № 18. На л.ст. несколько перебитых надчеканов, один - в виде шестиугольника с термином "данги" в надписи. Найдена в Такобе З.Бсуповым, доставлена А.М.Мухтаровым.
21. КПН-301/2. Медная анонимная тимуридская монета (в=4,90; д=22-23) как № 18. На л.ст. три надчекана. Один совершенно забит более поздними. В картуше надчекан Хисара, дважды. Найдена монета около Явана Н.Москаленко.
22. КПН-306/1. Медная анонимная тимуридская монета плохой сохранности (в=4,20; д=22-23), перебитая надчеканами. По остаткам надписей и картушей ясно, что чеканена она в Бухаре в 900/1494-95 г. На л.ст. надчекан в квадратном картуше, на об.ст. - в трехлепестковом картуше, у обоих надчеканов наименование монетного двора сбито. На-

шел монету С.Сафаров у себя во дворе (кишлак Дагана-Кыик, совхоз им. "XXII партсъезда"), доставила В.Хмельницкая (см. также № 26).

23. КПН-296/I-3. Три медных анонимных тимуридских монеты. Две (в=8,10; 8,10) чеканены в Хисаре (на одной дата - 907/1501-02 г.), третья (в= 9,75) - в Кундузе. Это однотипные (с изображением джейрана) двойные динары, выпускавшиеся во владениях Хусрау-шаха после его реформы, проведенной в 907/1501-02 г.²².

Монеты нашли К.Ваджидов и З.Файзов на участке Джар-Курган колхоза "Ок Олтын" Шаартузского района, а доставил Т.М.Атаканов.

24. Медная анонимная тимуридская монета того же типа, что № 23 (чекан Кундуза). Найдена на южной окраине поселка Вахш. Протирку этой монеты прислал Н.Москаленко.

25. Медная анонимная шейбанидская монета, чеканенная в Герате, в 914/1508-09 г. Найдена вместе с монетой № 18.

26. КПН-306/2. Медная анонимная монета (в=5,00; д=24), чеканенная в Самарканде в 917/1511-12 г. или в 919/1513-14 г. (начертание слова единиц позволяет оба чтения).

Наименование монетного двора на л.ст. в квадратном картуше, обрамленном орнаментом. Найдена вместе с монетой № 22.

27. КПН-310/5. Медная анонимная тимуридская монета, чеканенная в Самарканде (наименование монетного двора на л.ст. в круглом картуше, обрамленном орнаментом) без обозначения даты выпуска (на об.ст. - орнамент). Найдена на территории Калаи-Каххаха Ш и передана Северо-Таджикистанскому отряду ТАЭ Х.С.Козаковым.

28. КПН-310/6. Медная анонимная тимуридская или шейбанидская монета плохой сохранности, по косвенным данным, - конца XV в. или начала XVI в. Найдена вместе с монетой № 27.

29. КПН-344/I. Уникальная серебряная джанидская монета Имам-Кули-хана (1611-1642), чеканенная в Бухаре (в= 4,20; д=20-23). На л.ст. в картуше - **مَا قَلِيلٌ بِالرَّحْمَانِ** | **خَيْرٌ بِعَلَيْهِ**. Форма картуша полностью не реконструируется, кругом стерто. На об.ст. в картуше символ веры; кругом стерто. В литературе опубликовано 56 типов

серебряных монет Имам-Кули-хана²³. Описанная монета – нового типа, которому следует присвоить номер 57. Монета найдена в Дангаре и доставлена В.Е.Ситниковым.

30. КПН-311/8. Турецкая монета, Константинополь, III/I699-I700 г. Найдена в Ленинбаде Северо-Таджикистанским отрядом ТАЭ.

¹ КПН - 67 (поступление I964-I965 гг.); КПН-312 (поступление I970 г.).

² М.Н.Федоров, Ходжендский клад серебряных дирхемов второго десятилетия XI в., – "Материальная культура Таджикистана", вып. 2, Душанбе, I97I.

³ Количественный химический анализ этих монет выполнен в Институте химии АН Тадж. ССР лаборантом Г.М.Калашниковой.

⁴ Е.А.Давидович, Из области денежного обращения в Средней Азии XI-XII вв., – "Нумизматика и эпиграфика", т. II, М., I960, стр. 102, табл.

⁵ А.М.Беленицкий, Отчет о работе Вахшского отряда в I947 г., – МИА, № I5, М.-Л., I950, стр. I43-I44.

⁶ Е.Давидович, Вахш: новое о старом, – газ. "Коммунист Таджикистана", 6 августа I970 г., № I8I /I2054/.

⁷ Чтение "Вахш" в надчеканах конца XУ в. в первой публикации (так же как наименование еще двух новых монетных дворов – Наванд и Наубазар) мы считали предположительным, поэтому в сводной таблице типов надчеканов дали не чтение, а прорисовки (см. Е.А.Давидович, Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XУ в., – "Нумизматика и эпиграфика", т.У, М., I965, стр. 232-234 и рис. I на стр. 23I). Впоследствии сравнительный палеографический анализ убедил в правильности чтения "Вахш".

⁸ Институт истории АН Тадж.ССР, КПН-303/I-5, 304, 337/I-7.

⁹ Вес целых экземпляров: 2,70 (303/I); 2,50 (303/2); 2,55 (387/I); 2,90 (337/3); 3,00 (337/6); 3,10 (337/7); 2,80 (304) г.

I⁰ Е.А.Давидович, Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека, - сб. "Из истории эпохи Улугбека", /Ташкент, 1965/, стр. 274-299.

I¹ Среди бухарских монет несколько, очевидно, фальшивых: надписи схематичные, неумелые. Но они получили права "гражданства", ибо часть их даже надчеканена.

I² Е.А.Давидович, Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории южного Таджикистана в ХУ в., - сб. "Абдурахман Джами. Эпоха, жизнь и творчество". Душанбе, 1965, стр. 37-44.

I³ Е.А.Давидович, По поводу двух кладов медных монет ХУ в. из Таджикистана, - ЭВ, ХУП, 1966, стр. I22 сл.

I⁴ Е.А.Давидович, Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории южного Таджикистана в ХУ в., стр. 36.

I⁵ Е.А.Давидович, Денежная реформа Шейбани-хана, - Труды АН Тадж.ССР, т.ХII, 1954, стр. 100-103.

I⁶ Е.А.Давидович, Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет ХУ в., - "Нумизматика и эпиграфика", т.У, М., 1965, стр. 238, рис. 3.

I⁷ Е.А.Давидович, Шаартузский клад двойных динаров 906/1500-1501 и 907/1501-1502 гг., - Доклады АН Тадж.ССР, вып. IX, 1953, стр. 31-42; оне же, Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в., - "Нумизматика и эпиграфика", т.І, М., 1960, стр. 193-198.

I⁸ Е.А.Давидович, К медным номиналам конца ХУ - начала XVI вв. по данным чекана Хисара и Кундуза, - "Сообщения Тадж.филиала АН СССР", вып.24, 1950, стр. 39-45.

I⁹ Е.А.Давидович, Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории южного Таджикистана в ХУ в., стр. 31-50.

I¹⁰ Е.А.Давидович, История монетного дела Средней Азии ХУП-ХУШ вв., Душанбе, 1964, стр. 50 и табл. 7 на стр. 49.

I¹¹ № 1-4,07; № 2-4,10; № 3-3,95; № 4-4,10; № 5-3,87;

№ 6-3,87; № 7-3,90; № 8-3,90; № 9-4,00; № 10-3,70; № 11-
3,95; № 12-4,05; № 13-3,90 г.

22 Е.А.Давидович, Новые нумизматические материалы для
характеристики товарно-денежных отношений на территории юж-
ного Таджикистана в XУ в., стр. 46 сл.

23 Е.А.Давидович, История монетного дела Средней Азии
ХII-XIV вв., стр. 20-34, табл. 4а и 4б на стр. 22 и 28 (55
типов). Тип 56 - см. Е.А.Давидович, Заметки по нумизматике
Средней Азии, ч. I (Караханиды, Джагатайцы, Джаниды), - "Ма-
териальная культура Таджикистана", вып. 2, Душанбе, 1971,
стр. 185 и рис. 2 на стр. 184.

6. ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДКИ НА ПЛАТО САГЫР-АХУН
(Малое Даштако)

Памятники эпохи мустынь в Средней Азии и в Таджикистане, в частности, связаны с террасами ташкентского (иляксского) времени. Стоянки развитого и позднего мустынь приурочиваются к периоду между завершением цикла аккумуляции среднеплейстоценовых террас и началом нового, верхнеплейстоценового вреза, т.е. $Q_2^2-Q_3^1$.¹ При этом остается еще много нерешенных вопросов, связанных с геоморфологическим положением мустырских памятников. В этом плане плато Сагыр-Ахун, которое находится в верховьях Ях-Су, представляет исключительный интерес. Это высокая довольно ровная речная терраса, прорезанная ручьем Оби-Бедиравак. В некоторых местах врез ручья достигает галечника, который является аккумулятивным чехлом данной террасы и подстилает лёссовидные отложения. Такое соотношение четвертичных сedиментов является типичным для среднеплейстоценовых террас и описано в литературе². Плато находится на высоте 390 метров относительно пусла реки Ях-су и является наиболее высокой террасой иляксского времени в данном районе. На 200 метров выше расположено высокогорное плато нижнеплейстоценового времени – Даштако. Ниже плато Сагыр-Ахун расположена серия верхнеплейстоценовых террас (табл.36)³. На самой высокой из них, у кишлака Шугноу, была открыта и исследована описанная в отчете, помещенном в настоящем сборнике, стоянка верхнего палеолита. Очень важно, что последний (IV) горизонт этой стоянки лежал непосредственно на аллювиальных отложениях Ях-су и таким образом стоянка мустырского времени по идее должна находиться на более высоких уровнях. К сожалению, не сохранились (кроме эрозионных уступов) террасы, промежуточные между верхнеплейстоценовой серией и Даштако, что не дает возможности привязать некоторые находки мустырского облика, встреченные среди подъемного материала у кишлака Шугноу. Одновременно с работами в Шугноу на протяжении трех лет проводились небольшие по масштабам разведки на плато Даштако и Сагыр-Ахун. В итоге получена довольно выра-

зительная коллекция, которая представляет определенный интерес. Эта коллекция была передана нам В.А.Рановым, при консультации которого и была написана настоящая статья. Описываемая коллекция может быть разделена на три группы. Первая группа состоит из мелких отщепов, собранных по всей поверхности плато. Залегание предметов и материал, из которого они изготовлены, — в основном это кремень, — говорит о их позднем, скорее всего неолитическом, возрасте. Вторая группа представлена несколькими пластинами и отщепами. По внешнему виду и технике изготовления они напоминают материал из верхнепалеолитической стоянки Шугноу. Среди них отметим:

1) Пластинчатый отщеп. Длина — 8,6 см, ширина — 5,0 см. Сечение — 1,4 см. Ударная площадка образована несколькими сколами. На спинке имеются следы от предыдущих снятий.

2) Пластина правильной формы, с острыми режущими боковыми гранями. Ударная площадка уничтожена в процессе изготовления. Длина — 10,3 см, ширина — 3,4 см, сечение — 1,1 см.

3) Массивная пластина с плохо выраженным ударным бугорком. Длина ~ 8,8 см, ширина — 4,3 см. Сечение — 2,1 см. Ударная площадка, образованная одним снятием, скосена в сторону брюшка.

4) Массивный отщеп. Изготовлен из того же материала, что и предыдущая пластина. Ударная площадка образована несколькими ударами. На спинке следы предыдущих снятий. Длина отщепа — 7,6 см, ширина — 3,4 см, сечение — 2 см.

5) Отщеп правильной формы. Положение негативов на спинке, от предыдущих сколов, говорит о том, что он был снят с небольшого двухплощадочного нуклеуса. Длина отщепа — 4,4 см, ширина — 4,3 см.

6) Пластина с тонко фасетированной ударной площадкой и небольшим ударным бугорком. На рабочей стороне имеются остатки галечной корки. Длина — 6,8 см, ширина — 2,7 см, сечение — 0,8 см.

Третья группа находок с плато Сагыр-Ахун представляет наибольший интерес. Изделия были собраны либо на контакте между галечником и лессовыми отложениями, либо в русле ручья, т.е. практически почти на том же расстоянии от дневной поверхности.

1. Двухплощадочный, односторонний нуклеус размерами 9,9x11,5x3,8 см. На рабочей стороне прослеживается ряд негативов от снятых пластин. Ударные площадки имеют подправку как крупными, так и мелкими фасетками, площадки неоднократно подправлялись в процессе работы. Нуклеусы подобного типа встречаются начиная от позднего ашеля⁴ (табл. 37/1).

2. Пластинчатый отщеп размерами: длина - 9,3 см, ширина - 5,9 см. Очень маленькая ударная площадка, мелкофасетированная. Негативы сколов на спинке расположены в разных направлениях. По-видимому, пластина была снята с дисковидного нуклеуса (табл. 37/2).

3. Массивный пластинчатый отщеп неправильной формы. Длина отщепа - 9,3 см, ширина - 6 см, сечение - 2,1 см. Гладкая ударная площадка скошена к тыльной стороне⁵ (табл. 37/2).

Датировать столь небольшую коллекцию трудно. С точки зрения типологии 3-я группа находок выглядит очень архаично, но в то же время такие предметы вполне могут встретиться в любой коллекции развитого мустье. При этом нельзя не учитывать тяготение этих предметов к основанию лёссовых отложений, что говорит скорее в пользу вероятности ашельской, чем мустьерской даты.

Как уже говорилось, плато Сагыр-Ахун представляет большой интерес, прежде всего благодаря своей исключительной геоморфологической позиции. Если бы здесь удалось найти палеолитический памятник с неподревоженным культурным слоем, он получил бы очень ясную геоморфологическую привязку. Имеющиеся изделия каменного века позволяют высказать два допустимых мнения: 1) орудия третьей группы являются ашельскими и первоначально были связаны с лёссовидной толщей - верхней частью отложений Сагыр-Ахуна; 2) орудия эти - мустьерские или раннемустьерские. Судя по раскопкам многослойной стоянки Шугноу, в этом районе Внешнего Дарваза очень развиты покровные толщи лёссовидные отложения. Мустьерские памятники, которые не были обнаружены в толще лёссовидных суглинков 80-метровой террасы (самой высокой), могут находиться в покровной толще значительно более высоких террас, тем более что в настоящее время поднят

вопрос о передатировке возраста Большого Даштако⁶. В этом случае лёссовидные суглинки плато Сагыр-Ахун соответствовали бы обычной для Средней Азии позиции развитого мустье⁷.

¹ Н.П.Костенко, В.А.Ранов, Покровная толща среднеплейстоценовых террас и вопросы геологического возраста мустье в Средней Азии - ИООН АН Тадж.ССР, № I(4?), 1966, стр. 40.

² Там же.

³ Автор благодарен Б.Л.Кошелеву за любезно предоставленный рисунок и ряд ценных указаний.

⁴ В.П.Любин, К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических орудий, - МИА, № 131, М.-Л., 1965, стр. 24.

⁵ Обе находки были сделаны геологом А.А.Никоновым.

⁶ Ш.Ачилов, О возрасте даштакинской свиты - ДАН Тадж. ССР, т.13, № 6, 1970, стр. 37.

⁷ С.А.Несмеянов, В.А.Ранов, К палеографии мустьевских стоянок в горах Средней Азии, - "Страны и народы Востока", вып. X, М., 1971, стр. II.

Е.А.Салтовская

О МОГИЛЬНИКЕ ХАЗИНА-ХОНА

В 1934 г. во время обследования территории Исфаринского района Ферганской экспедицией ГАИМК под руководством Б.А.Латынина на южной окраине г.Исфара, в 3-4 км от города, справа от дороги Исфара-Сурх, недалеко от моста близ Калай-Боло, в местности Хазина-Хона был открыт могильник. Раскопками было вскрыто несколько погребений (одно из них в хуме), датированных УП-УШ вв.¹. В отчете о раскопках исфаринских могильников в 1956 г. Б.А.Литвинский сообщает, что основная часть могильника Хазина-Хона была уничтожена при хозяйственных работах в марте 1956 года. В обрезах вырытого котлована им были отмечены человеческие кости и некоторое количество находок². Как отмечал в свое время Б.А.Латынин, могильник не обладает внешними признаками, характерными для

обычных курганных могильников³; вся поверхность его была снивелирована селевыми потоками с гор, и только в северной части могильника на поверхности сохранилась курганская насыпь из окатанных камней средней величины, диаметр насыпи 4,5-5 м, высота около 70 см.

В середине января 1971 г. из Исфаринского горисполкома (зам. пред. горисполкома тов. Ахмедова) поступил сигнал о том, что при земляных механизированных работах по укладке дороги на южной окраине города были найдены керамические сосуды, бронзовые изделия и другие предметы материальной культуры. По всей видимости, речь шла о нарушенных погребениях. По прибытии на место выяснилось, что механизированные работы ведутся на упомянутом выше могильнике Хазина-Хона. При детальном обследовании обрезов траншеи от бульдозера глубиной до 4 м, шириной 3-3,5 м, проходящей почти по центру могильника в направлении СЗ-ЮВ, выявлено два типа захоронений: захоронения в хумах и в грунтовых ямах. Хумы, лежащие на боку, ориентированы строго по линии С-Ю (на юг горло хума). В хумах находились мелкие человеческие косточки, есть окрашенные в зеленый цвет. Высота хумов 80-90 см, ширина - 60-65 см. Захоронения, судя по всему, не труповоложения. Вероятно, хумы выполняли роль оссуариев-костехранилищ. В одном хуме вместе с мелкими человеческими костями найдено несколько пастовых овальных бусин, кусочки ткани, вероятно карбоса. В другом - биконической формы сосуд, открытый, на высоком поддоне. В нижней части туловища и у дна - следы подрезки ножом. В верхней части, внутри и снаружи сосуд покрыт красным ангобом. Подобные сосуды были встречены при раскопках могильников первых веков н.э. - Усто-Мулло, Калантар-Хона в Исфаринском районе⁴, аналогичные по форме тонкостенные кружки обнаружены в верхнем горизонте Джеты-Асара⁵, в слое ГУ-УП вв. Мелкие находки: фрагментированный бронзовый браслет, бронзовая проволочная серьга, несколько четырехгранных бус из голубой стеклянной пасты, одна небольшая, шаровидной формы, пастовая бусина, янтарная буса в форме плоского кружочка.

Грунтовые погребения вырыты в гравийно-галечниковом слое на глубине до 1,5-2 м от поверхности, с подборами, ориентация ям тоже по линии С-Ю.

Находки: небольшой, с туловом биконической формы сосуд на гончарном круге, на высоком полом поддоне, неангобированный, со следами подрезки ножом в нижней части туловища; миниатюрный, привесисто-биконической формы горшочек с неровно подрезанным плоским дном, в верхней половине покрыт блестящим, черно-серым ангобом; миниатюрная груболепная чашечка с прилепной сбоку клювовидной ручкой, из темно-серой глины с кальциевой примесью. Все описанные сосуды находят широкие аналогии в керамике могильников первых веков н.э.: Чорку, Устомулло, Калантар-Хона, Воруха.

Мелкие находки: бронзовая проволочная серьга, керамическое красноангобированное прядлице в форме усеченного конуса с глубокими горизонтальными рифлениями.

Более углубленное изучение остатков этого могильника с хумусными погребениями, по всей видимости, выявит новые данные для решения вопросов, связанных с интересным погребальным культом на территории Средней Азии.

¹ Е.А.Давидович, Б.А.Литвинский, Археологический очерк Исфаринского района, Душанбе, 1955, - Тр.АН Тадж.ССР, т. XXXУ, стр. 18-19.

² Б.А.Литвинский, Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г., - АРТ, ГУ, Душанбе, 1959, стр. 74.

³ Е.А.Давидович, Б.А.Литвинский, ук.соч., стр. 22.

⁴ Б.А.Литвинский, ук.соч., рис. 3, б.

⁵ Д.И.Левина, Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-Асацкой культуры, - Сб.: "Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана", М., 1966, стр.63, рис. II.

ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА ВОИНА ИЗ
РЕГАРСКОГО РАЙОНА

В редакцию республиканской газеты "Совет Таджикистана" в августе 1970 г. была прислана посылка из бригады № 27 Тельмановского участка колхоза имени Калинина Регарского района, в которой оказалась маленькая глиняная статуэтка I.

Статуэтка эта (табл. 38) отформована на колыбе (матрице), великолепно выполненном умелыми руками мастера-художника, очень реалистична и тонка в своих деталях и пропорциях. Она изображает фигуру мужчины-воина. Лицо худощавое, продолговатое, мягких очертаний. Лоб низкий. Дугообразные приподнятые брови сходятся на переносице. Глаза небольшие, почти круглые. Длинный прямой широкий нос с мягко моделированными крыльями почти касается рта, его кончик слегка приплюснут. Еще заметны небольшой рот и контуры усов. Подбородок округлый, слегка одутловатый. Антропологический тип лица - европеоидный. На голове острореберный шлем с довольно крупными наушниками и с рядом еле заметных вертикальных нарезок на надлобной части. На лбу из-под шлема выступают волосы. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и расположена на животе.

Воин одет в короткую куртку, опускающуюся до уровня бедер. Отвороты и низ куртки украшены еще заметным поясом из мелких нарезок. На талии воина-ремень, на котором висит кинжал, на его рукоятке - левая согнутая рука воина. Левая нога прямая и несет основную тяжесть фигуры, правая чуть согнута в колене и придвижута пяткой к левой ноге, т.е. воин, своего рода, в позе "вольно".

Статуэтка выполнена из тщательно отмученной красноватой глины и равномерно обожжена. Тыльная и боковые стороны неровные: они подрезаны острым инструментом и местами заглашены. Высота статуэтки 13,5 см, максимальная ширина в области груди 4 см.

Среди имеющихся многочисленных публикаций мелкой скульптуры из разных памятников Средней Азии нам не удалось найти полную или, по крайней мере, близкую аналогию данной глиняной фигурке воина. В том числе нет близкой аналогии и сре-

ди известных терракотов самой Бактрии и соседнего Согда. В качестве лишь отдаленной аналогии регарской статуэтке воина можно назвать головку юноши в шлеме эллинистического типа II в. до н.э. из Афрасиаба (Самарканд)², Фигурку раннекушанского времени II-I в. до н.э. из Ташкентского музея истории Академии наук Узбекской ССР³ и ряд мужских фигурок в скифских высоких остроконечных шапках первых веков нашей эры из Самарканда⁴. Головной убор регарской статуэтки очень близко напоминает остроконечные шапки фигур на круглом глиняном медальоне кушанского времени (I в.н.э.) из городища Халчаян близ Дензу, т.е. в соседнем с Гиссарской долиной районе⁵, и бронзовый литой шлем VI-V вв. до н.э. из Самарканда⁶.

Таким образом, отсутствие полных или близких аналогий регарской статуэтке среди памятников Средней Азии, с одной стороны, затрудняет вопрос о его датировке и истолковании, с другой, указывает на важность этой находки. Сам характер скульптуры, а также приведенные выше отдельные сопоставления с другими такими памятниками все же намекают на то, что статуэтка воина из Регарского района относится к первым векам до нашей эры. Нахodka эта относится к бурному времени социальных и политических потрясений, связанных с завоеванием древней Бактрии, страны, куда входили и нынешняя Гиссарская долина, с пришедшими с севера и востока многочисленными кочевыми племенами, в т.ч. токарами. На базе бактрийских земель впоследствии, в конце I века до нашей эры, было создано государство, в котором главенствующую роль сыграли кушаны. Из всех пришедших сюда племен самым живучим оказалось имя токаров, которое перешло потом на название значительной части бактрийских земель - Токаристан.

В связи с этим хочется поставить следующие вопросы: не оставлена лиnama скульптуры этими племенами и не изображает ли она реальный облик токарского или кушанского воина?

¹ Н.Н.Негматов, Тохаристонлик жангчи Ҳисор водийсида,— "Совет Таджикистана", 1970 йил II сентябрь; Н.Н.Негматов,

Тохарский воин из Регара, - "Коммунист Таджикистана", 25 сентября 1970 г.

² В.А.Мешкерис, Терракоты Самаркандского музея. Каталог, Л., 1962, стр.19, рис. 3 (фиг. 2); описание на стр.57, № II; фото табл. I, рис. II; Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века, М., "Искусство", 1965, илл. 31.

³ В.А.Мешкерис, Терракоты..., стр. 26, рис. 6 (фиг I).

⁴ В.А.Мешкерис, Терракоты..., табл. VI, 69-71; III, 97, 98; XУШ, 315-318; Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, История искусств..., илл. 59, 60, 65.

⁵ Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, История искусств..., илл. 57.

⁶ Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, История искусств..., илл. 9.

П.Т.Самойлик

ПОГРЕБЕНИЯ В ХУМАХ У СЕЛЕНИЙ ПАШИ И РАСПРАВУТ

В 1970 году группой по изучению истории ирригации устрошаны Северо-Таджикистанского отряда ТАЗ производились поиски остатков древних ирригационных сооружений, осмотр и сбор подъемного материала с уже зарегистрированных археологических памятников и выявление ранее неизвестных объектов. Так, при осмотре уже известного памятника Ситорактепа ^I, расположенного к северу от с.Паши, и в беседе с работником животноводческой фермы совхоза Шахристан I Шарифовым Зарифом выяснилось, что вблизи от упомянутого памятника обнаружены хумы с костями людей.

При постройке З.Шарифовым загона для скота, в 330 м. западнее Ситорактепа на склоне соседнего всхолмления было обнаружено три хума. В одном из них, кроме костей, находился железный стержень. По рассказу информатора, находки были аккуратно собраны и погребены в другом месте.

При осмотре нами указанного места выяснилось: срез

северной стены загона представляет собой чистый рыхлый лёсс с вкраплением в одном месте на глубине 30 см от дневной поверхности фрагментов хума, срезы западной и южной стен также представляют собой чистый рыхлый лёсс, но без каких-либо вкраплений. При обстукивании стен тешой в ряде мест наблюдаются звуковые различия, создающие впечатление наличия в стенах ближе к дневной поверхности пустот.

Расчистка наблюдаемых в срезе северной стены фрагментов хума показала, что при выемке грунта была сбита данная часть сосуда, лежащего на боку. В заполнении оставшейся части действительно находились обломки костей человека. Часть венчика была отбита еще до использования сосуда в качестве костехранилища. Горловина хума была закрыта другим широкогорлым, горшковидным сосудом, у которого также была сбита часть венчика и сколота часть дна, они лежали друг к другу горловинами, так что отсутствующие части венчиков перекрывались. Дно горшковидного сосуда выходило на дневную поверхность (табл. 39).

Венчик хума представляет собой утолщенное, заоваленное продолжение невысокого горла с отгибом вверхней части наружу. Поверхность сероватого цвета тщательно заглажена. В изломе стенка имеет красноватый оттенок. На плечике сосуда - знак. Он наносился острым предметом по сырой глине (табл. 39/1). Второй сосуд (табл. 39/2) кружальной работы, украшен по плечику широкой орнаментальной полосой, состоящей из прямых горизонтальных линий и двух волнистых (над прямыми и под ними.).

Формы и орнаментация сосудов и знак дают возможность отнести погребение к VI-VII вв. н.э.

Второй пункт погребения костей в сосуде типа хумча выявлен в 700 м к западу от с. Расравут. Сведения об обнаружении погребения получены от учащихся Расравутской восьмилетней школы.

При осмотре указанного места были собраны фрагменты хумча средних размеров, часть красноангобированного сосуда небольших размеров с хорошим лощением. Там же находились раздавленные кости черепа, зуб и несколько других костей.

По форме туловища и венчука хумча и фрагмент второго сосуда можно отнести к VI-VII вв. н.э.

Место обнаружения погребения представляет собой, видимо, искусственное всхолмление, округлое в плане, высотой около 8,5 м. Рядом имеются другие всхолмления без подъемного материала, но некоторые из них явно искусственного происхождения. В этом отношении представляет интерес слабо выраженный в рельфе квадрат обводных стен с всхолмлением в центре.

В заключение следует отметить, что обнаруженные погребения поддаются предварительной датировке и указывают на новые пункты распространения подобного обряда погребения.

I О.И.Смирнова, Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. - МИА, № 37, М.-Л., 1953, стр. 206.

В.С.Соловьев

КЕРАМИКА КАФЫР-КАЛЫ (РАСКОПКИ 1969-1970 гг.)

В процессе раскопок Кафыр-Калы в Колхозабаде найдено значительное количество керамики. Большая часть ее происходит с территории города, меньшая - из дворцовых помещений, вскрытых на цитадели. Керамика, найденная на территории города, частично опубликована^I.

В этой статье будет рассматриваться керамика из дворцовых помещений верхнего яруса. Вся керамика разделена на столовую, кухонную и тарную. Светильники описаны отдельно. Описываемые нами экземпляры керамики почти все археологически целые.

Столовая посуда найдена преимущественно в жилых и парадных помещениях дворца. Она сделана на гончарном круге из хорошо приготовленной глины с примесью мелкого песка. Обожжена посуда хорошо. Для покрытия применялся в основном светлый ангоб; реже - красный жидккий ангоб.

Столовая посуда состоит из кувшинов различной формы и размеров и мисок. Кувшины делятся на крупные и средние, широкогорлые и узкогорлые и кувшины небольших размеров. Часть кувшинов была сделана с ручками, часть без ручек. Узкогорлые

кувшины представлены, помимо фрагментов, двумя почти целыми формами (табл. 40/1, 2), незначительно отличающимися лишь размерами. Высота кувшинов 28–30 см. Тулово яйцевидной формы диаметром 17,5–17,8 см. Переход от тулова к горлу плавный. Горло невысокое – 2–3 см, диаметр 2–2,4 см. Оно заканчивается устьем-сливом, который вытянули при формовке из за-крайни и смыли двумя пальцами. Конец образовавшегося слива был оттянут слегка вниз. Снаружи слив подчеркнут двумя же-лобками. На противоположной стороне от слива, одним концом к закраине, а другим к верхней части тулова прикреплена ручка. Поддон не выделен, диаметр дна – 8–10 см.

Один кувшин снаружи ангобирован красным ангобом, дру-гой – серым. Оба кувшина найдены в помещении II.

Аналогичные узкогорлые кувшины найдены в верхнем слое Пенджикентского городища². Похожие кувшины имеются на Балалык-Тепе³, в Шекристане на Кахкахе I⁴, на памятниках афригидского Хорезма⁵. Датируются кувшины УП-УШ вв. н. э.

Широкогорлые кувшины представлены, наряду с фрагмента-ми, одним практически целым экземпляром (табл. 40/5) из шур-фа в помещении 3 под верхним полом.

Кувшин средних размеров. Высота его 28,7 см. Тулово округло-удлиненной формы диаметром 22 см. Венчик в сечении имеет подпрямоугольную форму. Диаметр его равен 10 см. Дно не сохранилось. На плечике виден след от отбитой ручки. По-хожие кувшины были найдены в верхнем слое Пенджикента⁶, в Хорезме⁷, на Аджина-Тепе⁸.

Небольшие кувшинчики отличаются один от другого и раз-мерами и формой. Четыре таких кувшинчики сделаны на гончар-ном круге, два – ручной работы. Рассмотрим вначале кувшинчи-ки, формованные на круге. Большой из них высотой 19,5 см. Диаметры: корпуса – 19 см, венчика 9 см, дна 8,5 см. Венчик в сечении подквадратной формы. Плечико украшено двумя параллельными концентрическими линиями. У среднего кувшинчика отбито горло с венчиком (табл. 40/6). Сохранив-шаяся высота его равна 13,5 см. Диаметры: корпуса – 12,4 см, горла – 4,5 см, дна 7 см. На плечике виден след отби-той ручки.

Маленький горшок сохранился целиком (табл. 40/4). Высо-

та его равна 13 см. Диаметры: туловища - 13,5 см, венчика - 7,5 см, дна - 6 см. Венчик в сечении имеет округлую форму. Туловище и венчик местами закопчены.

Лепные кувшинчики сохранились в виде фрагментированных экземпляров. У одного из них отбит венчик, у другого отбито дно. Сохранившаяся высота кувшинчика, у которого отбито горло, 16,5 см. Туловище слабо выпуклое. Диаметр его равен 14 см. В верхней части туловища видно место прикрепления ручки. Дно широкое, чуть вогнутое внутрь. Диаметр его равен 9 см. Кувшинчик найден в помещении II. Второй кувшинчик мало отличается от первого. Сохранившаяся высота его равна 13 см. Форма туловища - равномерно округлая. Овальная в сечении ручка прикреплена одним концом к середине туловища, другим к плечику. Диаметр венчика 6 см, форма округлая.

Лепные кувшинчики сделаны очень грубо. В тесте одного из них есть примесь крупного истолченного намота. Отнесение их к столовой посуде предположительно.

Небольшие кувшинчики применялись и до раннего средневековья и позже; форма их обычно нестандартна. Похожие на наши кувшинчики были найдены на Балалык-Тепе⁹, на Аджинат-Тепе¹⁰, в Хорезме¹¹, в Пенджикенте¹².

Из группы небольших кувшинчиков выделяется кувшинчик - "поильник" с носиком-сливом (табл. 40/3). Высота сосуда 15,7 см. Туловище округлое диаметром 12 см. Переход от туловища к горлу плавный. В месте перехода сделан небольшой валик. Венчик в сечении имеет подпрямоугольную форму. Диаметр его равен 3,5 см. Снаружи он профилирован двумя желобками. Одним концом к туловищу сосуда, другим концом к венчику прикреплена ручка, профилированная желобками. У конца, прикрепленного к венчику, приделана керамическая насадка диаметром 1 см.

На противоположной стороне от ручки к плечику сосуда прикреплен носик-слив диаметром 1,5 см. Под носиком трубкой оттиснуты два кружка диаметром 1,2 см. Сосуд сделан на круге, хорошо обожжён. У дна снаружи видны следы подрезки.

Стратиграфически этот кувшинчик относится к более раннему времени, чем остальные сосуды (кроме еще двух). Он относится приблизительно к концу VI в. н.э. - началу VII в. н.э.

Похожий "поильник" найден Г.В.Шишкной в раннесредневековой усадьбе У-У1 в. н.э. под Самаркандом¹³.

Миски представлены одним почти целым экземпляром и двумя фрагментами закраин со стенками (табл. 40/10-12) и более мелкими фрагментами. Миски были крупных размеров. Глубина их равна 7-9 см, диаметр верха 21-25 см. По форме стенок и закраин миски делятся на два типа:

1) У мисок первого типа стенки вверху резко перегибаются, образуя закраину, которая отогнута наружу.

2) У мисок второго типа стенки у закраины так резко не перегибаются. Она немного загнута внутрь миски.

В остальном миски похожи. Судя по сохранившейся миске, они опирались на кольцевой поддон. Стенки от дна отходят под углом 45°, толщина стенок 4-7 см.

Миски, аналогичные нашим, были широко распространены в раннее средневековье в Средней Азии. Особенно их много найдено в Пенджикенте¹⁴, известны они среди находок на Афрасиабе¹⁵, на Аджина-Тепе¹⁶, на Балалык-Тепе¹⁷. Больше всего на кафыркалинские миски похожи миски из Аджина-Тепе. И те и другие опираются на кольцевой поддон. Миски из остальных указанных памятников опираются на плоское дно.

Кухонная посуда состоит из горшков без ручек и горшков с ручками, котлов. Все они сделаны от руки, грубо. Тесто с примесью шамота, обжиг плохой. На внешней стороне стенок сосудов видны следы грубой затирки. Горшок с ручкой сделан на круге из хорошо приготовленной глины и хорошо обожжён.

Горшки без ручек, судя по двум целым экземплярам, отличаются один от другого. Первый горшок (табл. 41/3) найден в помещении 26. Он имеет округлое туло в диаметром 22,5 см. Высота сосуда 21,5 см. Горло невысокое - 1,5 см. Венчик в сечении подтреугольной формы, верх его склонен наружу, концы приострены. Диаметр венчика 12 см. Снаружи стенки горшка закопчены.

Второй горшок более вытянутых пропорций (табл. 41/4). Высота его 18,3 см. Туло грушевидной формы. Широкая часть тула находится в верхней половине сосуда. Диаметр в этом

месте равен 18 см. Горло у него тоже невысокое - 1,5 см. Венчик имеет уплощенный верх. Диаметр его равен 10 см. Снаружи стенки горшка закопчены.

Дно у обоих горшков плоское, стени толщиной 5-10 мм.

Горшок, изготовленный на круге, значительно отличается от лепных горшков. Тулово его невысокое - 11,7 см, округлое, диаметром 17 см. Закраина резко и почти горизонтально отогнута наружу. По внутренней стороне закраине идет концентрический желобок для крышки. Диаметр верха равен 20 см. Под закраиной к туловищу прикреплена петлевидная ручка. Опирается горшок на широкое дно диаметром 10 см.

Стратиграфически этот горшок, как и "поильник", относится к более раннему времени, чем основная масса керамики. Его можно предположительно датировать концом VI в. н.э. - началом VII в. н.э.

Очень похожие горшки (только у них две ручки) найдены в верхних слоях Яванского городища, которые датируются IV-V вв. н.э. Лепной горшок, похожий на наши, найден в Хорезме на Тешик-Кале, в нижнем здании УП-УШ вв. н.э. 18

Котлы дошли до нас во фрагментах. Один из котлов был крупных размеров. Плечики у него покатые. На них через равные промежутки было прикреплено не менее шести ручек (сохранилось две), имеющих форму стрельчатой арки. Диаметр венчика равен 18 см. Он имеет округлую форму в сечении, венчик отогнут наружу. Толщина стенок равна 1-1,5 см.

От другого котла остался только фрагмент стени с овальной подковообразной ручкой (табл. 41/7). Стенки котлов снаружи закопчены.

Тарная посуда состоит из водоносных кувшинов и хумов. Хумы и их обломки были найдены в помещениях северной и восточной анфилад, в пом. 22, которые, видимо, были хранилищами. В помещении 10 было найдено одиннадцать хумов, стоявших вдоль противоположных стен двумя цепочками. Дно хумов было неустойчивое. Их на 5-10 см врыли в супы. Размеры и форма этих хумов стандартны:

Высота - 100 см.

Д. тулов - 70 см.

Д. венчика - 38 см.

Д. горла - 31 см.

Толщина стенок - 1-1,5 см.

Профили венчиков кумов самые простые - округлые. Они похожи на профили венчиков группы "в" из Пенджикента¹⁹. Иногда они профилированы снаружи одним желобком.

Водоносный кувшин был крупных размеров. Высота его была равна 45-50 см, диаметр туловы около 30 см.

Высота горла 3 см. Венчик в сечении имеет поддирямоугольную форму. Диаметр его равен 10 см. С внутренней стороны на нем сделан неглубокий концентрический желобок. В верхней части кувшина была прикреплена ручка. Дно не сохранилось. Кувшин сделан на круге, хорошо обожжён. Подобные водоносные кувшины найдены в верхнем слое Пенджикентского городища²⁰, на памятниках афригидского времени в Хорезме²¹.

Светильники, курильница. Часть светильников делалась на круге, часть - от руки (табл. 40/13-15).

Светильники представляют собой небольшую плошку, край которой в одном месте вытянут наружу и смят с боков. Получившийся носик-слив оттягивали немного вниз. Диаметр верха светильников равен 6-8 см; резервуар неглубокий - 2,5-3 см, внизу - невысокий поддон диаметром 4-4,5 см. Лепные светильники почти не отличаются по форме от светильников, сделанных на круге, только сделаны значительно грубее. В тесте есть примесь шамота. Созданные на круге светильники более тщательно изготовлены. Глянцевое тесто хорошей отмучки, без примесей. Светильники покрывались светлым ангобом.

Светильники, подобные кафыркалинским, чрезвычайно широко распространены на раннесредневековых памятниках Средней Азии. Они найдены в Пенджикенте²², Балалык-Тепе²³, в Шахристане²⁴, на Аджина-Тепе²⁵ и т.д.

Курильница (табл. 40/16) была найдена в засыпке между северо-восточной башней и сводом помещения 2. Сохранилась она не полностью: отбита чашечка-резервуар. Сохранившаяся высота курильницы 15 см. Переход от резервуара к ножке оформлен валиком конусовидной формы. У основания ножка профилирована тремя желобками шириной 0,7 см, которые разделе-

ны между собой невысокими валиками. Диаметр ножки вверху равен 4 см, внизу, у основания, - 10,5 см. Внутри ножка полая. Толщина стенок 6-8 см.

Курильница изготовлена на гончарном круге. Тесто хорошей отмучки с примесью мелкого песка. Снаружи курильница покрыта светлым ангобом. Очень похожая курильница была найдена на Аджин-Тепе²⁶, большое количество аналогичных курильниц найдено в Пенджикенте²⁷, на Балалык-Тепе²⁸, на Ток-Кале²⁹ и др.

Описанная нами керамика в основном датируется УП-УШ вв. н.э. Несколько более ранним временем датируется горшок гончарной работы, "поильник" и широкогорлый кувшин. Предположительно их можно датировать концом УІ в. н.э. - началом УП в. н.э.

Уже в процессе предварительного изучения керамического комплекса из Кафыр-Калы выявляется значительная близость раннесредневековой керамики Северного Токаристана и синхронной согдийской - близость, но не идентичность. Но этому будет посвящено специальное исследование.

¹ Б.А.Литвинский, Э.Г.Гудямова и Т.И.Зеймаль, Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты. - АРТ, ІУ, Сталинабад, 1959, стр. 134, рис.5; стр. 149, рис. 9; Т.И.Зеймаль, Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. - АРТ, У, Сталинабад, 1959, стр.92, рис. 5.

² И.Б.Бентович, Керамика верхнего слоя Пенджикента, - МИА, № 124, М.-Л., 1964, стр. 281, рис. 19, 10-18.

³ Л.И.Альбаум, Балалык-Тепе. К истории материальной культуры Токаристана, Ташкент, 1960, стр. 89, рис. 61.

⁴ В.Я.Сергин, Раскопки на городище Кахкака I. - "Сообщ. Респ. объедин. истор.-краевед. и изобр. искусства музея", вып. ІУ, Душанбе, 1966, стр. 41, 53.

⁵ Е.Е.Нерезик, Керамика Хорезма эфригидского времени, - Тр. ХАЗЭ, т.ІУ, стр. 242, рис. 6,4; стр. 244, рис. 7,2.

⁶ И.Б.Бентович, Указ.соч., стр. 270, рис. 6/I,9.

- 7 Е.Е.Нерезик, Сельские поселения афригидского Хорезма, М., 1966, стр. 40, рис. 19; стр. 42, рис. 21.
- 8 Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль. Аджина-Тепа. Архитектура, скульптура, живопись, М., 1971, стр. 25.
- 9 Д.И.Альбаум, Балалык-Тепа, стр. 88, рис. 52.
- 10 Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль, Аджина-Тепа.
- 11 Е.Е.Нерезик, Керамика Хорезма афригидского периода, стр. 244, рис. 7/4.
- 12 Б.А.Ставиский, Раскопки квартала жилищ знати Пенджикентского городища, - МИА, № 124, стр. 169, рис. 27.
- 13 Г.В.Шинкине, Раннесредневековая усадьба под Самаркандом, - ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, стр. 210, рис. 10/1.
- 14 И.Б.Бентович, ук. соч., стр. 279, рис. 17/2, 4, 6, 7.
- 15 Н.Б.Немцева, Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаба, - Сб.: "Афрасиаб", вып. I, Ташкент, 1969, стр. 175, рис. 8/17.
- 16 Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль, ук. соч., стр. 24.
- 17 Д.И.Альбаум, ук. соч., стр. 89, рис. 60.
- 18 Е.Е.Нерезик, Керамика Хорезма афригидского периода, стр. 244, рис. 7/5.
- 19 И.Б.Бентович, ук. соч., стр. 167, рис. 1/8-10.
- 20 И.Б.Бентович, ук. соч., стр. 270, рис. 6/4.
- 21 Е.Е.Нерезик. Ук. соч., стр. 40, рис. 19; стр. 42, рис. 21.
- 22 И.Б.Бентович. Керамика Пенджикента - МИА, № 37, 1953, стр. 140-141.
- 23 И.И.Альбаум, Ук. соч., стр. 99.
- 24 И.И.Негматов, О работе Ходжентско-Уструнзинского отряда в 1956 г. - АРТ, IV, Сталинабад, 1956, стр. 124.
- 25 Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль, ук. соч., стр. 25.
- 26 Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль, ук. соч., стр. 25.

- ²⁷ И.Б.Бентович, Ук. соч., 1964, стр. 288, рис. 28.
- ²⁸ Л.И.Альбум, ук.соч., стр. 75, рис. 52.
- ²⁹ А.В.Гудкова, Ток-Кала, Ташкент, 1964, стр. 65, рис.
I6/I0.

в. УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ К СБОРНИКАМ
"АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ", Вып. I-IX

I. Перечень выпусков I :

1. Выпуск I, 1953 год - Доклады АН Тадж.ССР, вып. II, Сталинабад, 1954 (6, 10, 26, 33, 34, 73, 74, 84, 86).
2. Выпуск II, 1954 год - Труды АН Тадж.ССР, т.ХХХУП, Сталинабад, 1956 (1, 2, 7, II, 19, 27, 31, 35, 36, 37, 48, 64, 65, 71, 75, 85, 89, 98, 104, 110, 125, 133, 135).
3. Выпуск III, 1955 год - Труды АН Тадж.ССР, т. LXXI, Сталинабад, 1956 (14, 17, 24, 25, 28, 32, 43, 50, 55, 56, 62, 63, 66, 82, 83, 87, 94, 105, 113, 116, 120, 127).
4. Выпуск IV, 1956 год - Труды АН Тадж.ССР, т.ХСI, Сталинабад, 1959 (5, 12, 23, 29, 53, 57, 67, 72, 79, 95, 107, 121, 132, 134).
5. Выпуск V, 1957 год - Труды АН Тадж.ССР, т.СШ, Сталинабад, 1959 (15, 30, 41, 44, 49, 51, 52, 58, 80, 91, 96, 97, 109, 117, 122, 126, 128, 136).
6. Выпуск VI, 1958 год - Труды Института истории им. А.Дониша АН Тадж.ССР, т.ХХУП, Сталинабад, 1961 (9, 37, 38, 39, 45, 54, 59, 68, 81, 99, 100, 108, 115, 118, 124, 137).
7. Выпуск VII, 1959 год - Труды Института истории им. А.Дониша АН Тадж.ССР, т.ХХХI, Душанбе, 1961 (8, 18, 20, 42, 60, 69, 77, 88, 106, 112, 123, 129, 138, 140, 141).
8. Выпуск VIII, 1960 год - Труды Института истории им. А.Дониша АН Тадж.ССР, т.ХХХIV, Душанбе, 1962 (3, 16, 22, 40, 47, 61, 70, 101, 102, III, II4, II9, 130, 143).

I В скобках указаны порядковые номера статей по алфавитному указателю.

9. Выпуск IX, 1961 год - Труды Института истории им. А. Дениша АН Тадж.ССР, т.ХЛII, 1964 (4, I2, 2I, 46, 76, 78, 90, 92, 93, I03, I3I, I39, I42, I44).

Выпуск II - ответственные редакторы А.А.Семенов, М.Ф.Фезлов, Б.А.Литвинский; выпуски III-IX - под редакцией Б.А.Литвинского.

П. Алфавитный указатель

1. Алимов Г., Клад золотых монет из Узбекистана, - вып. II, стр. I22.
2. Альбаум Л.И., Раскопки в Сурхан-Даргинской области, - вып. II, стр. II7-II8.
3. Бабаев А.Д., Археологические разведки на Западном Памире в 1960 г., - вып. III, стр. 55-68.
4. Бабаев А.Д., Археологические разведки на Памире, - вып. IX, стр. 25-33.
5. Баданская Г.Г., Заднепровский Ю.А., Археологические исследования А.Н.Бернштама на Памире в 1956 г., - вып. IV, стр. 53-61.
6. Беденицкая И.А., Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1957 г., - вып. I, стр. I85-I9I.
7. Беденицкий А.М., О работах Таджикской археологической экспедиции в 1954 г., - вып. II, стр. 3-4.
8. Беденицкий А.М., О работе Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г., - вып. УП, стр. 73-I00.
9. Беденицкий А.М., Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г., - вып. VI, стр. 8I-99.
10. Беденицкий А.М., Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1953 г., - вып. I, стр. I7-29.
- II. Беденицкий А.М., Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г., - вып. II, стр. I9-32.
12. Беденицкий А.М., Работы Пенджикентского отряда, - вып. IX, стр. 53-75.
13. Беденицкий А.М., Раскопки городищ древнего Пенджикента в 1956 г., - вып. IV, стр. 87-II4.

- I4. Беленицкий А.М., Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1955 г., - вып. III, стр. 47-56.
- I5. Беленицкий А.М., Результаты работ Пенджикентского отряда в 1957 г., - вып. IV, стр. 43-63.
- I6. Беленицкий А.М., Результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1960 г., - вып. V, стр. 90-117.
- I7. Беленицкий А.М., Давидович Е.А., Сардоба около Куляба, - вып. III, стр. 101-102.
- I8. Бубнова М.А., Джалилова Т., Исаков А., Литература по археологии Таджикистана, опубликованная в СССР в 1959 г., - вып. VI, стр. 172-188.
- I9. Гамбург Б.С. и Горбунова Н.Г., Изучение археологических памятников в Ферганской области, - вып. II, стр. 119.
20. Гулямова Э., О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г., - вып. VII, стр. 153-162.
21. Гулямова Э., Раскопки в Хульбуке, - вып. IX, стр. 103-113.
22. Гулямова Э., Раскопки цитадели города Куляб в 1960 г., - вып. VIII, стр. 118-129.
23. Гулямова Э., Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г., - вып. VI, стр. 147-154.
24. Гулямова Э., Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1955 г., - вып. III, стр. 122-126.
25. Гулямова Э., Зеймаль Т.И., Найдены в районе Перепадной ГЭС, - вып. III, стр. 98-100.
26. Давидович Е.А., Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г., - вып. I, стр. 69-79.
27. Давидович Е.А., Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г., - вып. II, стр. 95-108.
28. Давидович Е.А., Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1955 г., - вып. III, стр. 113-121.
29. Давидович Е.А., Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г., - вып. IV, стр. 171-179.

30. Давидович Е.А., Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г., - вып. У, стр. 153-161.
31. Давидович Е.А., Новые монетные находки из средневековых выработок Узбекистана, - вып. П, стр. 121.
32. Давидович Е.А., О работах Гиссарского отряда в 1955 г., - вып. Ш, стр. 75-86.
33. Дьяконов М.М., Предварительные итоги работ Таджикской археологической экспедиции в 1953 г., - вып. I, стр. 9-15.
34. Дьяконов М.М. и Литвинский Б.А., Литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1953 г., - вып. I, стр. 81-84.
35. Ханко Т.А., Полевые археологические исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, - вып. II, стр. III-II4.
36. Заднепровский Ю.А., Разведка и раскопки Южно-Киргизского отряда Киргизской археолого-этнографической комплексной экспедиции АН СССР, - вып. II, стр. 120-121.
37. Зеймаль Е.В., Археологические разведки в Гиссарской долине, - вып. VI, стр. 121-136.
38. Зеймаль Е.В., Кубок из погребения в Суджине, - вып. VI, стр. 167-168.
39. Зеймаль Т.И., Античное поселение в урочище Халкаджар, - вып. VI, стр. 159-166.
40. Зеймаль Т.И., Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г. - вып. VII, стр. 35-47.
41. Зеймаль Т.И., Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г., - вып. У, стр. 83-93.
42. Зеймаль Т.И., Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г., - вып. VIII, стр. 143-152.
43. Зеймаль Т.И., Средневековая гончарная печь в Октябрьском районе, - вып. Ш, стр. 95-98.
44. Зелинский А.Н., Новые материалы к археологическому изучению Западного Памира, - вып. У, стр. 165-166.
45. Исаев А., Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1958 г., - вып. VI, стр. 173-179.

46. Исмаилова С.И., Литература по археологии Таджикистана, опубликованная в СССР в 1961 г., - вып. IX, стр. 135-139.
47. Исмаилова С.И., Павлова А.Е., Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1960 г., - вып. УШ, стр. 155-160.
48. Кабанов С.К., К вопросу о древности канала Иски-Ангар, - вып. II, стр. 116-117.
49. Кияткина Т.П., О поездке в Амт в 1957 г., - вып. У, стр. 182-184.
50. Кияткина Т.П., Предварительное определение краинологического материала из могильников в Воруше, - вып. III, стр. 110-III.
51. Кляшторный С.Г., Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Фергана, - вып. У, стр. 167-168.
52. Литвинский Б.А., Изучение курумов в Северо-Восточной части Ленинабадской области в 1957 г., - вып. У, стр. 109-129.
53. Литвинский Б.А., Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г., - вып. IУ, стр. 39-51.
54. Литвинский Б.А., Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г., - вып. VI, стр. 59-80.
55. Литвинский Б.А., Новые находки в старинных рудниках Ка-ра-Мазара, - вып. Ш, стр. 108-109.
56. Литвинский Б.А., О работах Таджикской археологической экспедиции в 1955 г., - вып. Ш, стр. 3-4.
57. Литвинский Б.А., О работах Таджикской археологической экспедиции в 1956 г., - вып. IУ, стр. 3-5.
58. Литвинский Б.А., О работах Таджикской археологической экспедиции в 1957 г., - вып. У, стр. 3-4.
59. Литвинский Б.А., О работах Таджикской археологической экспедиции в 1958 г., - вып. VI, стр. 3-4.
60. Литвинский Б.А., О работах Таджикской археологической экспедиции в 1959 г. - вып. УШ, стр. 3.
61. Литвинский Б.А., О работах Таджикской археологической экспедиции в 1960 г., - вып. УШ, стр. 3-5.

62. Литвинский Б.А., Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Карабазарских горах, - вып. III, стр. 37-46.
63. Литвинский Б.А., Поездка в райцентр Микоянабад, - вып. III, стр. 94-95.
64. Литвинский Б.А., Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г., - вып. II, стр. 77-88.
65. Литвинский Б.А., Предварительный отчет о работах в Карабазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г., - вып. II, стр. 51-60.
66. Литвинский Б.А., Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г., - вып. III, стр. 27-36.
67. Литвинский Б.А., Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г., - вып. IV, стр. 73-85.
68. Литвинский Б.А., Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г., - вып. VI, стр. 37-48.
69. Литвинский Б.А., Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г., - вып. VII, стр. 50-62.
70. Литвинский Б.А., Бубнова М.А., Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г., - вып. VIII, стр. 27-34.
71. Литвинский Б.А., Гулямова Э.А. Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1954 г., - вып. II, стр. 105-110.
72. Литвинский Б.А., Гулямова Э.А. Зеймаль Т.И., Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.), - вып. IV, стр. 129-152.
73. Литвинский Б.А. и Давидович Е.А., Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г., - вып. I, стр. 53-60.
74. Литвинский Б.А., Давидович Е.А., Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г., - вып. I, стр. 39-52.

75. Литвинский Б.А. и Давидович Е.А. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфериинский район) в 1954 г., - вып. П, стр. 61-68.
76. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Раскопки и разведки в Южном Таджикистане, - вып. IX, стр. 76-93.
77. Литвинский Б.А. и Ранов В.А., Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г., - вып. УП, стр. 30-49.
78. Литвинский Б.А., Ранов В.А., Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г., - вып. IX, стр. 3-24.
79. Мандельштам А.М., Археологические работы 1966 г. в Бишкентской долине, - вып. IУ, стр. 63-72.
80. Мандельштам А.М. Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г., - вып. У, стр. 131-151.
81. Мандельштам А.М. Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г., - вып. УІ, стр. 49-58.
82. Мандельштам А.М. О работах Кебадианского отряда в 1955 г., - вып. Ш, стр. 71-74.
83. Мандельштам А.М. О работах Карагинского отряда в 1955 г., - вып. Ш, стр. 87-92.
84. Мандельштам А.М. Предварительный отчет о работах Верх-незеравшанского отряда в 1953 г., - вып. I, стр. 31-37.
85. Мандельштам А.М., Предварительный отчет о работах Карагинского отряда в 1954 г., - вып. II, стр. 69-75.
86. Мандельштам А.М. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г., - вып. I, стр. 61-68.
87. Мандельштам А.М. Раскопки на Батур-Тепе в 1955 г., - вып. Ш, стр. 57-59.
88. Мандельштам А.М. Хан-Газа, - вып. УП, стр. 63-72.
89. Мандельштам А.М., Негматов Н.Н., Предварительный отчет с работах Кайрак-Кумского отряда в 1954 г., - вып. II, стр. 43-50.
90. Марафиев С., Археологические находки в г. Душанбе, - вып. IX, стр. 130-131.
91. Мармак Б.И., Пещера Гори-Гург близ Пенджикента, - вып. У, стр. 171-173.

92. Мухтаров А., Предварительные итоги работы отряда по сбору наскальных надписей и актовых документов, - вып. IX, стр. 93-103.
93. Негматов Н.Н., О работах Северо-Таджикистанского отряда, - вып. IX, стр. 24-44.
94. Негматов Н., О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г., - вып. III, стр. 61-69.
95. Негматов Н.Н., О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1956 г., - вып. IV, стр. 115-127.
96. Негматов Н., О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1957 г., - вып. V, стр. 95-107.
97. Негматов Н., Отчет о поездке в Кировобадский район, - вып. VI, стр. 169-171.
98. Негматов Н.Н., Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г., - вып. II, стр. 32-41.
99. Негматов Н.Н., Работы Ходжентско-Уструшанского отряда в 1958 г., - вып. VI, стр. 113-120.
100. Негматов Н., Салтовская Е.Д., Кияткина Т.П., Изучение погребальных памятников кочевников на территории Уструшаны, - вып. VI, стр. 137-146.
101. Негматов Н., Салтовская Е.Д., О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1960 г., - вып. VII, стр. 69-89.
102. Немцева Н.Б., Археологические исследования у Мавзолея Шейха Муслихитдина в г. Ленинабаде, - вып. VII, стр. 153-154.
103. Несмеянов С.А., Ранов В.А., О геологическом возрасте верхнепалеолитической стоянки Ходжа-Гор, - вып. IX, стр. 125-126.
104. Нильсен В.А., Полевые работы Барахинского археологического отряда, - вып. II, стр. 115-116.
105. Окладников А.П., Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сыр-Дары осенью 1955 г., - вып. III, стр. 5-15.
106. Окладников А.П., Исследование памятников каменного века в районе Куляба и Дангары осенью 1959 г., - вып. VII, стр. 4-15.
107. Окладников А.П., Исследование памятников каменного века Северного и Южного Таджикистана в 1956 г.,

- вып. ГУ, стр. 7-22.

- I08. Окладников А.П., Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г., - вып. УІ, стр. 5-17.
- I09. Окладников А.П., О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г., - вып. У, стр.5-20.
- I10. Окладников А.П., Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового века в Таджикистане летом 1954 г., - вып. II, стр. 5-18.
- III. Цулатов У., Археологические находки в Ленинабаде и Кансае, - вып. УШ, стр. 139-143.
- I12. Ранов В.А., Археологические исследования на возвышенности Кара-Бура в 1959 г., - вып. УП, стр. 16-29.
- I13. Ранов В.А., Археологические разведки на юге Таджикистана, - вып. Ш, стр. 105-107.
- I14. Ранов В.А., Два новых памятника каменного века в Южном Таджикистане, - вып. УШ, стр. 130-138.
- I15. Ранов В.А., Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г., - вып. УІ, стр.19-35.
- I16. Ранов В.А., Отдельные находки изделий каменного века, - вып. Ш, стр. 93-94.
- I17. Ранов В.А., Отдельные находки изделий каменного века в 1957 г., - вып. У, стр. 163-165.
- I18. Ранов В.А., Отдельные находки изделий каменного века в 1958 г., - вып. УІ, стр. 155-158.
- I19. Ранов В.А., Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире в 1960 г., - вып. УШ, стр. 6-26.
- I20. Ранов В.А., Результаты разведок каменного века в 1955 г., - вып. Ш, стр. 17-25.
- I21. Ранов В.А., Результаты разведок каменного века в 1956 г., - вып. IУ, стр. 22-37.
- I22. Ранов В.А., Результаты разведок каменного века в 1957 г., - вып. У, стр. 21-42.
- I23. Ранов В.А. и Салтовская Е.Д., О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г., - вып. УП, стр.108-129.

- I24. Ранов В.А. и Бркевич Э.А., Городище Таджик-Кала в Дангаринском районе, - вып. VI, стр. I69-I72.
- I25. Раскопки науса в старом Мерве, - вып. II, стр. II4-II5:
- I26. Рычков Ю.Г., Антропологическая экспедиция 1957 г. на Западном Памире, - вып. У, стр. I78-I82.
- I27. Салтовская Е.Д., Археологические памятники близ кишлака Рохаты, - вып. III, стр. I02-I05.
- I28. Салтовская Е.Д., О работах в Гиссаре 1957 г., - вып. У, стр. I73-I78.
- I29. Салтовская Е.Д., О раскопках античных поселений в районе Ашта, - вып. УII, стр. I63-I66.
- I30. Салтовская Е.Д., Раскопки на Кыл-Тепе в 1960 г., - вып. УIII, стр. 48-54.
- I31. Салтовская Е.Д., Раскопки на Тудай-Калон, - вып. IX, стр. 45-52.
- I32. Салтовская Е.Д., Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1956 г., - вып. IУ, стр. I8I-I9I.
- I33. Смирнова О.И., Монетные находки на городище древнего Пенджикента, - вып. II, стр. 89-93.
- I34. Смирнова О.И., Монетные находки на Пенджикентском городище, - вып. IУ, стр. I53-I70.
- I35. Спрышевский В.И., Раскопки Чустского поселения, - вып. II, стр. II8-II9.
- I36. Ставиский Б.Я., Археологические работы в бассейне Магиан-Дары в 1957 г., - вып. У, стр. 65-8I.
- I37. Стависский Б.Я., Работы Магианской группы в 1958 г., - вып. VI, стр. I0I-II2.
- I38. Стависский Б.Я., Работы Магианской группы в 1959 г., - вып. УII, стр. I0I-I07.
- I39. Стависский Б.Я., Работы Магианской группы в 196I г., - вып. IX, стр. I27-I29.
- I40. Турлычук В.М., Геолого-археологическое обследование древних выработок Канджола, - вып. УII, стр. I67-I7I.
- I41. Хмельницкий С.Г., Исследование архитектурных памятников Уре-Тобе в 1959 г., - вып. УII, стр. I30-I42.

- I42. Пркович Э.А. Археологические работы в зоне затопления Нурекской ГЭС в 1961 г., - выш. IX,
стр. II4-II24.
- I43. Пркович Э.А. Материалы к археологической карте Таджикистана, - выш. УИ, стр. I44-I52.
- I44. Пркович Э.А. Разведки в Иванском районе в 1961 г., -
выш. IX, стр. I31-I34.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

- АРТ - "Археологические работы в Таджикистане".
ВДИ - "Вестник древней истории".
ДАН Тадж.ССР - "Доклады Академии наук Таджикской ССР".
ИМКУ - "История материальной культуры Узбекистана".
ИОНН АН Тадж.ССР - "Известия Отделения общественных наук
Академии наук Таджикской ССР".
ИРГО - "Известия Русского географического общества".
КАЭЭ - Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.

КСИИМК - "Краткие сообщения Института истории материальной культуры".
МИА - "Материалы и исследования по археологии СССР".
МИАЭН - Международный конгресс по антропологическим и этнографическим наукам.
НЭ - "Нумизматика и эпиграфика".
СА - "Советская археология".
САГУ - Среднеазиатский государственный университет.
СЭ - "Советская этнография".
ТОВЭ - "Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа".
ТИИ - Таджикский политехнический институт.
ХАЭЭ - Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЦГА Тадж.ССР - Центральный государственный архив Таджикской ССР.
ЭВ - "Эпиграфика Востока"
ДТАКЭ - Джно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция.
ARASI - "Annual report of the Archaeological survey of India".
BSPPF - "Bulletin Société de la préhistorique de la France".

СПИСОК ТАБЛИЦ

- Табл. I Каменные орудия из стоянки Шугноу /I-5 – горизонт "0", 6-12 – горизонт I/.
- Табл. 2 Каменные орудия из стоянки Шугноу /I – горизонт I; 2-4 – горизонт 2/.
- Табл. 3 Каменные орудия из стоянки Шугноу /I, 2, 6-8 – горизонт 3; 3-5, 9-10 – горизонт 4/.
- Табл. 4 Каменные изделия из яванских стоянок.
- Табл. 5 Каменные изделия из яванских стоянок.
- Табл. 6 Каменные изделия из яванских стоянок.
- Табл. 7 Лекиабад. Шурф № I7 – развертка стенок.
- Табл. 8 Ленинабад. Шурф № I8 – развертка стенок.
- Табл. 9 Чорсу. Шурфы №№ I-3 – развертки стенок.
- Табл. 10 Чорсу. Шурфы №№ 4-7 – развертки стенок.
- Табл. 11 Калаи Каххака I. Дворец – план.
- Табл. 12 Калаи Каххака I. Дворец – разрезы.
- Табл. 13 Калаи Каххака I. Дворец – разрезы.
- Табл. 14 Древний Пенджикент. Объект XIII – план раскопок.
- Табл. 15 Древний Пенджикент. Объект XXIу – план раскопок.
- Табл. 16 Древний Пенджикент. Объект II, пом. 5/6 – настенная живопись.
- Табл. 17 Древний Пенджикент. Объект XXIу, пом. 2 – настенная живопись.
- Табл. 18 Древний Пенджикент. План объекта XVI /в западной части плана – торгово-ремесленный центр/.
- Табл. 19 Аджина-Тепа. План /с элементами реконструкции/.
- Табл. 20 Кафыр-Кала. План раскопок цитадели.
- Табл. 21 Кафыр-Кала. Разрез через раскопанные помещения цитадели.
- Табл. 22 Кафыр-Кала. Разрез через раскопанные помещения цитадели.
- Табл. 23 Кафыр-Кала. Буддийская часовня – реконструкция.
- Табл. 24 Пещерный комплекс в Айвадже. Объект I5.
- Табл. 25 Пещерный комплекс в Айвадже. Объект I9.
- Табл. 26 Пещерный комплекс в Айвадже. Объект I8 – разрез и план перекрытия части заднего помещения.
- Табл. 27 Кани Мансур. Реконструкция рудничного поселения.

- Табл. 28 Ками Мансур. 1- железный клин; 2-каменный бегунок.
- Табл. 29 Ками Мансур. Барабан деревянного воротка.
- Табл. 30 Базар-Дара. Городище - участок центральной части.
- Табл. 31 Гиссар. Мадрасаси Кухна - схема шурфов.
- Табл. 32 Гиссар. Мадрасаси Кухна. Шурф № I3 (план).
- Табл. 33 Гиссар. Мадрасаси Кухна. Шурф № I3 (в разрезе).
- Табл. 34 Гиссар. Мадрасаси Кухна. Шурф № I3 - керамика.
- Табл. 35 Гиссар. Мадрасаси Нав - план первого этажа.
- Табл. 36 Геоморфологический профиль от стрелки слияния рр. Яхсу и Сафет-Дара до плато Даштако (Условные обозначения: 1 - галечники; 2 - лёссовидные суглинки; 3-4 - конгломераты неогена. Цифры по разрезу обозначают высоту над рекой, колонка - абсолютные высоты).
- Табл. 37 Малый Дащтако. Каменные изделия.
- Табл. 38 Регар. Терракотовая статуэтка.
- Табл. 39 Ситорай Тепа. Хумное захоронение.
- Табл. 40 Кафир-Кала. Керамика.
- Табл. 41 Кафир-Кала. Керамика.

ТАБЛИЦЫ

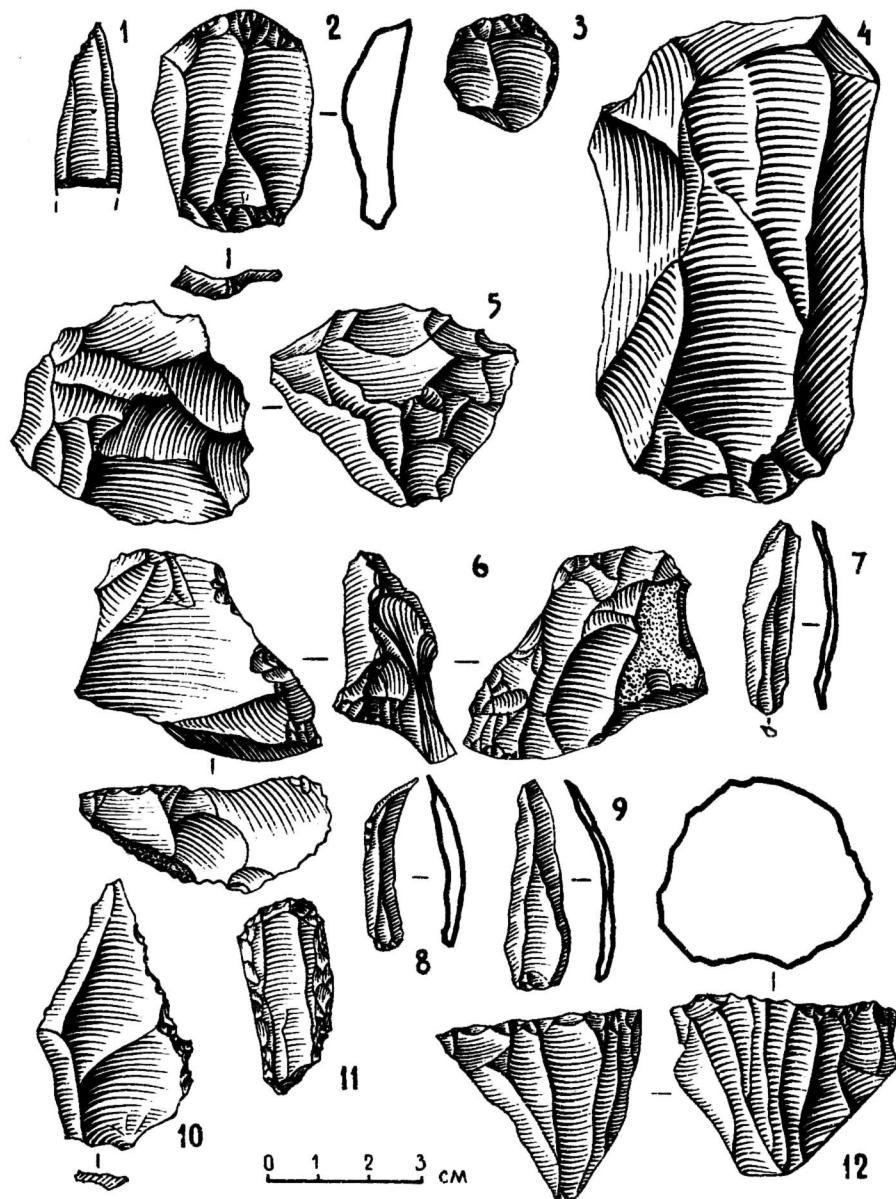

Табл. 1

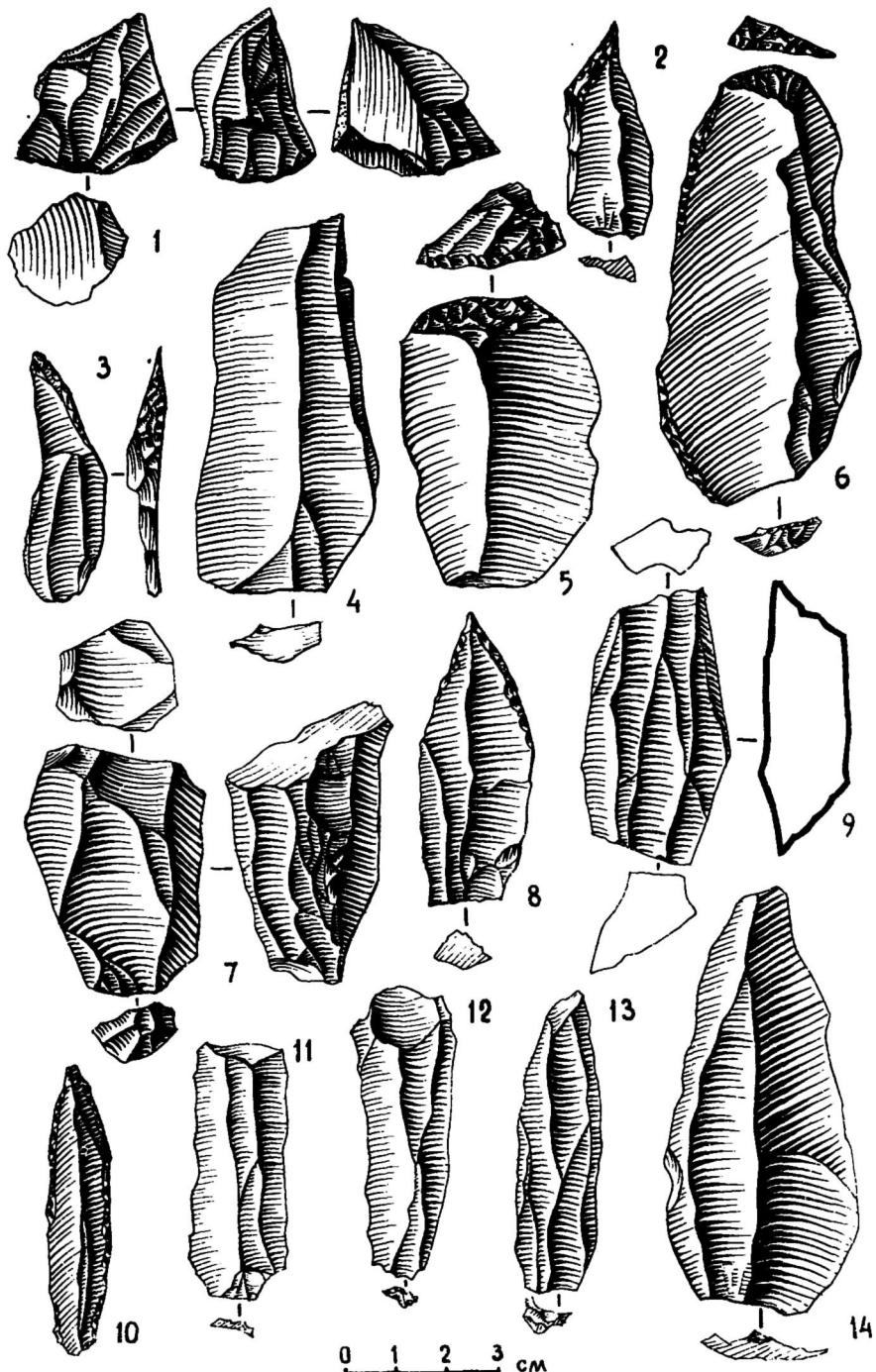

Табл. 2

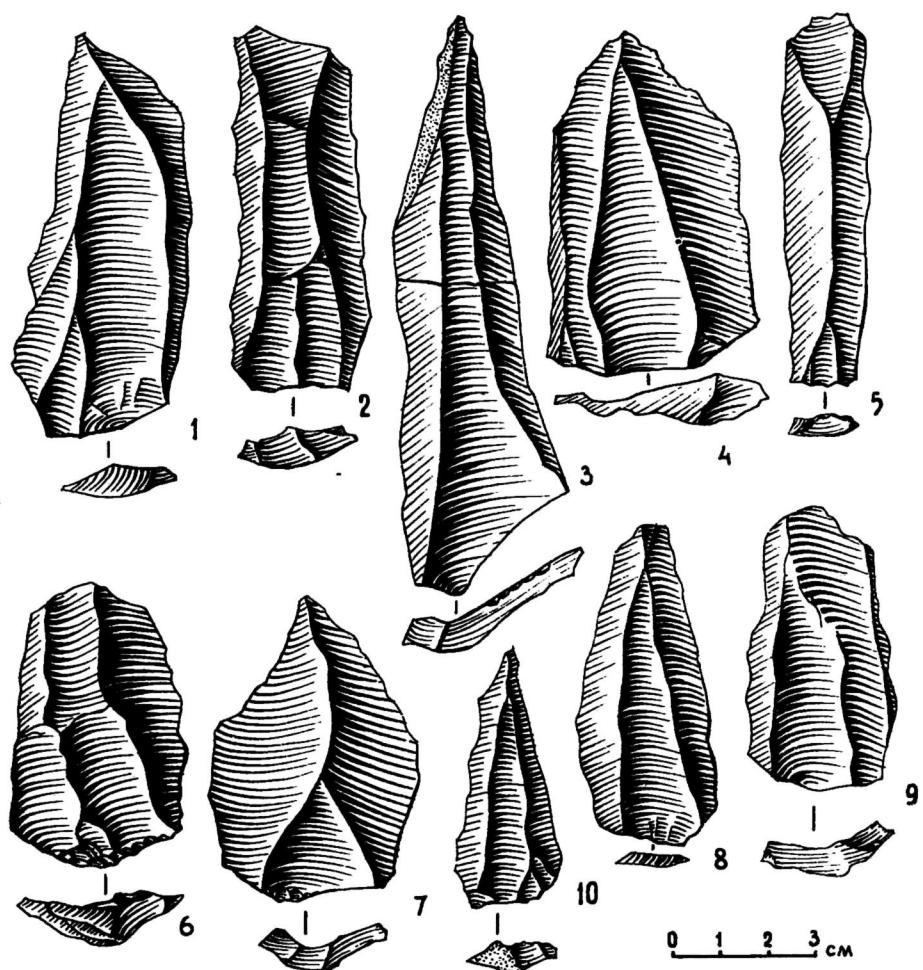
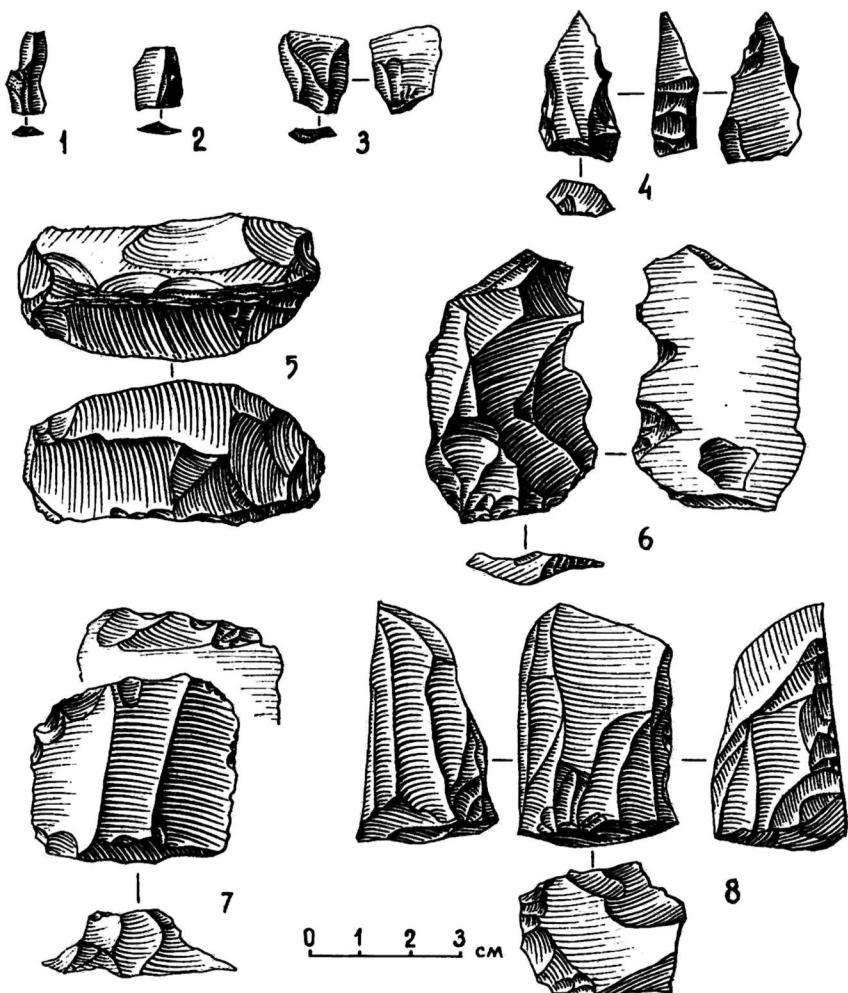
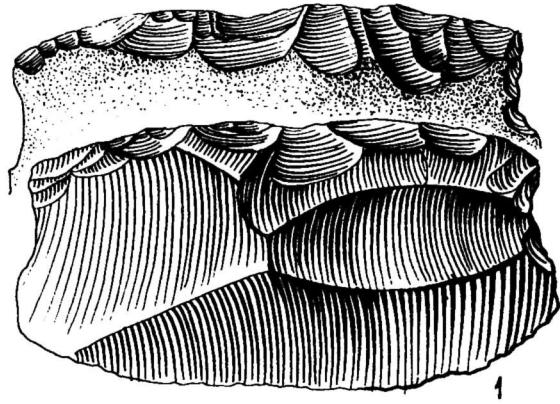

Табл. 3

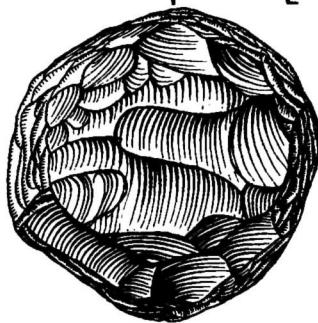
Габл. 4

1

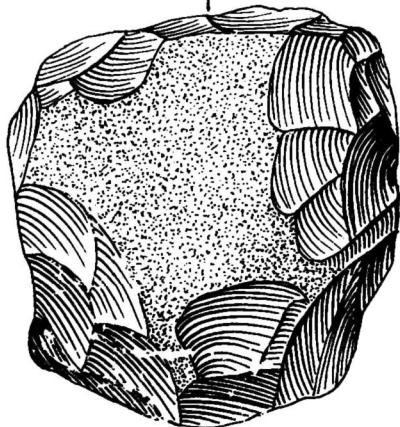

2

3

0 1 2 3 см

—

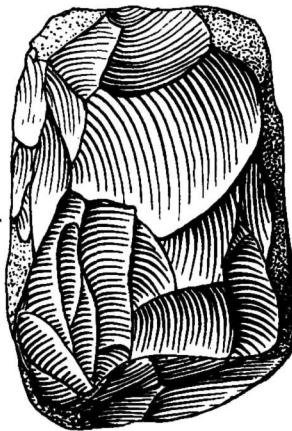

Табл. 5

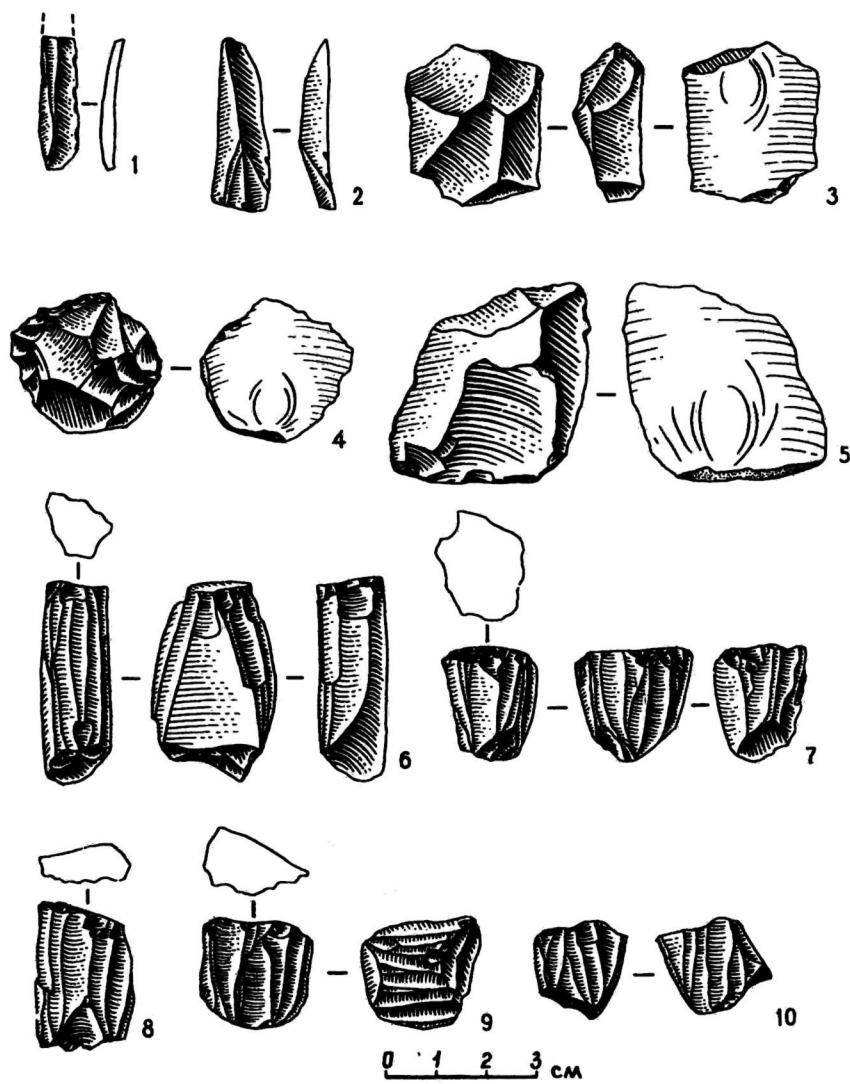
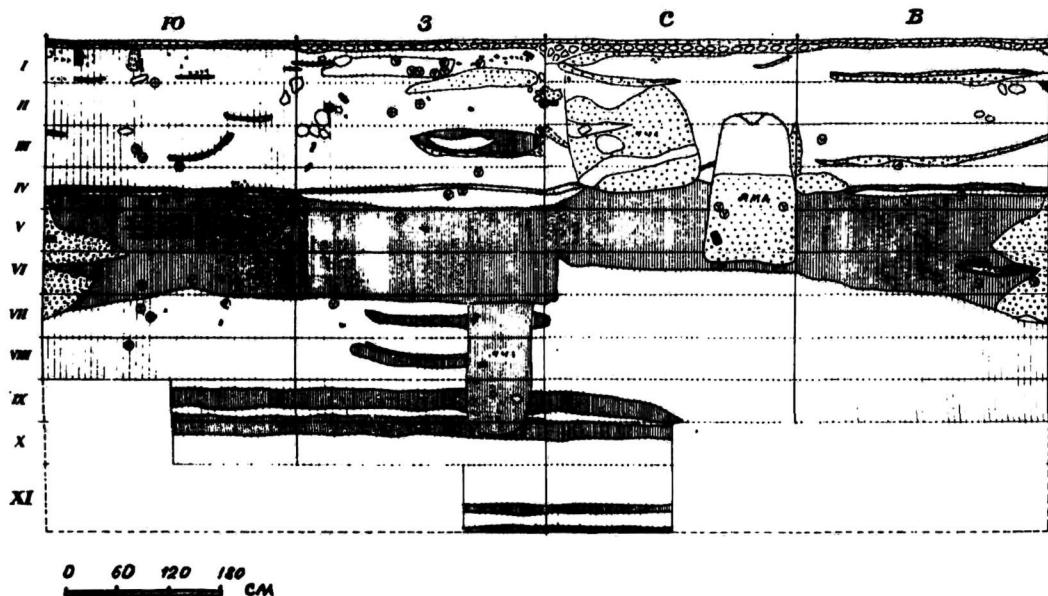

Табл. 6

Шурф №17

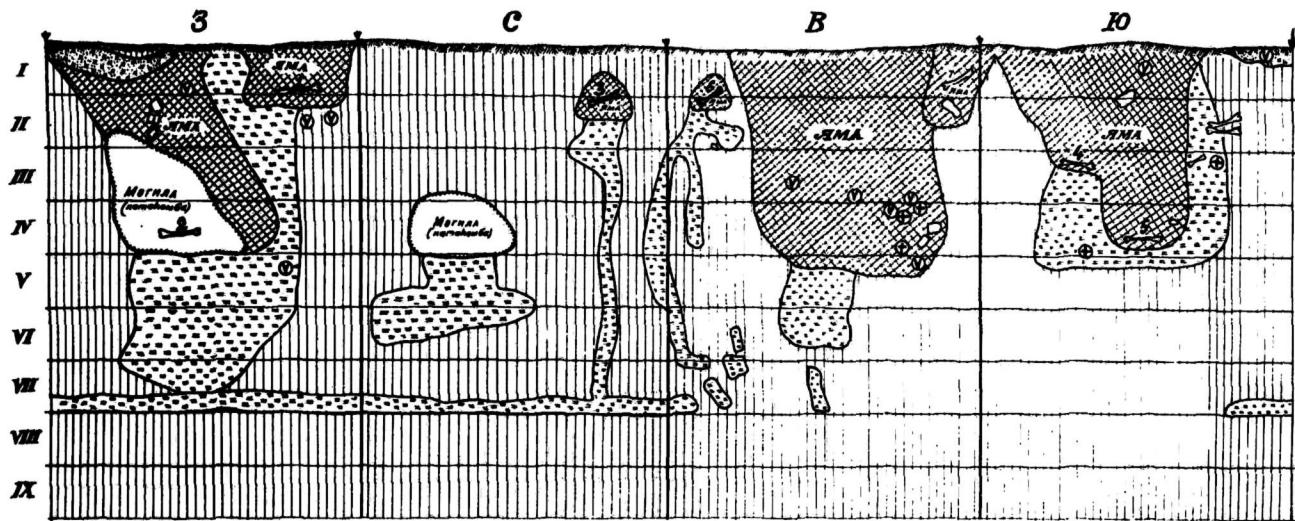

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Лесс
- Гумусовый слой
- Золник
- Немощеный слой
- Песок
- Обработанная земля
- Современная поверхность (орешек)
- Керамика
- Кости
- Дерево
- Галька, камни
- Железные кирпичи и гвозди
- Кирпич

Табл. 7

Шурф №18

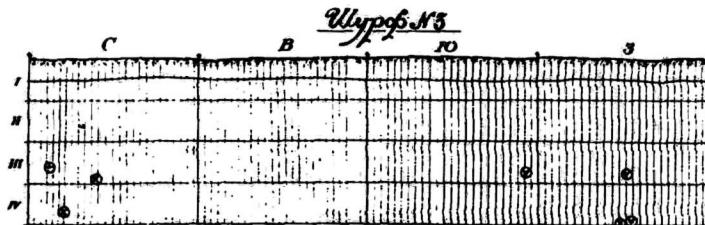
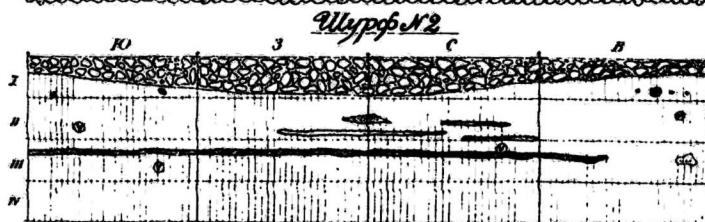
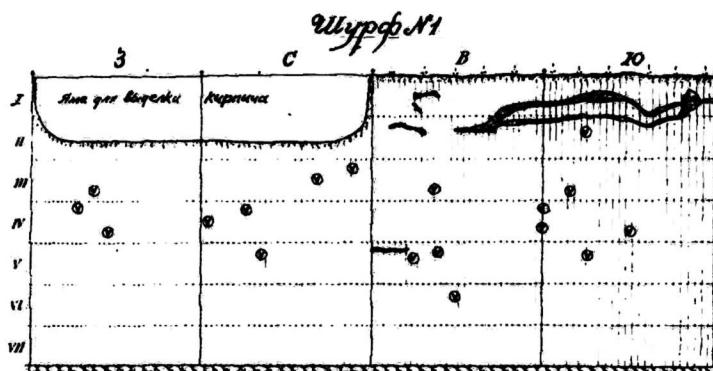
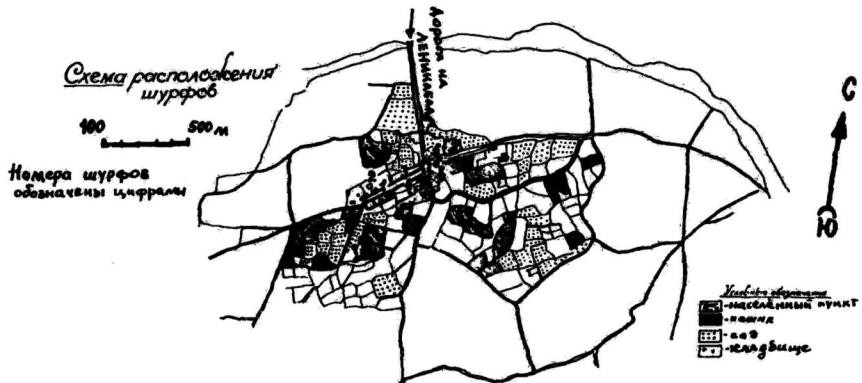

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

[Hatched Box] - Лесс	[White Box] - Современная почва	[Circle with dot] - фрагменты керамики
[Stippled Box] - Рыхлые лессовые заполнения ям	[Line with arrow] - Сбросовые захоронения человеческих костей	[Square with diagonal line] - Сирробные кирпичи и их обломки
[Cross-hatched Box] - Намёточный слой	[Spoon-like symbol] - Крупные кости	[Diamond with dot] - камни
[Zigzag Box] - Золник	[Circle with dot] - Мелкие кости	

0 60 120 CM

Табл. 8

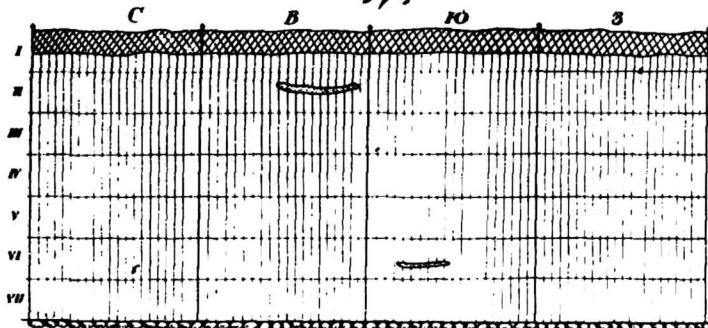
Условные обозначения:

Лес	Образование почвы	Сланцы супеси
Верхний слой	Береговая линия	Грунт
Сланцы / глины	Залежь	Мелкие битумы
Гравий		

0 100 м

Табл. 3

Шурф №4

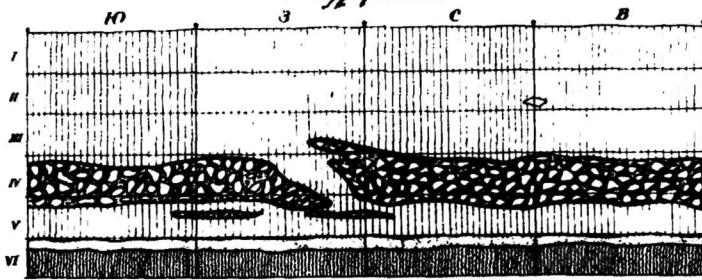
Шурф №5

Основные обозначения

- Сорбентный слой
- ▨ Лессовая платформа
- Сборгевшая земля
- ▢ Уоли
- ▨ Гумусовый слой
- ▨ Песок
- ▨ Лесс
- ▨ Залывник
- ▨ Супесь
- ▨ Галька
- ▨ Галька с песком
- Керамика
- Мелкие кости
- ▨ Грунты

Шурф №6

Масштаб

Шурф №7

0 20 140 м

Табл. 10

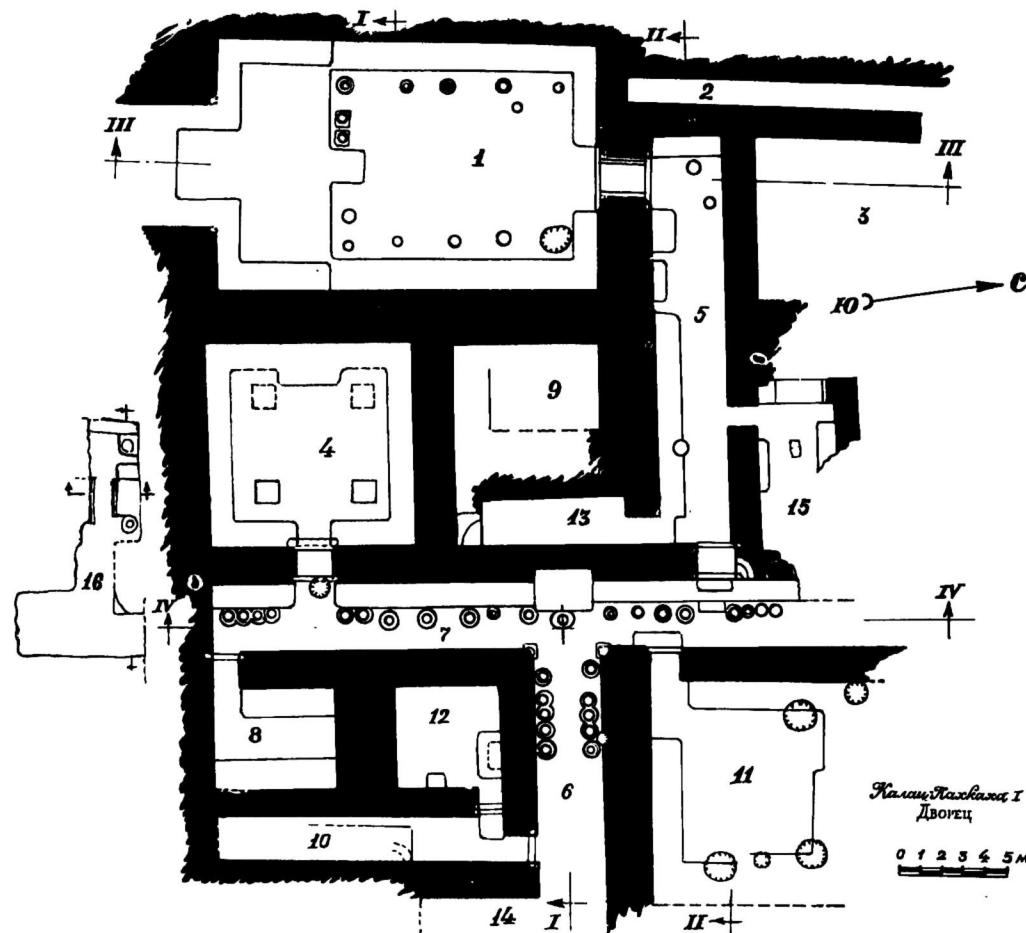

Табл. 11

Каланчохан I
Дворец

0 1 2 3 4 5 м

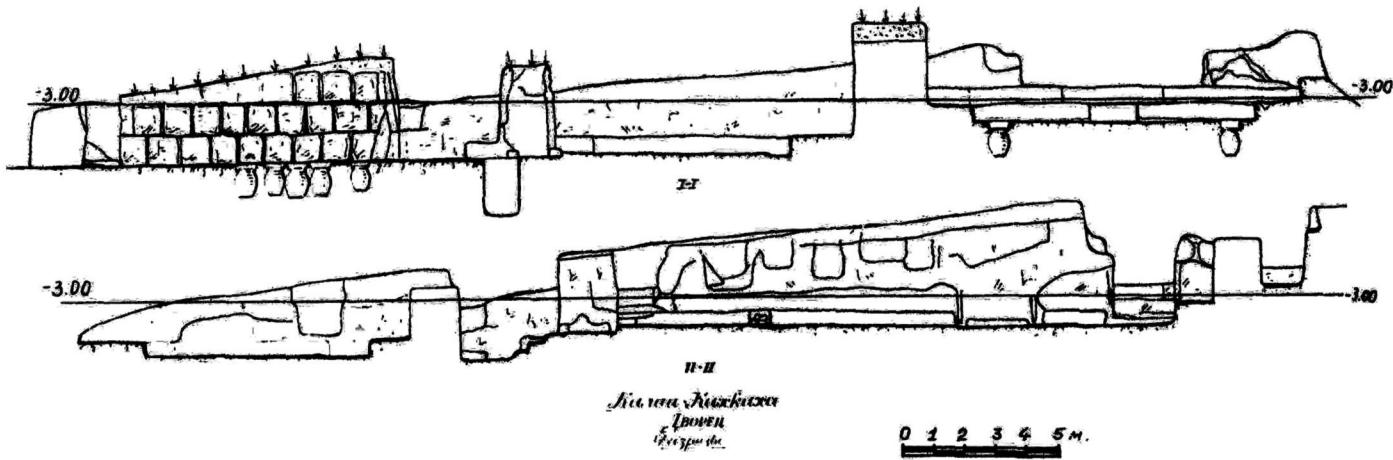

Табл. 12

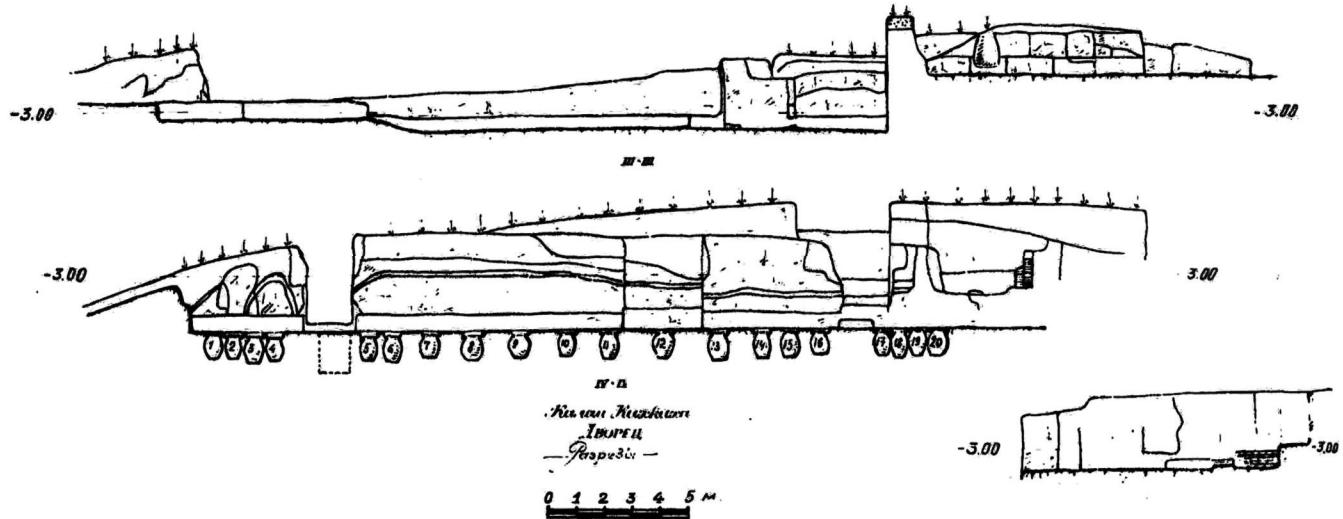

Табл. 13

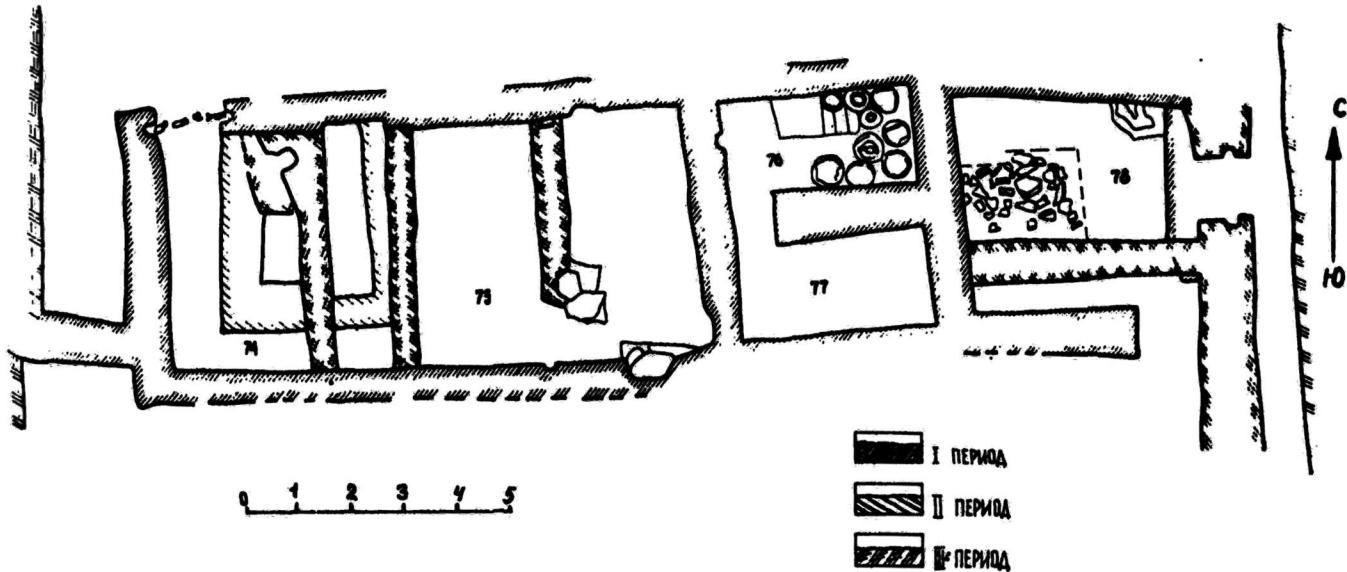

Табл. 14

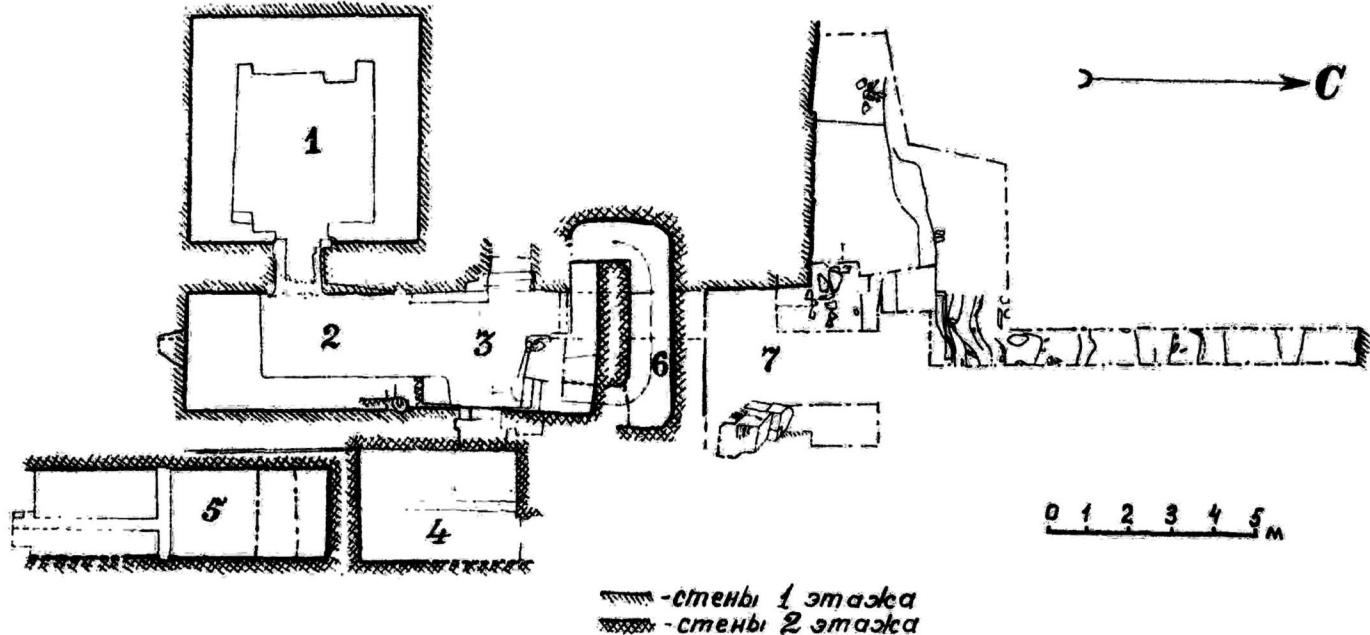

Табл. 15

Табл. 16

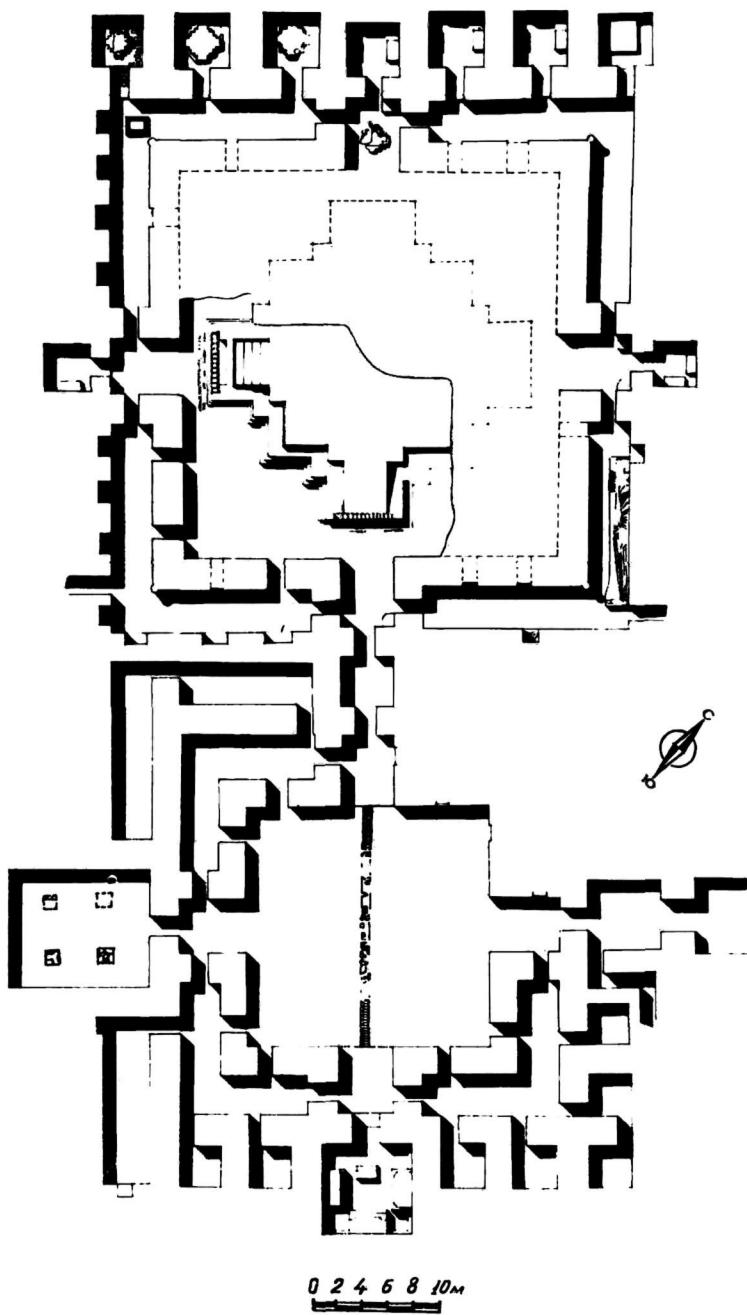

Табл. 17

Табл. 13

ПЛАН АДЖИНА-ТЕПА /С ЭЛЕМЕНТАМИ РЕКОНСТРУКЦИИ/

0 2 4 6 8 10м

Табл. 19

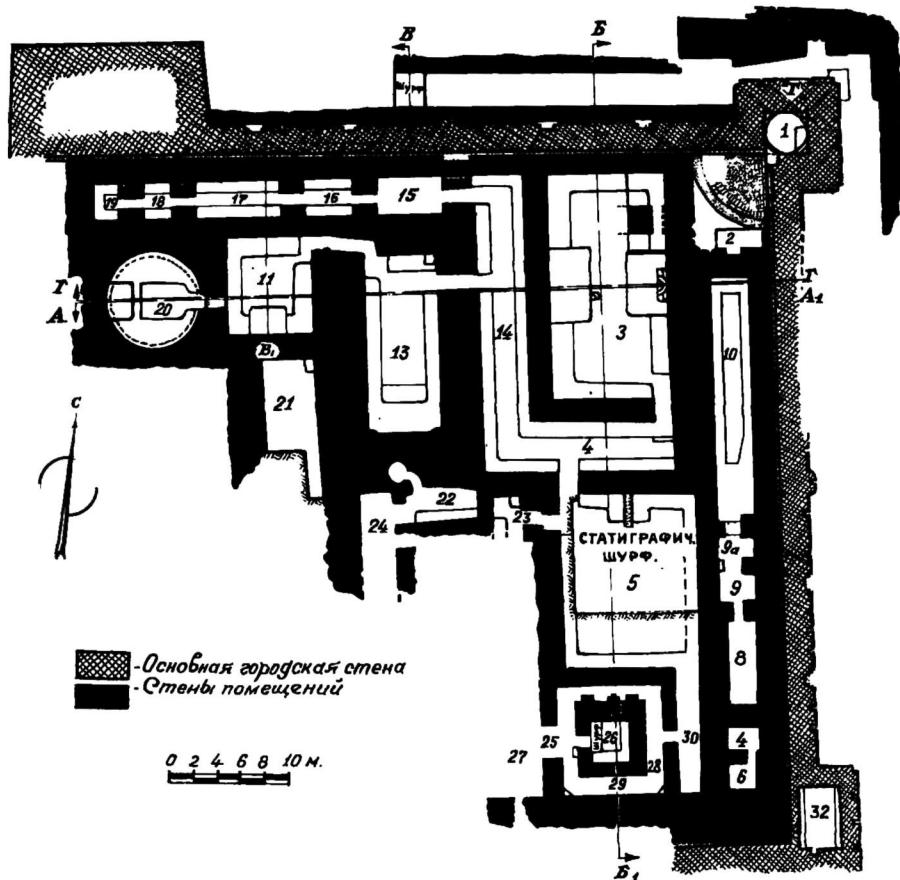
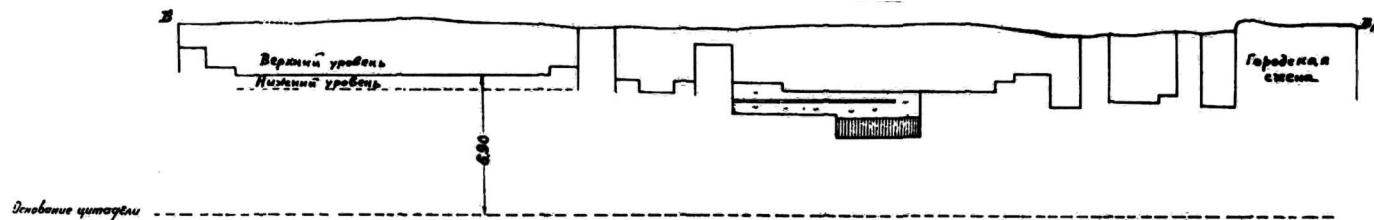

Табл. 20

Разрез по линии Б-Б

Условные обозначения:

- [Symbol] Древесина
- [Symbol] Кирпич
- [Symbol] Каменнометаллический слой
- [Symbol] Толстая брусья

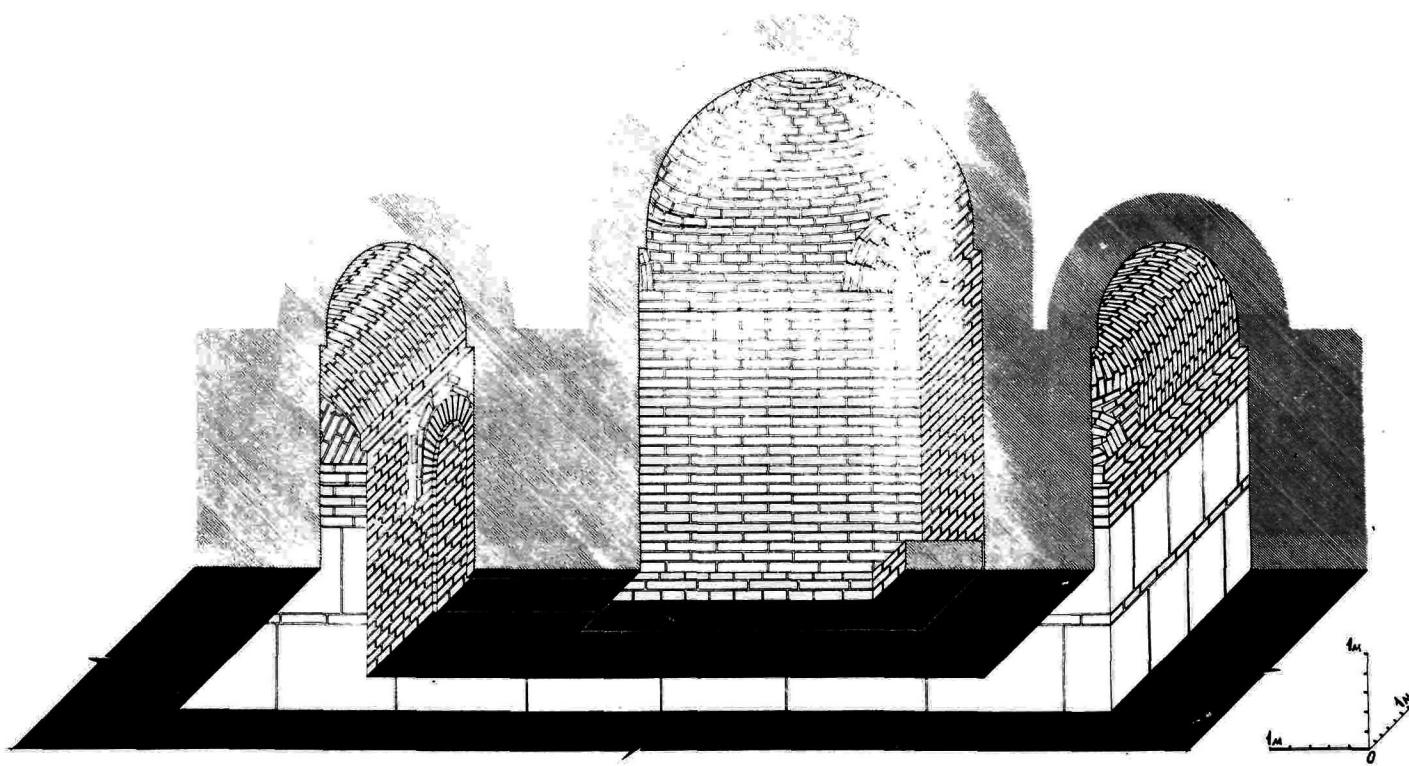
Табл. 21

**Колхозabad
КАФЫР-КАЛА**
разрезы помещений Цитадели

**Колхозabad
КАФЫР-КАЛА**
разрезы помещений Цитадели

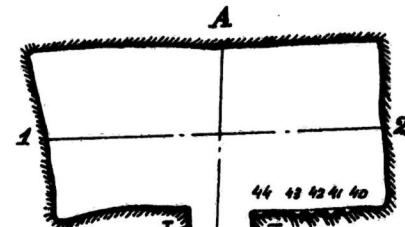
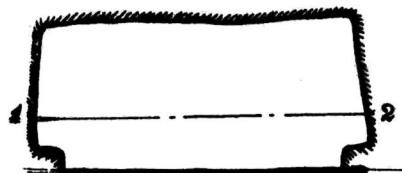
Табл. 22

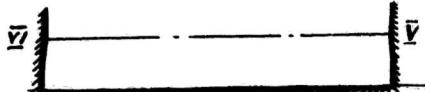
Кафыр-Кала святилище и обиходная галерея
реконструкция

Табл. 23

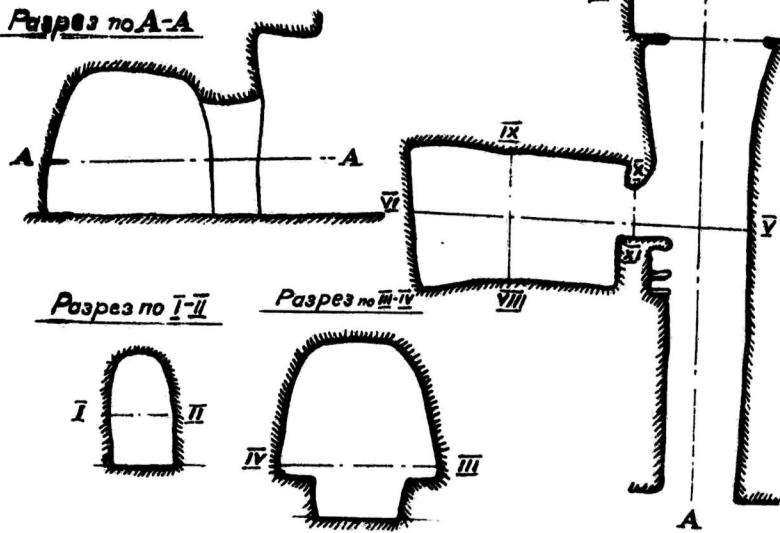
Разрез по 1-2

Разрез по V-VI

Разрез по А-А

Разрез по VIII-IX

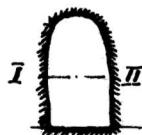
Разрез по XI-X

Разрез по XII-XIII

Разрез по I-II

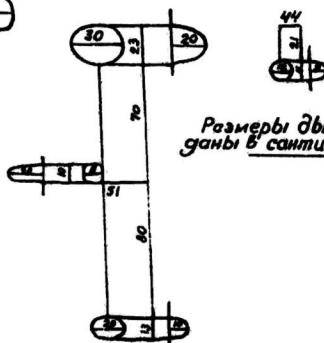
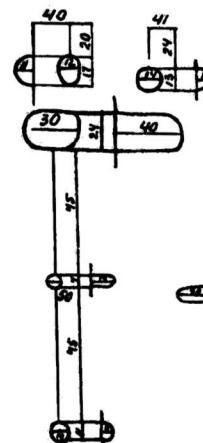
Разрез по III-IV

0 1 2 3 4 м

Табл. 24

Размеры дырок
даны в сантиметрах

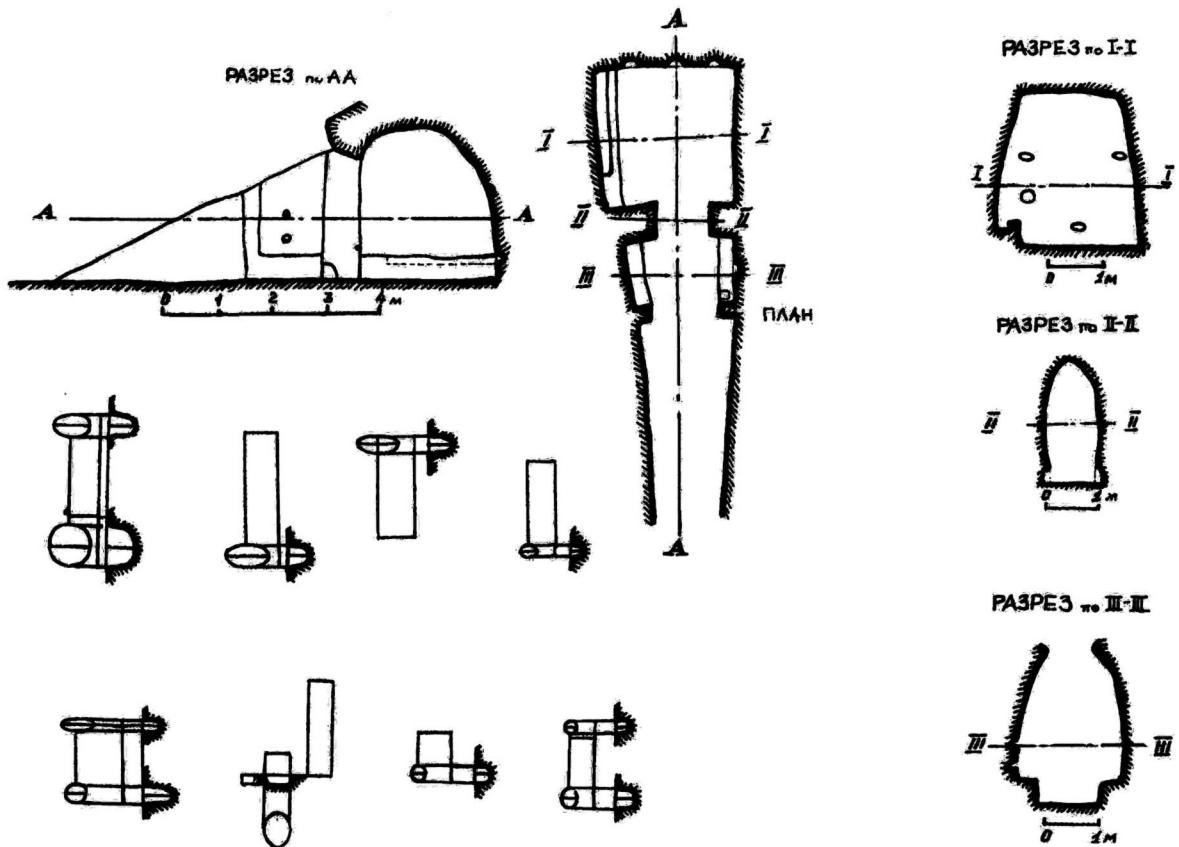

Табл. 25

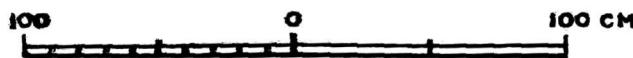
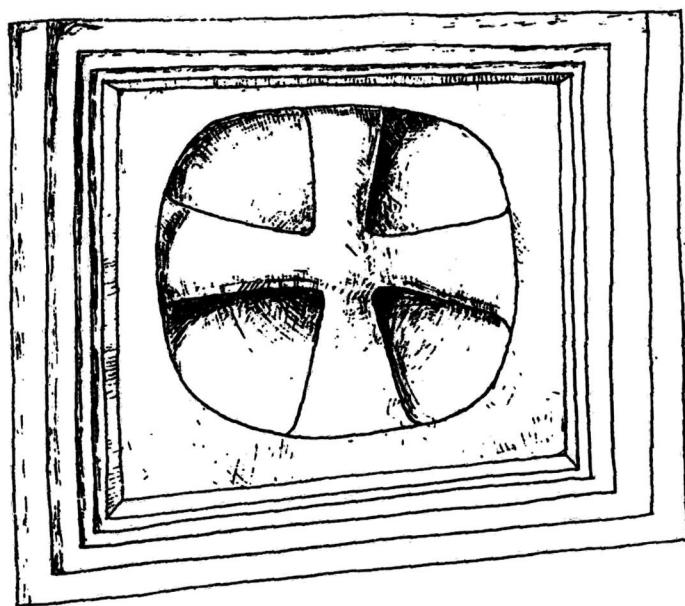
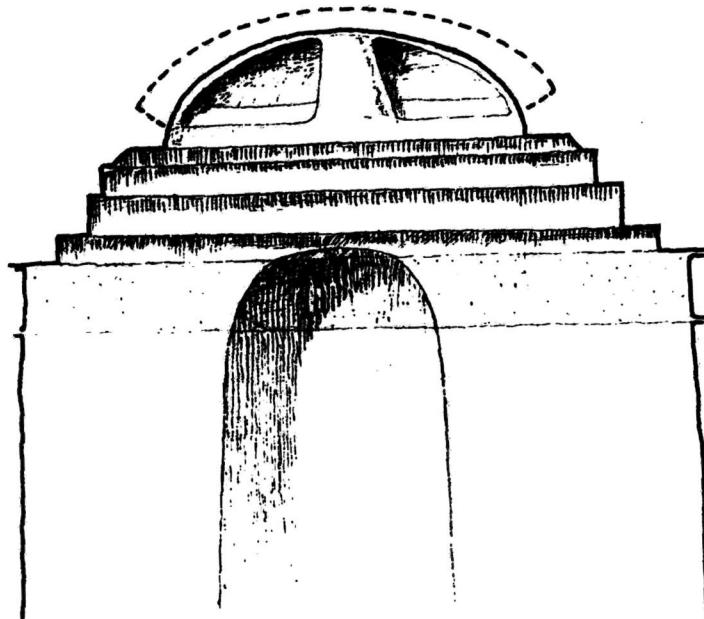

Табл. 26

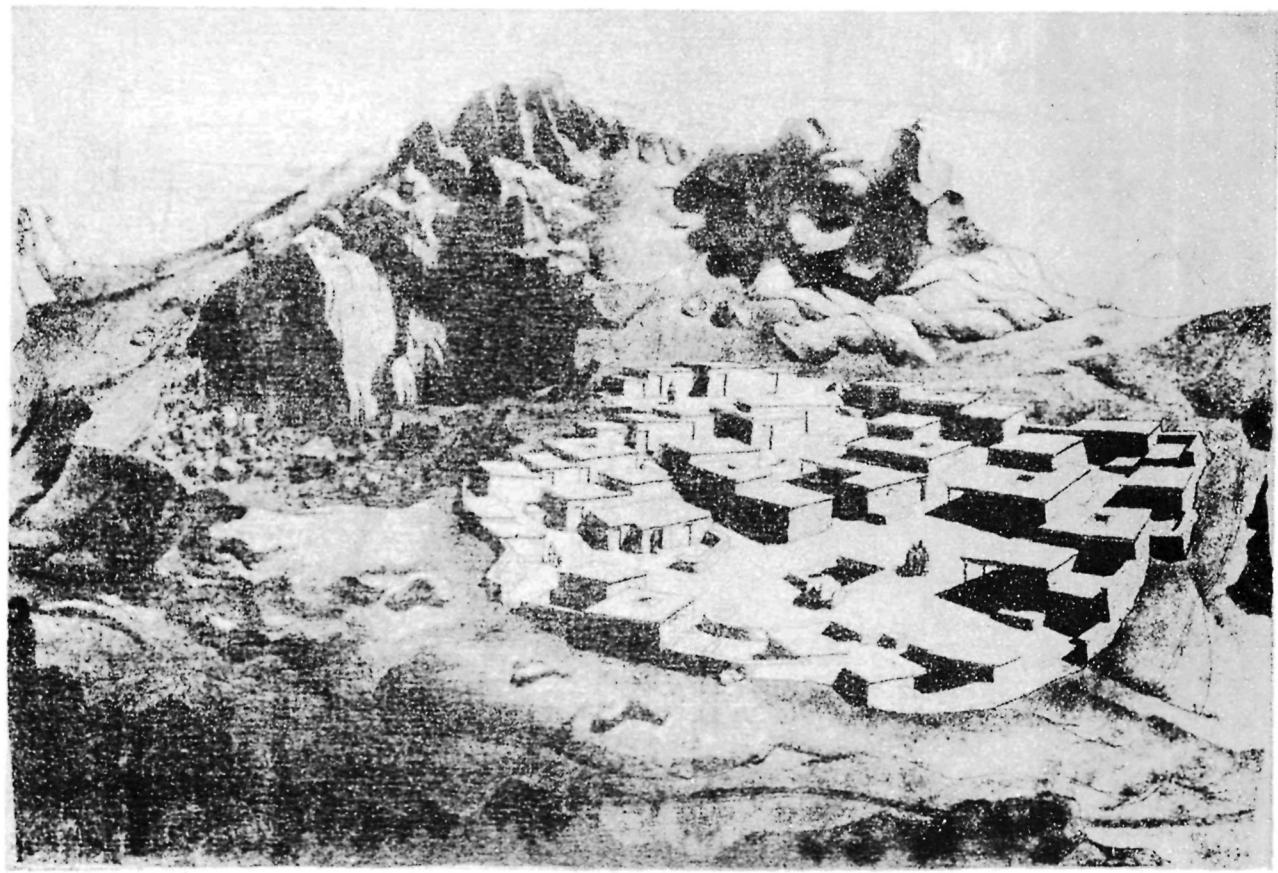
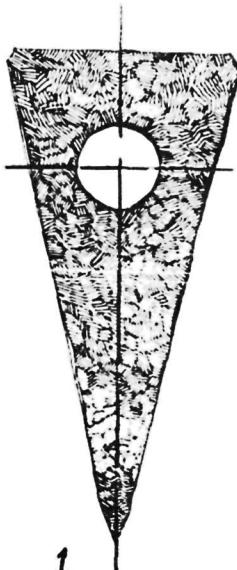
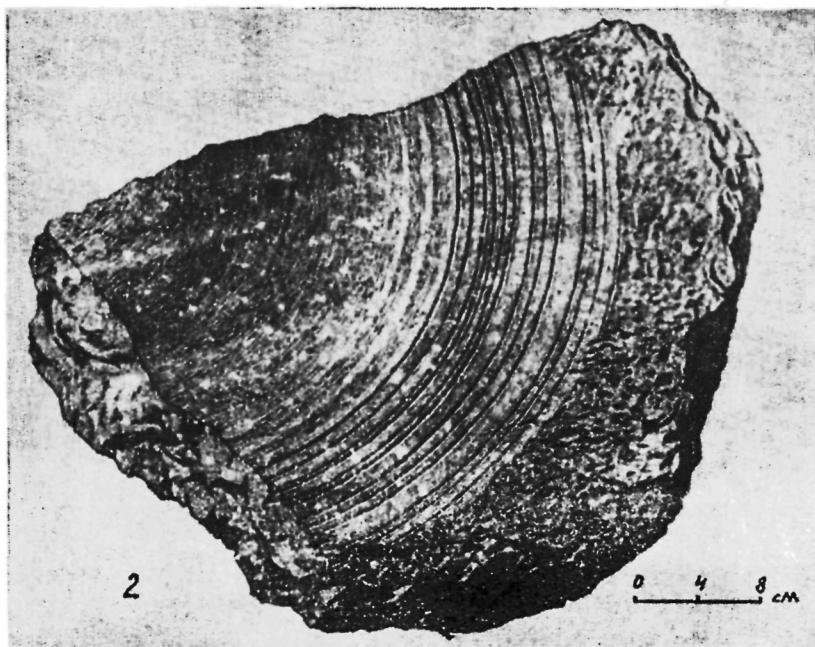

Fig. 27

0 1 2 см

0 4 8 см

Табл. 28

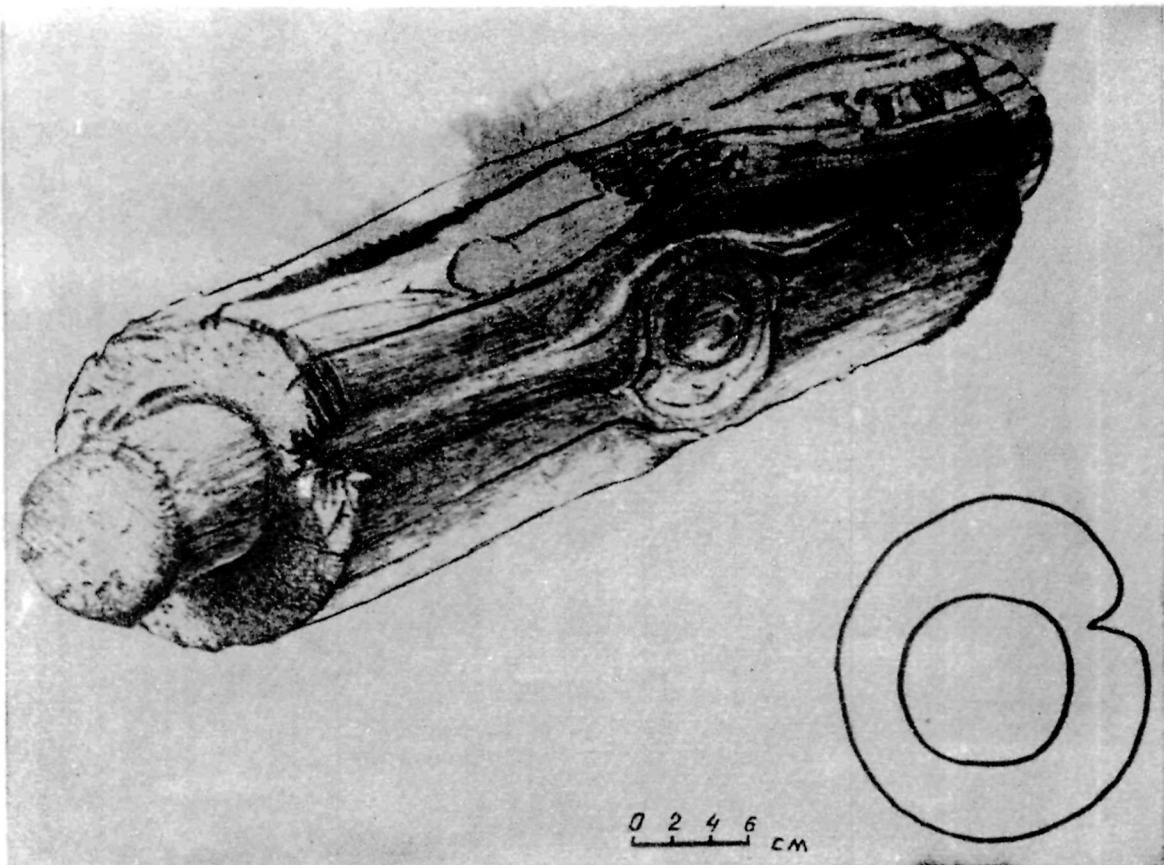

Табл. 29

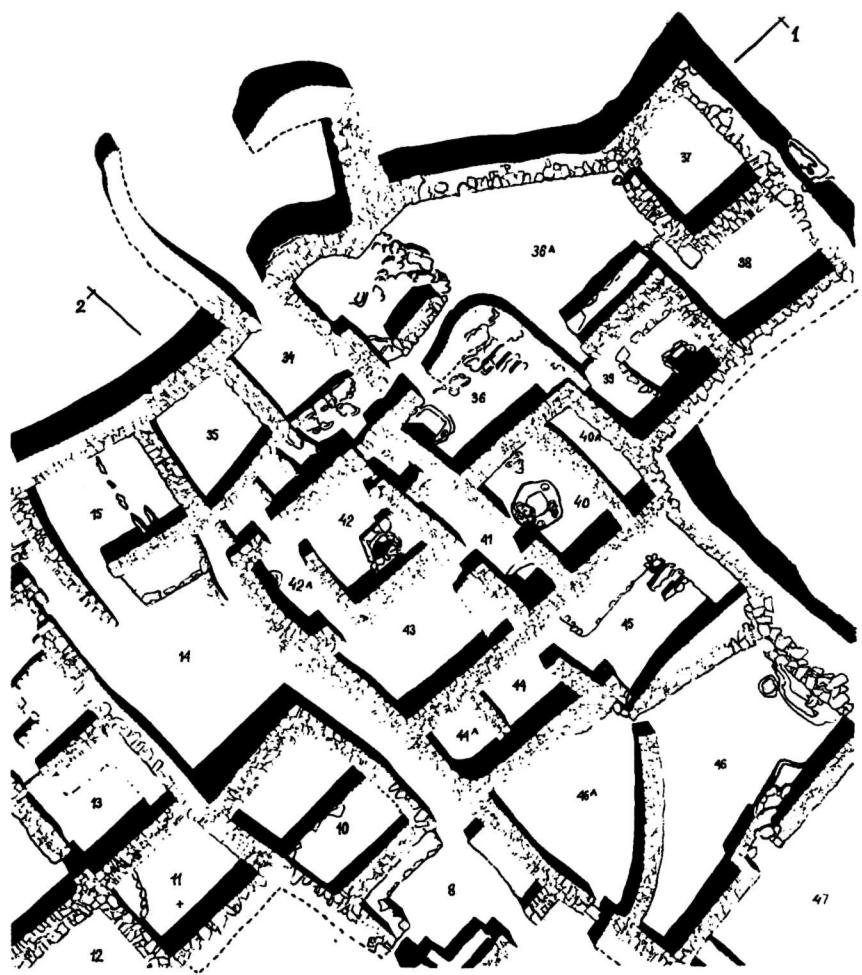

Табл. 30

**СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН МАДРАСАИ КУХНА
И РАСПОЛОЖЕНИЕ ШУРФОВ**

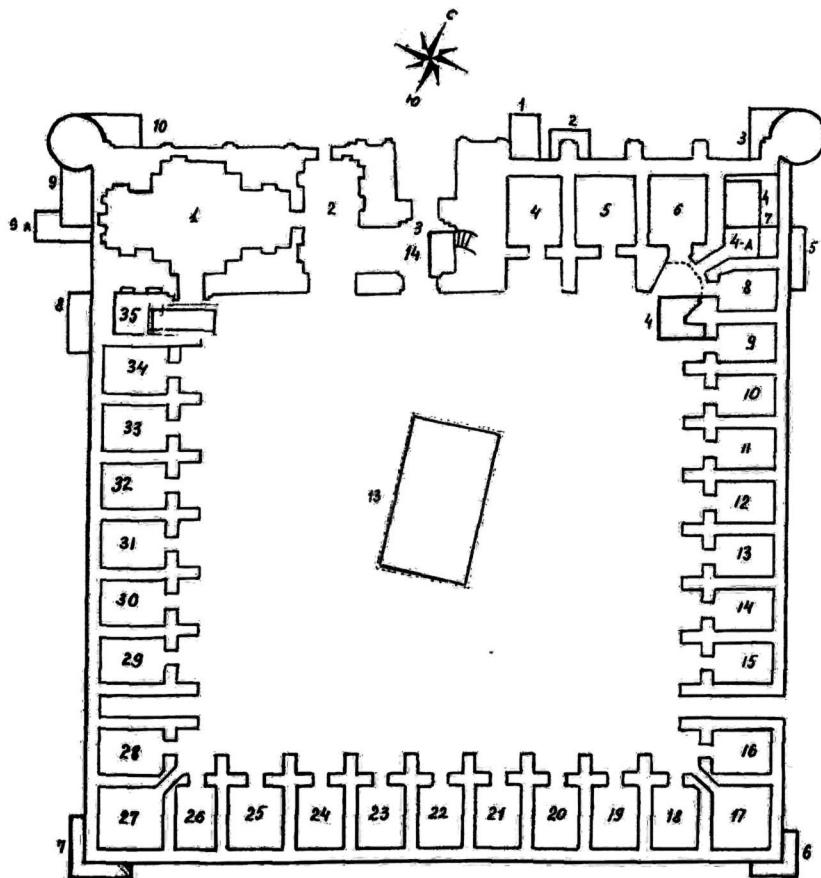

Табл. 31

ШУРФ 13

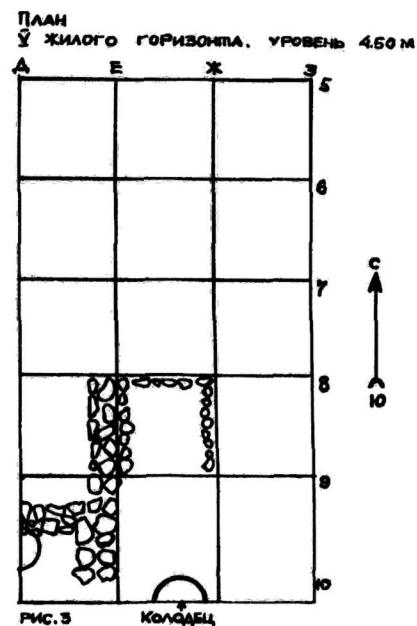
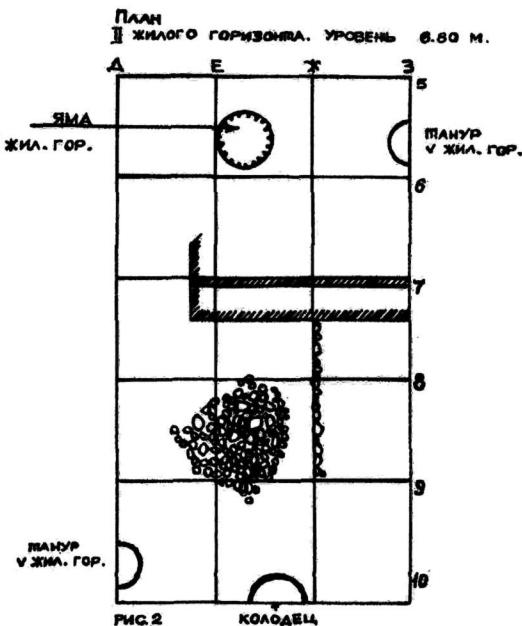
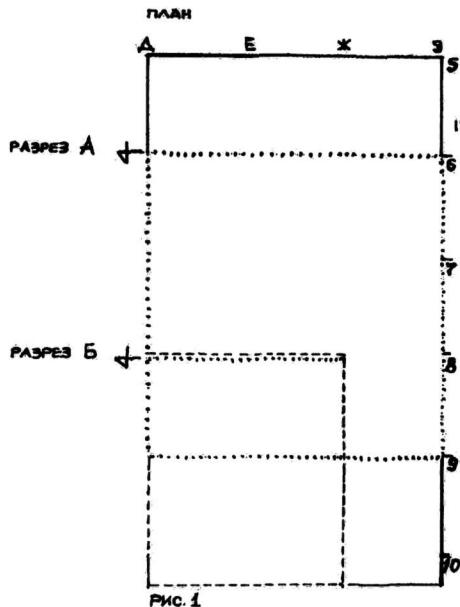
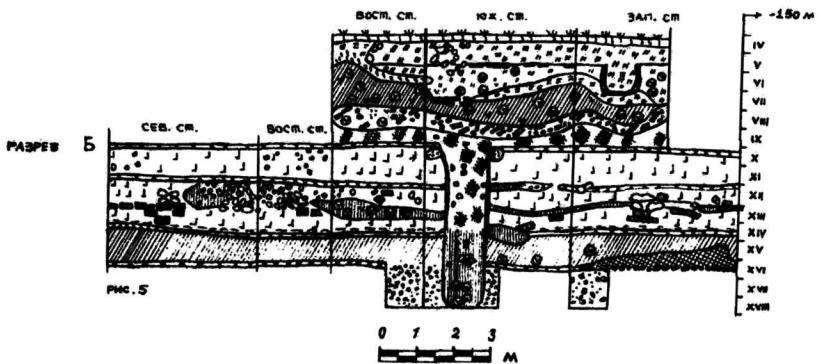
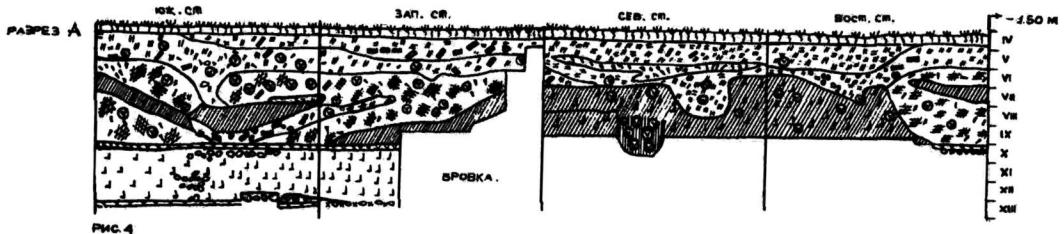

Табл. 32

1-ДРЕНОВАЯ ПРОСЛОЙКА. 2-РЫХЛАЯ ПРОСЛОЙКА СО СПРОКИЛЬНЫМИ ОСВАЛКАМИ. 3-СЕРИЯ РЫХЛАЯ ПРОСЛОЙКА С КРУПНИКАМИ ГАНЧА.
4-УГОЛЬ. 5-ЛЕСС СО СПРОКИЛЬНЫМИ ОСВАЛКАМИ. 6-УВРАБОВАННАЯ ГЛИНСВЯЯ ПРОСЛОЙКА. 7-ГЛИНСТЯЯ ЗАБУБОВКА ИЗ КАМНЯ,
ГЛАЗУНОКИ ПЕСКА. 8-КИРТИЧНЫЙ ЗАГАЛ(СЫРЦОВЫЙ) В РАЗРЕЗЕ. 9-КАМНИ. ОВЛОГИ ЖЖЕННОГО КИРТИЧА В РАЗРЕЗЕ. 10-КАДДА ИЗ
СЫРЦА В РАЗРЕЗЕ. 11-ЖИЛЫ ГОРНОВОГО. 12-ФРАГМЕНТ КИРТИЧКИ. 13-КОСТИ. 14-ГУМУСОВАЯ ПРОСЛОЙКА. 15-НАЛЕЧНЫЙ СЛОЙ.

Табл. 33

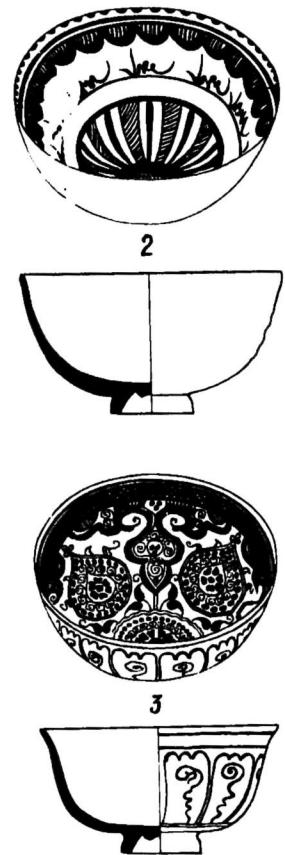
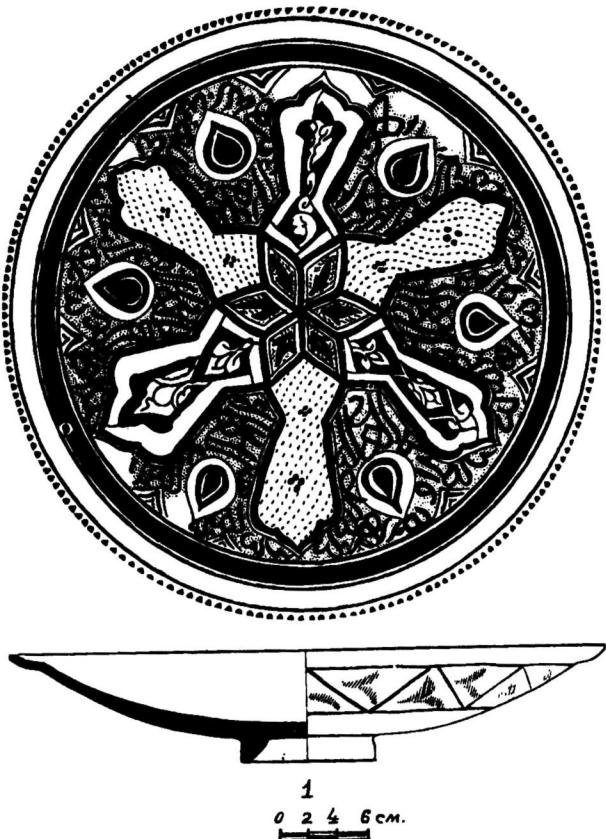

Табл. 34

ПЛАН. МАДРАСАИ НАВ

1 ЭТАЖ

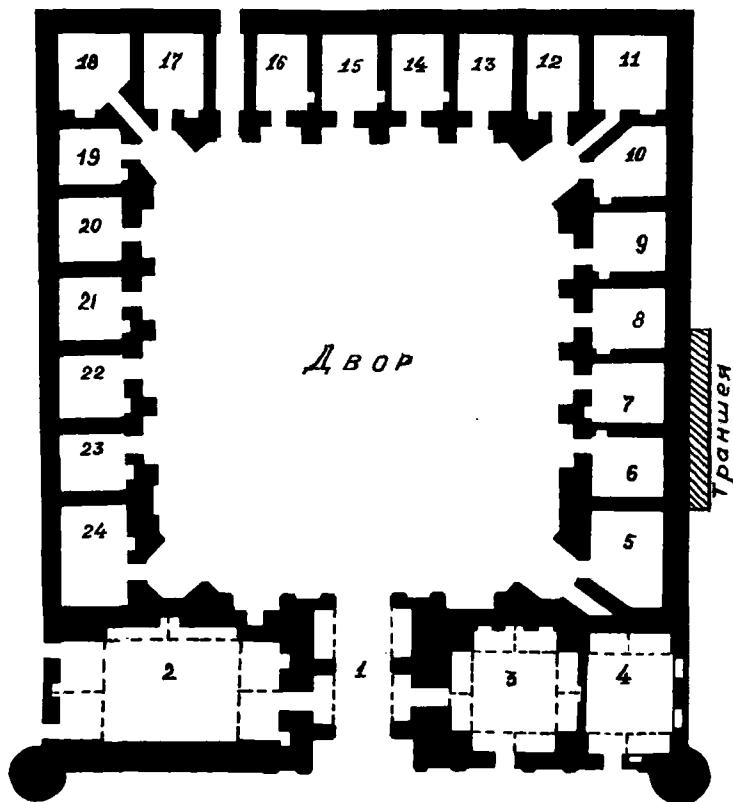

Табл. 35

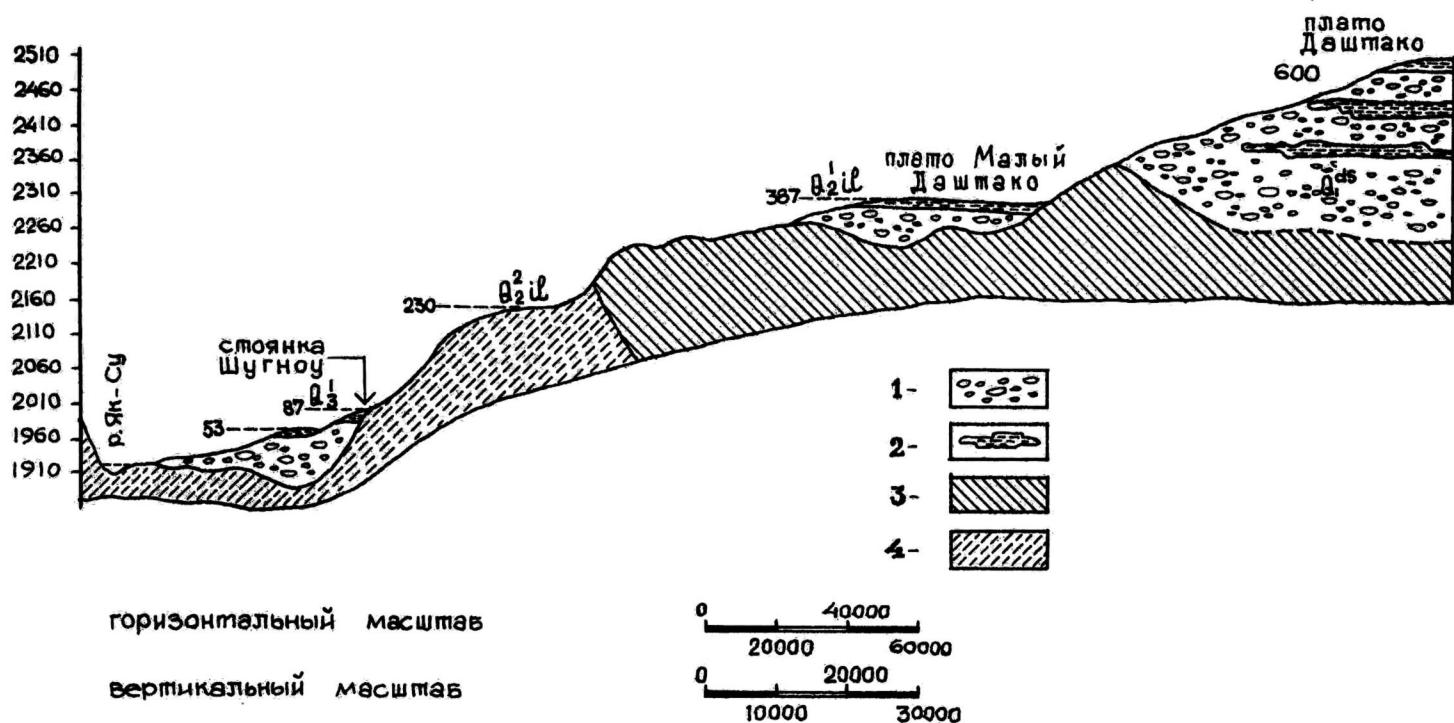
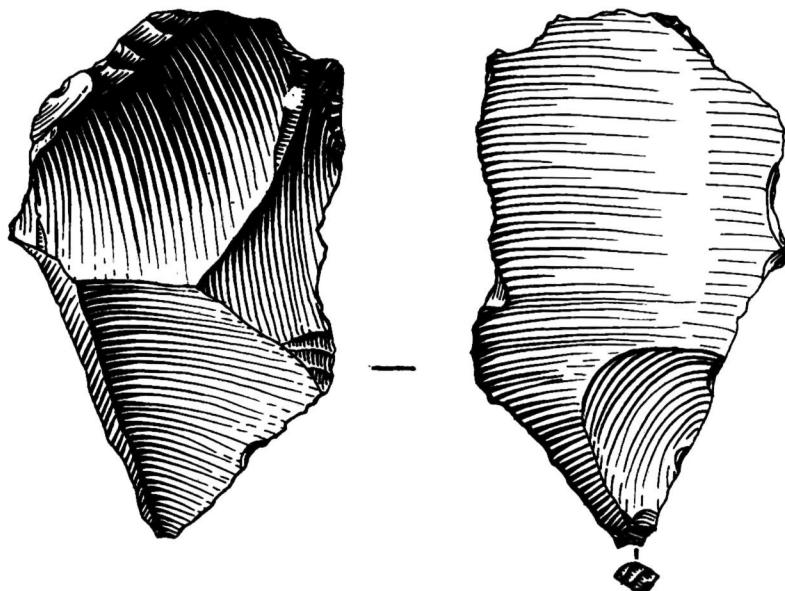
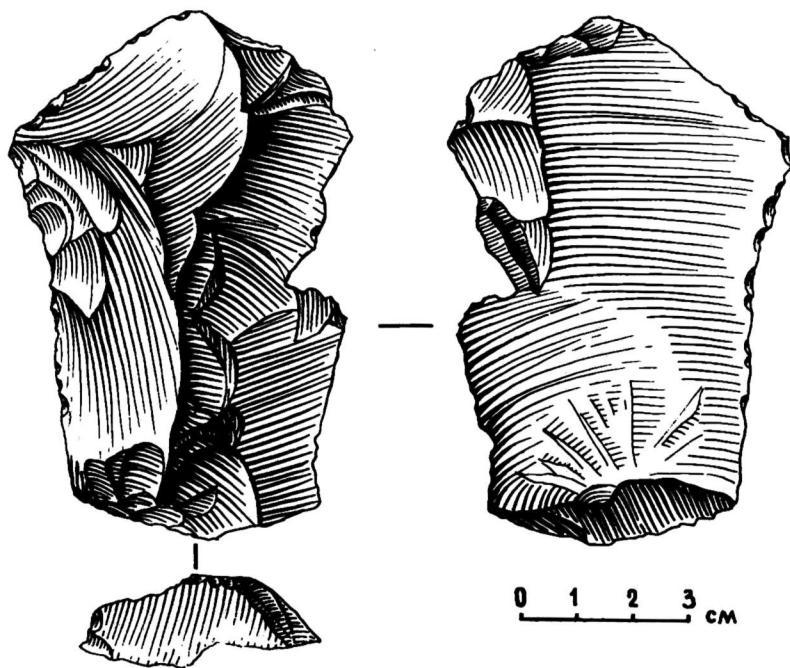

Табл. 36

1

2

0 1 2 3 см

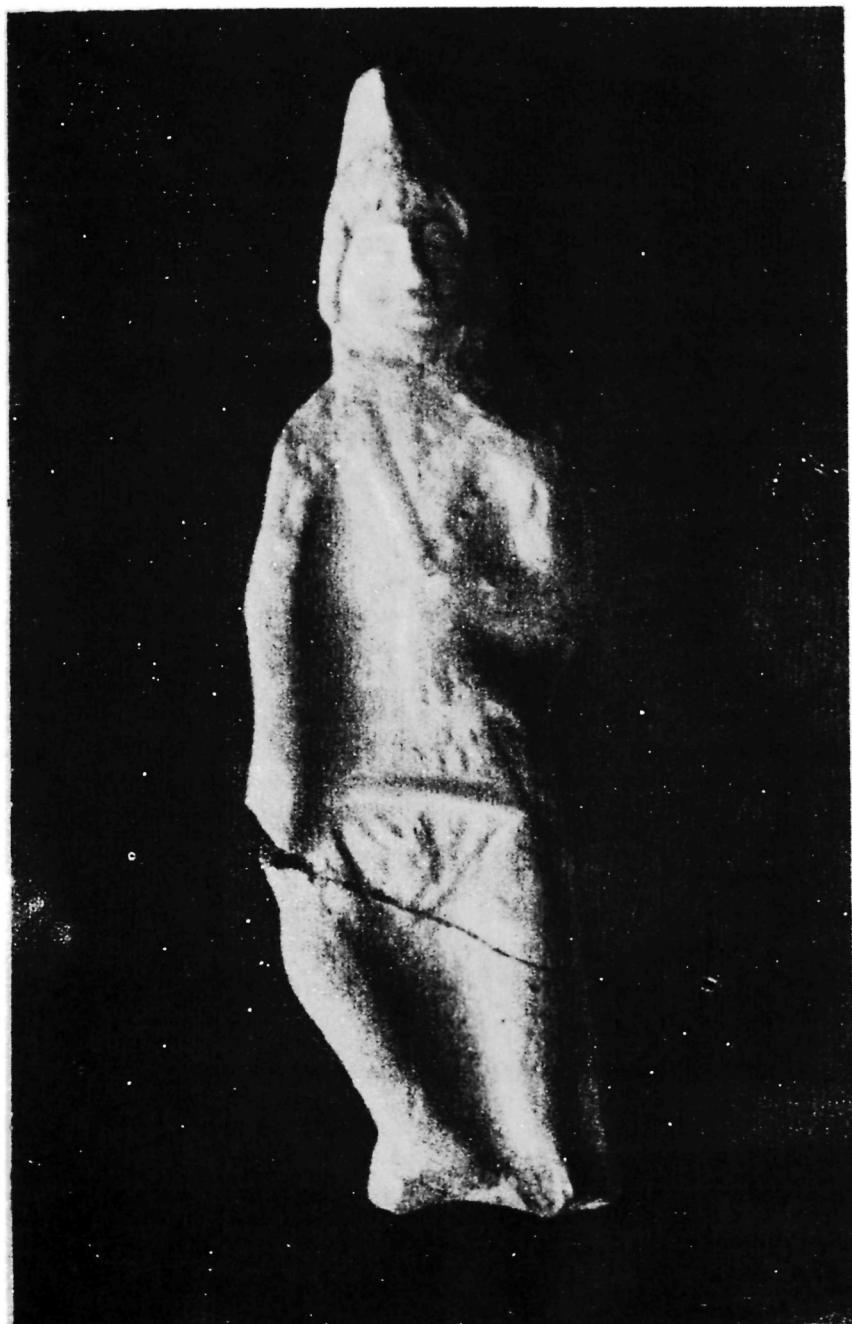
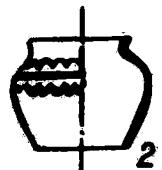
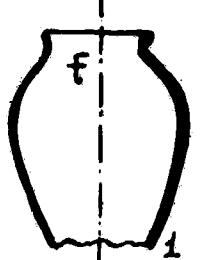

Табл. 38

0 50 см

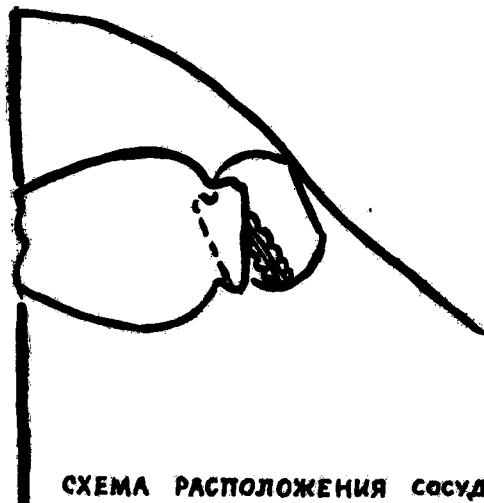

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ СОСУДОВ

Табл. 39

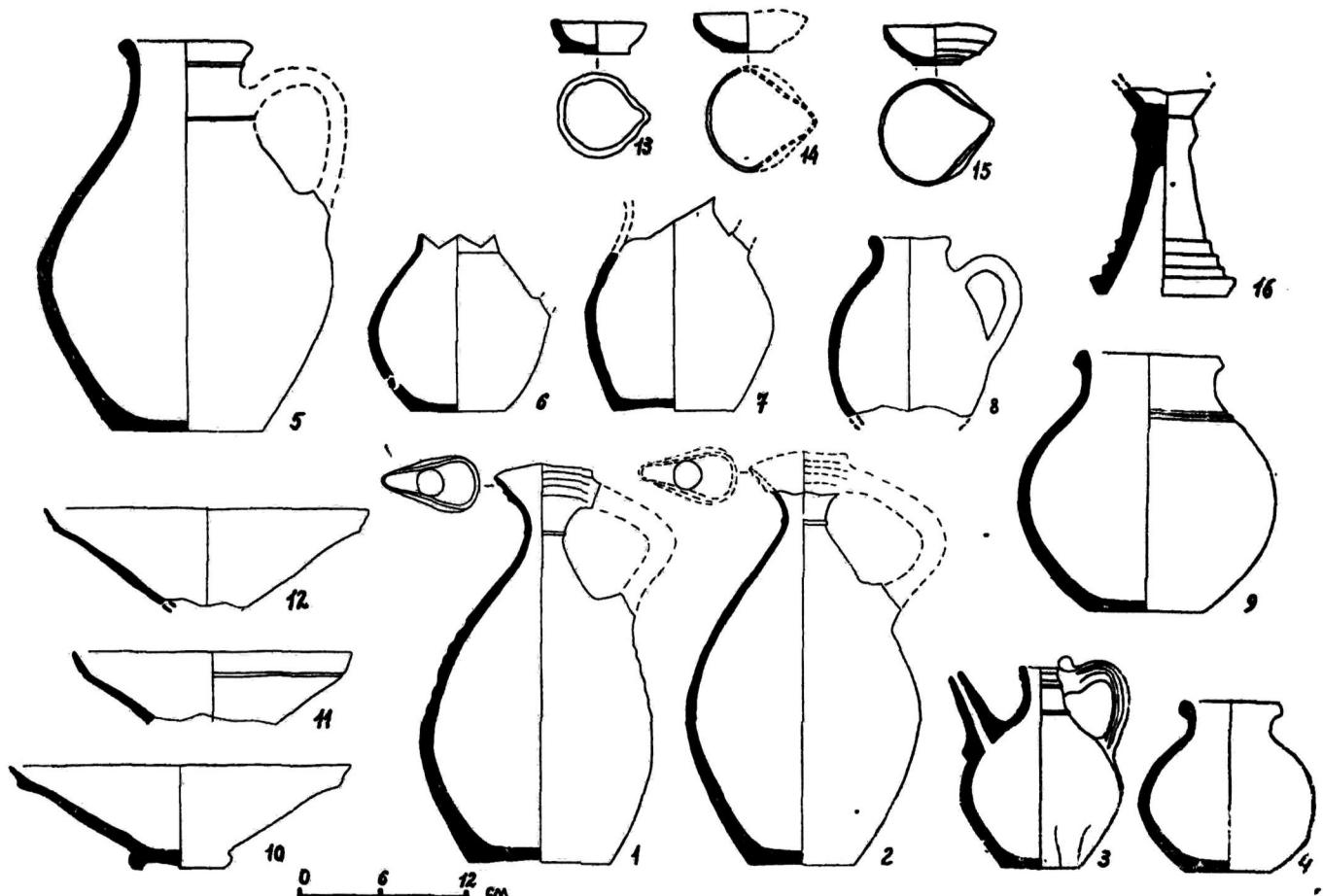

Табл. 40

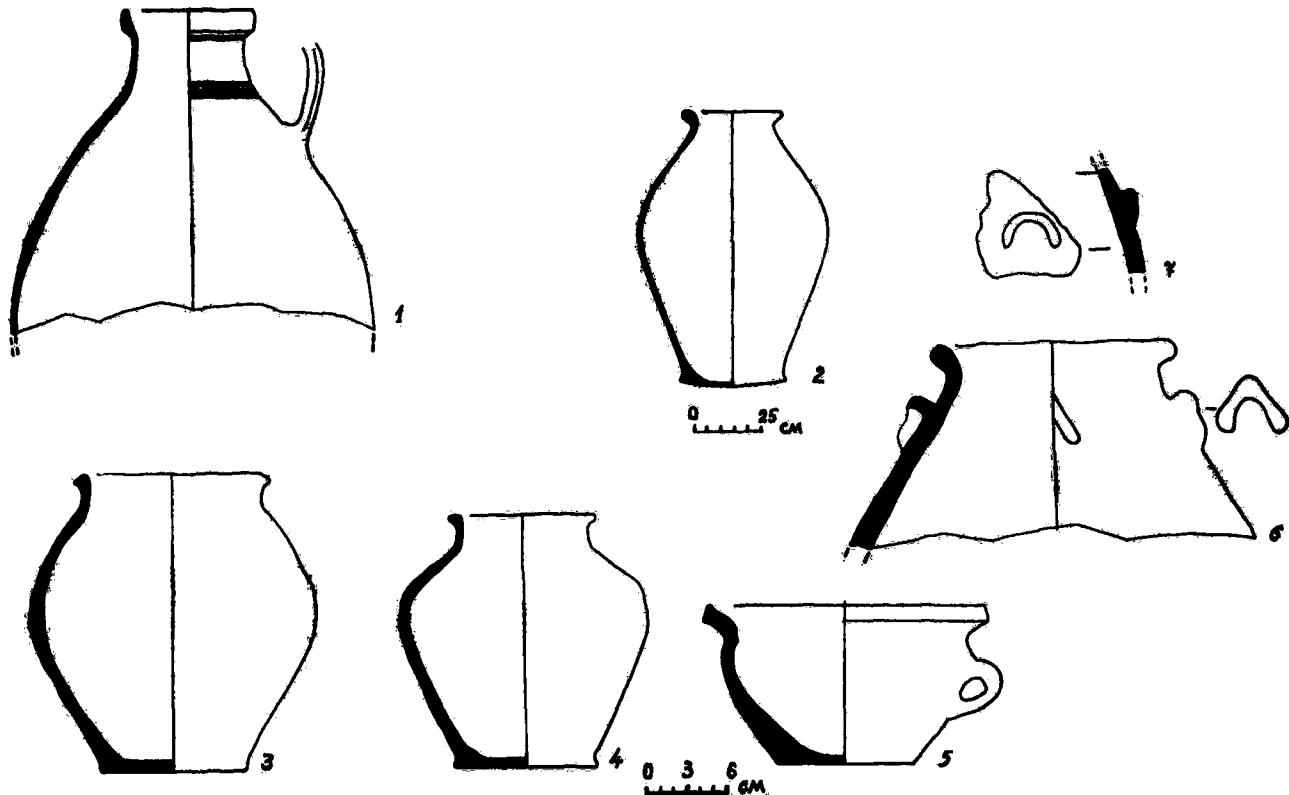

Табл. 41

С о д е р ж а н и е

а. Статьи

<u>Б.А.Литвинский</u> , Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы)	5
<u>В.А.Ранов</u> , Шугау - многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р.Яксу (раскопки 1969-1970 гг.)	42
<u>А.Х.Дусупов</u> , В.С.Соловьев, Новые археологические открытия в Яванской долине.	62
<u>Н.Н.Негматов</u> , Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г.	79
<u>А.М.Беденицкий</u> , Раскопки на городище Древнего Пенджикента (1970 г.). Приложение: Краткая хроника археологических работ на городище Древнего Пенджикента за 1932-1969 гг.	106
<u>В.И.Распопова</u> , Отчет о раскопках XVI объекта города Древнего Пенджикента в 1970 г.	119
<u>Б.А.Литвинский</u> , Т.И.Зеймаль, Раскопки на Аджина-Тепе и Кафыр-Кале в 1970 г.	130
<u>Б.А.Литвинский</u> , Е.П.Денисов, Будийская часовня на Кафыр-Кале.	145
<u>С.Якубов</u> , О раскопках в Куме в 1970 г.	165
<u>Т.М.Атаханов</u> , С.Г.Хмельницкий, О работе Шартузского археологического отряда в 1968-1970 гг.	172
<u>М.А.Бубнова</u> , Изучение памятников, связанных с горным промыслом, на территории Таджикистана в 1970 г.	187
<u>Э.Гулямова</u> , Раскопки у селения Саят (Пархарский район)	205
<u>Т.М.Атаханов</u> , О работе Гиссарского отряда в 1969-1970 гг.	228
<u>Л.П.Новикова</u> , Работа реставрационно-технологической лаборатории.	239
<u>Е.А.Давидович</u> , Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г.	249
 б. Хроникальные заметки	
<u>Б.А.Куков</u> , Результаты разведки на плато Сагыр-Ахун (Малое Даргако)	285

<u>Е.Д.Салтовская</u> , О могильнике Хазина-хонс.	288
<u>Н.Н.Негматов</u> , Терракотовая статуэтка воина из Регарского района.	291
<u>Л.Т.Самойлик</u> , Погребения в хунах у селений Паши и Расравут.	293
<u>В.С.Соловьев</u> , Керамика Кафыр-Калы (раскопки 1969-1970 гг.)	295

в. Указатель

<u>С.И.Исмаилова</u> , <u>Л.Т.Лынникова</u> , Указатель к сборникам "Археологические работы в Таджикистане", выл. I-IX.	307
Список библиографических сокращений.	318
Список таблиц	319
Таблицы	321